

●orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia et Classica**
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue VII

Political culture
of ancient Japan

Moscow
2006

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia et Classica**
Труды Института
восточных культур и античности

Выпуск VII

**Политическая культура
древней Японии**

Москва
2006

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Я)4-3
П50

**Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности.
Выпуск VII**

Под редакцией А. Н. Мецзякова

Политическая культура древней Японии

ISBN 5-7281-0572-6

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2006
© Институт восточных культур
и античности, 2006
© Коллектив авторов, 2006

Предисловие

Ввиду различных обстоятельств отечественное японоведение пошло своим путем. В особенности это касается изучения древней Японии. Его нынешние основы были заложены в позднесоветское время, когда некоторые склонные к самостоятельным размышлениям люди искали применения своим наклонностям. В силу обстоятельств, которые имеют к науке лишь опосредованное отношения, они нашли выход в изучении древней Японии. Ее истории, литературе, культуре. Эти материи были настолько далеки от тогдашнего идеологического и научного мейнстрима, что никто из сильных мира того времени не обращал на них особого внимания, что вполне отвечало чаяниям и самих исследователей, ибо они получили возможность не лгать. Этот эскапизм оказался плодотворным, исследователям удалось опубликовать немало полезных работ, переводов и даже передать свой интерес следующему поколению ученых. Результатом этой многолетней работы и является предлагаемый вниманию читателя сборник. Такой работы еще никогда и нигде опубликовано не было. Это касается как отечественного, так и западного японоведения. Разумеется, я не имею дерзости говорить о самой Японии.

Последние десятилетия западного (в особенности, американского) японоведения принесли немало блестящих результатов. Однако древних штудий они коснулись в гораздо меньшей степени. Общая установка на то, что нынешний человек живет *here and now*, в этом времени и пространстве, сказала и на японистике. К сожалению, это не могло не отразиться на глубине осмысления более современных реалий. Так получилось, что отечественная японистика, отставая от мировой почти по всем направлениям, оказалась в области древней истории и культуры на весьма достойном уровне. Такое положение можно счесть за случайность, но эту случайность следует ценить и беречь.

В сборнике представлены самые различные аспекты жизни древней Японии. Это и переводы важнейших памятников (официальная летопись «Сёку нихонги», история могуществен-

ного рода Фудзивара «Кадэн», докладная записка Миёси Киёюки), и размышления о древнеяпонской литературе (Л. М. Ермакова и М. В. Торопыгина), и анализ особенностей устройства верховной власти (А. Н. Мещеряков). Представленные на суд читателя работы создают многомерное пространство, в котором формировалась японская государственность. На ней сильно сказывалось китайское влияние, но она все равно оставалась японской. В результате читатель получает весьма полную картину политической культуры древней Японии. Картина весьма интересна и сама по себе, она позволяет судить, как взаимодействуют и притираются друг к другу элементы, имеющие разное происхождение и назначение. В то же самое время и люди, которым ближе по складу мысли современность, также найдут в книге немало полезного. Без понимания того, что происходило в японской древности, совершенно невозможно разобратся и в том, что происходит в Японии нынешней. Потому что культура не умирает, она просто приобретает те формы, которые ей больше нравятся в данный момент.

А. Н. Мещеряков

Хроника «Сёку нихонги». Свиток I¹

Погодная хроника «Сёку нихонги» (797 г.) представляет собой основной источник по истории Японии конца VII–VIII вв.² и содержит самые различные сведения по политической, идеологической, институциональной, социальной, дипломатической и культурной истории этого времени. Как говорит само название («Продолжение анналов Японии»), хроника мыслилась ее составителями как продолжение предыдущего исторического проекта — мифологическо-летописного свода «Нихон сёки» («Анналы Японии»)³.

Текст «Сёку нихонги», составленный, за исключением некоторых японоязычных указов-сэммё, на китайском языке, состоит из 40 свитков и охватывает период девяти правлений с 697 по 791 г. (Момму, 697–707; Гэммэй, 707–715; Гэнсё:, 715–724; Сё:му, 724–749; Ко:кэн, 749–758; Дзюннин, 758–764; Сё:току 764–770; Ко:нин, 770–781; Камму, 781–806). Начало описываемых событий относится ко времени, когда столицей была Фудзивара, в 710 г. двор переезжает в Нара, в 784 г. — в Нагаока. С 794 г. более чем на тысячелетие резиденцией японского «императора» (тэнно:) становится Хэйан (Киото).

Это была важнейшая для становления японской государственности эпоха. Одним из главных факторов, который определял динамику исторического процесса в VIII в., было введение в 701–702 гг. кодекса законов «Тайхо: рицурё:», а в 757 г. «Ё:ро: рицурё:». С помощью этих сводов политическая элита рассчитывала превратить Ямато (прежнее самоназвание государства) в Японию — высокоцентрализованную, мощную и цивилизован-

¹ Предисловие, перевод и комментарии выполнены А. Н. Мещеряковым за исключением перевода и комментария к указу-сэммё (см. комментарий), который принадлежит перу Л. М. Ермаковой.

² Основные события этого времени изложены в А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. История древней Японии. СПб.: «Гиперион», 2002.

³ «Нихон сёки. Анналы Японии». Перевод и комментарии Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: «Гиперион», 1997.

ную (в китайском понимании этого слова) страну. В связи с этим японские историки часто именуют период с VIII по X вв. (после этого времени в устройстве японского государства произошли необратимые перемены) эпохой *рицурё*: *кокка* — «государства, основанного на законах». На этом пути были достигнуты значительные успехи, хотя по многим причинам, входившие в которые в данной публикации представляется невозможным, стратегическая задача осталась невыполненной (произошел крах надельной системы землепользования, Центр перестал контролировать периферию, Япония выпала из системы международных отношений на Дальнем Востоке и т. д.). Начало этого системного кризиса видно уже с конца VIII столетия. Тем не менее, идеологической задачей составителей хроники был показ успешного развития государственности и цивилизации, выстроенных в соответствии с китайскими образцами и не уступающих им⁴.

Ко времени составления «Сёку нихонги» легитимность правящей династии была уже обоснована с помощью «Нихон сёки» (как с помощью синтоистского мифа, так и с помощью китайского учения о «мандате Неба»). Одной из главных целей «Сёку нихонги» было обоснование преемственности «императоров» VIII в. по отношению к прошлым правлениям. Эта задача не так тривиальна, как это может показаться на первый взгляд, поскольку в концепцию мандата Неба «вмонтирована» идея смены правящего дома, что противоречило едва ли не главной установке *синто* — установке на преемственность во всех областях жизни, включая властные отношения. Этот конфликт завершился тем, что в Японии победила не меритократическая, а аристократическая модель управления. Несмотря на определенные метания, выбор был сделан в пользу идеи о несменяемости династии⁵, что повлекло за со-

⁴ В отчете Авата-но Асоми Махито, отправленного послом в Китай, передается его разговор с некими китайцами, которые якобы заявили: «Нам часто доводилось слышать, что за восточным морем лежит великая страна Ямато. Ее называют страной Кун-цзы, люди там богаты и веселы, там хорошо соблюдается ритуал. Видим, что и ты сам хорош обликом и одеждой. [Так что услышанное нами] — чистая правда» (Кэйун, 1-7-1, 704).

⁵ См. об этом А. Н. Мещеряков. Рецепция теории «мандата Неба» в древней Японии (VII-VIII вв.). — «Япония. Путь кисти и меча», 2002, № 1, сс. 52-58.

бой и другие отступления от китайской модели. Так, если следовать логике китайской политической теории, само составление «Сёку нихонги» было бы невозможно, ибо, согласно китайской исторической традиции, официальную летопись полагалось составлять только после смены династии, чего в Японии не наблюдалось. И уж совсем немислимым является включение в текст хроники отчета о части правления действующего императора Камму, что, наряду с другими его мероприятиями и достижениями (перенос столицы сначала в Нагаока, а потом в Хэйан, получение дани от Бохай, военные экспедиции против обитателей северо-восточного Хонсю — эмиси, эмиссия в 796 г. новой монеты, начатое в 799 г. составление генеалогических списков «Синсэн сёдзироку», отправка в 804 г. посольства в Китай и др.) могло быть использовано для прославления его правления. В любом случае в составлении «Сёку нихонги» видна непривычная поспешность: из всех официальных хроник разрыв между годом составления и последним годом описываемого времени наименьший именно для «Сёку нихонги» (для «Нихон сёки» это 23 года, для «Нихон ко:ки» — 7 лет, для «Сёку нихон ко:ки» — 19 лет, для «Нихон монтоку тэнно: дзицуроку» — 21 год, для «Нихон сандай дзицуроку» — 24 года).

Сохраняя общую установку на преемственность, Камму предпринял и усилия по определенному дистанцированию от предыдущих правителей. Дело в том, что вместе с воцарением его отца Ко:нин внутри правящего дома произошла смена внутридинастической линии: начиная с Тэмму, на трон всходили его потомки и их родственники. Ко:нин же продолжил линию, восходящую к императору Тэнти. По тексту «Сёку нихонги» хорошо видно, что окружение Камму стремилось к возвышению Тэнти и его потомков с одновременным умалением потомков Тэмму (в особенности это касается Сё:му и его дочери Ко:кэн-Сё:току).

Составление «Сёку нихонги» было закончено в 797 г.⁶ Хотя все последующие официальные хроники содержат предисловие составителей (в котором описывается процесс создания хроники), в «Сёку нихонги» предисловие отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что первоначально работа имела другой, отличающийся от окончательного результата план, хроника неод-

⁶ «Нихон ко:ки», Энряку, 16-2-13.

нократно переделывалась, «сдавалась» по частям. В работе над хроникой можно выделить несколько этапов⁷.

В нашем распоряжении имеются докладные записки Фудзивара-но Цугутада (727–796) и Сугано-но Мамити (741–814). Именно они и позволяют реконструировать процесс создания хроники. Эти докладные записки были первоначально помещены в соответствующей части хроники «Нихон ко:ки». Однако та часть «Нихон ко:ки», где приводилась записка Цугутада, была утеряна, а вторая сохранилась в сильно испорченном виде. Обе они приводятся в 147 свитке «Руйдзю: кокуси» — тематической истории страны, составленной под руководством Сугавара-но Митидзанэ (845–903).

В 8-й луне 794 г. Правый министр Фудзивара-но Асоми Цугутада (2-й младший ранг), а также старший помощник (*дайфу*) министра народных дел (*минбусэ:*) Сугано-но Асоми Мамити (верхняя степень 5-го старшего ранга) и младший государственный советник (*сёнагон*) Акисино-но Асоми Ясухито (нижняя степень 5-го младшего ранга) получают приказ государя Камму составить хронику «Сёку нихонги». В этом указе отмечается важность исторических сочинений, а также тот факт, что сведений за период с правления Момму до Сё:му имеется достаточно. В то же самое время задание, порученное покойному среднему государственному советнику (*тю:нагон*) и военному министру Исикава-но Асоми Натари (3-й младший ранг)⁸ и заведующему Счетным отделом (*сюкэйрэ:*) Камицукэно-но Кими Оокава (нижняя степень 5-го младшего ранга), — составить историю страны в период от правления Дзюннин до правления Ко:нин — выполнено неудовлетворительно. И потому составленные ими 20 свитков были сначала выправлены Цугутада, Мамити и Ясухито, а затем преподнесены императору Камму. В

⁷ «Сёку нихонги», серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй», Токио, «Иванами», т. 1, с. 485–501. Здесь и далее все ссылки на «Сёку нихонги» приводятся по этому изданию, по которому и был сделан перевод.

⁸ Потомок Сога-но Мурадзико. Дед и отец Натари — Иситари и Тоситари — были довольно влиятельными чиновниками, хотя род Исикава никогда не поднимался до высот Сога. В посмертном жизнеописании Мурадзико, помещенном в «Сёку нихонги», подчеркиваются его способности и скверный, чересчур строгий характер (Энряку, 7–6–10; 788).

результате редакторской работы из 20 свитков получилось 14 (свитки XXI–XXXIV в окончательном тексте «Сёку нихонги»).

В 797 г. Сугано-но Мамити, Акисино-но Ясухито и старший секретарь (*дайгэки*) Накакина-но Коцуо (нижняя степень 5-го внешнего младшего ранга) сообщали в своей докладной записке, что преподносят Камму окончательный текст летописи в 40 свитках. Они отмечают, что 20 свитков, охватывающие период с 758 по 791 г., были уже составлены и преподнесены ранее императору. Что до свитков, повествующих о предшествующем периоде (697–757), то ранее⁹ были составлены 30 черновых свитков, которые в правление Ко:нин были по государеву указу исправлены Исикава-но Натари, министром наказаний Афумино Махито Мифунэ (нижняя степень 4-го младшего ранга) и *дайфу* министерства наказаний Тагима-но Махито Нагацугу (верхняя степень 5-го младшего ранга). Однако результаты оказались неудовлетворительными, и Ко:нин было представлено только 29 свитков (были утрачены — возможно, «утрачены» намеренно — записи за 757 г., когда был изобличен заговор Татибана-но Нарамаро — один из наиболее драматичных эпизодов политической истории VIII в.). В правление Камму Мамити провел редактуру, в результате которой в рукописи, охватывавшей этот период, оказалось 20 свитков. Общее же количество свитков стало составлять 40.

Таким образом, в промежутке между двумя докладными записками вторая половина текста «Сёку нихонги» увеличилась на шесть свитков. Когда конкретно это было сделано, остается предметом для дискуссии. В любом случае процесс создания хроники свидетельствует о сложных взаимоотношениях между различными придворными группировками, о той «борьбе за прошлое» (или, вернее, за модель прошлого), которая происходила между ними.

⁹ Предполагается, что это было сделано в правление Дзюннин, когда ведущим царедворцем был Фудзивара-но Накамаро, инициировавший множество проектов конфуцианской направленности. В их число входило и составление хроники. Впоследствии Накамаро поднял мятеж, его официальная оценка была крайне отрицательной. В связи с этим и возникла необходимость исправить те свитки, которые были составлены под его руководством и в которых, естественно, был отражен его взгляд на события. — «Сёку нихонги», т. 1, сс. 491–492.

Таким образом, получаем следующую картину процесса создания «Сёку нихонги».

	Правление Дзюннин	Правление Ко:нин	Правление Камму
свитки I–XX (1.697–7.758)	представлен проект в 30 свитках	из проекта вычеркнут последний свиток	проект пересмотрен и сокращен до 20 свитков
свитки XXI–XXXIV (8.758–12.777)		составлено 20 свитков	в 794 г. представлено 14 свитков
свитки XXXV–XV (1.778–12.791)			составлены между 794 и 797 гг.

О политической борьбе, которая велась вокруг текста «Сёку нихонги» уже после окончания работы над ним, свидетельствуют следующие факты, которые восстанавливаются по записям хроники «Нихон ко:ки» (Ко:нин, 1–9–10; 810 г.) и средневекового свода «Нихон киракю» (Энрякю, 4–9–24, 26; 785). Из XXXVIII свитка «Сёку нихонги» по приказу Камму были вымараны (это произошло в 800 г. или несколько позже) сообщения, которые касались убийства одного из главных царедворцев Фудзиварано Танэцугу и странной смерти принца крови Савара, причастного к этому убийству: он умер на пути к месту своей ссылки. Поскольку после этого при дворе произошла целая череда смертей, это приписали неуспокоенному духу Савара. Опасаясь его дальнейшей мести, Камму присвоил ему титул «императора Судо:». Однако при преемнике Камму — императоре Хэйдзэй (806–809) — текст был восстановлен (возможно из-за того, что потомки Танэцугу не желали, чтобы его заслуги были обойдены молчанием). Однако Сага (809–823) счел это «невежливым» и распорядился снова вымарать восстановленные при Хэйдзэй сообщения.

Японские историки довольно часто отмечают достоверность сведений, сообщаемых «Сёку нихонги». Спору нет — она значительно выше, чем в «Нихон сёки», а многие сообщения хроники подтверждаются археологическими или же эпиграфическими свидетельствами. Однако одна только история создания текста «Сёку нихонги» убедительно свидетельствует, что речь все-таки

идет не о реконструкции прошлого, а о создании его модели, на построение которой огромное влияние оказали политические факторы.

Неоднократная «редакторская» работа сказалась на архитектонике памятника: свитки его первой половины (20 свитков) значительно короче, чем свитки второй части, освещение событий носит менее подробный характер. Вряд ли это объясняется недостатком первичной информации. Дело, скорее, в упомянутом сокращении первых черновых свитков, когда из 30 свитков осталось только 20. Видимо, это было обусловлено желанием Камму умалить заслуги потомков Тэмму, более детально отобразить те беспорядки (попытка свержения династии монахом До:кё:, заговоры Татибана-но Нарамаро и Фудзивара-но Накамаро), которые творились в последние годы перед восшествием Ко:нин, а также полнее осветить деятельность Ко:нин, своего отца. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что с воцарением самого Камму, т. е. с 782 г., описание становится не таким подробным. По стандартному изданию хроники в серии «Кокуси тайкэй» нами было рассчитано, сколько страниц уделяется в каждом свитке описанию событий за один год. В результате мы получили такую картину: I – 2,06; II – 4; III – 2,78; IV – 4; V – 2,67; VI – 3,93; VII – 3,86; VIII – 4; IX – 3,2; X – 3,75; XI – 2,63; XII – 4; XIII – 4; XIV – 3,5; XV – 4,5; XVI – 4,5; XVII – 5,33; XVIII – 2,33; XIX – 2,75; XX – 12,66; XXI – 24,39; XXII – 9; XXIII – 6,67; XXIV – 6; XXV – 15; XXVI – 12; XXVII – 10; XXVIII – 11; XXIX – 10; XXX – 12,8; XXXI – 10,9; XXXII – 7; XXXIII – 6; XXXIV – 7; XXXV – 8; XXXVI – 6,25; XXXVII – 8; XXXVIII – 9; XXXIX – 5,17; XL – 8,33.

Чем объяснить такую неравномерность описания? Этот вопрос требует отдельного исследования. Возможно, ответ на него содержался в тех свитках «Нихон ко:ки», которые не дошли до нас. В любом случае неравномерность описания остается одной из основных характеристик текста «Сёку нихонги» (насколько мы можем судить, все последующие официальные хроники стараются выдержать принцип равномерности описания).

Итак, над текстом хроники потрудились немало составителей. Однако главными из тех, кто придали «Сёку нихонги» окончательный вид, были Сугано-но Асоми Мамити (свитки I–XX) и Фудзивара-но Асоми Цугутада (свитки XXI–XL). Оба они

занимали при дворе высокое положение, но, разумеется, главную роль играл Цугутада, который и был ответственным за вторую часть «Сёку нихонги», которая была особенно важна для Камму. Цугутада был сыном Тоёнари. В своей чиновничьей карьере он последовательно занимал должности управителей провинций Синано и Этидзэн, правого старшего цензора, советника-санги, командующего внешней охраной дворца, министра казны, двора, военного министра, был командующим войсками по покорению *эмиси*, министром центра, старшим государственным советником (*дайнагон*) и, наконец, Правым министром. Поскольку должность Левого министра оставалась в это время вакантной, он был самым высокопоставленным царедворцем. Цугутада скончался за несколько месяцев до подачи «Сёку нихонги» Камму, поэтому на этой церемонии главным действующим лицом был Мамити.

Мамити был книжником, классическим представителем потомков знатных корейцев, которые переселились в Японию. Согласно докладной записке Мамити и других потомков переселенцев (Энряку, 9-7-17, 790), род Сугано первоначально именовался Цу-но Фухито, затем Цу-но Мурадзи и вел свое происхождение от королевского рода из Пэкче. Предки Мамити переселились в Японию при государе О:дзин, когда тот отправил посланцев в Пэкче, чтобы они нашли там и привезли в Японию образованных людей. Предки Мамити действительно славились своей ученостью. В своей докладной записке Мамити обращался с прошением о пожаловании *кабанэ* (титула) Асоми. Вместе с этим *кабанэ* Камму, который довольно активно поощрял ученость и, следовательно, потомков переселенцев, даровал ему и фамилию Сугано (по месту нахождения его усадьбы). Сам Мамити был воспитателем государя Хэйдзэй, заведующим Архивным отделом, управителем провинции Иё, левым главным цензором, советником-санги, принимал участие в составлении «Энряку ко:сансики». В 805 г. Камму вызвал престарелого Мамити и юного Фудзивара-но Оцугу, которые по его приказанию устроили знаменитый диспут о дальнейшем политическом курсе двора. В его центре стояли вопросы о строительстве новой столицы Хэйан и о войне, ставившей своей целью покорение *эмиси*. Оцугу утверждал, что эти мероприятия вызывают страдания народа, а потому реализацию проектов следует прекра-

тить, Мамити настаивал на их продолжении. Камму внял доводам Оцугу (строительство Хэйана было на некоторое время приостановлено, война с эмиси прекращена), что знаменовало собой крупные перемены в политическом курсе. Второе решение было собенно важным — 805 г. может служить определенной вехой в процессе утраты Японией комплекса агрессивности по отношению к внешнему миру.

Материалы «Сёку нихонги» использовались и цитировались средневековыми авторами. Однако обычно ссылака идет не непосредственно на «Сёку нихонги», а на «официальные национальные истории» (*кокуси*). Дело в том, что после того, как Сугавара Митидзанэ (845–903) составил «Руйдзю: кокуси», где статьи «шести официальных хроник» (*риккокуси*) были распределены в соответствии с принятой им рубрикацией, средневековые авторы обычно пользовались не оригиналами хроник, а работой Митидзанэ. Кроме того, следует иметь в виду, что, за исключением «Нихон сёки», где повествуется о начале мира и становлении японского государства, остальные хроники воспринимались не как самостоятельные произведения, а как одно сочинение. Представляется важным и следующее соображение: японское средневековье ценило историю (исторический прецедент), но сформировавшаяся к тому времени система управления воспринималась элитой как имевшая мало общего с институтами и структурами периода раньше IX–X вв. — более ранняя история представлялась слишком чуждой, а бурные события политической истории VIII столетия давали мало оснований для того, чтобы посчитать этот век «золотым». В то же самое время «Сёку нихонги» продолжали читать и переписывать. Так, из дневника императора Ханадзоно (1297–1348) известно, что он читал хронику. Но так же ясно, что количество списков, находившихся в реальном информационном обороте, было не так велико.

Правительство сёгуната Токугава уделяло большое внимание копированию, сохранению и изданию старых рукописей. Большую роль в этом деле играл сам Токугава Иэясу (1542–1616). В 1612 г. ему была доставлена рукопись «Сёку нихонги», которая ранее находилась в знаменитом книгохранилище Канадзава Бумпо. В этой рукописи отсутствовали первые 10 свитков. По распоряжению Иэясу эти недостающие 10 свитков были пере-

писаны с другой рукописи и добавлены в этот список, который до сих пор считается одним из основных при любых современных изданиях «Сёку нихонги». После смерти Иэясу рукопись оказалась в княжестве Овари, где по инициативе Токугава в 1646 г. был составлен классифицированный по отдельным темам текст всех древних официальных хроник («Руйдзю: нихонги»). Поскольку в княжестве Мито был предпринят грандиозный проект по созданию «Истории великой Японии», требовалась огромная работа по приведению в порядок подготовительных материалов и источников. Известно, что Токугава Мицукуни (1628–1700), глава княжества Мито, сам проводил сверку текста «Сёку нихонги».

В период Токугава, когда политическая система древней Японии становится предметом научного изучения, «Сёку нихонги» попадает в поле зрения таких знаменитых ученых конфуцианского направления, как Огю: Со:рай (1666–1728) и Ито: То:гай (1670–1736). Ученые «национальной школы» (*кокугаку*) и, в первую очередь, Мотоори Норинага (1730–1801), также не обошли «Сёку нихонги» своим вниманием. Критикуя составителей «Нихон сёки» за «китайщину» (*карагокоро*), Норинага в духе своих идеологических представлений ценил «Сёку нихонги» прежде всего за те императорские указы, которые были записаны по-японски (*сэммё*). Его прочтение *сэммё*: до сих пор остается основой для их изучения.

В последующее время были предприняты значительные усилия по изучению «Сёку нихонги». Текст был издан ксилографическим способом, появлялись исследования и комментарии. После «обновления Мэйдзи» правительство, озабоченное конструированием национальной идеологии, придавало огромное внимание древним штудиям. Созданное при правительстве Историографическое управление (Сю:сикёку) активно занималось сбором и упорядочиванием источников. В 1887 г. при токийском Императорском университете было учреждено историческое отделение (*сигакука*), работа которого строилась в соответствии с принципами современной западной историографии и источниковедения.

В отличие от «Кодзики» и «Нихон сёки», которые считались столпами «национального духа», хроника «Сёку нихонги» счастливо избежала чрезмерной идеологизации — содержащийся в

ней разнообразный, разнохарактерный и разноречивый материал давал для этого гораздо меньше оснований.

Особо значимым рубежом в исследованиях «Сёку нихонги» было издание критического текста хроники в серии «Кокуси тайкэй» («Большая серия национальной истории»), основанной экономистом, публицистом и политиком Тагути Укити, 1855–1906 (помимо «Кокуси тайкэй», он издавал также серию литературных и исторических памятников «Гунсё руйдзю:»). В 1895 г. в «Кокуси тайкэй» была издана и «Сёку нихонги». Сотрудничавший с Укити историк Куройта Кацуми (1874–1942) предпринял 66-томное обновленное и расширенное издание серии «Кокуси тайкэй» («Синтэй дзо:хо: кокуси тайкэй»). В этой серии в 1935 году появилось новое издание «Сёку нихонги», которое считалось образцовым на протяжении более полувека.

После окончания второй мировой войны исчезли многие идеологические барьеры, которые препятствовали развитию исторической науки. Беззастенчиво эксплуатировавшиеся в идеологических целях «Кодзики» и «Нихон сёки» стали представляться памятниками не столько истории, сколько «художественной литературы», под которой понималась фиктивность сообщаемых ими сведений. При этом оценка «Сёку нихонги» как важнейшего исторического источника значительно возросла. Таким образом, именно «Сёку нихонги» была фактически признана первым историческим (т. е. достоверным) памятником древней Японии. Повсюду проводились научные семинары по изучению «Сёку нихонги». С 1954 г. в Осака стал издаваться продолжающийся до сих пор журнал по исследованию «Сёку нихонги» («Сёку нихонги кэнкю:»). Текст «Сёку нихонги» неоднократно издавался, появились и переводы хроники на современный язык, которые принадлежали первоклассным специалистам (особенно известными являются переводы Наоки Ко:дзиро:, 1986, и Удзитани Цутому, 1992 г.).

Усилия многочисленных историков увенчались фундаментальным шеститомным изданием в серии «Син нихон котэн бунгаку тайкэй» (1989–2000), в работе над которым приняли участие ведущие исследователи японской древности. Не будет преувеличением сказать, что это издание знаменует собой начало нового этапа в деле публикации и комментирования древних исторических памятников. Ни один другой исторический

памятник древности не вызывает такого интереса, ни над одним из них не работает столько исследователей. Достаточно сказать, что наиболее авторитетным изданием «Нихон сёки» остается его публикация 1965–67 гг. в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй», а остальными «национальными историями» историки пользуются в практически не комментированном издании «Синтэй дзо:хо: кокуси тайкэй». Только в 2003 г. появилось издание «Нихон ко:ки» в серии «Якутю: нихон сирё:» издательства «Сю:эйся».

На европейские языки хроника «Сёку нихонги» полностью не переводилась. Частичный перевод на английский язык был осуществлен в 30-е годы XX века¹⁰. На русский язык хроника тоже не переводилась. Указы-сэммё: были переведены и отрецензированы в книге Л. М. Ермаковой¹¹.

В данной публикации представлен перевод и комментарий первого свитка «Сёку нихонги». Он охватывает период в 3 года и 5 месяцев (с 8-й луны 697 г. по 12-ю луну 700 г.). В столице Фудзивара вместо отрекшейся Дзито: на престол восходит Момму, продолжается формирование чиновничьего аппарата, начинается работа по созданию и внедрению законов «Тайхо: рицурё:».

¹⁰ Shellen J. B. Shoku Nihongi: Chronicles of Japan, Continued from A.D. 697–791. — Transactions of the Asiatic Society of Japan. 2nd series, XI (1934), XIV (1937).

¹¹ Норито. Сэммё. Перевод Л. М. Ермаковой. М.: «Наука», 1991.

«Сёку нихонги». Свиток 1. От 8-й луны года младшего брата курицы [697] до 12-й луны года старшего брата крысы [700]¹.

Составлено согласно государеву указу Сугано-но Асоми Мамити², нижняя степень младшего четвертого ранга, дайфу³ в Министерстве народных дел, командующий Левоу управой дворцовой охраны, учитель наследного принца⁴.

Государь Ама-но Мамунэ Тоёоодзи-но Сумэрамикото. 42-й император Момму⁵

Государь Ама-но Мамунэ Тоёоодзи-но Сумэрамикото был внуком государя Ама-но Нунахара Оки-но Махито-но Сумэрамикото⁶, вторым ребенком принца крови Хинамиси-но Мико-но Микото (во втором году эры [Тэмпё:] Хо:дзи [758] был оглашен указ, согласно которому ему был посмертно дарован титул императора, и он был наречен Государем, управляющим Поднебесной из дворца Оканомия)⁷. Матерью [Момму] была государыня Яматонэко Амацу Мисиро Тоёкуни Нарихимэ-но Сумэрамикото⁸, правившая Поднебесной из дворца Нара и бывшая четвертым ребенком государя Амэмикото Хиракасувакэ-но Сумэрамикото⁹. Небо даровало государя добродетелью и негневливостью. Он был начитан и преуспел в искусстве стрельбы из лука¹⁰. В 11-ом году правления государыни Такама-но Харахи-роно Химэ-но Сумэрамикото¹¹ он был поставлен наследным принцем¹².

[1-й год правления Момму, 697]

8-я луна, 1-й день. [Государыня Дзито:] отреклась от престола, и [Момму] взошел на престол.¹³

17-й день. Государь рек¹⁴:

«Внимайте повелению великому,
тому, что речено как повеление великое
государем, что, как бог явленный¹⁵,
великой Страной восьми островов¹⁶ правит,

вы — собравшиеся принцы, владетели, всех ста управ
чиновники,

и сокровище божественное, народ Поднебесной,
все внимайте, — так возглашаю.

«С тех пор, как деяния начались на Равнине Высокого
Неба¹⁷,

со времен государева предка далекого¹⁸ и доньне,
от одного к другому,
государь-потомки богов небесных
передают правление Страной восьми островов великой.
И, согласно наставлению, коим боги, на небе
пребывающие¹⁹,

дитя богов небесных наставляли, —
государыня [Дзито:], дочь Ямато, что, как бог явленный,
великой Страной восьми островов правит,
деяния на сем престоле высоком, унаследованном от
солнца небесного²⁰,

Нам передала, на Нас возложила.

И ее повеление великое, досточтимое, высокое, широкое,
крепкое,

Мы приняли с трепетом. И мыслим божественной сутью
своей:

сию страну, обильную Поднебесную,
обустройства и умиротворять,
народ Поднебесной ласкать и миловать».

И сему повелению великому, государем возведенному,
все внимайте, —

так возглашаю.

«И повелевается сим:

всех ста управ чиновники!

обильной страной в четырех направлениях правьте,
а также чиновные люди, во всех землях назначенные!
законы страны, властью государевой установленные,
исполняемые,

без ошибок и нарушений [блюдите],

сердцем светлым, чистым, прямым, истинным²¹ дела
задумывая,

задумывайте, служите без лени и небрежения».

И сему повелению великому, изреченному, все
внимайте, — так возглашаю.

«А люди те, что сие услышали и уразумели,
и усердно служить станут,
те, по службе своей,

пожалованы будут похвалой и повышением, и
наградами», —

таково повеление великое, государем изреченное, и все
внимайте, —
так возглашаю».

В этом году рисовый налог, трудовая повинность и замени-
тельная натуроплата были уменьшены наполовину²². Кроме
того, на три года прекращено взимание процентов по рисовым
ссудам²³. Старикам было оказано вспомоществование²⁴. Кроме
того, принцам и чиновникам розданы соответствующие подар-
ки²⁵. Во всех провинциях приказано каждый год проводить
церемонию отпущения на волю живых существ²⁶.

20-й день. Фудзивара-но Асоми-но Мияко²⁷ назначена сред-
ней супругой государя — *бунин*. Ки-но Асоми-но Камадо²⁸ и
Исикава-но Асоми Тонэ²⁹ назначены младшими супругами го-
сударя — *хин*³⁰.

29-й день. Членам императорской фамилии и чиновникам
начиная от пятого ранга³¹ и выше в соответствии с рангами
пожалованы земли в кормление³².

9-я луна, 3-й день. У жителя столицы Оомива-но Ооёсами-
но Мияцуко Момотари вырос чудесный рис³³. Из провинции
Оми преподнесли белую речную черепаху³⁴. Из провинции Нан-
ба преподнесли белого оленя³⁵.

9-й день. Ванибэ-но Оми Кимитэ, ранг *гон*, 1-я большая
степень, пожалован ранг *дзики*, 1-я широкая степень, за его за-
слуги в год *дзинсин*³⁶.

Зима, 10-я луна, 19-й день. Эмиси из Митиноку препод-
несли дары своей земли³⁷.

28-й день. Прибыло посольство из Силла: посол Ким Пхиль-
док, ранг *ильгильчхан*, заместитель посла Ким Имсан, ранг *на-
ма*³⁸.

11-я луна, 11-й день. Сакамото-но Асоми Сиката, 4-я ши-
рокая степень ранга *му*³⁹, и Ямато-но Имики Иотари, первая

большая степень ранга *син*, были назначены для сопровождения посольства Силла по суше, а Хадзи-но Сукунэ Оомаро⁴⁰, 4-я широкая степень ранга *му* и Сукэ-но Мурадзи Морокуни, 3-я широкая степень ранга *син*, — для проводов по морю.

12-я луна, 18-й день. Эмиси из Этиго преподнесены соответствующие подарки.

12-я вставная луна, 7-й день. В провинциях Харима, Бидзэн, Биттю:, Суо:, Авадзи, Ава, Сануки и Иё был голод. Оказано вспомоществование⁴¹. Отменены выплаты по рисовым ссудам.

28-й день. Запрещено посещать и поздравлять [кого бы то ни было] во время празднования нового года. Ослушавшийся же будет наказан в соответствии с установлениями государя Киёмихара⁴². Разрешено почитать только родителей, старших братьев и глав родов⁴³.

[2-й год правления Момму, 698]

2-й год, весна, 1-я луна, 1-й день. Государь пребывал во дворце Дайгокудэн и принимал новогодние поздравления. Его поздравляли все гражданские и военные чиновники, посол Силла. Церемония проводилась в соответствии с обычным порядком⁴⁴.

3-й день. Посольство Силла во главе с Ким Пхильдок, ранг *ильгильчхан*, преподнесло дань.

8-й день. Провинция Тоса преподнесла коровий желчный камень⁴⁵.

17-й день. Дань Силла преподнесена [синтоистским] святищам⁴⁶.

19-й день. Хадзи-но Сукунэ Уматэ⁴⁷, 3-я степень широкого ранга *дзики*, был послан, чтобы преподнести дань Силла усыпальнице Ооути⁴⁸.

2-я луна, 1-й день. Посол Ким Пхильдок отбыл на родину.

5-й день. Государь отправился в уезд Ути [провинции Ямато].

12-й день. Гражданским чиновникам с должностью и умельцам⁴⁹ вручено [сезонное] жалование в соответствии с рангами⁵⁰.

15-й день. Военным чиновникам вручено [сезонное] жалование в соответствии с рангами⁵¹.

3-я луна, 5-й день. Провинция Инаба преподнесла жильную медь⁵².

7-й день. Провинция Этиго сообщила о разразившихся болезнях. Для оказания помощи туда направлены врачи и лекарства.

9-й день. Государь рек: «В управлениях уезда Мунаката провинции Тикудзэн и уезда Оу провинции Идзумо разрешается назначать людей, состоящих в 1-3-й степенях родства»⁵³.

10-й день. Во всех провинциях назначены управители уездов. Государь рек: «При назначении управителей уездов управители провинций не должны быть пристрастны. Назначенные на должность управителей уездов должны руководствоваться законами. Да будет так»⁵⁴.

21-й день. На празднике Камо в провинции Ямасиро запрещено собирать толпы и проводить конную стрельбу из лука⁵⁵.

22-й день. Оглашен указ: назначить учителя дхармы Эсэ на должность *со:дзэ*; учителя дхармы Тиэн на должность *сё:со:дзу*, учителя Дзэнъо: на должность *русси*⁵⁶.

Лето, 4-я луна, 3-й день. В двух провинциях, Ооми и Кии, разразились болезни. Для излечения людей туда направлены врачи и лекарства.

Карлику по имени Хата-но Ооэ из провинции Бидзэн пожаловано имя Кагато-но Оми⁵⁷.

13-й день. Восемь человек во главе с Фуми-но Имики Хакасэ⁵⁸, 4-я широкая степень ранга *му*, посланы к южным островам на поиски страны. В связи с этим им выдано оружие⁵⁹.

29-й день. Для испрашивания дождя богу Ёсино-но Микумари-но Минэ-но Ками преподнесен конь⁶⁰.

5-я луна, 1-й день. Во всех провинциях стояла засуха. Поэтому во всех святилищах совершены приношения.

5-й день. В столице и столичном районе Кинай посыльные совершили моления знаменитым горам и большим рекам⁶¹.

16-й день. Во все провинции отправлены посыльные для осмотра заливных и суходольных полей⁶².

25-й день. Дадзайфу приказано отремонтировать три крепости: Ооно, Кии и Кукути⁶³.

6-я луна, 8-й день. Провинция Ооми преподнесла квасцы.

14-й день. Эмиси из Этиго преподнесли дары своей земли⁶⁴.

28-й день. Для испрашивания дождя всем святилищам преподнесены кони.

29-й день. Скончался Танака-но Асоми Таримаро⁶⁵, 3-я широкая степень ранга *дзики*. Государевым указом ему присвоена 1-я широкая степень ранга *дзики* за его заслуги в год *дзинсин*.

Осень, 7-я луна, 1-й день. Произошло солнечное затмение⁶⁶.

7-й день. В связи с тем, что находятся люди, которые не доносят о том, что рабы государственные и личные скрываются среди народа, введен закон о наказаниях бамбуковыми палками. Укрывшие рабов должны возместить [прежним хозяевам] потери за время укрытия. Подробности изложены в отдельном руководстве по применению законов⁶⁷. Кроме того, запрещено играть в азартные игры. Содержателей таких заведений также считать преступниками⁶⁸.

17-й день. Провинции Симоцукэ и Бидзэн преподнесли красную ворону⁶⁹, а провинция Иё — олово.

25-й день. Такахаси-но Асоми Симамаро, 4-я широкая степень ранга *дзики*, назначен управителем [провинции] Исэ, а Исикава-но Асоми-но Коою, 4-я широкая степень ранга *дзики*, назначен управителем [провинции] Мино⁷⁰.

27-й день. Провинция Иё преподнесла слиток олова.

8-я луна, 1-й день. Мамута-но Тарусима⁷¹ даровано кабанэ Мурадзи.

19-й день. Государь рек: «Фамилия Фудзивара-но Асоми должна наследоваться сыном [Каматари] — Фухито. Что до Омимаро и иже с ним, то поскольку они занимаются делами божественными, им следует вернуть прежнюю фамилию»⁷².

20-й день. Отремонтирована крепость Такаясу⁷³. (Эта крепость была построена в 5-ом году правления Тэнти⁷⁴).

26-й день. Установлены правила проведения придворных церемоний. Подробности изложены в отдельном руководстве по применению законов.

9-й месяц, 1-й день. Оми-но Тоётари, без ранга, назначен главой рода, а Оониз, без ранга, — его заместителем. Хатори-но Мурадзи Садза, 4-я широкая степень ранга син, назначен главой рода, а Ку:си, без ранга, — его заместителем⁷⁵.

7-й день. В провинции Симооса поднялся сильный ветер. Он разрушил дома людей.

10-й день. Принцесса крови Таки назначена жрицей в святилище Исэ⁷⁶.

25-й день. Провинция Суо: преподнесла слиток меди.

28-й день. Провинция О:ми преподнесла синюю краску, провинция Исэ преподнесла киноварную и желтую краски, четыре провинции — Хитати, Бидзэн, Иё и Хю:га — преподнесли киноварную краску, две провинции — Аки и Нагато — преподнесли синюю и зеленую краску, провинция Бунго преподнесла ярко-киноварную краску⁷⁷.

Зима, 10-я луна, 3-й день. Поскольку строительство храма Якусидзи⁷⁸ было, в основном, закончено, монахам государевым указом было велено селиться в нем.

22-й день. Эмиси из Митиноку преподнесли дары своей земли.

11-я луна, 1-й день. Случилось затмение солнца.

5-й день. Провинция Исэ преподнесла олово.

7-й день. Во все провинции отправлены посыльные для проведения [ритуала] Великого Очищения⁷⁹.

23-й день. Проведен [ритуал] Великого вкушения⁸⁰. Энои-но Асоми Яамомаро⁸¹, 4-я широкая степень ранга *дзики*, восставил большие щиты, а Оотомо-но Сукунэ Таути⁸², 4-я широкая степень ранга *дзики*, восставил щиты и копья. Чиновникам из Палаты небесных и земных божеств⁸³, управителям уездов и крестьянам из провинций Овари и Мино пожалованы соответствующие подарки.

29-й день. Провинция Симооса преподнесла коровий желчный камень.

12-я луна, 5-й день. На острове Цусима приказано выплавлять золото⁸⁴.

21-й день. В провинции Этиго починена каменная крепость⁸⁵.

29-й день. Святилище Такэ-но Дайдзингу: перенесено в уезд Ватараи⁸⁶.

30-й день. Ямасиро-но Ода⁸⁷, вторая большая степень ранга *гон*, пожалована 4-я широкая степень ранга *дзики*.

[3-й год правления Момму, 699]

3-й год, весна, 1-я луна, 26-й день. Управление столицей Докладывало: «В квартале Хаяси⁸⁸ женщина из Силла по имени

Мукумэ родила разом двух мальчиков и двоих девочек». Ей пожаловано: пять хики грубого шелка, пять дзюн ваты, десять *тан* полотна, пятьсот снопов риса, одна кормилица⁸⁹.

27-й день. Оглашен указ: «Придворному врачу Кувара-но Кацу пожаловать 4-ую широкую степень ранга *дзики* и *кабанэ Мурадзи*». Он был награжден за беспорочную службу⁹⁰.

В этот день государь отправился во дворец Нанива⁹¹.

28-й день. Скончалась принцесса Сакаибэ, третья широкая степень ранга *дзё*.

2-я луна, 22-й день. Государь вернулся из дворца Нанива.

23-й день. Оглашен указ: «Вооруженные всадники, сопровождавшие государев поезд, освобождаются на этот год от подушной подати⁹² и несения трудовой повинности».

3-я луна, 4-й день. Провинция Симоцукэ преподнесла желтую краску⁹³.

9-й день. Провинция Кавати преподнесла белого голубя⁹⁴. Оглашен указ: «Уезд Нисикори, [где был обнаружен белый голубь], освободить на год от рисового налога и трудовой повинности». Кроме того, двор Инукай-но Хиромаро, обнаружившего этот благоприятный знак, освобожден от несения всех повинностей сроком на три года. Кроме того, в районе Кинай помилованы те, кому полагалось наказание палками, хлыстом и ниже⁹⁵.

27-й день. Инспекторы отправлены в район Кинай для выявления нарушений закона⁹⁶.

Лето, 4-я луна, 25-й день. Ста шести *эмиси* из Этиго пожалованы соответствующие ранги⁹⁷.

5-я луна, 8-й день. Государь рек: «Награждение началось в давние времена. Награждение отличившихся — важное дело для череды [государей]. Деяния отважных должны быть известны всем, имена негодных — обнародованы. Ты, Саканосуэ-но Имики Ою⁹⁸, в год *дзинсин* участвовал в военных действиях без оглядки на свою жизнь, повернулся лицом к храмам земли и зерна⁹⁹, отправился на бранное поле, спас государство¹⁰⁰. И вот, не достигнув высоких постов, ты преждевременно скончался. Мыслим, что покинувшая нас душа печалится и желаем утешить ее на ее темных дорогах. А потому жалуем тебе 1-ю широкую степень ранга *дзики* и подарки».

24-й день. Э-но Кими Одзуно¹⁰¹ сослан на остров Идзу¹⁰². Сначала Одзуно жил на горе Кадзураки¹⁰³, его знали как заклинателя. Его учителем был Каракуни-но Мурадзи Хиротари¹⁰⁴, нижняя степень 5-го младшего внешнего ранга. Однако затем он стал использовать свое искусство во зло, и кто-то донес, что он вводит людей в заблуждение¹⁰⁵. Поэтому его отправили в дальнюю ссылку¹⁰⁶. Люди говорили: «Одзуно часто использует дурных божеств, заставляет их таскать воду и собирать хвост. Если же кто-то не послушается, он произносит заклинание и тогда [божество] не может больше двигаться».

6-я луна, 15-й день. Храму Ямададэра¹⁰⁷ пожаловано 300 дворов сроком на 30 лет¹⁰⁸.

23-й день. Скончался принц Химука-но Оокими, третья широкая степень ранга дзё. Государь отправил посланцев с дарами¹⁰⁹.

24-й день. 159 чиновникам от ранга дзики и ниже приказано отправиться в усадьбу принца Химука-но Оокими, чтобы принять участие в похоронах.

27-й день. Скончался принц Касуга-но Оокими¹¹⁰, 4-я большая степень ранга дзё. Государь отправил посланцев с дарами.

Осень, 7-я луна, 19-й день. Следуя за государевым посланником, прибыли люди из Танэ, Яку, Амами, Токаму¹¹¹. Они привезли дары своей земли. Им были пожалованы соответствующие ранги, преподнесены подарки. Люди с острова Токаму приехали в Срединную страну в первый раз¹¹².

21-й день. Скончался принц крови Югэ¹¹³, 2-я широкая степень ранга дзё. Для наблюдения за похоронами к нему отправлены принц Ооиси¹¹⁴, 4-я широкая степень ранга дзё и Мити-но Махито Уси¹¹⁵, 3-я широкая степень ранга дзики. Принц крови был шестым ребенком императора Тэмму.

8-я луна, 8-й день. Дань южных островов¹¹⁶ преподнесена великому святилищу Исэ¹¹⁷ и всем другим святилищам.

11-й день. Всем чиновникам роздано [сезонное] жалование в соответствии с рангами.

21-й день. Провинция Иё преподнесла белую ласточку¹¹⁸.

9-я луна, 15-й день. Отремонтирована крепость Такаясу.

20-й день. Оглашен указ: «Всем, начиная от 2-й большой степени ранга сё и кончая безранговыми чиновниками, приготовить луки, стрелы, доспехи, копья и боевых коней в соответ-

ствии с занимаемым положением». Кроме того, указано: «В столице и районе Кинай поступить так же»¹¹⁹.

25-й день. Скончалась принцесса крови Ниитабэ¹²⁰. Принцам, сановникам и всем чиновникам государевым указом приказано принять участие в похоронах. Принцесса крови была дочерью императора Тэнти.

Зима, 10-я луна, 13-й день. Оглашен указ: «Помиловать всех преступников в Поднебесной. Под помилование не попадают те, кто совершил десять тяжких преступлений и грабители». [Указ оглашен] в связи с [высочайшим] желанием отремонтировать усыпальницы в Оти и Ямасина¹²¹.

20-й день. Принц Кинунуи¹²², 4-я широкая степень ранга дзё:, Тагима-но Махито Куними¹²³, 1-я большая степень ранга дзики, Хадзи-но Сукунэ Нэмаро¹²⁴, 3-я широкая степень ранга дзики, Танака-но Асоми Норимаро¹²⁵, 4-я большая степень ранга дзики, четверо чиновников третьего разряда-ханкан, двое чиновников 4-го разряда-сакан¹²⁶, двое начальников строителей отправлены к гробнице Оти. Принц Ооиси, 4-я широкая степень ранга дзё:, Авата-но Асоми Махито¹²⁷, 2-я большая степень ранга дзики, Хадзи-но Сукунэ Уматэ, 3-я широкая степень ранга дзики, Оварида-но Асоми Тагима¹²⁸, 4-я широкая степень ранга дзики, четверо чиновников третьего разряда, двое чиновников 4-го разряда, двое начальников строителей отправлены к гробнице Ямасина. Между ними распределены обязанности по ремонту.

27-й день. Инспекторы отправлены во все провинции для выявления нарушений закона.

11-я луна, 1-й день. Случилось солнечное затмение¹²⁹.

4-й день. Фуми-но Имики Хакасэ, Осакабэ-но Маки¹³⁰ и иже с ними вернулись с южных островов. Им даровано соответствующее повышение в ранге.

29-й день. Учителю дхармы монаху Гизэн¹³¹ пожаловано 10 тысяч снопов риса в награду за его ученость.

12-я луна, 3-й день. Скончалась принцесса крови Ооз¹³², 2-я широкая степень ранга дзё:. Принцам, сановникам и всем чиновникам приказано принять участие в похоронах. Принцесса крови была дочерью императора Тэнти.

4-й день. Дадзайфу приказано построить две крепости — Мино и Инацуми¹³³.

20-й день. Учрежден Подотдел по чеканке монеты¹³⁴. Заведующим назначен Накатоми-но Асоми Омимаро, 4-я большая степень ранга дзюки.

[4-й год правления Момму, 700]

4-й год, весна, 1-я луна, 7-й день. Принцу крови Ниита-бэ¹³⁵ пожалована 2-я широкая степень ранга дзё:

13-й день. Оглашен указ о предоставлении левому министру Тадзихи-но Махито Сима посоха долголетия и паланкина в связи с его преклонным возрастом¹³⁶.

2-я луна, 5-й день. Управитель провинции Кадзуса испрашивал разрешения назначать в уезде Ава¹³⁷ на должности управителей уезда и помощников управителей уезда родственников отцов, сыновей, старших и младших братьев. Разрешение дано.

8-й день. Провинция Тамба преподнесла олово.

19-й день. В двух провинциях — Этиго и Садо — приказано построить каменные крепости.

21-й день. Инспекторы отправлены в округ То:сандо: для выявления нарушений закона.

27-й день. Издан указ о том, чтобы принцы, сановники, [жители] столицы и района Кинай запасали оружие.

3-я луна, 10-й день. Скончался досточтимый монах¹³⁸ До:сё:¹³⁹. Государь был сильно опечален и отправил посланцев с соболезнованиями и дарами. Досточтимый [До:сё:] родился в уезде Тадзихи провинции Кавати. Он происходил из рода Фунэ-но Мурадзи¹⁴⁰. Его отец звался Эсака¹⁴¹, он носил младшую степень ранга сё:кин¹⁴². Досточтимый следовал всем заповедям, отличался усердием. Однажды ученик решил испытать его. Он проделал отверстие в ночном горшке досточтимого. Когда его содержимое пролилось на постель, досточтимый улыбнулся и сказал: «Вот негодник! Постель мне испортил!». И более ничего не говорил. В правление императора Ко:току, в 4-м году Хакути [653], он отправился вместе с посольством в страну Тан¹⁴³. Там он повстречался с Сюань-цзаном¹⁴⁴, стал его учеником, получил посвящение. Сюань-цзан полюбил его, поселил в своей келье. Однажды он сказал: «Когда в давние времена я странствовал на западе, голод застиг меня в дороге. Попросить еду было не у кого. И вдруг откуда ни возьмись появился послушник. В руке

у него была груша, он дал мне ее. Я съел ее, и день ото дня дух мой стал крепчать. Теперь ты для меня — все равно, что тот послушник с грушей». А еще [Сюань-цзан] сказал так: «Сутры и шастры — глубоки, удивительны, исчерпать их невозможно. А потому научись-ка лучше медитации и отправляйся проповедовать в восточную страну¹⁴⁵». Получив наставление, досточтимый стал учиться медитации и стал много просветленнее. Он вернулся домой вместе с посольством¹⁴⁶. На прощание Сюань-цзан подарил досточтимому имевшиеся у него мощи Будды, сутры и шастры со словами: «Человек может возвеличить Дао-Путь¹⁴⁷. Дарю тебе все это, прилепись к этим словам». Кроме того, подарил котелок, сказав так: «Я принес его из западных стран. Будешь варить в нем — болезни исцелятся. В котелке заключена удивительная сила». Тут досточтимый почтительно попрощался и расстался [с Сюань-цзаном] со слезами на глазах. Когда [на обратном пути] добрались до провинции Дэн¹⁴⁸, многие члены посольства заболели. Досточтимый достал котелок, скипятил воду, сварил кашу, дал всем больным. В тот же день они исцелились. Тогда отчалили и поплыли с попутным ветром. Вышли в море, и тут корабль остановился. Так продолжалось семь дней и ночей. Люди удивлялись: «Ветер силен и хорош. С ним мы уже должны были бы вернуться в свою страну. Однако по какой-то причине мы не движемся вперед». Прорицатель сказал: «Бог моря хочет заполучить себе котелок». Услышав это, досточтимый сказал: «Котелок мне подарил Сюань-цзан. Зачем же, бог моря, ты просишь его у меня?» Тогда все стали говорить так: «Если пожалеешь котелок, корабль утонет, мы станем кормом для рыб». Схватили котелок и бросили его в море. И тогда корабль смог доплыть до нашей страны¹⁴⁹. В юго-восточном углу храма Ганго:дзи¹⁵⁰ [До:сё:] построил залу для медитации Дзэнъин. И тогда люди Поднебесной стали следовать за досточтимым и учиться у него медитации. Впоследствии [досточтимый] обходил Поднебесную, у дорог копал колодцы, много где учредил паромные переправы и построил мосты. Мост Удзи в провинции Ямасиро — его рук дело¹⁵¹. И так он странствовал более десяти лет. Однако потом было высказано высочайшее повеление¹⁵², он вернулся на жительство в Дзэнъин, где по-прежнему предавался сидячей медитации. Бывало, что не вставал и три дня, бывало, что и семь. Как-то раз из его кельи

разлилось благоухание. Его ученики удивились и вошли внутрь. [До:сё:] сидел на веревочном сиденье с прямой спиной, но дыхания в нем не было. И было тогда ему 70 лет. Ученики переняли его поучения, а самого предали огню в Авахара¹⁵³. Обычай трупосожжения ведет свое начало в Поднебесной с этих пор¹⁵⁴. Люди передают: «После того, как костер прогорел, родственники и ученики бросились туда, чтобы забрать останки себе. Тут вдруг поднялся смерч, поднял пепел и кости, и унес их, а куда — неизвестно. Люди тому очень дивились». После того, как столица была перенесена в Нара [710 г.], младшие братья досточтимого и его ученики обратились к государю с просьбой перенести Дзэнъин в новую столицу. Это нынешний Дзэнъин, что находится в правой половине столицы. Там хранится множество сутр и шаштр. Переписаны они красиво, ошибок в них нет¹⁵⁵. Это [книги], привезенные досточтимым [До:сё:].

15-й день. Всем принцам и сановникам приказано изучать законы *рё*:. Приказано также составить законы *рицу*¹⁵⁶.

17-й день. Во всех провинциях учреждены пастбища для выпаса коров и лошадей¹⁵⁷.

Лето, 4-я луна, 4-й день. Скончалась принцесса крови Асука¹⁵⁸, 4-я широкая степень ранга *дзё*:. Государь отправил посланцев с соболезнованиями и дарами. Принцесса была дочерью императора Тэнти.

5-я луна, 13-й день. Саэки-но Сукунэ Маро¹⁵⁹, 4-я широкая степень ранга *дзюки*, назначен послом в Силла, Сами-но Асоми Касамаро¹⁶⁰, 4-я большая степень ранга *гон*, назначен заместителем посла. Кроме того, назначены старший и младший *ханкан*, старший и младший *сакан*.

6-я луна, 3-й день. Люди из Сацума по имени Химэ, Кумэ и Хадзу, управитель уезда Э¹⁶¹ по имени Э-но Кими Агата, его заместитель Э-но Кими Тэдзими, Кимоцуки-но Нанива встали во главе людей *кумэ*¹⁶² и с оружием в руках угрожали посланникам государя во главе с Осакабэ-но Маки. В связи с этим управителю Цукуси приказано наказать преступников в соответствии с их деяниями¹⁶³.

17-й день. Законы *рицу* и *рё*: были составлены по государеву указу принцем крови Осакабэ¹⁶⁴, 3-я большая степень ранга *дзё*:, Фудзивара-но Асоми Фухито¹⁶⁵, 1-я широкая степень ранга *дзюки*, Авата-но Асоми Махито, 2-я большая степень ранга *дзю*-

ки, Симоцукэно-но Асоми Комаро¹⁶⁶, 3-я широкая степень ранга *дзики*, Ики-но Мурадзи Хакатоко¹⁶⁷, 4-я широкая степень ранга *дзики*, Иёбэ-но Мурадзи Умакаи¹⁶⁸, 4-я широкая степень ранга *дзики*, Сацу Ко:каку¹⁶⁹, 1-я большая степень ранга *гон*, Хадзи-но Сукунэ Ои¹⁷⁰, 3-я широкая степень ранга *гон*, Сакаи-бэ-но Сукунэ Морокоси¹⁷¹, 4-я широкая степень ранга *гон*, Си-раи-но Фухито Хонэ¹⁷², 1-я большая степень ранга *му*, Кифумино Мурадзи Сонау¹⁷³, 1-я большая степень ранга *цуй*, Танабэ-но Фухито Момоз¹⁷⁴, Мити-но Кими Обитона¹⁷⁵, Саи-но Сукунэ Сакамаро¹⁷⁶, Канути-но Цукури Оосуми¹⁷⁷, 1-я большая степень ранга *цуй*, Нукатабэ-но Мурадзи Хаяси¹⁷⁸, 1-я большая степень ранга *син*, Танабэ-но Фухито Обитона¹⁷⁹, 2-я большая степень ранга *син*, Ямагути-но Имики Оомаро¹⁸⁰, Цуки-но Имики Окина¹⁸¹, 4-я широкая степень ранга *дзики*. Этим людям пожалованы соответствующие подарки.

8-я луна, 3-й день. Деревья в окрестностях Унэби, Кагуяма, усыпальницы Нариаи и дворца Ёсино без всякой причины за-сохли¹⁸².

10-й день. Провинция Нагато преподнесла белую черепаху.

20-й день. Монахам Цу:току и Эсюн приказано вернуться к мирской жизни. Вместо них приняты в монахи два человека. Цу:току пожалована фамилия Яго-но Фухито, имя Кунисо и 4-я широкая степень ранга *гон*. Эсюн пожалована фамилия Кити, имя Ёроси и 4-я широкая степень ранга *муку*. Это было сделано для того, чтобы можно было использовать их умения¹⁸³.

22-й день. В Поднебесной объявлено помилование. Под него не попали совершившие десять тяжких преступлений и воры. Престарелым пожалованы подарки.

В соответствии с докладом, представленным инспекторами, управителям провинций пожаловано повышение в рангах и земельные наделы по их деяниям. Абэ-но Асоми Миуси¹⁸⁴, Оотомо-но Сукунэ Миюки¹⁸⁵ пожалована 3-я широкая степень ранга *сё*. За беспорочную службу управителю провинции Инаба по имени Фунэ-но Мурадзи Хадакацу¹⁸⁶, 1-я большая степень ранга *гон*, пожаловано 30 дворов, а управителю провинции То:то:ми по имени Нурибэ-но Мияцуко Митимаро¹⁸⁷, 1-я широкая степень ранга *гон*, пожаловано 20 дворов.

Зима, 10-я луна, 8-й день. Монахам и монахиням столицы и района Кинай, которым исполнилось более 90 лет, пожалова-

ны грубый шелк, вата и полотно. Учрежден подотдел по пошиву одежды и изготовлению головных уборов.

15-й день. Исоноками-но Асоми Маро¹⁸⁸, 1-я большая степень ранга *дзики*, назначен управителем Цукуси; Оно-но Асоми Кэно¹⁸⁹, 3-я широкая степень ранга *дзики*, назначен его заместителем; Хата-но Асоми Мугоэ¹⁹⁰, 3-я широкая степень ранга *дзики*, назначен управителем Суо; Камицукэ-но Асоми Отари¹⁹¹, 3-я широкая степень ранга *дзики*, назначен управителем Киби; Кудара-но Коникиси Омбо¹⁹², 3-я широкая степень ранга *дзики*, назначен управителем Хитати.

19-й день. Сазки-но Сукунэ Маро, 4-я широкая степень ранга *дзики*, преподнес фазана и диковинные вещи, привезенные им из Силла.

26-й день. В Суо: отправлен посланец с повелением построить корабль¹⁹³.

11-я луна, 8-й день. Прибыл посол Силла Ким Сомо, ранг *сальчхан*¹⁹⁴. Он сообщил о кончине матери вана [Хёсо].

21-й день. Всюду в Поднебесной развелись воры и грабители. Отправлены посланцы, чтобы изловить их.

28-й день. Камо-но Кими Нукамэ из уезда Кадзураки-но Ками провинции Ямато¹⁹⁵ родила тройню: двух мальчиков и одну девочку. Ей пожаловано: 4 хики грубого шелка, 4 дзюн ваты, 8 тан полотна, 400 снопов риса и одна кормилица.

12-я луна, 26-й день. В провинции Ямато разразились болезни. Для оказания помощи отправлены лекари, посланы лекарства.

Конец 1-го свитка

Комментарии

¹ Единственный случай употребления в начале свитка датировок по шестидесятилетнему циклу. После введения девизов правления в 700 г. (Тайхо:) все датировки осуществляются в соответствии с девизами правления.

² Имена придворных состояли из трех компонентов: родового (фамильного) имени (в данном случае это Сугано), наследственного родового ранга-титула *кабанэ* (Асоми) и личного имени (Мамити). О самом

Мамити см. «Предисловие». Лица, которые упоминаются в хронике один раз и о которых умалчивают другие источники, оставлены без комментария.

³ Номенклатуру должностей и соответствующих им рангов см. в книге А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. История древней Японии. СПб.: «Гиперион», 2002.

⁴ Принц Ясудоно (будущий император Хэйдзэй).

⁵ 683–707, правил с 697 по 707 гг. Проблемы, возникающие в связи с именами правителей, достаточно запутаны. Японские правители обладали несколькими именами. Во-первых, они известны по именам, имевшимся у них до церемонии интронизации. Это было так называемое «прижизненное табуированное имя» (*имина*), которое оглашалось после смерти. Для Момму этим именем являлось Кару. Источники ничего не говорят о том, присваивалось ли правителям тронное имя. Исходя из общ исторических соображений, с большой долей вероятности мы можем ответить на этот вопрос положительно. Но, по всей видимости, эти имена были также табуированы, в связи с чем нам ничего о них не известно. Действующие императоры именовали себя как «дочь Ямато», «сын Ямато, что правит страной великой восьми островов», «Мы» (*тин*) и т. п. После кончины правителям могло присуждаться либо многокомпонентное «японское посмертное имя», обычно подчеркивавшее небесное происхождение государя, его креативные функции, идею преемственности (в данном случае — Ама-но Мамунэ Тоёоодзи-но Сумрамикото, что может быть переведено как Небесный—Истинный—Основа—Обильный—Предок—Отец—Государь); это могло быть и (или) «китайское имя», состоявшее из двух иероглифов (Момму). Семантика китайских имен имеет обычно отношение к китайским представлениям об идеальном правителе (Момму означает «культурность и воинская доблесть», что отражено в предварительных записях, говорящих о его начитанности и искусстве лучника). Правителям «Нихон сёки» (далее «НС») присваивалось только японское посмертное имя. Считается, что этот обычай вошел в обиход никак не раньше VI в. под китайским (корейским) влиянием. Наречение посмертным именем было составной частью погребального обряда. До этого времени правителей именовали по тому дворцу, в котором они пребывали (эта традиция частично сохраняется и в VIII в.). Считается, что посмертные имена китайского типа были присуждены правителям «НС» задним числом только в середине VIII в. (вероятно, их придумал О:ми-но Мифунэ, 722–785, в 60-х гг.). Таким образом, система китай-

ских посмертных имен окончательно складывается лишь в середине VIII в., но продолжает свое существование вплоть до XX в. В исторической науке и обиходе правители (включая самых ранних) известны почти исключительно по китайским именам, которые, во-первых, проще для запоминания, и, во-вторых, в отличие от японских, были присуждены всем правителям. Правители «Сёку нихонги» (далее «СН») обладают, как правило, двумя именами. При этом их китайские имена были введены в обиход несколько раньше, чем китайские имена правителей «НС». Так, имя «Момму» встречается уже в китаезычной поэтической антологии «Кайфу:со:» (751 г.). Система посмертных имен японского типа начинает деградировать уже в VIII в. Из девяти правителей VIII в. только Момму, Гэммэй, Гэнсё, Сё:му и Ко:нин обладали японскими посмертными именами. Момму и Ко:нин посмертное имя было присуждено во время отправления погребальных ритуалов, а когда оно было присуждено Гэммэй и Гэнсё:, остается неизвестным. Что касается Сё:му, то поскольку он принял монашество, посмертное имя было присуждено ему вместе с наречением его посмертным буддийским именем в 759 г. (Сёму умер в 756 г.) Но у Ко:кэн (Сё:току) японского имени вообще нет, поскольку она приняла монашество. В свитках, относящихся к правлению Сё:току, она именуется «государыней Такано» (по местоположению ее усыпальницы). У Дзюннин (это китайское имя было присуждено ему только в 1870 г.) японское имя также отсутствует, в хронике он именуется «упраздненным императором» ввиду того, что он был сослан. Последний же правитель «СН», Камму, назван «нынешним императором». Система присуждения посмертного имени японского типа окончательно отмирает в IX в. после Дзюнна (видимо, это было связано с тем, что синтоистский погребальный ритуал был в значительной степени вытеснен буддийским, а также с большей «китаезацией» образа японского правителя в хэйанское время). Дополнительная сложность с употреблением имен японского типа состоит в том, что источники (и даже один и тот же источник) могут называть одного и того же правителя по-разному. Так, «НС» называет Дзито: Такама-но Хара Хироно-но Химэ, а «СН» именует ее Ооямато-нэко Ама-но Хироно Химэ-но Микото; самого Момму хроника именует также Ямато Нэко Тоёоодзи-но Сумэрамикото (Кэйун, 4-11-20).

⁶ Император Тэмму.

⁷ Имеется в виду сын Тэмму принц Кусакабэ (это имя являлось его тайным именем-имина). В «Манъё:сю:» имеется посвященный ему плач Какиномото Хитомаро (№ 167), хорошо отражающий мифологические

представления того времени. Кусакабэ был назначен наследным принцем, но умер рано, не дожив до интронизации.

В круглых скобках приводятся примечания к тексту хроники, которые в оригинале записаны более мелкими (по сравнению с основным текстом) иероглифами. Авторство и время написаний этих примечаний остаются неизвестными.

⁸ Императрица Гэммэй.

⁹ Император Тэнти.

¹⁰ Т. е. сочетал в себе знание канонических китайских философских и исторических сочинений, с одной стороны, и владение воинскими искусствами — с другой, что считалось, согласно китайским политическим представлениям, признаком идеального человека и правителя. Стрельба из лука относилась к «шести искусствам»: церемонии, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика.

¹¹ Императрица Дзито: была дочерью Тэнти и Сога-но Оти Ирацумэ, супругой государя Тэмму.

¹² В «НС» отсутствует запись о назначении Момму наследным принцем.

¹³ Считается, что и после отречения Дзито: имела огромное политическое влияние (тем более, если учесть, что Момму в момент восшествия на престол было только 14 лет). После отречения она приняла невиданный доселе титул *дайдзё*: *тэнно* (может быть истолковано как «действующая бывшая государыня», при переводе мы пользуемся сочетанием «бывшая государыня»). Поскольку круг претендентов (при реально существовавшей полигамии и отсутствии фиксированного порядка наследования) был весьма широк (согласно законодательству VIII века, в круг императорского дома попадало несколько десятков человек с формально одинаковыми правами), это создавало почти неограниченные возможности для возникновения конфликтных ситуаций. По всей вероятности, это имело определенное отношение к традиционной системе родства, которая, судя по всему, не отдавала приоритета ни одному из наследников. В качестве защиты от такого рода нестабильности постепенно вырабатывается механизм отречения от престола с предварительным назначением правопреемника. Так, Дзито: отрекалась в пользу Момму; Гэммэй — в пользу Гэнсё:, своей незамужней дочери (такая передача властных полномочий не имела прецедента); Гэнсё: — в пользу Сё:му (сын Момму); Сё:му — в пользу своей дочери Ко:кэн; Ко:кэн — в пользу Дзюннин (сын принца крови Тонэ-

ри); сам Дзюннин был принужден оставить престол под давлением Ко:кэн, вторично занявшей трон под именем Сё:току, Ко:нин отрекся в пользу Камму. Получается, что из всех правителей VIII в. до конца своей жизни занимали трон только Момму и Сё:току («НС» знает только один случай отречения, когда Когёку отреклась в пользу Ко:току).

Церемония интронизации проходила в «тронном дворце» (Дайгокудэн). Согласно законодательству «Рицурё:» (VI-13), жрец из рода Накатоми возглашал молитвословие (*норито*), а жрец из рода Имубэ (Имибэ) передавал императору три императорских регалии – зеркало, меч и некий третий предмет. Хотя он записывается иероглифом «печатать», многие исследователи полагают, что на самом деле это была *магатама* (магический предмет в виде «запятой», сделанный из полудрагоценного камня). Перевод *норито* см. «Норито. Сэммё». Пер. А. М. Ермаковой. М.: «Наука», 1991, сс. 116–117. Перевод административного законодательства см. «Свод законов «Тайхорё». Перевод К. А. Попова. М.: «Наука», 1984–1985.

¹⁴ Первый указ в форме *сэммё: (микотонори)*. Этот и последующий указы в этом жанре в других свитках переведены и откомментированы А. М. Ермаковой. Впервые *сэммё* из «СН» и комментарии к ним были опубликованы в книге: «Норито. Сэммё». Перевод, предисловие и комментарии А. М. Ермаковой. М.: ГРВА, серия «Памятники письменности Востока», ХСVII, 1991. Для настоящего издания выполнена обновленная редакция переводов и комментариев.

¹⁵ Акицумиками. Бог, явленный в мир действительности из невидимого ноуменального мира духов и богов предков.

¹⁶ Восемь — магическое число, означающее «множество».

¹⁷ Местообитание главных божеств синтоистского пантеона.

¹⁸ Имеется в виду бог Ниниги-но Микото (внук Аматэрасу), спустившийся с Равнины Высокого Неба на гору в Хю:га на острове Кюсю. Предок первоимператора и основателя правящей династии Дзимму.

¹⁹ Если исходить из мифов «Кодзики» и «НС», имеются в виду боги Аматэрасу и Таками-мусуби, поручившие Ниниги спуститься на землю, однако возможны, вероятно, и другие толкования.

²⁰ Концепт «наследования солнцу небесному» по разному толковался в японской филологической традиции, начиная с Мотоори Норинага. Скорее всего, речь идет о наследовании от Аматэрасу, вручившей Ниниги-но Микото зеркало — как регалию власти над страной и как собственный символ-заместитель (то есть как объект поклонения).

²¹ Этот оборот речи представлял собой, по-видимому, магическую формулу, восхваляющую государевых слуг. Она буквально совпадает с молитвословиями *норито* заклинательного характера («Благопожелания Великому дворцу» и «Праздник священных врат» — см. «Норито. Сэммё», сс. 107, 109).

²² Здесь и далее перечислены мероприятия, связанные с восшествием на престол Момму. Рисовый налог (*дэнсо*) составлял, согласно законодательству, 2 снопа и 2 связки с каждого *дан* обрабатываемой земли, но в реальности собирался обмолоченным зерном. Трудовая повинность (*дзо:ё* или *дзацу:ё.*, в основном, это были строительные и ирригационные работы) должна была составлять не более 60 дней в году (30 дней отработок на общегосударственные проекты и 30 дней — на местные). Заменительная натуроплата (*ё:*) составляла 2 *дзё:* и 6 *сяку* полотна. Уплачивалась вместо несения трудовой повинности тягловыми крестьянами.

²³ *Оотикара* или *оодзэй*. Система ссуд была достаточно распространена в VIII в. Ссуды подразделялись на вещевые и рисовые, государственные и частные. Наибольшее распространение получили рисовые ссуды. Если ссуда предоставлялась государством (в лице уездных и провинциальных властей), то процент по выплате составлял 50 процентов (выплата производилась через год), если частным лицом или же негосударственным институтом (например, буддийским храмом) — до 100 процентов. В случае неуплаты заемщик расплачивался отработками. В уездные рисовые амбары зерно поступало из двух основных источников: рисовый налог и проценты по ссудам. Уездные амбары, куда поступали рисовые выплаты, служили основным источником финансирования государственных расходов (раздача государственных вспомоществований, обеспечение потребностей двора и деятельности провинциальных властей, продуктивное обеспечение трудомобилизованных, занятых на общественных работах и т. п.).

²⁴ Стариками обычно именовались люди старше 80 лет, однако есть прецеденты оказания помощи тем, кому исполнилось 70 лет. Если учесть, что в VIII в. средняя ожидаемая продолжительности жизни составляла, видимо, около 25 лет, можно сделать вывод, что меры помощи престарелым носили в значительной степени церемониальный характер. Низкая средняя продолжительность жизни объясняется прежде всего высокой детской смертностью. В то же самое время данные «СН» дают основания считать, что выжившие в детстве имели хорошую возможность дожить до преклонных лет.

²⁵ Под этой формулировкой понимается то, что подарки раздаются в соответствии с рангом или положением (должностью) присутствующих.

²⁶ Этот ритуал имеет буддийское происхождение. При буддийских храмах вырывался специальный пруд, куда и выпускали ранее пойманных (купленных у торговцев) рыб.

²⁷ Род Фудзивара сыграл выдающуюся роль в истории Японии VIII и нескольких последующих веков. Тип родства — божественный (*синбэцу*). Вел свое происхождение от небесного божества Амэ-но Коянэ-но Микото (потомка божества Цухая Мусуби-но Микото), отпочковался от жреческого рода Накатоми, проживал в левой половине столицы. Получил свою фамилию в 669 г. (по местоположению своих владений) за заслуги Накатоми-но Каматари, который был внутренним министром. Мияко была дочерью Фудзивара-но Фухито (сын Каматари), одного из главных царедворцев своего времени. Мияко стала матерью будущего государя Сё:му (здесь и далее сведения о происхождении того или иного рода основываются, в основном, на генеалогических списках 815 г. «Синсэн сёдзироку», где указывается тип родства («потомки императоров» — *ко:бэцу*, «потомки божеств» — *синбэцу*, «потомки переселенцев» — *сёбан*) и место регистрации. Могут указываться и некоторые другие сведения. Частичный перевод «Синсэн сёдзироку» (далее «ССР») см. «Синсэн сёдзироку». Перевод и комментарии М. В. Грачева. — «Синто. Путь японских богов». СПб.: «Гиперион», 2002, т. 2, сс. 170-193.

²⁸ Влиятельный род Ки вел свое происхождение от сына государя Ко:гэн по имени Хикофуцу Оси-но Макото. Тип родства — *ко:бэцу*, левая половина столицы.

²⁹ Род Исикава изначально носил фамилию Сога. В VI — первой половине VII вв. это был наиболее могущественный род, представители которого неизменно занимали ведущие придворные должности. Однако после убийства в 645 г. Сога-но Ирука род утрачивает свои позиции. Фамилия Исикава была пожалована Сога в правление Тэмму. Тип родства — *ко:бэцу* (Ки-но Цуно-но Сукунэ, левая половина столицы).

³⁰ Японские правители VIII в. имели несколько категорий официальных супругов: главная супруга (*ко:гу:*), старшая супруга (*бунин*), средняя супруга (*хи*), младшая супруга (*хин*). Согласно законам «Рицурё:», главная супруга не имела ранга. Что касается *хи*, то на это место в дворцовой иерархии могли претендовать только члены императорской фамилии, им предоставлялся четвертый (и выше) ранг (разряд-*хин*)

для принцев и принцесс. Главная супруга государя тоже, естественно, должна была принадлежать к императорскому роду. *Бунин* и *хин* были дочерьми принцев боковых ветвей императорского рода и сановников, им предоставлялся обычный ранг — от третьего и выше (*бунин*) и четвертый-пятый (*хин*). Разделение на членов императорского и неимператорского родов начинается только в правление Тэнти. До этого все многочисленные супруги государя именовались одинаково — *кисаги* (за исключением главной супруги). Хотя супругам государя полагалось различное довольствие и ранг, их дети рассматривались как полноправные дети императора. У Момму главной супруги не было.

³¹ Числовое обозначение рангов было введено только с принятием кодекса «Тайко: рицурё:». В данный момент действовала старая система рангов, принятая при Тэмму в 685 г. Соответствие между новой (701 г.) и старой системой рангов (685 г.) см. А. Н. Мецераков, М. В. Грачев. История древней Японии, с. 479.

³² *Дзикифу*. Согласно «Рицурё:», кормовые пожалования представляли собой определенное количество крестьянских дворов с приданой им земель. Половина всего определенного законом рисового налога, налоги *тё:* и *ё:*, все трудовые повинности тягловых крестьян осуществлялись в пользу держателя такого кормового надела, который сам был освобожден от налогов. При этом непосредственным сбором налогов занимались управления уездов, которые доставляли полученные продукты в столицу. Сбор податей держателем кормового надела, как правило, не допускался. До введения «Рицурё:» кормовые пожалования предоставлялись лицам, обладавших рангами, которые соответствовали 5-му рангу и выше. С введением «Рицурё:» круг лиц, обладающих правом на кормовой надел, был ограничен (носителям 4-го и 5-го рангов вместо кормовых наделов стало предоставляться сезонное жалование).

³³ Согласно китайской политической философии, в правление благодетельного императора на земле появляются посылаемые Небом благоприятные знамения. Согласно «Рицурё:» (XVIII-8), такие знамения подразделяются на четыре степени: высшую, верхнюю, среднюю и низшую. О знаках высшей степени надлежало немедленно сообщать императору (такие знамения предполагали изменения девиза правления), о других знамениях было должно докладывать в Министерство управления (*Дзибусё:*). Закон предписывал сообщать о них императору в первый день нового года. Из сообщений «СН», однако, видно, что о знаках верхней, средней и низшей степени в действительности могли докладывать и в 9-ой луне (здесь, вероятно, сказалась местная синтои-

стская традиция, делающая упор на осенней обрядности). В «Энгисики» (раздел «Дзибусё:-сики») содержится подробная роспись того, какое из знамений соответствует вышеозначенным категориям. Однако знаменья, регистрируемые начальными свитками «СН» (вплоть до эры Ё:ро:), не обязательно соответствуют этой росписи. «Чудесный рис» (несколько стеблей из одного корня, два колоса на одном стебле), согласно «Энгисики», относится к низшей степени благоприятных знамений.

³⁴ Черепахи (в особенности белые) почитались за благоприятный знак высшей степени и активно использовались в качестве инструмента политического воздействия при необходимости изменения девизов правления. В «СН» содержится 13 упоминаний о появлении «чудесных» черепах, причем иероглиф «черепаха» непосредственно входит в названия следующих девизов правления: Рэйки (Чудесная черепаха), 715–717; Дзинги (Божественная черепаха), 724–729; Хо:ки (Сокровище-черепаха), 770–781. Кроме того, непосредственным образом обнаружение черепахи повлияло на формулирование девиза правления Тэмпё:. Вслед за Китаем в Японии панцирь черепахи использовался для гадания (на обратной стороне панциря вырезали сетку, состоявшую из вертикальных и горизонтальных черт, при нагревании на огне панцирь трескался и по образовавшимся на лицевой стороне трещинам предсказатели судили о будущем). О популярности этого вида гадания в Японии сообщает еще китайская хроника «Вэй-чжи». Черепаха в силу ее долголетия считалась символом долгой жизни, мудрости и благополучия. Согласно китайскому мифу, черепаха, появившаяся из вод реки Ло, имела на своем панцире знаки, которые стали прототипом первых иероглифов. Из 13 отмеченных «СН» случаев преподнесения Двору черепах в 11 случаях их цвет указывается как белый (в двух случаях цвет не указан). Для китайской мифологемы черепахи ее цвет, похоже, не имеет существенного значения, однако, согласно «Основным записям» и «Трактату о жертвоприношениях Небу и Земле» «Исторических записок» Сыма Цяня, на трех островах (Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу), где обитают бессмертные даосские мудрецы, все вещи, птицы и животные — белые. Японский двор в конце VII — первой половине VIII вв. пытался моделировать себя как общность даосских святых, сама же Япония представлялась как священная земля для таких святых. Интересно, что гадалы по панцирю черепахи организационно относились не к Оммё:рё: (Астрологический отдел, где осуществлялись гадания и предсказания с помощью геомантии и астроло-

гии), а к Палате Небесных и Земных божеств (Дзингикан). Это свидетельствует о том, что данный вид гадания появился в Японии достаточно давно и воспринимался как принадлежность синтоистского культа. В данном сообщении речь идет о «речной черепахе» (*кавакамаэ*, «черепаха японская»), которая отсутствует в реестре благоприятных знамений «Энгисики».

³⁵ Благоприятный знак верхней степени.

³⁶ Речь идет о событиях 672 г., датируемого по 60-летнему циклу (комментаторы «СН» читают иероглифы *дзинсин* на японский манер как *мидзунэ-сару*), когда после смерти Тэнти разразилась кровопролитная борьба за престол между принцами Оотомо и Ооама. В решающей битве Оотомо потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. На престол вззошел принц Ооама (Тэмму). Начиная с этого времени и до правления Ко:нин правителями становились только потомки Тэмму. В начальных свитках «СН» содержится достаточно много сообщений, согласно которым сторонники Тэмму получают вознаграждение (чаще всего посмертное повышение в ранге).

³⁷ *Эмиси* (букв. «креветочные варвары», это уничижительное название было присвоено им японцами, в средневековье их называли *эдзо*) — племена, обитавшие на северо-востоке Хонсю, предки айнов. Эти племена не усвоили земледельческой культуры в силу богатства имевшихся в местах их обитания пищевых ресурсов и занимались собирательством, охотой и рыболовством (в особенности была велика роль промысла лососевых). «СН» уделяет сообщениям об *эмиси* достаточно много места. Целью походов против *эмиси*, проведение которых активизируется со второй половины VII в., было не только увеличение территории, подконтрольной государю Ямато. Пленных *эмиси* брали с собой даже во время посещения японскими посольствами двора китайского императора. Уже в это время обозначается желание японцев создать свою мини-империю на китайский манер. Одним из необходимых признаков такой геополитической модели была окруженность Центра (Ямато, Японии) варварскими племенами, которые признают зависимость от «метрополии» и приносят ей регулярную дань (о которой и идет речь в данном сообщении). Чрезвычайно показательным в этом отношении было посольство 659 г., когда ко двору танского императора были доставлены мужчина и женщина из числа *эмиси*. На расспросы императора посланники отвечали, что *эмиси* живут на северо-востоке страны, не занимаются земледелием («они едят мясо и живут этим») и не строят домов (последнее, конечно же, расходилось с

действительностью). Целью такой характеристики *эмиси* была демонстрация того, что власть благодетельного государя Ямато распространяется даже на самых диких варваров. Периоды военной активности сменялись временами культурной и социальной интеграции *эмиси* (присвоение им рангов, переселение их вглубь страны и т. п.). Начиная с правления Тэнти, Ямато умеряет свою военную активность в этом регионе. Правление Момму пришлось на сравнительно спокойный период отношений с *эмиси*. Однако уже в правление Гэммэй количество сообщений об «усмирении» восставших *эмиси* увеличивается.

³⁸ *Ильгильчхан* — 7-й ранг 17-разрядной шкалы рангов Силла, *нама* — 11-й. Не будет преувеличением сказать, что Силла была основным внешнеполитическим партнером Японии (Ямато) в это время. За всю историю отношений между двумя странами посольства Силла присылались в Японию 41 раз: в 672, 673, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 683, 684, 685, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 697, 700, 703, 705, 707, 714, 719, 721, 723, 726, 732, 734, 738, 742, 743, 752, 760, 763, 764, 769, 774, 779, 803 и 840 г. Япония отправила в Силла 27 посольств: 675, 676, 681, 684, 687, 692, 695, 700, 703, 704, 706, 712, 718, 719, 722, 724, 732, 736, 740, 742, 752, 753, 779, 804, 836, 878 и 882 г. Отношения с Силла определялись следующими обстоятельствами. Вместе с войсками Танской империи Силла завоевала главного союзника Ямато — Пэкче — в 660 г., а Когурё — в 668 г., что вызвало сильнейшую озабоченность Ямато, в значительной степени ускорило проведение реформ, породило страх перед иноземным вторжением. Когда в 676 г. Танская империя ослабила свой контроль над Корейским полуостровом, Силла образовала единое государство на всей его территории. После образования единой Силла были установлены взаимоотношения между двумя государствами. С точки зрения противостояния Танской империи Силла была заинтересована в Японии как в стратегическом партнере. По настоянию Ямато Силла стала приносить регулярную дань ко двору Ямато, что было равносильно признанию Японии своим сюзереном. Дань приносилась в правления Тэмму и Дзито: с периодичностью в 1–2 года. При Момму ситуация кардинально не изменилась. Поскольку официальные контакты Японии с Танским Китаем сошли на нет в правление Тэмму и Дзито, китайская культура (включая политическую) получала распространение в Ямато в значительной степени через посредничество Силла (кроме того, большую роль играли беженцы из Пэкче и Когурё). Однако после того, как последствия войн на полуострове были преодолены, Силла возобновила

дипломатические контакты с Китаем, недовольство данническими отношениями с Японией стало возрастать, дань стала присылаться приблизительно один раз в три года. Недовольство Силла наиболее отчетливо проявилось уже в правление Сё:му. Реальное сокращение посольств, посылаемых в Японию, отражается в требовании 733 г. присылать дань один раз в три года, т. е. Япония хотела зафиксировать хотя бы такую периодичность. Со стороны Силла постепенно снижается и уровень представительности посольств. В правления Тэмму и Дзито: в качестве послов выступали весьма высокопоставленные особы (включая принцев крови — 3 случая). Однако после визита принца Ким Яннан в 695 г., в следующий раз принц крови возглавил посольство Силла лишь в 753 г. Обычно же в это время послами становились чиновники 7–9 рангов (Силла использовала 17-ступенчатую шкалу ранжирования). В то же самое время по мере возрастания напряженности в отношениях достаточно заметно возрастает количество японских посольств в Силла, что нетипично для дипломатического этикета страны-сюзерена (из Центра должно посылаться посольств меньше, чем из страны-данника).

³⁹ Ранг Сакамото соответствует нижней степени 7-го младшего ранга. «СН», как правило, содержит сведения о чиновниках не младше 6-го ранга.

⁴⁰ Род Хадзи — тип родства *синбэцу* (божество-предок — Амэ-но Хохи-но Микото), правая часть столицы. Наследственное занятие — организация похорон. «НС» сообщает (32-й год правления Суйнин), что по предложению Номи-но Сукунэ человеческие жертвоприношения во время похорон были заменены глиняными (*хадзи*) фигурками, в связи с чем ему была пожалована фамилия Хадзи. От Хадзи отпочковался род Сугавара («СН», Тэнъо, 1-6-25; там же приводится история рода) и род Акисино (Энряку, 1-5-21). Фамилия Хадзи изменена на Ооз в 790 г. (Энряку, 9-12-1).

⁴¹ Раздача продовольствия населению осуществлялась в следующих случаях: вступление на трон, назначение престолонаследника, обнаружение благоприятных знамений, болезнь императора и членов императорской фамилии, природные бедствия и эпидемии. Основным источником вспомоществования были доходы, полученные от рисовых ссуд.

⁴² Имеется в виду указ Тэмму («НС», Тэмму, 8-1-7).

⁴³ Смысл этого указа состоит, по всей видимости, в выстраивании государственно-общественной иерархии. Под главами родов (*удзи-но ками*) понимаются те лица, которые, в соответствии с регуляциями

664 г. (Тэнти, 3-2-9), назначались на эту должность двором (или же получали его санкцию). При этом роды делились на «большие» (т. е. наиболее знатные), «малые» и *томо-но мяццуко* (роды земледельцев и ремесленников). Главы первых получили впоследствии в соответствии с реформой Тэмму кабанэ Асоми, главы вторых — Сукунэ, главы третьих — от Имики и ниже. В качестве инвеституры главам больших родов вручался «большой меч», главам малых родов — «малый меч», главам *томо-но мяццуко* — щит, лук и стрелы. Согласно законодательству «Рицурё» и некоторым другим свидетельствам, главы родов обладали следующими правами: наследовать собственность рода, почитать божество-прародителя рода (*удзигами*), управлять родовыми буддийскими храмами (*удзидэра*), подавать прошение о перемене родовой фамилии, быть похороненными в усыпальнице. Государство использовало прежний, дореформенный институт властных отношений, но поставило его под свой контроль за счет принятия общегосударственных законов, лишив глав родов функции судей и верховных экономических организаторов (путем введения наделного землепользования). Главы родов служили «передаточным механизмом» для проведения в жизнь указаний верховной власти.

⁴⁴ Помещение Дайгокудэн служило для проведения важнейших придворных церемоний с участием императора. К их числу относились: празднование нового года, церемония интронизации, прием иностранных послов и т. п. Дайгоку (кит. Тай цзи) переводится как «великий предел». Это понятие выражает идею предельного состояния бытия, из которого путем последовательного удвоения рождаются *инь* и *ян*, а затем все сущее. Первое упоминание в Китае о дворце с таким названием относится к династии Вэй. Первое упоминание в Японии зафиксировано в «НС» (правление Ко:гёку). Первое археологическое подтверждение наличия Дайгокудэн относится к правлению Ко:току. Дайгокудэн находился на севере дворцового комплекса (император соотносился в Полярной звездой). Празднование нового года было одним из основных ритуалов «государства *рицурё*» (первое свидетельство относится к правлению Ко:току). Его социальный смысл заключался в выражении верноподданических чувств по отношению к императору. Новогодние приветствия и поздравления разрешалось адресовать императору, матери императора, супруге прошлого императора, супруге действующего императора и наследному принцу. На церемонии были обязаны присутствовать все столичные чиновники (около 6000 человек), управители провинций и уездов, которые очутились в это время

в столице, иностранные послы. С конца X в. эта грандиозная церемония была заменена на более «камерную», когда поздравления императору приносили только придворные.

⁴⁵ Использовался в качестве лекарства. Согласно законодательству («Рё», XXIII-26), коровы, содержащиеся на государственных пастбищах, подлежали после смерти обязательному вскрытию на предмет изъятия желчного камня.

⁴⁶ Здесь и далее под «святилищем» понимается синтоистское святилище, под «храмом» — буддийский храм.

⁴⁷ Участвовал в событиях года *дзинсин* на стороне Тэмму.

⁴⁸ Курган, в котором был погребен Тэмму (а впоследствии и его супруга Дзито:). Круглый курган с длиной окружности 190 м, высота — 7 м. Был раскопан в 1235 г. По свидетельству современников, погребальная камера была сложена из мрамора, гроб Тэмму покрыт лаком, урна с прахом Дзито: выполнена из серебра.

⁴⁹ Низкоранговые «специалисты», имевшие отношение к изготовлению рукописей, художники, музыканты и танцоры.

⁵⁰ Жалованье чиновникам в период «*рицурё*:» состояло из двух частей: рангового жалования (*ироку*) и сезонного (*кироку*). Согласно законодательству, ранговое жалованье выплачивалось обладателям 1–5 рангов, у которых не было кормовых пожалований. Сезонное жалование выплачивалось столичным чиновникам и части провинциальных (в Дадзайфу, на островах Ики и Цусима) во 2-й и 8-й лунах в размерах, зависящих от занимаемой должности. Сводные данные об экономических привилегиях чиновников представлены в книге А. Н. Мецераков, М. В. Грачев. История древней Японии, сс. 248–251. Из них следует, что экономические привилегии, дифференцированные по рангам и должностям, сводились к правам на получение определенного количества полей («ранговые поля» — *идэн*), дворов в кормление (*дзикифу*), рангового жалования (*ироку*), сезонного жалования (*кироку*), правам на допустимое количество личных слуг, должностной надел (*сикибундэн*). Следует иметь в виду, что приводимые данные приобрели окончательную систематичность только с введением кодекса «Тайхо: *рицурё*:».

В дальнейшем в «СН» не помещаются аналогичные записи относительно выплаты жалованья (поскольку рутинная выплата жалованья не квалифицируется как «событие»). Записи за 2-й год правления Момму обладают определенным своеобразием и в отношении росписи втөростепенных придворных церемоний. Так, впоследствии хроника

не фиксирует проводившееся ежегодно назначение управителей уездов (см. 2-3-10). Отсутствуют в дальнейшем и имеющиеся в записях за 2-й год сообщения о преподнесении двору природных ископаемых (предполагается, что эта церемония имела место каждый год). Обычно составители хроники оставляли в тексте только первое упоминание о той или иной рутинной процедуре, которая имела место каждый год.

⁵¹ Более позднее вручение военным чиновникам сезонного жалования обусловлено, возможно, китайскими представлениями о более высоком статусе гражданских чиновников.

⁵² Преподнесение полезных ископаемых может объясняться несколькими не исключаящими друг друга мотивами. 1. Преподнесение местных даров приравнивалось к изъявлению покорности (рудимент даннических отношений). 2. Строительная активность государства (создание антропогенной среды обитания – строительство столиц, административных сооружений в провинциях и уездах, прокладка дорог, возведение буддийских храмов и статуй и т. п.) требовала повышенного расхода ресурсов, в связи с чем обнаружение полезных ископаемых становилось делом государственной важности (введение девизов правления Тайхо: и Вадо: напрямую связано с обнаружением золота и меди, чему китайская история примеров не знает). В указе 713 г. о составлении описаний провинций — «Фудоки» — управителям провинций вменялось в обязанность, в частности, представить сведения о наличии там тех или иных ископаемых. 3. Весь природный мир (включая все, что находится под землей) «контролировался» синтоистскими божествами, без благорасположения которых никакая успешная деятельность по освоению этого природного мира была невозможна. Таким образом, обнаружение (преподнесение) полезных ископаемых было равносильно признанию божествами оправданности действий правителя.

⁵³ В этих уездах находились важные синтоистские святилища — Мунаката и Кумано. Уезды, в которых находились важнейшие синтоистские святилища, получили название «божественных уездов». К ним относились восемь уездов. Согласно комментариям к законам «Рё:но сюэ», помимо перечисленных в данном указе, это уезды Ватараи и Такэ в провинции Исэ (святилище Исэ-дзингу:), Катори в Симооса (Симооса-дзингу:), Ава в Ава (Ава-дзиндзя), Касима в Хитати (Касима-дзингу:), Нагуса в Кии (Хинокума-дзингу: и Куникакасу-дзингу:). Согласно законодательству («Рё:», XVIII-25), все родственники подразделялись на пять степеней. Политика центрального аппарата была на-

правлена на преодоление местничества и искоренение традиций наследственного управления. Однако эти традиции были настолько сильны, что с самого начала центр был вынужден идти на уступки. Это касается, в частности, «божественных уездов», где местная аристократия в лице *кунь-но мияцую* (управители древних территориальных единиц) совмещала управленческие и религиозные функции. Неспособность центра назначать своих ставленников на уровне уездов явилась одной из главных причин упадка государства Рицурё.

⁵⁴ Кандидаты на должность управителей уездов и их заместителей, которые были предварительно одобрены на уровне управлений провинциями, вызывались в столицу, где им зачитывался указ об их назначении. Под «законами» подразумеваются письменно зафиксированные законы, которые противопоставляются нормам обычного права, которыми в реальности часто руководствовались местные власти.

⁵⁵ Данный запрет был, вероятно, вызван опасением, что скопление вооруженных людей может быть использовано потенциальными мятежниками. Впоследствии данный запрет был смягчен. Традиция относит происхождение храмовых стрельб из лука к правлению Киммэй. Это действие должно было обеспечить богатый урожай. Стрела является символом бога грома, который почитается в этом святилище.

⁵⁶ *Со:дзё, сё:со:дзу и рисси* — высшие должности в иерархии буддийской церкви Японии, которая считалась одним из государственных институтов. Согласно «Рицурё:», руководство буддийской общины, назначаемое государевым указом, было объединено в орган, который назывался *Со:мо:*, входивший в состав Отдела монахов и чужеземцев (*Гэмбанрё:*) при Министерстве управления (*Дзибусё:*). С 722 г. размещался в храме Якусидзи в Нара. Эсэ (?–701) — проходил обучение в Китае, построил пагоду в храме Хо:кидзи. Тиэн (?–702) — в 1-й луне 702 г. был назначен *со:дзё:*. Дзэнъо (?–711) — в 702 г. назначен *дай:со:дзу*.

⁵⁷ Карлики служили при дворе в качестве шутов и актеров. Конкретные причины изменения имени остаются неизвестными. Изменение имени считалось привилегией государя и практиковалось в древней Японии довольно часто. Оно могло служить как в качестве поощрительной меры, так и для понижения социального статуса. Принципы изменения имени понятны далеко не всегда. В данном случае низкородному артисту присваивается *кабанэ* Оми, т. е. это является поощрительной мерой. Кагато — название деревни в Бидзэн.

⁵⁸ Был послан на острова Танэ «для отыскания жилищ варваров» в 695 г. (Дзито:, 9-3-23). Род Фуми — потомки переселенцев из Китая.

⁵⁹ Южными островами именовались острова, примыкавшие к провинциям О:суми и Сацума. Правительство не было заинтересовано в приобретении этих островов в качестве экономического или же людского ресурса. Немногочисленное население островов рассматривалось как «южные варвары», которые обязаны приносить «цивилизованному центру» дань, которая имела исключительно символический характер.

⁶⁰ Жертвоприношения (быки и лошади) для испрашивания дождя и его прекращения практиковались в древней Японии, чему имеются письменные («НС») и археологические подтверждения (см. *Канэко Хироюки*. Хэйдзэ:кё:-но сэйсин сэйкацу. — «Кадокава», 1997, сс. 57-86). В ритуале могли использоваться и их глиняные субституты. В данном случае речь, по-видимому, идет о живом коне. Для испрашивания дождя использовался черный конь, для его прекращения — белый. Святилище указанного божества находилось в уезде Ёсино провинции Ямато.

⁶¹ В это время в столичный район Кинай входили провинции Ямато, Кавати, Сэццу и Ямасиро (позже к ним была присоединена провинция Идзуми). Деление на столичный район и остальную страну (Кигаи и Кигэ) восходит к китайской административной практике. Поскольку японская аристократия проживала в Кинай, жители этого района пользовались значительными привилегиями, включая налоговые (полное освобождение от заменительной натуроплаты ё:, половина подушной подати тё:). Степень «освоенности» государством этих районов была также различной. Если в Кинай был действительно проведен в жизнь принцип индивидуального налогообложения и индивидуальной трудовой повинности, то в Кигаи непосредственным партнером правительства по-прежнему оставалась местная аристократия.

В «СН» содержится много записей о молениях «знаменитым горам и большим рекам». Эта формулировка восходит к китайской ритуальной практике. Неясно, какие конкретные горы и реки имеются в виду. В любом случае, однако, можно говорить о процессе формирования государственной «синтоистской инфраструктуры», которая окончательно оформляется в «Энгисики», где приводится полный список святилищ, задействованных в спонсируемых государством ритуальных мероприятиях.

⁶² Видимо для инспекции ущерба, нанесенного засухой.

⁶³ Дадзайфу — учреждение, под властью которого находились провинции округа Сайкайдо. Округа (*до*) были учреждены в соответствии с «Тайхо: рицурё:» (о символике названий округов, их роли в административном управлении см. *Симонова-Гудзенко Е. К.* Ориентационная система в Японии VII–X вв. на примере первого территориально-административного деления. — «Япония. Путь кисти и меча», 2002, № 4, сс. 20–25. *Сахарова Е. Б.* Окружной уровень административно-территориального деления в Японии VIII в. — «Япония. Путь кисти и меча», 2003, № 4 (8). Сайкайдо: — единственный из округов, который обладал постоянным штатом чиновников. Особое положение Дадзайфу объясняется его военной функцией — близостью по отношению к основным дипломатическим партнерам и потенциальным противникам — Китаю и Корее, а также необходимостью покорения племен *хято* на юге Кюсю. Дадзайфу находился в провинции Тикудзэн, это был второй по величине город Японии. Крепости Ооно (преф. Фукуока) и Ки (преф. Сага) были построены в правление Тэнти. Время сооружения Кукути (преф. Кумамото) неизвестно.

⁶⁴ В это время *эмиси* еще не считались полноценными подданными и не подлежали регулярному налогообложению.

⁶⁵ Упомянуется в «НС» (Тэмму, 1-6-24; 1-7-2). Род Танака-но Асоми — потомок Сога-но Исикава Сукунэ, сына Такэноути-но Сукунэ («Кодзики», Когэн). Согласно «ССР», относится к потомкам императоров (*ко:бэцу*).

⁶⁶ «СН» фиксирует 72 случая солнечного затмения. Помимо реально наблюдаемых с территории Японии затмений, есть случаи, когда затмение могло наблюдаться в Китае, но не наблюдалось в Японии. Это объясняется тем, что использовавшиеся в Японии календарные (предсказательные) методики были рассчитаны на местоположение Чанъяни. Данная запись — единственный случай, когда затмения не было вовсе. Таким образом, хотя составители хроники широко пользовались знаменами (как счастливыми, так и несчастливыми) для объяснения исторического процесса, затмения солнца в их число не попадали. См. «СН», т. 1, с. 465. Вместе с тем следует помнить, что день затмения считался несчастливым. Поэтому в этот день, за исключением самого затмения, «СН» никаких сообщений не содержит, так как, по всей вероятности, император и двор не должны были предпринимать никаких действий.

⁶⁷ К рабам (несвободным), согласно разным оценкам, относилось от 5 до 10% населения. Несвободные подразделялись на пять категорий:

рё:ко (находились в ведении Министерства управления, занимались сооружением императорских усыпальниц и уходом за ними); *канко* (занимались земледелием и обслуживанием двора); *каннухи* (обслуживали чиновников, использовались на сельскохозяйственных работах и в ремесленном производстве); *кэннин* (домашние рабы аристократии и храмов); *синухи* (личные рабы, находились в полном подчинении хозяину). Представители этой социальной группы объединялись общим названием *сэммин* («подлый люд»; свободные назывались *рё:мин* — «добрый люд»). Браки между людьми, принадлежащими к разным группам, запрещались.

⁶⁸ К азартным играм причисляли прежде всего *сугороку* (на доске изображен «маршрут в виде препятствий и облегчающих его прохождения знаков; бросая кости, партнеры передвигают свою фишку, цель игры — достичь края поля противника).

⁶⁹ Благоприятный знак верхней степеню.

⁷⁰ Управители провинций, в отличие от управителей уездов, принадлежали, как правило, к столичному чиновничеству (аристократии). Такахаси-но Асоми — тип родства *ко:бэцу*. Когда государь Кэйко: охотился в восточных провинциях, ему преподнесли морского моллюска, за что основателю рода была пожалована фамилия Касивадэ-но Оми («служитель государева стола»). В 683 г. фамилию его потомков изменили на Такахаси. Такахаси обычно занимали должности в Подотделе государева стола (Найдзэнси). История рода изложена в памятнике «Такахаси-удзи буми».

⁷¹ Род Мамута — тип родства *ко:бэцу*.

⁷² После того, как потомственные синтоистские жрецы Накатоми (тип родства *синбэцу*) получили фамилию Фудзивара (этой фамилией был пожалован в 669 г. Накатоми-но Каматару), часть этого разветвленного рода продолжала играть огромную роль в отправлении синтоистских культов. В связи с этим части этого рода (включая брата Фухито — Омимаро) была возвращена фамилия Накатоми, которая ассоциировалась со жреческими занятиями. Потомки Омимаро постоянно занимали руководящие должности в Палате небесных и земных божеств (Дзингикан). Фамилию Фудзивара оставили только Фухито (и его сыновьям, которые, занимая гражданские должности, играли ведущую роль в придворной жизни VIII в.). Подр. см. А. Н. Мещеряков. Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII-VIII вв.) — «История и культура Японии», М.: «ИВ РАН-Крафт+», 2001, сс. 26-62.

⁷³ Уезд Икома префектуры Нара.

⁷⁴ «НС» относит это событие к 6-му году Тэнти.

⁷⁵ Оба рода — Оми и Хатори — исполняли жреческие функции в святилище Исэ при отправлении ритуала Камумисо-но мацури (ритуал божественных одеяний), который отправлялся в 4-й и 9-й лунах. Об этом ритуале см. «Норито. Сэммё», с. 120. Род Оми — тип родства *синбэцу*, правая половина столицы. Род Хатори — тип родства *синбэцу*, пров. Ямато и Сэццу. Род Оми упоминается в «НС» (Су:дзин, 7-8-0) и «Когосю:и» (в русском переводе фигурирует как «Уми» — см. «Когосю:и» в переводе Е. К. Симоновой-Гудзенко. — Синто. Путь японских богов. С. 86).

⁷⁶ Таки (?–751) была дочерью государя Тэмму. На должность жриц в святилище Исэ (*сайгу:*) назначались выбранные при помощи гадания незамужние принцессы крови. Исторически достоверная практика назначения жриц в Исэ берет свое начало в правление Тэмму. Выбор и назначение *сайгу:* производились после интронизации нового государя. Отъезду в Исэ предшествовал годичный срок очищения.

⁷⁷ Во всех случаях имеется в виду краска, которая использовалась для приготовления грима.

⁷⁸ Имеется в виду «старый храм Якусидзи», который был построен неподалеку от столицы Фудзивара (совр. город Касихара) по обету Тэмму для исцеления его супруги Дзито:. Наряду с Дайандзи, Ганго:дзи и Ко:фукудзи, считался одним из четырех главных храмов столицы и страны. После переезда двора в Нара (710 г.) храм также был перенесен туда.

⁷⁹ По всей вероятности, ритуал Великого очищения (Оохараэ) предшествовал ритуалу Великого Вкушения (см. следующее сообщение). Согласно «Рицурё:», регулярный ритуал очищения проводился в последний день 6-й и 12-й лун. Очищение могло проводиться также в случаях болезней и природных бедствий, мятежей и заговоров, перед отправлением жрицы в святилище Исэ и интронизацией, проводившейся по синтоистским нормам (*дайдзё:сай*). Отправление ритуала было прекращено в XV в., в период Токугава возобновлено в измененных формах.

⁸⁰ Великое вкушение (*дайдзё:сай*, или *оониз-но мацури*) — одна из церемоний комплекса ритуалов интронизации. Представляла собой разновидность праздника урожая (*ниннамэсай*), который проводился в 11-й луне. Согласно «Энгисики», *дайдзё:сай* включал в себя следующие ритуальные мероприятия и процедуры.

– Определение с помощью гадания двух уездов в двух провинциях (назывались *юки* и *суки*) в районе Кигай, которые должны были поставить ко двору рис нового урожая. В данном сообщении речь идет о провинциях (землях) Овари и Мино. Впоследствии роль *юки* стала играть провинция Ооми (после интронизации Уда, 887), а роль *суки* — провинции Тамба или Биттю: (после интронизации Энью, 969).

– Избранные гаданием посланцы двора в первой декаде 8-й луны совершали приношения в Исэ, святилищах Кинай и семи округов (до).

– В последней декаде 9-й луны ведомые посланцами двора чиновники и крестьяне уездов *юки* и *суки* доставляли в столицу рис нового урожая.

– В последней декаде 10-й луны государь вместе с многочисленными чиновниками совершал *мисоги* — очищение возле выбранной гаданием реки (в период Хэйан постоянным местом для проведения *мисоги* стала река Камогава, протекавшая в столице).

– За неделю до *дайдзё:сай* на территории дворца строился ритуальный комплекс.

– В день проведения *дайзё:сай* (последний день зайца в 11-й луне) представители родов Исоноками (в данном сообщении «СН» вместо Исоноками эту функцию выполняют Оотомо) и Энои устанавливают щиты и копья у северных и южных ворот ритуального комплекса (такая же процедура предусматривалась во время переноса столицы; возможно, она проводилась и во время новогодних празднеств), представители родов Оотомо и Саэки выступают в качестве охранников.

– К часу дня чиновники и крестьяне из уездов *юки* и *суки* доставляют рис и иную ритуальную пищу.

– Около 8 часов вечера государь совершает омовение, переодевается и совершает трапезу (сначала в павильоне *юкидэн*, потом в *сукидэн*), которая заканчивается в 5 часов утра.

– Представитель рода Накатоми возглашает молитвословие *норито* (его перевод см. «Норито. Сэммё», сс. 116–117; там же см. подробное описание *дайдзё:сай*), а Имибэ подносит регалии: печать (или *магатама*), зеркало, меч.

– В день змеи для придворных 1–5 рангов устраивается пир.

– В день быка ритуальный комплекс разбирают (потом его сжигают), проводится церемония пожалования рангов и подарков участникам ритуала.

Проведение *дайдзё:сай* было прекращено в XV в., в усеченной форме возобновлено при Хигасияма (1687–1709). Полная форма ри-

туала возрождается при Сакурамати (1735–1747). Нынешний ритуал *дайдзэ:сай* реконструирован (отчасти придуман) в периоды Мэйдзи и Тайсё.

⁸¹ Род Энои — ответвление рода Мононобэ, считали своим прародителем божество Ниги-Хаяхи-но Микото.

⁸² Род Оотомо — один из древнейших родов, занимался военными делами, играл огромную роль в придворной жизни VIII в., тип родства *синбэцу* (Амэ-но Осихи-но Микото, потомок в 5-м поколении Таками-Мусуби-но Микото).

⁸³ Палата Небесных и земных божеств (Дзингикан) занимала в структуре управления особое место, обусловленное, по всей вероятности, компромиссом между старыми и новыми институтами. Несмотря на то, что в название Дзингикан входит иероглиф *кан* («палата»), т. е. Дзингикан должен был занимать равное с Дадзэ:кан (Палата большого государственного совета) положение, на самом деле Дзингикан находился в подчинении у Дадзэ:кан. Глава Дзингикан обладал даже более низким рангом (нижняя степень 4-го младшего ранга), чем главы министерств (верхняя степень 4-го старшего ранга для Министерства Центра — Тю:мусё: и нижняя степень 4-го старшего ранга для остальных семи министерств). Вместе с тем нормы переписки между Дзингикан и другими министерствами (*сё:*) вроде бы свидетельствуют об их одинаковом статусе (переписка между равными по статусу учреждениями обозначалась как *и*). В то же время министерства адресовались к провинциям как к низшим (*гэ*), а Дзингикан адресовался к ним, как к равным.

⁸⁴ Когда с Цусима преподнесли золото, это послужило основанием для введения девиза правления Тайхо: (см. Тайхо:, 1-3-21; 1-8-7).

⁸⁵ Строительство крепостей и острогов на северо-востоке страны начинается в середине VII в. (Тайка, 4-4-1). Служили в качестве фортификационных сооружений в борьбе с *эмиси*.

⁸⁵ Причины, по которым святилище было перенесено из уезда Такэ в уезд Ватараи (оба они находились в провинции Исэ), неясны. В уезде Ватараи (управлялся родом Ватараи) размещается внешнее святилище (*гэку:*) храмового комплекса Исэ. В этом святилище почитается богиня еды Тоёукэ.

⁸⁷ См. о нем «НС», Тэмму, 1-6-24, 673.

⁸⁸ Соотнесение кварталов столицы Фудзивара, каждый из которых имел свое название, с реальной географией, не выяснено.

⁸⁹ В «СН» содержится 18 сообщений о рождении трех или четырех детей, что считалось благоприятным знаком. Помощь таким семьям

считалась одним из обязательных пунктов социальной программы добродетельного правителя.

⁹⁰ Такое же сообщение содержится и в «НС» (Сютё:, 1-4-8, 686). Согласно «Рицурё:», в придворном штате имелись 4 врачевателя, которые обслуживали государя и его супругу. Род Кувахара, как и многие другие роды «специалистов», принадлежал к переселенцам с материка.

⁹¹ Расположен на территории города Осака.

⁹² Имеется в виду подушная подать *тё:*, которая взималась продуктами ремесла (в основном, ткачества).

⁹³ Использовалась для изготовления грима.

⁹⁴ Согласно «Энгисики», благоприятный знак средней степени.

⁹⁵ Первые амнистии фиксируются уже в «НС», однако достоверность этих сообщений подвергается сомнению. Амнистии подразделялись на частичные (т. е. распространяющиеся только на определенные регионы) и всеобщие. И те, и другие имеют китайское происхождение. Частичные амнистии в Танском Китае применялись в основном по отношению к восставшему населению тех территорий, которые недавно вошли в состав империи. Кроме того, амнистия часто объявлялась в тех провинциях, по которым проезжал император. В Японии наиболее часто частичные амнистии объявлялись именно в этом случае. Кроме этого, частичные амнистии проводились в связи с обнаружением счастливых знаков, после подавления мятежей и заговоров (принца Нагая и Фудзивара-но Накамаро). Всеобщие амнистии проводились в связи с интронизацией, назначением престолонаследника, при смене девиза правления, при появлении благоприятных и неблагоприятных знаков, для продления жизни императора, его супруги и членов семьи, в случаях неблагоприятной политической обстановки. Иными словами, амнистии, считаясь делом угодным Небу, использовались в качестве ритуального (благодарственного или очистительного) средства (ритуала).

⁹⁶ Согласно «Рицурё:», инспекторы (*дзюнсатиси*) назначались для внеплановых проверок провинциальных и уездных управ. Проверки назначались по решению Дадзё:кана, должность инспектора не была штатной. Система инспекторов была заимствована из Китая, первая проверка относится к 685 г. («НС», Тэмму, 14-9-15). Инспекции назначались вплоть до 825 г. Их упразднение связано с упадком государства Рицурё:.

⁹⁷ Для *эмиси* действовала специальная ранговая шкала из шести разрядов.

⁹⁸ См. о нем Тэмму, 1-6-29 (там его имя читается как Саканоупэ-но Атапи Окина). Род Саканоуэ — потомки переселенцев из Китая.

⁹⁹ Метафорическое обозначение государства.

¹⁰⁰ Под «государством» в текстах того времени понимается прежде всего сам государь и его ближайшее окружение (двор).

¹⁰¹ Знаменитый герой многих древних и средневековых преданий. Известен также как Э-но Гё:дзя, Э-но Сёкаку. Род Э — тип родства *синбэцу*, провинция Кавати. В «Нихон рё:ики» (I-28), в отличие от «СН», предстает во многом как положительный персонаж с чертами буддийско-даосского праведника. Перевод «Нихон рё:ики» (далее «НР») см.: Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Перевод и комментарии А. Н. Мещерякова — СПб.: «Гиперион», 1995.

¹⁰² Имеется в виду провинция Идзу, расположенная на полуострове Идзу. При упоминании провинции в качестве места ссылки ее часто именовали «островом» (видимо, желая подчеркнуть изолированность места заключения).

¹⁰³ Расположена на границе преф. Нара и округа Осака. Известна как место паломничества.

¹⁰⁴ Каракуни — страна Корея. Согласно сообщению «СН» (Энряку, 9-11-10, 790 г.), предок Хиротари был отправлен в Корею, откуда и происходит его фамилия. Потомки Мононобэ-но Мурадзи. Тип родства — *синбэцу* (Сэццу, Идзуми).

¹⁰⁵ Законы «Рицурё» запрещали монахам применение черной магии. «НР» и другие памятники буддийской традиции, которые находились под влиянием «НР» («Хонтё: синсэн дэн», «Санбо: экотоба»), приписывают Одзуно (Эн-но Гё:дзя) планы по свержению государя.

¹⁰⁶ Согласно «НР», он был помилован через три года.

¹⁰⁷ Этот буддийский храм начал возводиться по обету Сога-но Курямада-но Исикава Маро в 641 г. Строительство завершено в 685 г. Расположен в г. Сакураи, преф. Нара. Главная святыня — статуя Якуси (голова статуи хранится в настоящее время в храме Ко:фукудзи, г. Нара).

¹⁰⁸ Согласно «Рицурё», пожалование буддийским храмам кормовых дворов (*джикифу*) было ограничено 5 годами. Указ 780 г. (Хо:ки, 11-6-5) определяет этот срок правлением одного государя.

¹⁰⁹ Согласно «Рицурё» (XXVI-3), государь высказывал через посольных соболезнования и посылал с ними дары (использовались для организации похорон) лицам 5-го ранга и выше. В то же время государь никогда не присутствовал на самих похоронах (видимо, из-за боязни

ритуальной загрязнения). Концепция пожалования рассматривается в: А. Н. Мещеряков. Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века. — «Вещь в японской культуре». М.: «Восточная литература», сс. 60–73.

¹¹⁰ Предполагается, что он является автором песни № 243 в «Манъё:сю».

¹¹¹ Ныне относятся к островам Нансэй.

¹¹² Вслед за Китаем двор Ямато принял концепцию «Срединной страны», согласно которой собственное государство находится в центре Поднебесной. На ее периферии обитают варварские племена. Принесение дани было, вероятно, следствием экспедиции, отправленной Момму, 2-4-13.

¹¹³ Сын Тэмму. В «Манъё:сю» содержится 8 его песен. Помимо «НС», сведения о нем содержатся в «Кайфу:со:» (раздел 5).

¹¹⁴ Одно его стихотворение помещено в «Кайфу:со:» (№ 37). Дослужился до нижней степени 4-го старшего ранга (Тэмпё:, 11-1-13).

¹¹⁵ ?-719. Род Мити — тип родства *ко:бэцу* (принц Нанива — сын Бидацу), левая половина столицы.

¹¹⁶ См. запись за 19-й день 7-й луны.

¹¹⁷ Родовое святилище правящего рода, в котором поклонялись богине солнца Аматэрасу («внутреннее святилище», *найку:*) и богине еды Тоёукэ («внешнее святилище», *гэку:*). Всего же в этом комплексе в начале IX в. почиталось 14 божеств. Подр. см. Л. М. Ермакова. Храмовый комплекс Исэ и архаические верования. — «Синто. Путь японских богов». СПб.: «Гиперион», 2002, т. 1, сс. 409–423.

¹¹⁸ В реестре счастливых знамений «Энгисики» белая ласточка не значится.

¹¹⁹ Начиная с правления Тэмму (см., напр., Тэмму, 14-11-4), политика правительства была направлена на разоружение жителей периферии и вооружение чиновников. Данный указ предписывает вооружаться также населению столицы и Кинай, которое было основной опорой властей. Предполагается, что эта было одним из мероприятий по подготовке введения нового законодательства («СН», т. 1, с. 284).

¹²⁰ Дочь Тэнти, средняя супруга (*хи*) Тэмму, мать принца крови Тонэри.

¹²¹ Имеются в виду захоронения Саймэй и Тэнти. Начало таких важных с точки зрения двора работ должно было сопровождаться каким-нибудь делом, угодным Небу. В данном случае было принято решение об амнистии. Термин «десять тяжких преступлений» (бук-

вально «десять зол» — *ши э*) относится к Танскому праву (см. «Уголовные установления Тан с разъяснениями». Перевод, введение и комментарий В. М. Рыбакова. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999, т. 1, сс. 80–99). В «Рицурё» употребляется понятие «восемь тяжких преступлений», которые повторяют Танские установления, за исключением 8 и 10 пунктов: отсутствие родственной любви (этот пункт вошел в пятое тяжкое преступление по японской версии) и вовлечение в развратные отношения близких родственников и наложницы отца или деда (входит в седьмой пункт японской версии). К остальным восьми относились: 1. Заговор и мятеж против государя; 2. Разрушение императорских гробниц и дворца; 3. Предательство по отношению к государю — бегство в другую страну; 4. Побои и убийство старших родственников; 5. Убийство нескольких человек, жестокое убийство, нанесение вреда и убийство с помощью ворожбы как чужих людей, так и родственников; 6. Хищение ритуальной утвари, ритуальной одежды, паланкина во время отправления ритуала; 7. Сыновняя непочтительность; 8. Убийство своего начальника или учителя.

¹²² ?–707. Его имя упоминается в «НС» в связи со строительством дворца Фудзивара (Дзито:, 7-2-10, 693 г.).

¹²³ Участвовал в событиях года *дзинсин* на стороне Тэмму (Тайхо:, 1-7-21), участвовал в церемонии оплакивания во время похорон Тэмму (Сю:тё:, 1-9-27). Род Тагима — тип родства *ко:бэцу* (принц крови Мауро, сын государя Ё:мэй), правая часть столицы.

¹²⁴ Упоминается в «НС» в записях за 689 г.: Дзито: 3-2-26 и 3-5-22 (передавал слова Дзито: послу Силла). Наследственное занятие рода Хадзи — государевы похороны, сооружение усыпальниц и т. п.

¹²⁵ Упоминается в «НС» в качестве посла в Силла (Дзито:, 1-1-19) и управителя земли Иё (Дзито:, 3-8-21).

¹²⁶ Все должности в государственном аппарате подразделялись на четыре разряда: первый разряд — главы учреждения, второй — старшие помощники, третий — младшие помощники, четвертый — мелкие служащие. Таблицу разрядов см. А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. «История древней Японии», с. 490.

¹²⁷ Упоминается в «НС» (Тэмму, 10-12-29; 14-5-19). Род Авата — тип родства *синбэцу* (Амэ-но Тарухико-но Куниносихито-но Микото), правая часть столицы и пров. Ямасиро.

¹²⁸ Род Оварида — тип родства *ко:бэцу* (Инамэ-но Сукунэ, потомок Такэноуги-но Сукунэ), правая часть столицы.

129 Из столицы Фудзивара не наблюдалось.

130 Род Осакабэ — потомки иммигрантов (ван Пэкче Чу), правая часть столицы.

131 Данные о нем (происходил из рода Итики, служил священником в государевых покоях при Гэнсё: и Сё:му) приводятся в записи Дзинги, 4-12-10 (727 г.). В 703 г. назначен патриархом (*со:дзё:*). В храме Окадэра сохраняется его деревянная статуя.

132 Дочь Тэнти, средняя супруга-хи Тэмму, мать принцев крови Нага и Югэ.

133 Обе крепости находились в провинции Тикудзэн (преф. Фукуока).

134 Данный подотдел отсутствует в номенклатуре «Рицурё:». Представлял собой временное учреждение (*рё:гайкан*).

135 676–735. Сын Тэмму и дочери Фудзивара-но Каматари.

136 На момент указа Сима было 77 лет. «Дерево долголетия» (*эги-но ки, хэби-но ки*) представляет собой дерево, напоминающее бамбук. Обычай предоставления престарелым посоха из «дерева долголетия» имеет китайское происхождение. На то время, к которому относится данная запись, Сима был Правым министром. Указание на последнюю (а не на текущую) должность было обычной практикой составителей «СН». Род Тадзихи — тип родства *ко:бэцу* (принц крови Камицуэха, сын государя Сэнка), правая часть столицы.

137 «Божественный уезд». В святище Ава почиталось божество Футо-тама-но Микото, предок рода Имибэ.

138 Так мы переводим термин *вадзё:* (санскр. *upādhyāya*), означающий буддийского монаха, имеющего право набирать учеников и проводить церемонию посвящения. В реальности этот термин часто употреблялся в качестве указания на уважаемого монаха.

139 Считается основателем школы Хоссо:. Упоминается в «НС» (Хакути, 4-5-12), «НР», I-22.

140 Основателем рода Фунэ был Ван Сини («НС», Киммэй, 14-7-4), потомок переселенцев из Пэкче.

141 В «НС» в записях от 645 г. (Ко:гёку, 4-6-13) сообщается, что Эсакка спас от огня исторические хроники, брошенные в огонь Сога-но Эмиси.

142 Эта система ранжирования была введена в 664 г. (Тэнти, 3-2-9). Младшая степень *сё:кин* приблизительно соответствует 5-му рангу.

143 «НС» сообщает, что он отправился на первом корабле (Хакути, 4-5-12). Китай обычно именовался по названию правившей династии.

¹⁴⁴ Около 596–664, знаменитый монах и путешественник, переводчик сутр на китайский язык, автор «Записок о странах Запада». Данные о том, что До:сё: стал его учеником, подтверждаются также и сведениями китайской хроники «Суй-шу».

¹⁴⁵ Т. е. в Японию.

¹⁴⁶ Вероятно, имеется в виду посольство Ямато, вернувшееся из Китая в 661 г.

¹⁴⁷ Цитата из «Лунь-юй»: «Человек может возвеличить Дао-Путь, но Дао-Путь не может возвеличить человека» («Лунь юй», пер. Л. С. Переломова, М.: «Восточная литература», 1998, с. 416).

¹⁴⁸ Полуостров Шаньдун.

¹⁴⁹ Букв. «до данной династии» (*хонтё:*). «Данной династией» японцы часто называли свою страну.

¹⁵⁰ Храм Ганго:дзи известен также как Хо:ко:дзи. Он был расположен в районе Асука, его часто называли Асука-дэра. Поскольку при переезде двора в Нара там был учрежден храм с таким же названием, прежний храм называют также «старым Ганго:дзи» (Хон Ганго:дзи). Сообщения о строительстве и обустройстве Ганго:дзи имеются в «НС» (Сусюн, 1-3-0, 5-10-10; Суйко, 1-1-15, 4-11-0, 13-4-1, 14-4-8). Хотя «СН» сообщает о переносе храма в Нара (Ё:ро, 2-9-23), на самом деле была перенесена только часть строений, золотой павильон и пагода остались на прежнем месте. Храмовая хроника Ганго:дзи («Ганго:дзи гаран энги») — одна из старейших. Ее текст в переводе А. Н. Мещерякова см. «Буддизм в Японии», М.: «Наука», 1993, сс. 415–426.

¹⁵¹ В связи с тем, что приверженцы буддизма активно занимались прозелитской деятельностью, они были заинтересованы в улучшении транспортной инфраструктуры. Другой знаменитый монах этой эпохи, Гёги, также активно занимался улучшением путей сообщения.

¹⁵² Вероятно, имеется в виду следующий указ Тэмму 679 г. (Тэмму, 8-10-17): «Монахам и монахиням следует постоянно находиться в храмах и почитать Три Сокровища». Закрепленности монахов за храмами большое внимание уделяют также законодательные своды. См. «Рицурё:», VII.

¹⁵³ Совр. преф. Нара, г. Сакураи.

¹⁵⁴ Судя по всему, это мнение более или менее соответствует истине: именно с этого времени обычай трупосожжения получает быстрое и довольно широкое распространение, чему имеются и археологические подтверждения. Так, кремированию подверглись Дзито:, Момму, Гэммэй, Гэнсё:. Однако Сё:му и его супруга Ко:мё:, хотя и были

ревностными буддистами, были преданы земле. Последняя по времени находка захоронения подписанной урны с останками датируется концом VIII в. Археологические данные по району Кинки показывают, что в IX в. происходит увеличение захоронений в деревянных гробах.

¹⁵⁵ Сохранились данные, согласно которым тексты, хранившиеся в Дзэннин, использовались переписчиками сутр в качестве оригиналов.

¹⁵⁶ В соответствии с китайскими традициями право подразделялось на административное (*рё:*) и уголовное (*рицу*). Судя по всему, в Японии, в отличие от Китая, большее значение придавалось административному разделу права, поскольку жизнь общества в значительной степени продолжала регулироваться нормами обычного права. Вероятно, в связи с этим сначала было обнародовано административное законодательство. Вопрос о предшественниках «Тайхо: рицурё:» является дискуссионным. Традиционная точка зрения утверждает о наличии кодекса «Киёмихарарё:», который не сохранился. Существует и другое мнение, восходящее к работам Хаякава Сё:хати: «Тайхо: рицурё:» был первым законодательным кодексом в истории Японии. Что касается ссылок на существование его предшественников, то это обусловлено спецификой миропонимания, согласно которому для легитимизации первого в истории сочинения требуется представить его как продолжение уже существующей традиции.

¹⁵⁷ Государственные пастбища были впервые учреждены в правление Тэнти (7-7-0, 668). Их основной задачей было выращивание лошадей для военных нужд (ввиду опасения нападения со стороны Силла и Китая). Согласно «Рицурё:», пастбища находились во многих провинциях (ими управляло Военное министерство). С IX в. система государственных пастбищ постепенно приходит в упадок (связано как с общим упадком государства Рицурё:, так и с отсутствием военной угрозы). Вместо них учреждаются пастбища в провинциях Каи, Мусаси, Синано, Ко:дзукэ, которые ежегодно поставляли 240 лошадей для нужд двора. Выращивание коров на государственных и частных пастбищах полностью прекращается с конца периода Хэйан. Ввиду ограниченности территории более эффективным с точки зрения хозяйствования было признано растениеводство (это касается как государственного, так и частного уровня).

¹⁵⁸ В «Мангё:сю:» (№№ 196–198) содержатся три плача Какиномото Хитомаро по принцессе Асука.

¹⁵⁹ ?–723. Род Сазэки — тип родства *синбэцу* (Митиоми-но Микото), левая часть столицы, занимались военными делами, несли охрану дворца.

¹⁶⁰ Род Сами — тип родства *ко:бэцу* (Тоёкирибико-но Микото, сын Су:дзин), правая часть столицы. Упоминается в «НС» (Тэмму, 13-11-1, 684).

¹⁶¹ Совр. преф. Кагосима.

¹⁶² Вероятно, имеется в виду население провинции Хиго.

¹⁶³ Поскольку Осакабэ-но Макиби благополучно вернулся в прошлом году, это сообщение следует расценивать как реакцию на его отчет. Согласно «Рицурё:», данное деяние квалифицировалось как неуважение к государевым посланникам. Наказывалось смертной казнью через удушение.

¹⁶⁴ ?–705. Сын Тэмму. Принимал участие в событиях года *дзинсин*, в составлении не сохранившихся хроник («НС», Тэмму, 10-3-17), в 701 г. был назначен Тидадзё: *кандзи* (представитель императора в Палате большого государственного совета Дадзё:кан).

¹⁶⁵ 659–720. Один из ведущих царедворцев своего времени. Получил должность Правого министра в 708 г. (должность левого министра оставалась при этом вакантной).

¹⁶⁶ ?–709. В «НС» сообщается о его просьбе освободить 600 рабов (Дзито:, 3-10-22, 689). Занимал должности советника (*санги*), военного министра, министра кадров. Род Симоцукэно — тип родства *ко:бэцу* (Тоёкирибико-но Микото, сын Су:дзин), левая часть столицы. Упоминается в «Сэндай кудзи хонги» в качестве управителя области («Сэндай кудзи хонги». Перевод и комментарии Е. К. Симоновой-Гудзенко. — «Синто. Путь японских богов», т. 2, с. 118).

¹⁶⁷ Хакатоко активно участвовал в дипломатической деятельности. Входил в состав посольств в Китай (659 г., в «НС» содержится его подробный отчет о его злоключениях там), в Силла (695), неоднократно участвовал в приеме иностранных миссий. Род Ики — потомки китайских переселенцев (левая и правая части столицы).

¹⁶⁸ В 689 г. назначен в «Ведомство хороших слов» (Дзито:, 3-6-2). В «Кайфу:со:» имеется его одно стихотворение (№ 36), указывается, что он был учителем наследного принца, записал предание о сыне Урасима из Мидзуноэ, которое приводится в «Танго-фудоки» (см. «Фудоки», НКБТ, сс. 471–477). Тип родства *синбэцу* (Амэ-но Котосиронуси-но Микото), правая часть столицы.

¹⁶⁹ Японское произнесение китайского имени Са Хункэ. Потомок в первом поколении переселенцев из Китая. Его имя упоминается в «НС» в правление Дзито: в 691–692 гг. в качестве преподавателя китайского языка (Дзито:, 5-9-4, 6-12-14).

¹⁷⁰ Учился в Китае (Тэмму, 13-2-6, 684).

¹⁷¹ Род Сакаибаэ — тип родства *синбэцу* (Нибэ-но Сукунэ, потомок Хоакари-но Микото), левая и правая части столицы. Представители рода регулярно назначались в состав дипломатических миссий, направляемых в Китай (659, 665, 701).

¹⁷² Проходил обучение в Китае (Тэмму, 13-2-6, 684). Род Сирай упоминается в «НС» (Киммэй, 30), потомки переселенцев из Пэкче, правая часть столицы.

¹⁷³ В «Кайфу:со:» имеется одно его стихотворение (№ 57). Род Сирай — потомки переселенцев из Когурё, провинция Ямасиро. *Кабанэ Фухито* (букв. «писец», «грамотей») обычно указывает на иностранное (корейское или китайское) происхождение рода.

¹⁷⁴ Преподаватель столичной школы чиновников (Дайгаку), в «Кайфу:со:» имеется одно его стихотворение (№ 38). Род Танабэ — потомки иммигрантов из Китая, правая половина столицы.

¹⁷⁵ ?–718. Скончался в должности управителя провинции Тикуго, нижняя степень 5-го старшего ранга. «СН» приводит его жизнеописание (Ё:ро:, 2-4-11). Род Мити — тип родства *ко:бэцу* (принц крови Нанива, сын Бидацу), левая половина столицы.

¹⁷⁶ Род Саи — тип родства *синбэцу*, Ямасиро. Тот же самый предок, что и у рода Исоноками (Мононобэ), т. е. Каминиги Хаяхи-но Микото.

¹⁷⁷ Род Канути — тип родства *синбэцу* (Фурутама-но Микото), Кавати.

¹⁷⁸ Согласно мифологической части «НС», род Нукатабэ ведет свое происхождение от божества Ама-цу Хиконэ-но Микото.

¹⁷⁹ Род потомков переселенцев из Китая (ответвление рода восточных Ая).

¹⁸⁰ Род потомков переселенцев из Китая (ответвление рода восточных Ая).

¹⁸¹ В 689 г. назначен в «Ведомство хороших слов» (Дзито:, 3-6-2). В «Кайфу:со:» имеется одно его стихотворение (№ 28), был заведующим отделом школы столичных чиновников (*дайгакурё:*). Род Цуки — потомки переселенцев из Китая (ответвление рода восточных Ая).

¹⁸² Наряду с Миминаси, горы Унэби и Кагуяма являются самыми прославленными в Ямато (среди тех, что воспеты в «Манъё:сю:»). Они расположены в окрестностях Фудзивара. Усыпальница Нариаи — захоронение Осисака Хихохито Ооз, сына государя Бидацу. Дворец Ёсино (преф. Нара, уезд Ёсино) был построен в правление Саймэй. Японские государи (в особенности Тэмму и Дзито:) часто путешествовали туда. Судя по всему, Ёсино считалось местом повышенной сакральной энергетики, живущие (пребывающие) там сравнивались с бессмертными даосскими мудрецами. В этом качестве Ёсино часто воспевается в антологиях «Манъё:сю:» и «Кайфу:со:». Впоследствии горы Ёсино стали известны как один из центров *сюэндо:*. Подр. см. статью М. В. Торопыгиной в данном сборнике.

¹⁸³ Законы предусматривали лишение монашеского сана за различного рода проступки («Рицурё:», VII, № 2, 5, 7). Однако в данной записи речь идет о другом. В условиях нехватки специалистов возвращение образованных буддийских монахов к мирской жизни в правления Дзито:-Гэммэй было делом вполне обычным. Впоследствии Кити Ёроси занимался медициной, а Кунисо, как предполагается, — гаданием. Род Яго — тип родства *сёбан* (Китай), левая половина столицы. Род Кити — тип родства *ко:бэцу*, левая половина столицы. Однако, согласно «Нихон Монтоку тэнно: дзицуруку», род Кити вышел из Пэкче. Вторая версия выглядит предпочтительнее.

¹⁸⁴ ?–703. Неоднократно появляется в «НС» с 686 по 694 г. под именем Фусэ-но Асоми Миуси. Возглашал плачи во время похорон Тэмму и Дзито:. Занимал пост Правого министра. Род Абэ — тип родства *ко:бэцу* (Оохико-но Микото, сын Когэн), левая половина столицы.

¹⁸⁵ ?–701. Сын Нагатоко, состоявшего Правым министром при Ко:току. Миюки принадлежит песня № 4260 в «Манъё:сю:». В 696 г. назначен старшим государственным советником (*дайнагон*). Посмертно присвоен титул Правого министра.

¹⁸⁶ Впоследствии служил управителем провинции Идзумо.

¹⁸⁷ Прародителем рода Нурибэ считалось божество Хаяхи-но Микото.

¹⁸⁸ 639–717. До 681 г. фигурирует в «НС» как Мононобэ-но Мурадзи Маро. Участвовал в событиях года *дзинсин*. В 676 г. назначен послом в Китай. Участвовал в церемонии оплакивания Тэмму. Вслед за должностью *дайнагон*, занимал посты Правого (704) и Левого (708) министров. В «Манъё:сю:» есть два его стихотворения. Род Исоноками — тип родства *синбэцу* (Каминиги Хаяхи-но Микото), левая половина столицы.

¹⁸⁹ ?–714. В 695 г. назначен послом в Силла, в 702 г. — санги, в 709 г. — тю:нагон, 3-й младший ранг, министр Центра. Род Оно — тип родства ко:бэцу (Оокасуга-но Асоми), левая половина столицы. Согласно «Кодзики» — потомок Амэ Оситарасихико-но Микото (сын Ко:сё:).

¹⁹⁰ В 689 г. назначен в «Ведомство хороших слов» (Дзито:, 3-6-2), в 701 г. — заведующим подотделом по строительству храма Якусидзи. Род Хата — тип родства ко:бэцу (Такэноути-но Сукунэ, тот же предок, что и Исоноками), правая половина столицы. Согласно «Кодзики», происходит от Хата Ясиро-но Сукунэ, сына Ко:гэн.

¹⁹¹ ?–709. Впоследствии — управитель провинций Симоцукэ и Муцу. Род Камицукэ — тип родства ко:бэцу (Тоёки Ирихико-но Микото, сын Су:дзин), левая половина столицы.

¹⁹² ?–734. Фигурирует в «НС» (Дзито:, 5-1-7). К концу жизни имел нижнюю степень 4-го младшего ранга — уникальное достижение для потомка переселенцев. Род Кудара-но Коникиси — тип родства сёбан (ван Пэкче Ыйджа), правая половина столицы.

¹⁹³ Имеется в виду корабль для отправки посольства в Китай (отправлено в 702 г.).

¹⁹⁴ 8-й ранг в 17-разрядной шкале рангов Силла.

¹⁹⁵ Преф. Нара.

Императорские указы как жанр древнеяпонской культуры

А. М. Ермакова

Сэммё — императорские указы — слово китайского происхождения; по-японски же это понятие звучит как *оомикотонори* — «провозглашение слов государя». Повеления императора встречаются и ранее — в мифологических сводах, однако там они записаны по-китайски и представляют, в большинстве случаев, скорее, пересказ повелений, чем прямую речь. Понятие *сэммё* впервые встречается именно в «Сёкунихонги». Однако возможно предположить, что указы *микотонори* (*сэммё*), записанные в «Сёкунихонги» и читаемые на японском языке, имеют более давнюю историю, об этом может свидетельствовать и их устоявшаяся структура, и употребление мифопоэтических топов, повторяющихся в соответствии с разновидностью указа.

Согласно поэтической концепции известного японского литературоведа и мифолога XX века Оригути Синобу, обращенные к богам молитвословия *норито*, японоязычные указы *сэммё* и китайские указы *тёкуси* были текстами одного порядка, и ритуальная функция их заключалась в изречении воли небесных богов — или непосредственно, или от имени императора, «божественного внука». Поэтому в древности, считал Оригути, за ними следовали *каэримооси* (ответные речи), произносимые от имени души (*тама*) охранителей императорского рода, с пожеланиями благоденствия императору, исполняемые по типу клятвы или обета (*укэи*).

В любом случае, вероятно, можно считать, что император, провозглашая высочайшее повеление, изрекал таким образом не столько указ, распоряжение как таковое, сколько тоже своего рода молитвословие, направленное на устройство мира, изгнание вредных духов и т. п.

Указы «Сёкунихонги», первый из которых датируется 697 г., написаны фонетическими средствами на старояпонском языке. Некоторые из них содержат небольшие фрагменты по-ки-

тайски, помещенные в текст как вставки или как приложения. По-видимому, эти в большой мере административно-юридические части указов с трудом поддавались переложению на японский, и вскоре фрагменты такого рода стали помещаться отдельно от основного *сэммё*, исполняемого на чисто японском языке.

После «Сёкунихонги» *сэммё* постепенно утрачивали свои характерные свойства, связанные с архаическими концепциями мироустройства, их составители все чаще прибегали к китайскому языку деловой и официальной документации. Поэтому образцами *сэммё* считаются те шестьдесят два текста, которые сохранились в «Сёкунихонги».

Как и *норито*, *сэммё*, видимо, исполнялись в определенном музыкальном ключе, разные авторы упоминают о сохранившихся в некоторых храмах партитурах отдельных *сэммё* (а их в разные времена исполняли также в храмах и перед местами захоронения древних императоров). Вероятно, исполнение *сэммё* было нелегким видом музыкально-ораторского искусства, требовавшим техники и опыта. Так, в «Сандай дзицуроку» имеется запись от 17-го дня 1-го месяца 9-го года Дзёган (864 г.): «Умер принц Накано, двенадцатый сын императора Камму... Принц был наделен способностями в Пути возглашения *сэммё* и не имел равных в связи звуков и смыслов (*онги*) и подборе слов».

Сам ритуал записи *сэммё* также следовал особой процедуре. В двенадцатом свитке «Энгисики» говорится, что все тексты *сэммё* должны записываться на желтой (золотой) бумаге, тексты же, подносимые в храмы Исэ, — на бледно-голубой, в храмы Камо — на алой.

Подготовка текста *сэммё*, а также разных видов китайских указов проходила в несколько этапов, они подробно описаны во второй главе кодекса «Тайхорё» и других уложений времени Нара-Хэйан.

Местом возвещения *сэммё* чаще всего были внутренние помещения дворца — Ооясумидоно (Тайкёкудэн), где исполнено семь *сэммё*, Найандэн, Дзэндэн и др. Два указа прочитаны в храме Тодайдзи, указы № 51 и 58, выражающие скорбь императора по поводу кончины министра Нагатэ и принцессы Ното, — в домах почивших. *Сэммё* провозглашалось также в рам-

ках многих ритуалов — испрашивания урожая, в праздник великого вкушения, в храмах Исэ, Касуга, Исикиёмидзу, перед гробницами императоров.

Наиболее отчетливо ритуальная традиция прослеживается прежде всего в указах, связанных с восшествием на престол и отражающих концепцию государственной власти и престолонаследия. Император при этом титулуется: «государь, что, как бог явленный, великой Страной Восьми Островов правит». Бог явленным, *акицуками*, — выражение, встречающееся в *норито* и означающее, скорее всего, божество видимое, явленное в мир людей, в отличие от тех богов пантеона, чьи тела, согласно мифологическим сводам, были сокрыты. Божественность правления подтверждается и другими формульными выражениями зачина или, как в указе Сё:му, развернутой ссылкой на центральный миф рода *тэнно*: «прародители могучие, бог и богиня, на Равнине Высокого Неба божественно пребывающие, обильную страну Поднебесную поручили внуку своему, дабы правил ею». (Сам термин *тэнно*, «небесный властитель», заимствован из Китая, хотя в самом Китае он применялся к верховному правителю совсем недолго — во второй половине VII в. в Танском Китае. Первоначально же этот термин в китайской мифологии обозначал верховное божество и первого из триады трех божеств — повелителей неба, земли и людей, что вполне соответствовало пафосу японского мифа о происхождении рода правителей Ямато от потомка богов. Переводя иногда этот термин как «император», мы следуем сложившейся вне научной сферы традиции, укorenившейся, однако, достаточно глубоко).

Полученная от небесных богов власть, согласно *сэммё*, передается далее внутри того же рода, как сказано в указе Момму: «С тех пор как деяния начались на Равнине Высокого Неба, со времен предка далекого, донныне и впредь, от одного к другому государевы потомки нарождающиеся передают правление страну Восьми Островов Великих».

Еще одно примечательное обстоятельство — в зачине-обращении этих указов Япония упоминается дважды, но по-разному: место, где правит император, — священное понятие «великая страна восьми островов», а место, где живут его подданные, — скорее юридическое, это Поднебесная («всех ста управ чиновники и народ Поднебесной, все внимайте»). Частое упо-

минание в зачинах *сэммё* и в титулах царствующих и покойных императоров термина, обозначающего Японию и встречающегося в мифологических сводах, — великая страна восьми островов (Ооясима) — имеет несомненную связь с богами Восьми Десятков Островов, Ясосима-но ками.

Долг императора, в соответствии с *сэммё* — «сию обильную страну Поднебесную обустраивать и выравнивать, народ Поднебесной ласкать и жаловать», и вторая — передавать это наследное деяние следующему правителю. В ряде указов задача императора формулируется согласно китайской традиции — «и это повеление мы принимаем и пост наследуем, дабы сердце Неба — Земли чтить и лелеять с трепетом».

При этом император далек от того, чтобы рассматривать себя как наделенного высшими достоинствами совершенного мужа. Наиболее частая формула при вступлении на трон — «и слабы мы, и неумелы, не знаем, вперед ли идти, назад ли отступить». Эта ритуальная скромность императора, однако, — общая черта в дальневосточном ритуале. Так, и корейские ваны возвещали: «недостойный человек я, с ничтожно малыми способностями, вознесенный на высокое место» или «недостойный человек я, слабый по природе»¹. Все это, надо думать, восходит к китайской традиции: «Весь этот долгий срок мы опекаем Поднебесную и надзираем за ней, не обладая ни нужной мудростью, ни ясностью [мысли] и это вызывает в нас чувство большого стыда»².

По-видимому, в пределах японской концепции престолонаследия деяния императора на троне рассматриваются как нечто наследственно-непрерывное, идущее со времен мифологического предка, и всякий новый император занимает этот пост (в одной из песен «Манъё:сю:» говорится даже *оя-но цукаса* — «должность предка, служба предка»), имперсонифицируя этого мифологического государя-предка.

Каким же образом осуществлялось в Японии VIII в. это «наследное деяние»?

В *сэммё* восходящий на престол владыка Поднебесной объявляет, что, как известно (по-видимому, из тех же китайских свитков), дела правления бывают хороши только в том случае, если принцы, владетели и вельможи оказывают императору

помощь и поддержку. Более низкие страты общества, видимо, могут быть лишь объектом наследного деяния *вадза*, но не помогающим субъектом. Если исходить из терминологии *сэммё*, особенно в их непосредственно юридических разделах (награждения и амнистии), то структура государства рисуется примерно таким образом: император → принцы, министры и придворные выше пятого ранга → народ. Император в этой схеме занимает место потомка небесных богов, изрекающего свою волю (и одновременно волю богов). Принцы, министры, сановники служат своего рода посредниками между верхом и низом благодаря своим умениям и дарованиям, в чем также, видимо, сказывается влияние Китая и соседней Кореи: «и только благодаря поддержке со стороны трех великих мужей [главных министров] и всех окружающих нас мудрых слуг...»³. Это второе звено схемы и для Японии составлено из сановников — ближайших слуг императора. Третье же звено, которое мы в схеме условно обозначили как народ, в молитвословиях *норито*, например, именуется «великое сокровище Поднебесной», в молитвословии великого изгнания грехов — «люд, что, нарождаясь, под небом прибавляется». Эти обобщенные понятия в *сэммё* заменены китайским биномом *гунминь* (яп. *ко:мин*).

По нашим впечатлениям, эта часть схемы, т. е. простой люд, — на некотором уровне совпадает с понятием Поднебесной. В разделах амнистий и награждений указы обычно так и гласят: «прежде всего награждаем Поднебесную».

При этом, как нам кажется, целью императора, жалующего награды своим подчиненным, а также простому люду, было не просто благосостояние его подданных. На основе указов возможно, как нам представляется, рассматривать взаимодействие императора с народом как разновидность ритуально-магического действия. В самом деле, ведь награды, повышения в ранге, амнистии и раздача даров трактуются в указах как самый важный аспект правления. Императрица Ко:кэн, лишая власти своего преемника, говорит: «постоянными праздниками и делами мелкими пусть нынешний правитель ведает, а важными делами державными — наградами и наказаниями, этими двумя заботами мы сами ведать станем». И здесь, как нам кажется, дело не только в том, что распоряжение наградами и наказаниями дает реальную власть над подчиненной импера-

тору придворно-чиновничьей верхушкой. Награды, пожалования и широкие амнистии объявлялись указами «Сёкунихонги» по таким случаям: восшествие на престол, изменения девизов правления в соответствии с чудесными знамениями, обнаружение в стране золота и медной руды, назначение наследного принца, и т. п. Создается впечатление, что ситуация раздачи наград и милостей вызывается еще и необходимостью принесения своего рода жертвоприношений императора — благодарственных даров (как в случае с показавшейся медью и небесными знамениями); или испрашивающих спокойного правления (при вступлении на трон и назначении наследного принца). То есть сам народ рассматривается как некая стихия, наподобие природной, или даже божество, взаимодействие с которой происходит в рамках и по правилам обряда.

Особенно явственно этот ритуальный аспект милостей императора народу прослеживается на типологически сходном материале: «Больной ван находился при смерти, поэтому была проведена амнистия заключенных в центре и на местах»⁴.

И японская, и корейская концепция милостей народу как рода жертвоприношения также, видимо, опирается на «Исторические записки», где, например, в разделе об императоре Сяо-у перечисляются ритуальные подношения; сначала жертвы Небу, вознесенные на горе Тайшань, потом Земле на горе Сужань, затем народу были пожалованы быки (одно из главных в Китае жертвенных животных), вино и ткани⁵ (также входящие в список жертвенных даров).

Другими словами, привычные средства воздействия на стихии неба и земли и традиционные способы коммуникации с божеством переносятся на третью сферу вселенной из триады «небо—земля—люди», заимствованной из Китая вместе с понятием *тэнно*, «небесный властитель», «император».

Состав этих жертвенных даров народу и их адресаты также в основном обнаруживают культурную преемственность, связанную с Китаем и Кореей. Как говорится в тех же «Исторических записках», «по случаю возведения в сан императрицы император даровал некоторое количество полотна, шелка, риса и мяса живущим в Поднебесной вдовам и вдовцам, сиротам и одиноким, кто беден и испытывает затруднения в жизни, а также всем старикам, которым больше 80 лет, и сиротам, кото-

рым меньше 9 лет»⁶. У Ким Бусика: «зимой, в десятом месяце [ван] совершил поездку по областям и округам южной части страны, где посетил [для оказания милостей] престарелых, вдовых, сирот и бездетных и раздал с соответствующими различиями зерно и ткани»⁷.

То же в японских *сэммё*: «престарелым людям ста родов — кому за сто лет — три коку риса, за девяносто — два коку, за восемьдесят — один коку, а также одиноким, прибытков не имеющим...» Как мы знаем из уложений периода Нара, под одинокими в Японии тоже понимались вдовы, вдовцы, сироты и бездетные.

Возвращаясь к нашей схеме, уточним, что требовалось от ближайших слуг императора, вельмож, посредничающих между ним, как явленным богом, и народом, как Поднебесной. Основным их качеством должно было быть «сердце светлое, чистое, прямое, истинное» (указ № 1). Понятия светлый и чистый (*аки киёки*), без сомнения, имеют отношение к концепции ритуального очищения, что же касается слова «прямой» (*наоки*) то это недвусмысленная отсылка к *норито*, например к Празднику Священных Врат, где богов-хранителей призывают «видя, выпрямлять, и слыша, выпрямлять, выпрямлением божественным, выпрямлением великим» (*камунаоби оонаоби-ни минаоси кикинаосимаситэ*). Этот магический повтор *наоби-наоси*, в свою очередь, апеллирует к «выпрямляющим божествам», к которым обращаются в *норито* Благопожелания Великому дворцу⁸ — Камунаоби-но микото и Оонаоби-но микото. Богиня же Оомия-но мэ-но микото, «дева — повелительница великого дворца», призвана допускать войти во дворец и служить императору только тех, у кого нет «дурных помыслов и грязного сердца». При этом «дурной» записывается в *норито* благопожелания дворцу иероглифом «злой дух».

По-видимому, этой мифологической концепцией грязного как оппозиции чистому (сакральному, прошедшему ритуальное очищение) и дурного, как относящегося к области скверны, объясняется и характеристика заговорщика, посягающего на неприкосновенность «высокого небесного престола», — он наделен «грязным сердцем», кроме того, вместо качества прямоты, выпрямленности, он является носителем «супротивности» (*сакасима* — «вверх ногами», «наоборот»).

Отсюда и мифологизированность многих политических мер, предпринимаемых правителем против оппозиции, — это перемена имени, например Киёмаро на Китанамаро (Чистый Маро на Грязный Маро), высылка за пределы Поднебесной, туда же, куда изгоняются демоны эпидемий в новогодних экзорцизмах и т. д.

Помимо того субстрата идеологии сэммё, который связан с верованиям в божеств ками, богов Неба-Земли, необходимо упомянуть о влиятельных даосских и конфуцианских представлениях, пришедших в страну с материка.

Из области даосских представлений, принятых в сфере конфуцианской государственности, по-видимому, прежде всего заимствовалась концепция знамений. Известно, что они могли быть разного рода и ранга: олень с белой отметиной, черепаха с иероглифами на панцире, воробей с тремя ногами, облака разных форм и окрасок. (В этой связи нельзя не вспомнить концепцию Ю. А. Кроля о выборе тех или иных метеорологических примет как средстве критики действий правителя). Знамения, упоминающиеся в сэммё, разумеется, всегда благоприятствуют императору, хотя он, с непререкаемой ритуальной скромностью, соотносит их с предыдущим правителем или своим преемником. В основном, знамения следуют китайским традиционным разновидностям: у Сыма Цяня мы тоже встречаем белого оленя или найденный яшмовый кубок с иероглифами, сулящими правителю долголетие, или «благовещие облака» (*цин-инь*), — по Сыма Цяню, «когда то, что похоже на облака, на самом деле не облака, оно сверкает и переливается, держится обособленно и извивается — это называют Цин-Юнь»⁹.

Эта китайская традиция, по-видимому, наложилась на закрепившуюся в Японии с некоторых пор концепцию облаков как вестников, распространившуюся в поверьях: «говорят люди, что и облака, в небе плывущие, могут быть гонцами» [Манъё:сю:, № 4410]. В другом случае облако-говец отождествляется с послом в Китай; «как небесное облако, ты уйдешь и возвратишься» [Манъё:сю:, № 4242]. В указе № 42 говорится о целой серии чудесных облаков, являвшихся и по сторонам, и по «углам» света, часть из них наблюдалась над комплексом храмов Исэ, была скопирована и в виде рисунка прислана императрице правителем этой земли. Довольно часто также носите-

лями знамений становились мантические животные — черепахи, и однажды на панцире одной из них обнаружилось целых десять иероглифов, сулящих благоденствие и преуспеяние царствующему правителю.

Самоочевидно, что в круг текстов *сэммё* не могли попасть неблагоприятные для правящего императора знамения, хотя в самой летописи «Сёкунихонги» они встречаются.

Еще большую роль в идеологической структуре *сэммё* играло конфуцианское влияние. Налаженная система посольств в Китай, устройство высшей школы по китайскому образцу, участие иммигрантов с материка в государственных делах и ведении канцелярий, широкое проникновение в страну различных произведений китайской литературы и культуры, — все это дало мощный импульс местному развитию в рамках китайского культурного контура в том виде, в каком он был воспринят японцами.

В указах представлен и довольно мощный буддийский слой, связанный с царствованиями императора Сё:му и императрицы Ко:кэн (Сё:току). В указах, сопровождавших эти два правления, особенно ярко виден скорее синкретический, чем синтетический характер культуры Нара, с ее драматическими событиями и сложным взаимодействием местных культов с буддийскими, конфуцианскими и даосскими идеями.

Свою приверженность буддизму в указах прежде всего декларировал император Сё:му, объявивший себя перед статуей Будды Вайрочаны слугой Трех Сокровищ — Будды, дхармы и сангхи (монашеской общины). Затеянное императором возведение гигантской статуи золотого Будды потребовало огромных затрат рабочей силы и средств, и внезапное обнаружение некоторых залежей золота было воспринято как милость и чудо свыше.

В следующем указе Сё:му непосредственно формулирует, чего он ждет от буддизма и зачем стремится внедрить его в государстве: «Услышали мы, что среди учений разных слово Будды все прочие превосходит для защиты государства нашего». В связи с этим он повелевает ввести во всех провинциях чтение «Сутры золотого блеска» и изготовить статуи Будды Вайрочаны. Одновременно предполагается совершать службы не только буддийского характера, но и адресоваться «богам, на Небе пре-

бывающим, на Земле пребывающим, поклоняться душам государей разных времен, начиная с государя — далекого предка». Явление золота он называет знаком «чудесного слова Трех Сокровищ, все превосходящего», упоминая при этом и одобрение синтоистских богов. В принципе, разноречивые сочетания такого рода — общее место в истории культур, когда-либо адаптировавших чужеземные религиозно-идеологические концепции, и в древнерусских текстах, например, встречаются апелляции «к Богу и к Перуну».

В общем и целом за годы правлений Сё:му и Ко:кэн буддизм одержал в стране немало больших и малых побед: было приказано строить за счет провинций храмы и монастыри; мясо и рыба не допускались к столу императрицы, запрещено было заниматься соколиной охотой и тренировать охотничьих собак. Были приняты новые меры по ограничению могущества крупных кланов.

В одном из указов, возведенных по случаю появления знамений в виде облаков, Ко:кэн объясняет появление чудесных знаков и силой Трех Сокровищ, то есть могуществом буддийского вероучения, и влиянием богов Неба—Земли, и магией душ покойных императоров. В этом указе (№ 42) даже кроется, пожалуй, неявное отождествление этой императрицы и Аматэрасу — «государыня, что, в стране Ямато пребывая, Страну Восьми Островов великих освещает и жалует». Этот текст — своего рода апофеоз идеологической эклектики Нара, сочетающей элементы даосской метеомантики с конфуцианскими установлениями, апелляциями к небожителям (*дэва*) буддийского пантеона, даосским понятием богов Неба — Земли и концепцией душ (*тама*) покойных предков.

Хотя *сэммё* принято считать текстами по преимуществу историческими и в большой степени юридическими, значительные их пласты имеют непосредственное касательство к сфере фольклорно-песенной поэзии и становящейся литературы. Один из первых исследователей *сэммё* так писал о стиле этих текстов: «Язык часто расплывчат, грамматические конструкции убийственно сложны». И тот же исследователь пишет: «Весьма примечательно, что самый архаический пласт языка сохранился кроме поэзии в ритуалах поклонения синтоистским богам и

в словах указов, произносимых владыками, описывавшими себя как „явленные боги“¹⁰.

Сэммё, так же как и *норито*, содержат синтаксические параллелизмы, постоянные эпитеты *макуракотоба*, синонимические повторы. В наиболее ранних указах несомненно присутствует определенная ритмичность, порой даже синлабическая регулярность отдельных фрагментов, однако, как и в *норито*, в *сэммё* нет общего и постоянного ритмического принципа. Часть текстов, особенно та, что связана с разоблачением заговоров, далее всего отстоит от стилевых признаков организации мифопоэтической речи, полностью вне ее сферы оказывается и последний указ, где говорится о поражении полководца Ки-но Косами.

Наибольшую композиционную близость к песням «Манъё:сю:» обнаруживают *сэммё*, являющиеся частью обрядовых текстов, исполняемых в ритуале восшествия на престол. Лексическое единство прослеживается прежде всего в формульных зачинах. Во многих песнях «Манъё:сю:» при титуловании императора встречаются обороты *камунагара*, «наделенный божественной сущью», и *какэмаку мо ююсики* (в *сэммё* — *какэмаку мо касикоки*), «о коем молвят с трепетом». Некоторые *нагаута*, «длинные песни» «Манъё:сю:», воспроизводят зачин *сэммё* почти без изменений: «В стране восьми островов Поднебесной, где наш великий владыка, бог явленный» (№ 1050). Общим с *сэммё* словарем пользуются и те песни, где выражена концепция престолонаследия: «Страна Ямато, где высоко пребывает наш государь великий, со времен бога-предка царственного простирается, и нарождающимся потомкам одному за другим Поднебесной ведать назначено — восемь сотен мириад раз по тысяче лет» (№ 1047). О лексических аналогиях *сэммё* и песен «Манъё:сю:» говорится и в переписке ученых Национальной Школы — Мотоори Норинага и Камо Мабути¹¹.

Ряд *нагаута* «Манъё:сю:», особенно принадлежащие Оотомо Якамоти, видимо, непосредственно навеяны содержанием указа (в некоторых случаях это прямо указывается в антологии). Такова, например, пространная ода Якамоти в связи с указом Сё:му об обнаружении золота в провинции Митиноку. Однако, если в указе говорится о том, что «слово Будды все прочие превосходит для защиты государства нашего» и т. д., то в *нагаута*

Якамоти нет ни слова о буддизме, о статуе золотого Будды и о том, для чего, собственно, император мечтал отыскать золото. Эта *нагаута* имеет высокое число лексических и фразеологических совпадений и соответствий с данным *сэммё*. Явление золота в этой *танка*, сложенной примерно через месяц посленародования указа, предстает не как знак чудесного слова Трех Сокровищ, а как своего рода дар божества гор Митиноку в знак его подчинения власти «божественного внука». В другой *нагаута* того же Якамоти содержится призыв к представителям своего клана (один из которых был сослан за провинность) о наследовании ремесла отцов и верном служении поколениям императоров, «дабы имя предков не прервалось», — как неоднократно говорится и в указах.

В этой песне антологии «Манъё:сю:», как и во многих *нагаута*, совмещены ритуальные клише молитвословий *норито*, благопожеланий *ёгото* и указов *сэммё*, внедренные в лексикоритмический строй пятистишия *танка* или длинной песни *нагаута*. Здесь встречается и описание возведения дворца — «опоры крепко укрепив», и формальное описание преемства — «Поднебесной ведать, от предка царственного перенимая наследование солнцу небесному во времена государей многих» и т. п. (№ 4465).

Наиболее тесно с мифопоэтической песенной сферой творчества оказываются связаны, по-видимому, два текста, прочитанные по случаю кончины Фудзивара Нагатэ и принцессы Ното (№ 51 и 58).

Они, безусловно, включают своеобразный юридический аспект, поскольку содержат обязательство императора опекать и поддерживать потомков усопших, причем это обязательство распространяется, надо думать, и на последующие поколения как императоров, так и подопечных, раз все деяния императора наследуются и передаются вместе с постом, и каждый последующий император имперсонифицирует предка и находится в контакте с душами предшественников. Поэтому оба текста заканчиваются напутствием — пройти предстоящий далекий путь «ровно и счастливо» (те же слова, что употреблялись в ритуальных благопожеланиях), «без тревоги за то, что остается позади», — очевидно, что речь здесь идет не о буддийском понятии кармы, а о загробном путешествии в мир предков.

Но не менее примечательна и собственно художественная сторона этих текстов, находящая ряд важных аналогий в песнях-плачах «Манъё:сю:».

Оба текста начинаются прямыми обращениями к покойным. Далее император говорит о том, как он ожидал прихода того лица, к которому обращен указ, но ему сообщили, что этот человек покинул государя и далеко отошел. В обоих текстах далее следует предположение, что это ложь, ошибка или безумие.

Тот же мотив повторяется в разных плачах «Манъё:сю:», принадлежащих разным авторам и посвященных смерти не только членов императорского клана. Так, в песне № 3957: «ожидаю его, я стал расспрашивать, но ведь это — ложь или безумие». Эта песня, как явствует из пояснения, относится к 746 г., т. е. сложена за сорок с лишним лет до этих траурных указов.

Можно, таким образом, предположить существование общей традиции плачей, разделившейся на разные в ритуальном отношении исполнительские сферы, имеющие ритмические и мелодические отличия.

Указ по случаю кончины Фудзивара Нагатэ, более распространенный, дает и другие основания для этого предположения. Указ гласит: «восхитительные цвета весен и осеней — с кем вместе мы будем зреть и дух веселить? Чистые места гор и рек — с кем вместе мы будем зреть и дух просветлять?»

Во многих плачах «Манъё:сю:» речь идет именно о том, что впредь усопший не будет, как раньше, вместе с живыми наблюдать цветение характерных растений весны и осени: «весной — украшать себя сорванными цветами, осенью — украшать себя осенними листьями» (№ 196). Вероятно, речь идет о полном годовом цикле.

Указ о Фудзивара Нагатэ, безусловно, синлабически не организован и лишен метрической регулярности, однако трудно считать его прозаическим, поскольку в нем явственно видна стилистика причитаний с синтаксическими параллелизмами: «ушел он — но кому же доверил деяния.../ Ушел он — но кому же передал их...». Или далее: «Неужто со дня нынешнего уже не услышим мы более... Неужто со дня завтрашнего уж не увидим мы более...». Мотивы невозможности увидеть и услышать, ра-

зумеется, также довольно часты в плачах «Манъё:сю:», как *нагаута*, так и *танка*.

Заметим, что в обоих этих указах, составленных во второй трети VIII в., совершенно отсутствуют следы буддийской концепции бытия и смерти, но включены восхваления Нагатэ как министра, который, «государя своего и на краткий миг не оставляя, утра и вечера, дня и ночи не различая», радеет и печется о делах Поднебесной.

Особое место в истории японской графики занимает способ записи *сэммё*, которым позже были записаны и *норито*. Этот способ получил название *сэммёгаки*, «письмо *сэммё*», и он составляет отдельный знаменательный этап в процессе перехода от китайской письменности к тому типу письма, которым японцы пользуются в настоящее время.

Известно, что в «Кодзики», например, японские слова обозначались подобранными по смыслу иероглифами, расставленными во фразе в китайском порядке. И во многих случаях японское чтение оставалось проблематичным — один и тот же иероглиф «земля», например, комментаторы истолковывали то как «земля», то как «страна», то как «место». Оставалось неясным и чтение глагольных окончаний. Собственные же имена и тексты песен «Кодзики» по преимуществу записывались иероглифами, взятыми в их фонетическом звучании, часто без учета смысла.

В «Манъё:сю:» же тексты песен были записаны так, как собственные имена в «Кодзики», то есть это был сплошной громоздкий иероглифический текст, читаемый фонетически, без учета значения знаков.

И вот, в *сэммё* стали использовать иероглифы примерно так, как теперь — то есть, по их значениям, при этом расставляя их не на китайский лад, а в соответствии с порядком слов в японской фразе, а разного рода грамматические показатели обозначены иероглифами по фонетическому принципу, причем эти вспомогательные иероглифы не варьируются, а всегда одни и те же для записи одних и тех же грамматических формантов. К тому же, вспомогательные части слов и части речи были записаны более мелкими знаками, т. е. было установлено наглядное, на уровне графики, различие между двумя типами письма —

идеографическим и фонетическим. Отсюда уже оставался один шаг до дальнейших графических модификаций и до выработки абстрагированной от идеограммы условной слоговой азбуки.

Выработка такого способа записи было не просто технической мерой, необходимость его, по-видимому, была связана с надобностью точно фиксировать тексты, предназначенные к устному исполнению: тексты имперского ритуала *сэммё* обладали сакральным и ритуальным статусом в полной мере, более того, именно в устном виде их сакральность достигала своей высшей точки.

Примечания

¹ *Ким Бусик*. Самкук саги. М., 1959, с. 267, 238.

² *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Пер. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Т. 2. М., 1975, с. 238.

³ *Ким Бусик*, цит. соч., с. 267.

⁴ *Ким Бусик*, цит. соч., с. 106.

⁵ *Сыма Цянь*, цит. соч., т. 2, с. 276.

⁶ *Сыма Цянь*, цит. соч., т. 2, с. 229.

⁷ *Ким Бусик*, цит. соч., с. 259.

⁸ Норито. Сэммё. Пер., иссл. и комм. Л. М. Ермаковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — (Памятники письменности Востока. ХСVII), с. 107–109, 212–216.

⁹ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Пер. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Т. 4, с. 144.

¹⁰ *Sansom G. B.* The Imperial Edicts in the Shoku Nihongi (700–790 A.D.). — Transactions of the Asiatic Society of Japan. 2nd Series. 19.24, No. I, p. 7–8.

¹¹ *Мотоори Норинага*. Сёкки сэммё моммоку (Перечень вопросов к сэммё «Сёкунихонги»), — Мотоори Норинага дзэнсю (Поли. собр соч.) Т. 7. Токио, 1971.

Ёсино в поэтической антологии «Кайфу:со:»

Мария Торопыгина

О, сколько ни смотрю,
Смотреть я не устану
На берег Ёсину-реки,
Где, верно, наслаждались ране,
В далекие года седые мудрецы...

(«Манъё:сю:», № 1725,
перевод А. Е. Глускиной)

Целью настоящей работы является перевод, комментирование и интерпретация тех стихотворений в китаеязычной поэтической антологии VIII века «Кайфу:со:» («Любимые ветры и травы»), которые посвящены местности Ёсино (вариант прочтения — Ёсину; расположена несколько южнее древних японских столиц Фудзивара и Нара), которая имела огромное значение в деле становления «символического пейзажа» древней и средневековой Японии.

Судя по всему, в сознании правящей элиты в VII–VIII вв. Ёсино ассоциировалось с местопребыванием бессмертных даосских мудрецов, а само нахождение в горах Ёсино было призвано восполнить недостаток сакральной энергетики и жизненной силы. Ёсино в стихах «Кайфу:со:» выступает идеальным местом обитания идеального императора, т. е. является элементом официальной идеологии. Увлечение даосскими идеалами в среде придворных было особенно велико в период Нара. Впоследствии мы наблюдаем умаление даосского элемента в официальной идеологии. Вместе с тем следует помнить, что разработанная в «Кайфу:со:» система образов приобретает впоследствии эстетические коннотации, и прочно входит в ту образность, которая эксплуатировалась японской литературой (в особенности японоязычной поэзией). В связи с этим дешифровка образности стихотворений «Кайфу:со:», которые связаны с Ёсино, имеет большое значение для понимания общего модуса японской культуры.

В японоязычной поэзии *вака Ёсино* (река Ёсино — Ёсиногава, горы Ёсино — Ёсинояма) является *мэйсё* (букв. «знаменитое место»), т. е. таким географическим названием, которое наиболее часто упоминается в японской поэзии. В антологии «Мань-ё:сю:» с Ёсино связано порядка 70 стихотворений¹. В другой поэтической антологии — «Кокинвакасю:» («Собрание старых и новых японских песен», 905–920) — 24 стихотворения² (из 1111, составляющих антологию). Одно из этих стихотворений явно свидетельствует о существующей в это время соотнесенности между Ёсино и Китаем. Это стихотворение № 1049, принадлежащее Фудзивара-но Токихира (871–909):

Морокоси-но // Ёсино-но яма ни // комору томо // окурэн то
омоу // варэ наранакү ни (В подобных Китаю // Горах Ёсино //
Хоть и скрылась, // Что не последую за тобой // Не думай)³.

Роман XII века «Торикаэбая моногатари» помещает в Ёсино опального принца, вернувшегося из Китая, где он провел несколько лет и знаком со всеми аспектами «китайской учености»⁴. Самым ярким историческим примером восприятия Ёсино идеальным местоположением императора является расположение там южного императорского двора в период Намбокутё (Период южного и северного дворов, 1318–1392)⁵. Что касается «Кайфу:со:», то из 116 сохранившихся стихотворений этого собрания 16 стихотворений (т. е. около 14 процентов) одиннадцати авторов написаны по поводу поездок в Ёсино (№№ 31, 32, 45, 46, 47, 48, 72, 73, 80, 83, 92, 98, 99, 100, 102, 115).

¹ Это число, безусловно, значительно возрастет, если учитывать стихотворения, в которых упоминаются топонимы, обозначающие отдельные места в Ёсино.

² Стихотворение № 925 относится к стихотворениям о Ёсино под вопросом, поскольку единого мнения, действительно ли употребленное в этом стихотворении слово *киётаки* обозначает водопады Ёсино — нет.

³ В переводе А. А. Долина: «Мною пренебрегла, // В горы Ёсино ты удалилась. // Будь то даже Китай — // Или думаешь, за тобою // Не решусь отправиться следом?!». — «Кокинвакасю». М.: «Радуга», 1995.

⁴ См. «Торикаэбая моногатари, или Путаница». СПб.: «Гиперион», 2003. Перевод М. В. Торопыгиной.

⁵ Императорами южного двора были Годайго (пр. 1318–1339), Го-мураками (пр. 1339–1368), Тё:кэй (пр. 1368–1383) и Гокамэяма (пр. 1383–1392).

Антология «Кайфу:со:» была составлена в 751 году. Это было время активного заимствования из Китая самых различных идей и политических институтов. Однако необходимо помнить, что именно местные традиции составляли тот мощный субстрат, на который наложились китайские культуроформы. В результате этой «прививки» и была сформирована японская культура, в которую естественным образом вошла китайская образность (в самой широкой трактовке этого понятия).

В связи с этим обращение к истокам этого синтеза представляет собой значительный интерес. В нашем случае мы имеем дело прежде всего с «литературной реальностью». Это понятие требует кавычек, поскольку «Кайфу:со:» (как и большинство источников этого времени) представляет собой в сущности «панкультурную реальность», которая имеет отношение не только к литературе, но и к политике, философии, религии и т. д. В частности, как было показано А. Н. Мещеряковым, сам выбор языка поэтического текста был отражением сложных политико-социальных процессов⁶.

В «Кайфу:со:» первоначально входило 120 стихотворений 64 поэтов (четыре стихотворения утрачены, так что сейчас в антологию входят 116 стихотворений). Стихотворения располагаются в хронологическом порядке. Временной охват памятника — около столетия, со второй половины VII до середины VIII века. Все стихотворения памятника — авторские, однако имя составителя антологии неизвестно. Авторы стихотворений — государь Момму (пр. 697–707), принцы, представители высшей аристократии, чиновники, монахи.

Все мы являемся пленниками тех предрассудков, которые сложились в науке. Увлечение европейцев японоязычной поэзией *вака*, смещение культурных акцентов внутри самой японской традиции привело к тому, что антология «Манъё:сю:» стала считаться первой поэтической антологией Японии. Однако на самом деле она была составлена несколько позже «Кайфу:со:». По своему составу — числу авторов и стихотворений — этот памятник во много раз превосходит «Кайфу:со:» (порядка

⁶ А. Н. Мещеряков. Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII–VIII в. — «История и культура Японии». М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.

4,5 тысяч стихотворений, многие анонимные, более 500 авторов), и хотя письменных доказательств того, что эта антология была составлена как ответ на «Кайфу:со:» нет, однако политическая ситуация в стране, а также именно состав участников антологий (преобладание членов рода Фудзивара в «Кайфу:со:» и рода Оотомо в «Манъё:сю:») позволяет видеть в составлении этих памятников своеобразное соревнование — как культурно-языковое, так и политическое⁷. Эта «соревновательность» объясняется, в частности, тем, что японцами была воспринята конфуцианская идея о сложении стихов, как о деле государственном, ибо стихи — это квинтэссенция космической (а значит, и государственной) гармонии и ритуальное средство для ее достижения. В борьбе за право быть «государственной поэзией» победа стихосложения на японском языке относится лишь к X веку, когда была составлена первая «императорская» (санкционированная императорским указом⁸), антология стихов вака — «Кокинвакасю:». До этого времени, в VIII и в IX веках, «государственной» поэзией, пишущейся по повелению императора, была поэзия на китайском языке (японоязычная же поэзия оставалась на периферии политико-литературного процесса). После

⁷ См. А. Н. Мещеряков, указ. соч.; А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. История древней Японии. СПб.: «Гиперион», 2002.

⁸ Всего была создана 21 такая антология: «Кокинсю:»; «Госэнсю:» («Второе собрание (японских песен)»), 951; «Сю:исю:» («Изборник»), 1005–1011; «Госю:исю:» («Второй изборник»), 1086; «Кинъё:сю:» («Собрание золотых листьев (японских песен)»), 1127; «Сикасю:» («Собрание слов-цветов»), 1151–1154; «Сэндзайсю:» («Собрание (японских песен) за тысячу лет»), 1188; «Синкокинсю:» («Новое собрание старых и новых (японских песен)»), 1216; «Синтёкусэнсю:» («Новая императорская антология»), 1235; «Сёкугосэнсю:» («Продолжение второго собрания (японских песен)»), 1251; «Сёкукокинсю:» («Продолжение собрания старых и новых (японских песен)»), 1265; «Сёкюсю:исю:» («Продолжение изборника»), 1278; «Сингосэнсю:» («Новое второе собрание (японских песен)»), 1303; «Гёкюё:сю:» («Собрание драгоценных листьев»), 1312–1313; «Сёкусэндзайсю:» («Продолжение собрания (японских песен) за тысячу лет»), 1320; «Сёкугосю:исю:» («Продолжение второго изборника»), 1325; «Фу:гасю:» («Изысканное собрание (японских песен)»), 1349; «Синсэндзайсю:» («Новое собрание (японских песен) за тысячу лет»), 1359; «Синсю:исю:» («Новый изборник»), 1364; «Сингосю:исю:» («Новый второй изборник»), 1383; «Синсёку кокинсю:» («Новое продолжение собрания старых и новых (японских песен)»), 1439.

«Кайфу:со:» был создан еще целый ряд антологий китайской поэзии (*канси*), которые тоже можно назвать «императорскими»⁹.

У поэзии на китайском и на японском языках в это время наблюдается немало точек соприкосновения. Поэзия *канси* естественным образом включает в себя реалии окружающего «японского» мира, местные легенды, имена, топонимы. Поэзия *вака*, в свою очередь, включает китайские мотивы и образы, некоторые из которых уйдут из нее в более позднее время, а другие — станут составной частью японской поэзии. Реальный билингвизм представителей тогдашней политической элиты находил отражение в том, что они сочиняли как на китайском языке, так и на японском. Одной из сквозных тем тогдашней поэзии стало Ёсино.

Эта местность начала осваиваться довольно рано, о чем свидетельствуют упоминания Ёсино в относящихся к ранней истории частях «Кодзики» («Записи о делах древности», 712) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720). Так, Ёсино упоминается во втором свитке «Кодзики», в части, относящейся к первому мифическому государю — государю Дзимму. И в «Кодзики», и в «Нихон сёки» Ёсино упоминается в разделах, описывающих события, относящиеся ко времени правления государя О:дзин (пр. 270–310).

Нижеприводимое сообщение «Нихон сёки», вероятно, является одним из ранних описаний Ёсино:

«Зимой 19-го года, в день новолуния Цутиноэ-но ину 10-го месяца, государь соизволил отправиться в Ёсино. Тогда к нему пришли люди [из племени] кунису. Они поднесли государю густого рисового вина и так сказали в песне:

В зарослях дубов
Сделали мы поперечную ступу,
Поперечную ступу.
Великое рисовое вино, там бродившее,
Отведай в охотку,
Отец наш! —

⁹ Поклонником китайской поэзии был император Сага (пр. 809–823). В годы его правления появились антологии *канси*: «Рё:унсю:» («Собрание, порожденное облаками», 814), «Бунка сю:рэйсю:» («Собрание литературных шедевров», 818), «Кэйкокусю:» («Собрание для управления страной», 827).

Так спели. Допели, стали бить себя по губам, смотрели в небо и смеялись. И теперь, когда кунису приходят ко двору приносить дань, добытую на их земле, они бьют себя по губам, смотрят на небо и смеются, — обычай этот остался со времен самой глубокой древности.

Люди [племени] кунису чрезвычайно прямодушны. Обычно они питаются горными плодами, а также любят лакомиться вареными лягушками. [Лягушек] называют словом номи. Земля [кунису] находится на юго-востоке от столицы, отделена от нее горами, живут они в окрестностях реки Ёсино-кава, скалы и горные кручи там обрывисты, долины глубоки, тропки узкие и крутые. Нельзя сказать, что это далеко от столицы, но с самого начала ко двору государя они являлись редко. Однако впоследствии стали приходить часто и подносили дань со своей земли. Эта дань включает в себя каштаны, грибы и форель». (Перевод Л. М. Ермаковой)¹⁰.

В «Кодзики» содержится также и поэтический текст, в котором рассказывается о местности Ёсино. Запись относится ко времени правления государя Ю:ряку (пр. 456–479).

«Когда государь направлялся во дворец Ёсино, на берегу реки Ёсино ему повстречалась девушка. Девушка была хороша собой. Поэтому он женился на ней. Потом вернулся во дворец [Асакура в Патусэ]. Позднее, когда государь снова направлялся во дворец Ёсино, он остановился на том месте, где ему повстречалась девушка. Воздвигнув там мост, он сел и стал играть на кото, а девушке велел танцевать. Поскольку девушка танцевала хорошо, он сложил песню:

На помосте
Пальцы божества
Перебирают струны кото.
Девушка танцует.
Пусть так будет всегда.

Проследовав на равнину Акиду, государь охотился там. Он сидел на помосте. Тут слепень ужалил его в руку. Сразу же появилась стрекоза, проглотила слепня и улетела. Государь же сложил песню. В песне говорилось:

¹⁰ «Нихон сёки. Анналы Японии». Т. 1 (Свитки I–XVI). СПб.: «Гиперион», 1997, с. 291–292.

Кто-то
Доложил государю:
На пике Вомуро,
Что в Ёсино,
Лежат кабаны и олени.
Правящий с миром
Наш государь
Поджидал на помосте
Кабанов и оленей.
И тогда слепень
Проник к его руке,
Обернутой белым рукавом.
Но стрекоза тут же
Проглотила его.
Потому дали
Стране неба —
Ямато —
Такое название:
Остров Стрекозы.

Поэтому с тех пор эту долину называют долиной Стрекозы — Акиду». (Перевод А. Н. Мещерякова)¹¹.

Из этих полулегендарных данных можно сделать вывод об особой отмеченности Ёсино, что было, по всей вероятности, связано с какими-то местными религиозными представлениями. Возможно, что именно они оказали определенное влияние на дальнейшие исторические события (или, по меньшей мере, послужили тому, что Ёсино стало местом для их развертывания).

Во второй половине VII века Ёсино оказалось ареной важнейшего события того времени — «смуте года *дзинсин*» (по названию года по шестидесятилетнему циклу). В 671 году император Тэнти (пр. 668–671) заболел и предложил занять престол своему младшему брату, наследному принцу Ооама, но тот отклонил предложение, поскольку опасался за свою жизнь, ибо сын Тэнти, принц Оотомо, бывший главным министром, также претендовал на престол. Ооама удалился во дворец Ёсино, чтобы там принять буддийский постриг.

После смерти Тэнти принц Оотомо взшел на престол (известен как «император Ко:бун», пр. 671–672). Тем временем к

¹¹ «Кодзики Записи о деяниях древности». Свитки 2-й и 3-й. СПб.: «Шар», 1994, с 196–197.

принцу Ооама стали стекаться сторонники, желавшие видеть его на троне. Так сложились два враждующих лагеря, и вскоре вспыхнула гражданская война между Ко:бун и принцем Ооама.

Столкновения продолжались около месяца. В решающей битве Ко:бун потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. На престол взошел принц Ооама (император Тэмму, пр. 672–686). Начиная с этого времени и до правления Ко:нин (пр. 770–781) правителями становились только потомки Тэмму, известные своими даосскими пристрастиями.

Вдова Тэмму, императрица Дзито: (пр. 690–697), бывала во дворце Ёсино около двух десятков раз. Ёсино неоднократно упоминается и в официальной хронике VIII в. «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 9 раз). Если учесть, что записи этой хроники имеют дело с топонимами, которые отражают административное деление страны, то такое количество упоминаний следует признать достаточно большим. Поездки в Ёсино совершали государи Момму (пр. 697–707), Гэнсё: (пр. 715–724) и Сё:му (пр. 724–749).

Для лучшего понимания того, с какими поэтическими образцами имели дело поэты «Кайфу:со:» следует сказать хотя бы несколько слов о том, что представляла собой китайская поэзия ко времени составления антологии.

Строгие правила сложения стихотворений *ши* (яп. *си*) оформились в Китае к VII веку, к началу эпохи Тан (618–907), на основе более раннего поэтического творчества. Поэзия этого времени признает, в основном, четыре поэтические формы: четверостишия и восьмистишия, написанные пятисловным (пять иероглифов в строке) и семисловным (семь иероглифов в строке) размерами. Метрическими единицами китайского стихотворения выступают строка, двустишие и четверостишие. Каждая строка строго подразделяется путем паузы-цезуры на две части (в пятисловных стихах это деление на 1–2-й и 3-й–5-й иероглифы, для семисловников — деление на 1–4-й и 5–7-й иероглифы). Метрическую композицию текста определяют законы мелодики, которые основываются на тоновых характеристиках иероглифов. В китайском языке существует четыре тона — «ровный», «высокий», «ниспадающий» и «входящий». В теории и практике стихосложения «высокий», «ниспадающий» и «входя-

щий» тона образуют одну группу — «косых» тонов. Мелодика стиха возникает из чередования ровных и косых тонов. Для стихотворений ши характерна также рифма, которая исходит не из реального произношения, а из искусственной классификации иероглифов путем их распределения по специальным категориям, определяемым как группы рифм. Первые классификационные словари рифм появились в начале VII века. Рифмуются только четные строки (исключением может быть первая строка), причем на протяжении всего стихотворения необходимо употреблять рифмы, относящиеся к одной группе¹².

Исследователи японской литературы сходятся на том, что поэты «Кайфу:со:» ориентировались, прежде всего, не на современную им танскую поэзию с ее четкими законами стихосложения, а на более раннюю поэзию периода шести династий¹³, представленную, в первую очередь, в «Вэнь сюань» (яп. «Мондзэн» — «Литературный сборник», VI в.) — антологии поэзии и прозы, составленной Сяо Туном (501–531). В антологию включено 800 произведений 131 автора. Материал антологии систематизирован и распределен по 37 рубрикам. Тоновые характеристики иероглифов в произведениях этого памятника еще не учитывались. А рифмы, возможно, основывались на реальном произношении.

По форме стихотворения «Кайфу:со:» подразделяются следующим образом:

– пятисловные четверостишия — 18 (№ 1, 2, 3, 7, 11, 27, 46, 48, 51, 54, 58, 59, 88, 93, 101, 103, 109, 116);

– пятисловные восьмистишия — 72 (№ 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 53, 55, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 102, 106, 107, 108, 111, 112, 113, 114, 115);

– пятисловники в 10 строк — 5 (№ 14, 28, 38, 56, 70);

¹² См. М. Е. Кравцова. История культуры Китая. СПб.: «Лань», 1999, с. 325–334.

¹³ См. Konishi Jin'ichi. A History of Japanese Literature. Volume One: The Archaic and Ancient Ages. Princeton University Press, 1984, p. 309–323; The Cambridge History of Japan. Vol. 1. Ancient Japan. Cambridge University Press, 1993, p. 453–486; А. Н. Мещеряков. Древняя Япония: культура и текст, М.: «Наука», 1991, с. 60–67.

- пятисловники в 12 строк — 11 (№ 21, 24, 29, 35, 36, 40, 42, 75, 87, 91, 92);
- пятисловники в 16 строк — 2 (№ 20, 104);
- пятисловник в 18 строк — 1 (№ 105);
- семисловные четверостишия — 4 (№ 6, 72, 100, 110);
- семисловное восьмистишие — 1 (№ 90);
- семисловник в 12 строк — 1 (№ 22);
- семисловник в 18 строк — 1 (№ 89).

Во всех без исключения стихотворениях рифмуются четные строчки, авторы также четко следуют правилу деления строки паузой-цезурой.

В VIII веке китайский язык завоевал в Японии прочные позиции в качестве средства письменного общения (при этом решающая роль в этом процессе принадлежала поначалу государству). Однако, видимо, уже в это время японцы приспособились произносить написанный по-китайски текст по-японски (*кундоку* — чтение по «кунам», чтение по-японски). Для чтения китайского текста по-японски несколько позднее стали использовать специальные значки — *кунтэн*, показывающие, каким образом должен быть изменен порядок слов в предложении. Вопрос о том, каким образом произносились стихи в VIII в., остается открытым.

В своем переводе мы ставили перед собой задачу максимально точно передать образную систему оригинала. Решению этой же задачи служат и комментарии.

При работе над переводами стихотворений из «Кайфу:со:» использованы два издания: «Кайфу:со:». Ред. Эгути Такао. Токио: «Коданся», 2000; «Кайфу:со:, Бунка сю:рэйсю:, Хонтё: мондзуй». Ком. Кодзима Норюки. Токио: «Иванами сётэн», 1964 («Нихон котэн бунгаку тайкэй» — «Большая серия японской классической литературы», т. 69).

Фудзивара-но Фухито (659–720)

Фудзивара-но Фухито — сын Фудзивара-но Каматари (614–669), один из самых влиятельных царедворцев своего времени, дослужился до должности правого министра (708). В 718 году Фухито была предложена должность главного министра (*дадзё: дайдин*), но он отказался на том основании, что ранее этот пост занимали только представители правящего дома. Тем не

менее, поскольку эта должность, а также пост левого министра (левый министр считался выше правого) оставались при нем вакантными, Фухито фактически находился на самом верху чиновничьей пирамиды управления. Фухито участвовал в составлении законодательных сводов «Тайхо: рицурё:» (701) и «Ё:ро рицурё:» (составлен в 718 году, введен в действие в 757). В «Кайфу:со:» помещены 5 стихотворений Фухито (29–33).

№ 31

Отправляясь в Ёсино

Когда видишь горы и воды*, стихи взлетают ввысь.
 Прикажешь подать чарку, усядешься во вьющихся травах*.
 Отсюда Сицуки* на журавле поднялась в Небо,
 А дева Сяэн* оборотилась рыбой ради утех любовных.
 На вершинах скал зелень в туманной дымке,
 Солнечный свет окрасил берега красным.
 Должно быть, отсюда рукой подать до Небесного сада*.
 И как отраден здесь ветер в соснах!

Комментарий

* В стихотворениях «Кайфу:со:» горы и воды постоянно соотносятся с конфуцианскими понятиями человеколюбия и мудрости. Образ взят из сочинения Конфуция «Лунь юй» (VI, 23):

«Учитель сказал:

— Мудрый наслаждается водой, человеколюбивый наслаждается горами. Мудрый — в движении, человеколюбивый — в покое. Мудрый — счастливый, а человеколюбивый — долгожитель¹⁴.

* Вьющиеся растения, лианы могут обозначать также одежду отшельника, являются метафорой отшельнической жизни.

* Легенда о Сицуки представлена в «Нихон рё:ики» (I-13) — «Слово о женщине, которая творила праведное, ела травы горных отшельников и вознеслась на небо в своем нынешнем теле»:

«В деревне Нурибэ уезда Уда провинции Ямато жила удивительная женщина. Она была наложницей Нурибэ-но Мияцуко Маро из того же уезда. С рождения она творила праведное, от рождения же жила по вере своей. Детей у нее было семеро. Она была очень бедна, еды не хватало, и в прокорме детей положиться ей было не на кого. Одежды у нее не было, и она делала ее из коры глицинии. Каждый день она принимала ванну, чтобы очиститься телом, и надевала лохмотья. Она взя-

¹⁴ Л. С. Переломов. Конфуций «Лунь юй», М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1998, с. 345.

ла за привычку ходить в поле и собирать травы, жила же в доме и постоянно его убирала. Собрав травы и приготовив их, звала детей. Усевшись прямо, она чинно принималась за еду, улыбалась и ласково разговаривала. Так поступала она всегда, придерживаясь того душой и телом. Своим удивительным поведением она напоминала небесного гостя.

Во времена [правления государя из] дворца Нагара-но Тоёсаки, что в Нанива, в первый год Тигра, божественные отшельники откликнулись. Весной она собирала травы в поле. Поев трав отшельников, она вознеслась на небо...» (Перевод А. Н. Мещерякова)¹⁵.

Японские комментаторы «Кайфу:со:» не ссылаются на определенные китайские источники, хотя отмечают, что легенда рассказана «в китайской манере». Журавль — птица, на которой летают небожители, символ долголетия, опытности и верности.

Эту легенду комментаторы связывают также с легендой о встрече старика Такэтори с девятью феями из «Манъё:сю:» (стихотворения 3791–3802):

«В древности жил один старик. Его прозвали старик Такэтори — „Старик, собирающий бамбук“.

Однажды, в последний месяц весны, он взобрался на холм, и когда взглянул вдаль, то вдруг увидел девять юных девушек, варивших на костре еду. Они были красоты необыкновенной, облик их напоминал прекрасные цветы, и он не встречал им равных.

Девушки, смеясь, окликнули его и сказали: „Дедушка, иди к нам, раздуй огонь под котлом“. И вот старичок, приговаривая: „Ладно, ладно“, — потихоньку добрался до них и сел у костра.

Немного спустя девушки, еле сдерживая улыбки, наперебой стали спрашивать друг друга: „Кто позвал этого старичка?“ И тогда старик Такэтори, смутившись, стал просить у них прощения: „Уж очень неожиданно встретился я с прекрасными феями, растерялся и осмелился дерзнуть. Теперь вижу свою вину и хочу попытаться искупить ее песней“ » (Перевод А. Е. Глускиной)¹⁶.

Далее следует песня старика и ответные песни девушек.

* Легенда о Сяэн (яп. Цуминоэ) повествует о том, как рыбак по имени Умасинэ делал запруды для ловли рыбы, а фея Сяэн тем временем обратилась прутиком и плавала в запруде. Умасинэ взял прутик, и тот обернулся красавицей. Некоторое время Сяэн и Умасинэ жили вместе, затем Сяэн вернулась на Небо.

Три стихотворения «Манъё:сю:» основываются на этой легенде.

¹⁵ «Нихон рёики. Японские легенды о чудесах». Перевод А. Н. Мещерякова. СПб.: «Гиперион», 1995, с. 52–53.

¹⁶ Перевод данного отрывка и все последующие цитаты из «Манъё:сю:» приводятся по изданию: Манъёсю, т. 1–3. М.: «Наука», 1971–1972. Перевод А. Е. Глускиной.

Три песни о фее Цуминоэ

385

Град идет...
Касима-пик очень крут,
И трудно мне
Ухватиться за траву,
Я любимую мою за руку возьму!

386

Если б этим вечером сюда
Ветка дикой шелковицы
Приплыла,
Я б ловушку для нее не расставлял,
И волшебной ветки я б не взял!

387

Песня Вакамия Аюмаро

Когда бы не жил
В древние года
Тот человек, что тут ловушку ставил,
Быть может, ветка дикой шелковицы
И ныне по воде плыла... (Перевод А. Е. Глускиной)

Легенда излагается также в «Сёку нихон ко:ки» («Продолжение поздних анналов Японии»¹⁷:

«Говорят, к Кумасинэ, который жил в благодатном краю Ёсино приходила Небесная женщина, потом они поссорились, и она в белом одеянии улетела»¹⁸.

Легенда упоминается еще в шести стихотворениях «Кайфу:со:» (45, 72, 98, 99, 100, 102).

* Небесный сад (кит. *сюань лу*) — согласно даосским представлениям — обиталище небожителей, находится в горах Куньлунь.

№ 32

Отправляясь в Ёсино

В Нацуми* глубоки цвета летнего пейзажа,
А в Акицу* все обновляется с приходом осени.

¹⁷ Памятник составлен в 869 году, охватывает период 833–850 годов, четвертый памятник из «Риккокуси» — «Шести национальных историй».

¹⁸ Цит. по «Кайфу:со:» (1964) с. 456.

Подобно императору Фэню* в древности,
 Здесь видят добрых гостей.
 Небожители удаляются, воссев на журавлей,
 А те, кто движется к звездам*, садятся на плоты.
 Чистое сердце подобно речной воде, набранной в ладони,
 Пустому сердцу открывается успокоенная гуманность.

Комментарий

* Нацуми и Акицу — географические названия в Ёсино. Неоднократно встречаются в «Манъё:сю». Записываются разными иероглифами. В данном стихотворении часть *нацу* в названии *нацуми* записана иероглифом «лето», а часть *аки* в названии *акицу* иероглифом «осень». Таким образом в стихотворении используется прием омограммы (распространенный в китайской поэзии): одинаковые знаки стоят первым и третьим в первой строке и первым и третьим во второй строке. Этот прием употребляется и в ряде других стихотворений «Кайфу:со».

Топоним Акицу (Акиду) встречается в приведенном выше стихотворении из «Кодзики», где трактуется как «остров стрекозы».

* Император Фэнь — другое имя императора Яо. Считается, что, передав престол Шуню, Яо поселился в окрестностях Фэньшуй. Яо и Шунь — легендарные идеальные правители древнего Китая.

* Под «теми, кто движется к звездам» имеется в виду знаменитый путешественник Чжан Цянь (?–114 до н. э.), посланный императором У-ди (140–86 до н. э.) в страны Западного края — Восточный Туркестан и Среднюю Азию — с дипломатической и разведывательной миссией. В сочинении «Цзинчу суйши цзи» («Описание годового календаря празднеств и обрядов в Цзинчу», VI в.) приводится легенда о том, как Чжан Цянь поплыл на плоту вверх по Хуанхэ и добрался до Небесной реки (Млечного пути).

Другим источником, в котором приводится схожая легенда (без указания конкретного исторического персонажа), является более раннее сочинение «Боу чжи» («Описание всяких вещей», III в.). Там рассказывается, как некий человек, живший на берегу моря, однажды во время восьмой луны увидел плот, прибитый к берегу, отправился на нем в море и доплыл до Небесной реки¹⁹.

Через легенду о Чжан Цяне эта строка выходит на самую распространенную в Японии китайскую легенду — легенду «Танабата». Это легенда о любви Волопаса (пастуха) и Ткачихи (Вега и Альтаир), которые разлучены Небесной Рекой (Млечный Путь) и могут встречаться только раз в году — 7-го дня 7-й луны. В «Манъё:сю» около двух-

¹⁹ См. статью Н.И. Конрада «Восемь стансов об осени» Ду Фу». В кн. Н. И. Конрад. Запад и Восток. М.: «Наука», 1972.

сот (!) — из четырех с половиной тысяч — песен посвящены этой легенде. В «Кайфу:со:» шесть стихотворений либо прямо основываются на этой легенде, либо легенда в них упоминается (стихотворения 33, 53, 56, 74, 76, 85). Вот стихотворение «Кайфу:со:», принадлежащее кисти Фудзивара-но Фусасаки (681–737)²⁰, второго сына Фудзивара-но Фухито:

№ 85

В столице государя повеяло первой прохладой,
И наслаждается он осенью ранней.

В зале, изукрашенной богато, слагают стихи.

В золотом павильоне — изысканные развлечения.

Паланкин [Ткачихи] летит, как феникс, по облачной дороге,

Словно дракон, пересекает ее повозка Небесную Реку.

Если хочешь узнать о встрече бессмертных,

Посмотри, как голубая птица влетает в роскошную башню.

(Согласно легенде, к императору У-ди в день Танабата прилетела трехногая голубая птица — благоприятное знамение.)

(Перевод А. Н. Мещерякова).

В целом стихотворение соотносится с песней императора Тэмму из «Манъё:сю:».

№ 27

*Песня императора [Тэмму], сложенная им
во время пребывания во дворце Ёсину.*

Хорошие люди, говоря: «Хорошо!»,

Умели смотреть хорошо,

И хорошим назвали хорошее поле — Ёсину.

Хорошо же смотри на него!

Хорошие люди умели смотреть хорошо! (Перевод А. Е. Глускиной).

Накатами-но Хитотари

Получил младший пятый ранг нижней степени в 707 году. В 708 стал помощником заведующего Подотделом по строительству столицы Нара. В 716 году, находясь в должности заместителя Палаты небесных и земных божеств, получил верхнюю степень пятого старшего ранга, затем нижнюю степень четвертого младшего ранга. Занимал должности левого среднего цензора и главы Палаты небесных и земных божеств (Дзингикан). Умер в возрасте пятидесяти лет. В «Кайфу:со:» помещено два стихотворения.

²⁰ Всего в «Кайфу:со:» помещено три его стихотворения (№ 85, 86, 87).

№ 45

Отправляясь в Ёсино

Горы — только эти горы, воды — только эти воды.
 Сюда стремится тот, кто ищет мудрости и гуманности.
 В этой земле никогда не было грязи,
 Когда-то здесь встретились Сяэн и Умасинэ.
 Ветер и волны поют здесь одну мелодию,
 Рыбы и птицы резвятся здесь вместе.
 Это место — обитель праведников,
 Уж не гости ли мы Персикового источника*?

Комментарий

* Персиковый источник — обиталище бессмертных — описан в сочинении Тао Юань-мина (365–427) «Персиковый источник»²¹. Сочинение повествует о том, как некий рыбак при династии Цзинь в эпоху с девизом «Великих начал» т. е. между 376 и 396 годом, плывя по протоке, случайно наткнулся на персиковую рощу, у которой обнаружил источник и гору с узким отверстием, в которое мог пролезть один человек. Пробравшись в отверстие, рыбак оказался на равнине, где обнаружил крепкие жилые строения, возделанные поля, прекрасные пруды, бамбуковые рощи. Обнаружились там и люди, похожие на иноземцев по манерам, жестам и одежде. Все люди казались довольными и радостными. Рыбака пригласили в дом и устроили угощение. В разговоре выяснилось, что эти люди бежали сюда от «смуты циньских времен», т. е. еще в III веке до н. э. Таким образом рыбаку стало ясно, что это бессмертные. Все последующие попытки добраться до Персикового источника к успеху не привели.

№ 46

Отправляясь во дворец Ёсино

Человеколюбивому — горы, он привык к Залу феникса*,
 Мудрому — воды, для него открыты врата с бронзовым драконом.
 Цветы и птицы безгранично восхищают.
 Кто же не захочет здесь задержаться?

²¹ «Китайская классическая проза». М.: Издательство Академии наук СССР, 1958, с. 172–174. Перевод В. М. Алексеева.

Комментарий

* Зал феникса и врата с бронзовым драконом означают роскошный дворец, императорский дворец.

Оотомо-но Оокими

Биография неизвестна. Единственным сообщением является сообщение «Сёку нихонги» о том, что в 714 году Оотоми-но Оокими была пожалована нижняя степень пятого младшего ранга. В «Кайфу:со:» помещено два стихотворения.

№ 47

Следуя за императором в Ёсино. По приказу императора

Желая отыскать следы Чжан Цяня*,
 В счастье мы следуем за ветром Хуанхэ.
 Утром облака указывают на Юг и на Север,
 Вечером туман встает на Западе и Востоке.
 Отвесным склонам соответствует резкая струнная музыка,
 В широких долинах гармонично поют духовые,
 Это песня о сущности создания.
 Стыдно: взялся слагать стихи, но делаю неумело.

Комментарий

* Чжан Цянь — см. примечания к стихотворению № 32.

№ 48

Следуя за императором в Ёсино. По приказу императора

Эти горы беспредельны, так значительны интересы
 человеколюбивого,
 Эти воды чисты, так глубоки заветные мечты мудрого.
 Желая посетить места, где бывали небожители,
 Следую за государем в Ёсино.

Ки-но Охито (681-738)

Получил нижнюю степень пятого младшего ранга в 705 году, в 718 — верхнюю степень пятого старшего ранга, служил во дворце престолонаследника (будущего императора Сё:му, 724–749). В 731 получил верхнюю степень четвертого младшего ран-

га, был назначен заместителем управителя Дадзайфу. В «Кайфу:со:» помещены три стихотворения.

№ 72

Отправляясь к реке Ёсино

Устремляясь вверх, здесь высятся скалы,
Бездонные белые воды образуют стремнины.
Хотел бы посетить места, похожие на пруды Чжун*
и пучины Юэ*.
Как покинуть этот остров, где Умасинэ встретил
Небесную фею!

Комментарий

* Местонахождение пруда (или прудов) Чжун и пучины (пучин) Юэ неизвестно. Возможно, имеются в виду пруд в горах Чжуншань в княжестве У и воды княжества Юэ. У и Юэ — древние княжества на территории нынешних провинций Цзянсу и Чжэцзян²². Эти же топонимы встречаются в стихотворении № 100.

№ 73

Следуя за императором во дворец Ёсино

С фениксом и зонтами* остановились у Южных пиков.
Ищем воды мудрости и горы человеколюбия.
Если сочиняешь в долине, будто говоришь с Сунем*,
Взберешься к глициниям — приблизишься к Сюю*.
Пики и скалы — лето меняет пейзаж,
Источники и камни — осень обновляет цвета.
Эта земля — обиталище бессмертных,
Так стоит ли искать гору Мяогусе*?

²² Эти княжества упоминаются, например, в стихотворении Цао Чжи «Встретил у ворот путника»: «Далекий путь // Остался за плечами, // «Откуда вы?» — // У гостя я спросил // И вслед за ним // Немедля поспешил, // Вдруг в нем признав // Себя, свои печали. // Он рукавом, // Потрепанным и длинным, // Прикрыл глаза, // Вздыхая, как во сне: // «Я был ученым // В Северной стране, // В Юэ и в У // Я стал простолюдином. // Я долго шел, // Но не закончен путь. // Пожалуй, в Цзинь // Приду когда-нибудь». Перевод Л. Е. Черкасского.

Комментарий

* Феникс и зонты — обозначение императорского кортежа. В древнем Китае изображение феникса украшало императорский паланкин. Зонты на длинных ручках использовались при выездах императора. Эта же атрибутика стала использоваться и в Японии.

* Сунь Чо (314–347), второе имя Син-гун, был выходцем из влиятельного чиновничьего клана. Был не только литератором и мыслителем, но и крупным государственным деятелем. Оставил значительный след в истории китайской буддийской мысли. Обосновывал идейное сходство буддизма, конфуцианства и даосизма. Сунь Чо — автор «Ю Тяньтайшань фу» («Оды о восхождении на гору Тяньтайшань»)²³ и девяти стихотворений *ши*. Поскольку ода считалась прозаическим жанром, упоминание Суня в данном стихотворении означает сочинение прозы и противопоставляется сочинению поэзии Сюем. «Ода о восхождении на гору Тяньтайшань» помещена в «Вэнь сюань».

* Суй Сюнь (300?–356?), второе имя Сюань-ду, почитался образцовым отшельником. Он отказывался служить, что не мешало ему быть членом аристократического кружка, концентрировавшегося вокруг крупного чиновника и прославленного полководца Се Аня (320–385). Сохранились сведения, что Суй Сюнь был непревзойденным мастером в сочинении пятисловных стихов. Однако практически ничего из созданного им не сохранилось.

* Гора Мяогусе — обитель бессмертных.

Ёсида-но Ёроси

Потомок иммигрантов. Его предки происходили из Мимана (государство на Корейском полуострове, кор. Имна). Натурализовавшись в Японии, наследственно занимались медициной. Ёроси, сначала приняв буддийское монашество, вышел из монашества в 700 году, получив фамилию Кити и имя Ёроси. В 721 году за заслуги в области медицины получил в качестве поощрения нитки, полотно, мотыги²⁴. В 724 году был пожалован фамилией Ёсида. Был главой Библиотечного отдела (733) и Аптекарского отдела (737). В 730 имел стихотворную переписку с

²³ См. перевод оды на русский язык: Е. А. Торчинов. Из китайской классической поэзии: Цзя И, Чжан Хэн, Сунь Чо, Тао Цянь. — «Петербургское востоковедение», вып. 1, 1992, с. 224–238.

²⁴ Обычное пожалование в нарской Японии. См. А. Н. Мещеряков. Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века. — Вещь в японской культуре. М.: «Наука», 2003, с. 60–73.

Оотомо-но Табито²⁵ и Яманоз-но Окура²⁶. В «Кайфу:со:» представлен двумя стихотворениями. В «Манъё:сю:» представлен четырьмя стихотворениями (864–867).

№ 80

Следуя за императором во дворец Ёсино.

Это дворец небожителя, в глубине гор, в тишине.

Это живописное место, уединенное, в дымке.

Облака окутывают долины Мибунэ*.

Туман рассеивается над островами Ясака*.

Желтые листья первыми провожают лето,

Белые цветы кацура* встречают осень.

Сегодня над Имэновада*

Несутся затихающие звуки тысячелетий.

Комментарий

* Мибунэ — горы Мибунэ (Мифунэ) находится к юго-востоку от предполагаемого местонахождения дворца Ёсино, в южной части Нацуми. Топоним Мибунэ неоднократно встречается в «Манъё:сю:».

№ 242

Песня принца Югэ, сложенная во время его пребывания в Ёсину

Нет, не надеюсь я

Жить вечно на земле,

Подобно облакам, что пребывают вечно

Над водопадом

Среди пиков Мифунэ...

(Перевод А. Е. Глускиной)

²⁵ Оотомо-но Табито (665–731) — выдающийся поэт, сочинявший *вака*. Занимая высокий административный пост на Кюсю (в Дадзайфу), создал вокруг себя литературный кружок. В своих стихах на японском языке использовал китайскую образность и даосские идеи.

²⁶ Яманоз-но Окура (660–733?) — поэт, писавший *вака* и *канси*, а также прозу на китайском языке. В 701 году был отправлен в Китай, где провел два или три года. В «Манъё:сю:» помещены 73 его стихотворения. Для его стихотворений на японском языке характерна китайская образность, а также несвойственная другим поэтам его времени основанное на конфуцианских идеях социальное звучание. В число поэтов «Кайфу:со:» он не входит.

* Ясака (или Ятисэки, записано иероглифами «восемь» и «камень») — местонахождение неизвестно. Возможно имеется в виду «множество камней» (восьмерка выступает обозначением множественности), таким образом описывается река Ёсино.

Возможно, восьмерка появляется «в параллель» с тройкой (тройкой записана первая часть топонима Мибунэ). Символика числа восемь использовалась в это время в Японии очень активно²⁷.

Слово «камень» (наряду со словом «вино») является своеобразным атрибутом отшельника в песенке из истории 33 главы второго *маки* «Нихон рэйки» «Слово о женщине, которую выследил и сожрал злой дух» (II-33): «Наму наму я // Хидзирибито // Сака мо сака мо // Мотисусури». (Наму! Наму! // У отшельника // И вино, и камни // Имеются)²⁸.

* Кацура — багряник японский.

* Топоним Имэновада расширявается как «пучина сна». Вероятно, это место на реке Ёсино. Встречается в «Маньё:сю:».

335

Мое странствие ныне

Ведь не будет же вечно?

Пусть же Имэновада

Не становится мелью,

А будет пучиной, как в давние годы! (Перевод А. Е. Глускиной)

Ооцу-но Обито

В монашестве звался Гихо:, ездил в корейское королевство Силла, вернулся в 707 году. В 714 вышел из монашества, получил нижнюю степень пятого младшего ранга. Получил фамилию Ооцу и имя Обито. В 721 за заслуги в области медицины и гадания был пожалован нитками, полотном, мотыгами. В 730, дабы воспитать преемников, взял учеников, которых учил искусству прорицания (*иньян*). В «Кайфу:со:» представлен двумя стихотворениями.

№ 83

*Вторя сочинению главного министра Фудзивара,
отправляющегося к реке Ёсино*

Эта земля предназначена для тихой жизни в глубине гор.

Горы есть императорское человеколюбие.

²⁷ См. А. Н. Мещеряков. Символика числа 8 в японской официальной культуре VII–VIII вв. (К вопросу о характере влияния Китая на Японию). — «Проблемы Дальнего Востока», 1999, № 3, с. 125–133.

²⁸ Цит. по «Кайфу:со:» (2000), с. 264.

Журча, заливает камни вода.
 Отовсюду рыбы плывут на звуки цитры-цинь.
 Пустое сердце соответствует лесам и долинам,
 Человеческое сердце закаляется ветром и туманом.
 Хочешь узнать суть пиршественной мелодии —
 Пей допьяна, чтобы забылась грязь.

Фудзивара-но Умакаи (?-737)

Третий (из четырех) сын Фудзивара-но Фухито, основатель «кадрового» дома Фудзивара (*сикикэ*). В 716 году получил нижнюю степень пятого младшего ранга. Был отправлен послом в Китай, по возвращении занимал должности управителя провинции Хитати, министра кадров, государственного советника (*санги*). В 732 году получил третий старший ранг, был инспектором округа Сайкайдо, управителем Дадзайфу. Поэтическое творчество Умакаи представлено пятью стихотворениями в «Кайфу:со:», одой (*фу*) в «Кэйкокусю:», шестью стихотворениями в «Манъё:сю:» (72, 312, 1535, 1729–1731).

№ 92

Отправляясь на реку Ёсино

Болото со свежей пахучей растительностью, орхидеями
 и ирисами,
 Вершины с соснами, дубами, багрянником и камелией.
 Местные жители впервые вырубili вьющиеся растения,
 Отшельник при дворе* на время выдернул шпильку*.
 Как море, где Лу Цзи* забыл верши*,
 Как лес, где Чжан Хэн* выпускал стрелу с шелковой нити.
 Свежий ветер будто дует вместе с Цзи*,
 Вода течет, будто перебирает струны вместе с Жуанем*.
 В высокое небо дорога на плоту далека.
 В изгибах реки Персиковый источник глубок.
 В горах — со светлым месяцем ночь,
 Внутри — желающее обитать в глубине этих гор сердце.

Комментарий

* Отшельником при дворе называли в древнем Китае высокопоставленного придворного, не стремящегося к придворной карьере.

* «Выдернуть шпильку» означает почувствовать себя свободным. Шпилькой крепился к волосам чиновничий головной убор.

* Лу Цзи (261–303) — уроженец области Уцзюй (совр. пров. Цзянсу), происходил из южного клана, занимавшего высокое общественное положение в царстве У. После гибели царства братья Лу Цзы и Лу Юнь укрылись в родовом имении, где провели несколько лет. В начале 90-х годов III века оказались в столице, где быстро добились высоких постов в административном аппарате Цзинь. Участвовали в междоусобном конфликте и в 303 году были казнены. Лу Цзи — автор самого значительного литературно-теоретического сочинения своего времени «Вэнь фу» («Ода изящной словесности»). В «Вэнь сюань» представлено 42 его произведения.

* Выражение «забыть вершу» взято из главы «Внешние вещи» «Чжуан-цзы»: «Вершей пользуются при ловле рыбы. Поймав рыбу, забывают про верши» (Перевод В. В. Малявина)²⁹.

* Чжан Хэн (78–139) — мыслитель, литератор, ученый (астроном, механик, сейсмолог, географ). Состоял на государственной службе, дважды занимал пост главного придворного историографа. Одним из первых объяснил причину лунных затмений и явление лунных фаз; описал видимое движение небесных светил. Сконструировал и изготовил небесный глобус, приводившийся в движение водой, солнечные часы, прибор для регистрации подземных толчков, вычислил число π. В «Вэнь сюань» представлен пятью одами-фу, в том числе «Си цзин фу» («Ода западной столице»), и стихотворениями ши.

Существует высказывание, что талант Лу Цзы — как море, а талант Чжан Хэна — подобен лесу. В предисловии к стихотворениям 3973–3975 «Маньё:сю», обращенном к Оотомо-но Якамоти³⁰, говорится: «Твой литературный талант напоминает Пань Юэ³¹ и Лу Цзи, великие таланты которых сравнивали с морем».

Дополнительную игру слов дает значение иероглифов имен поэтов. Имя Лу записывается иероглифом *лу* — «материк», это слово обыгрывается в тексте стихотворения сравнением-противопоставлением с «морем». Имя Чжан (записывается иероглифом *чжан* — «натягивать тетиву») реализуется в образе охоты.

* Цзи Кан (223–262) и Жуань Цзи (210–263) — двое из «семи мудрецов из бамбуковой рощи» (кит. *ци лин ци сянь*) — кружка, в который входили также Сян Сю (227–300), Жуань Сянь, Лю Лин (221–300), Шань Тао и Ван Жу. Члены кружка собирались в бамбуковой роще неподалеку от дома Цзи Кана, где философствовали, сочиняли стихи, музицировали, устраивали застолья.

²⁹ Чжуан Цзы. Ле-цзы. М.: «Мысль», 1995, с. 237.

³⁰ Оотомо-но Якамоти (?–785) — сын Оотомо-но Табито, один из составителей «Маньё:сю». В «Маньё:сю» включено 479 его стихотворений.

³¹ Пань Юэ (247–300) — поэт, один из авторов «Вэнь сюань».

Цзи Кан состоял на гражданской службе, дослужился до высокого чина, был казнен за критические выступления против правящего клана Сыма. Среди его сочинений есть «Цинь фу» («Ода циню»). Намеки на это сочинение содержатся в послании Оотомо-но Табито к Фудзиварано Фусааки («Мантё:сю» 810–811).

Жуань Цзи состоял на гражданской и военной службе в государстве Вэй, но сознательно избегал высоких постов. Осторожность в высказываниях сочетал с экстравагантностью поведения. Музыка являлась для Жуань Цзи носителем гармонии. В своем трактате «Юэ лунь» («О музыке») он писал, что музыка «суть Неба и Земли, природа всего сущего... Совершенномудрые правители древности создали музыку, чтобы сделать возможными следование природе Неба и Земли, постижение жизни всех существ»³².

В «Кайфу:со:» мудрецы из бамбуковой рощи упоминаются в стихотворении Сяку Тидзо:

№ 9

В желании найти место, отвечающее моей природе,
Я пришел в места добродетельных и мудрецов.
Воздух свеж, прекрасны горы и потоки,
Высоко веют ветры, благоухают растения,
Пустые гнезда потеряли летний вид,
На берегах слышны осенние крики гусей.
Благодаря друзьям из бамбуковой рощи
Слава и стыд перестали мучить меня. (Перевод А. Н. Мещерякова)

В «Мантё:сю:» «мудрецы из бамбуковой рощи» появляются в стихотворении Оотомо-но Табито:

340

В древние года
Семь великих мудрецов,
Даже и они,
Все мечтали об одном –
Услаждать себя вином!

Фудзивара-но Маро (695–737)

Младший, четвертый, сын Фудзивара-но Фухито, основатель «столичного» дома Фудзивара. В 717 получил младший пятый ранг нижней степени и занял должность заместителя управителя провинции Мино. Впоследствии стал управителем левой части столицы, государственным советником (*санги*). В «Кайфу:со:»

³² В. В. Малявин. Жуань Цзи. М.: «Наука», 1978, с. 120.

помещено пять его стихотворений, в «Манъё:сю:» он представлен тремя стихотворениями (522–524).

№ 98

Отправляясь на реку Ёсино

Кто хочет вознаграждения — тот не друг,
Гостем может быть лишь тот, кто довольствуется туманом.
Свободно поешь, следуя водам мудрости,
Бесконечно поешь, радуясь горам человеколюбия.
Давным-давно Сяэн пела у запруды,
В ущелье по-новому звучит шэн*.
Праздник с музыкой и вином не кончается.
Светлый месяц освещает реку и побережье.

Комментарий

* Шэн — духовой музыкальный инструмент, губной органчик.

Тадзики-но Хиронари (?–739)

В 708 году получил нижнюю степень пятого младшего ранга, был управителем провинций Симоцукэ и Этидзэн, в 732 году был назначен послом в Китай, отправился в 733, вернулся в 735 году. Занимал должности государственного советника (*сан-ги*), среднего государственного советника (*тю:нагон*), министра кадров. Умер, имея младший третий ранг. В «Кайфу:со:» представлен тремя стихотворениями.

№ 99

Отправляясь в Ёсино

Награда в том, чтобы просто идти там, где горы и воды.
Когда идешь по скалам и ущельям, обновляются желания.
Утром наблюдаю, как птицы перелетают пики.
Вечером забавляюсь глядя, как прыгают в воде рыбы.
Много уголков, где чувствуешь себя вольготно.
Когда ты свободен — суеты мало.
Отдыхаешь сердцем в земле Ёсино,
И ищешь гавань Умасинэ.

№ 100³³

Написано в Ёсино

Во множестве встают высокие отвесные скалы.
Извилисто струятся безбрежные длинные реки.
Этот край подобен не только прудам Чжун и пучинам Юэ,
Но и островам реки Ло, где Ямасинэ встретил фею.

Комментарий

* Река Ло — река, на берегу которой автор поэмы «Лочуань фу» («Фея реки Ло») Цао Чжи (192–232)³⁴ встретил прекрасную фею.

Цао Чжи — сын Цао Цао (155–220), основателя династии Вэй, младший брат Цао Пи (Вэнь-ди, 187–226). Когда Цао Пи занял трон, он сослал брата. Поэма «Фея реки Ло» написана в изгнании, помещена в «Вэнь сюань».

В «Маньё:сю» в предисловии к «Прогулкам у реки Мацура» (№ 853) говорится: «Однажды я ненадолго уехал в уезд Мацура. Гуляя там, я подошел к бухте у Яшмового острова и, любуясь ею, вдруг увидел юных дев, ловивших рыбу. Подобные цветам лики их не могли ни с чем сравниться, сверкающий облик их не имел себе подобного. Брови их напоминали молодые листки ивы, щеки их были похожи на розовые цветы персика. Высокий дух их был выше облаков, такое изящество, как у них, еще не встречалось в мире.

Я спросил их, где их родина, дочери чьих домов они. Сомнения охватили меня, — «Вы не из тех мест, где живут боги и феи?» — спросил я.

И юные девы засмеялись в ответ: «Мы из рыбацкого дома, мы простые девушки, живущие в лачугах, крытых травой. Нет родного села у нас, нет и дома. Как же мы можем назвать себя? Мы общаемся лишь с водою, и сердце наше радуется горам. Иногда, подойдя к бухте реки Ло, завидуем плывущим красивым рыбам...» (Перевод А. Е. Глускиной).

Цитаты из «Феи реки Ло» есть также в предисловии к стихотворению 864 «Маньё:сю».

³³ В переводе А. Н. Мещерякова: «Высоки вершины, причудливы их очертанья. // Длинна река, течение ее петлисто, // Пруды Чжун и заводи Юэ — не то, что другие. // Мель, где встретил Умасинэ богиню, — та же, что на реке Ло».

³⁴ Поэма неоднократно переводилась на русский язык. См. переводы А. Е. Адалис, Л. Е. Черкасского, В. М. Алексеева в кн. Цао Чжи. Фея реки Ло. СПб.: «Кристалл», 2000.

Такамуко-но Моротари

Биография неизвестна. Известно лишь, что он был какое-то время главой подотдела по чеканке монеты, а в 733 году был понижен в ранге: вместо верхней степени шестого старшего ранга получил нижнюю степень внешнего младшего пятого ранга. В «Кайфу:со:» представлен одним стихотворением.

№ 102

Следуя за императором во дворец Ёсино

В древности один человек ловил здесь рыбу.
Теперь здесь пребывают император и знать.
Играя на цине, они отдыхают с небожителями
И общаются с божествами, выходя в бухту.
Стихи о Сяэн плывут по безлюдным берегам.
Туманную дымку колышет осенний ветер.
Кто-то скажет — это пик Мяогусе.
Императорский кортеж останавливается,
вот и дворец Вансянь*.

Комментарий

* Вансянь — дворец ханьского императора У-ди (140–86).

Фудзин-но Хиронари

Потомок иммигрантов. Сначала звался Сирай-но Фухито. В 719 году назначен послом в Силла, в следующем, 720 году, был пожалован фамилией Фудзии. Был управителем провинции Бинго. В 749 году назначен служить в Министерство Центра. В «Кайфу:со:» представлен двумя стихотворениями. В «Манъё:сю:» представлен четырьмя стихотворениями (962, 1011, 1012, 1779).

№ 115

*В унисон стихотворению главного
министра Фудзивара «Сочинение в Ёсино»*

Отстранившись, удаляешься от мирской суеты и праха.
В глубине гор сближаешься с сокровенным.
По берегам реки-флейты* обитают фениксы,

В водоворотах-цитрах резвятся золотые рыбки.
Когда скрывается месяц, клены не шелестят.
На ветру слышно лишь шуршание сосен.
В поисках человеколюбия вступаешь на горную тропу.
Охотясь за мудростью, обретаешь в награду речную гавань.

Комментарий

* Словами «флейта» и «цитра» переведены *ди* (яп. *фуэ*) и *цинъ* (яп. *кото*).

Миёси-но Асоми Киёюки.
«Икэн дзю:ни кадзё:» —
«Рекомендацин¹ в двенадцати
пунктах» (914 г.)

М. В. Грачёв

Период Хэйан — время оформления блестящей придворной культуры. Именно в недрах этой культурной традиции были выработаны различные принципы «стиля жизни» столичной аристократии. Этот «стиль жизни» можно по праву назвать многоаспектным явлением, сочетающим в себе как «облик придворного аристократа», так и «образ чиновника».

Однако Хэйан — это не только время высокой культуры, но и период, когда государство оказалось на распутье. Первая половина периода Хэйан прошла под знаком многочисленных придворных дискуссий, во время которых высокоранговые столичные чиновники пытались разобраться в причинах несостоятельности «государства *рицурё:*» и выработать наиболее приемлемую в этих условиях стратегию поведения.

В это время многие представители служилого сословия, следуя традиции увещевания государя, представляли ко двору свои соображения о состоянии государственного управления. До наших дней сохранилось изрядное количество докладных записок и других похожих сочинений, принадлежащих кисти хэйанских аристократов, но «Рекомендации в двенадцати пунктах» Миёси-но Киёюки (847–918) по праву считаются самым выдающимся произведением этого жанра². По существу

¹ В оригинале использован термин *икэн*. Несмотря на то, что в источниках периода Нара (VIII в.) этот термин мог употребляться по отношению к различным типам письменных документов (в том числе и прошениям буддийских монахов), в эпоху Хэйан термин *икэн* применялся для обозначения тайных докладов (индивидуальных или коллективных) на высочайшее имя, где излагался взгляд автора (или авторов) на поставленную государем задачу.

² Примечательно, что текст этой докладной записки был включен в энциклопедическое собрание хэйанской придворной литературы «Хон-

это было первое сочинение такого рода, где давалась всеобъемлющая оценка бедственного положения в государстве, а также предлагались меры по искоренению существующих изъянов.

В этой связи биография автора «Рекомендаций...» и, собственно, текст документа постоянно привлекают исследователей истории и культуры древней и средневековой Японии³. Что же касается работ, где хотя бы просто упоминается этот документ, то они не поддаются подсчету. Именно по этой причине ниже предлагается полный комментированный перевод «Рекомендаций в двенадцати пунктах».

На русский язык этот документ ранее полностью не переводился. Существует неполные переводы «Рекомендаций» на английский⁴ и немецкий⁵ языки, а также по крайней мере два полных перевода этого сочинения на современный японский язык⁶. Выражаю глубокую признательность профессору уни-

тё: мондзуй» («Литературные шедевры нашей страны», XI в.), которое служило для образованных людей чем-то вроде настольной книги с различными образцами для написания стихов, писем, прошений или каких-нибудь других письменных творений.

³ Напр., см.: *Абэ Такэси*. Миёси Киёюки то Фудзивара Ацумицу (Миёси Киёюки и Фудзивара Ацумицу) // *Нихон рэкиси*, № 247, 1968; *Аида Норихару*. Миёси Киёюки. Икэн дзю:ни дзё: (Рекомендации в двенадцати пунктах Миёси Киёюки) // *Со:го: хо:гаку* (Правоведение). Т. 1, № 7, 1958; *Кавагучи Хисао*. Миёси Киёюки-но бунгаку то Икэн фу:дзи (Литература Миёси Киёюки и [его] рекомендации) // *Хэйантё: Нихон камбунгаку си-но кэнкю:* (Исследование по истории японской литературы на камбуне в период Хэйан). Токио: Мэйдзи сёин, 1969; *О:сонэ Сё:сукэ*. Миёси Киёюки-но икэн фу:дзи (Рекомендации Миёси Киёюки) // *Рэкиси кё:ику*. Т. 14, № 6, 1966; *Токоро Исао*. Миёси Киёюки. Токио: Ёсикава ко:бункан. 1999 (3-е изд.); *Багаева М.* Докладная записка Миёси Киёюки // Япония. Путь кисти и меча, 2003, № 3.

⁴ В англоязычной хрестоматии японских исторических текстов помещен частичный перевод предисловия и двух пунктов (№ 2 и 4), а также переводы заголовков всех пунктов документа. *Sources of Japanese History. Comp. by Lu D. Vol. 1. N.Y.-L.: Columbia Univ. Press, 1990, p. 60-65.*

⁵ *Kluge Inge-Lore. Myoshi Kiyoyuki, sein Leben und seine Leit. Berlin: Akademie-Verlag, 1958, S. 40-70.*

⁶ *Кодай сэйдзи сякай сисо:* (Общественно-политическая мысль древности). Сер. «Нихон сисо: тайкэй». Под общей ред. Ямагиси Токухэй. Токио: Иванами сётэн, 1979, сс. 76-101; *Хэйан дзидай гайкан* (Общий обзор [источников] периода Хэйан). Под ред. Моримото Коёси, Фудзита Токутаро: и Фудзисава Тикао. Токио, Кинсэйдо:, 1934, сс. 102-145.

верситета г. Кобэ А. М. Ермаковой за ряд чрезвычайно ценных консультаций по древнеяпонскому языку приводимого здесь памятника; я очень благодарен моим коллегам-японистам: сотруднику ИВК при РГГУ А. Н. Мещерякову и заведующей кафедры истории и культуры Японии ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова Е. К. Симоновой-Гудзенко за ряд важных замечаний в процессе работы над переводом докладной Миёсино Киёюки.

Перевод⁷

[Почтительно] молвит [ваш] подданный Киёюки. Осмелился высказаться [после того как] недавно смиренно прочёл государев рескрипт⁸ от 15-го числа 2-го месяца⁹. [Государь] повелев высшим сановникам, придворным чиновникам, местной знати и наместникам провинций преподносить увещевания, поощряя добрые деяния, [дабы] исправить упадок нравов с [воцарением] сотого государя¹⁰ и [тем] избавить простой народ от мучений и

⁷ Данный перевод основывается как на оригинальном камбунном тексте докладной (Хонтё: мондзуй (Литературные шедевры нашей страны). Сер. «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй». Под ред. О:сонэ Сё:сукэ. Токио: Иванами сётэн, 1992, сс. 148–158.), так и на современном японском тексте, опубликованном в серии «Нихон сисо: тайкэй».

⁸ В оригинале — *микотонори*. Согласно комментариям к законодательному своду «Тайхо:рё:», от лица государя могли оглашаться несколько разновидностей «распоряжений», наиболее важными (с точки зрения делопроизводственной документации) из которых были две: *микотонори* (или *сё:*) и *тёку*. Первый из них является изъятием личной воли государя и потому переведен как «государев рескрипт» (в этом плане по своему характеру он соответствует «именному указу государя» в русской правовой традиции XVII — нач. XX вв.). Второй представляет собой «государев указ», изданный по представлению Большого государственного совета. Рё:-но сю:гэ («[Общий] свод комментариев к [кодексу Тайхо:]рё:»). Т. 4, Токио: Ёсикава ко:бункан, 1995, сс. 773, 778, 782.

⁹ Японские исследователи отмечают, что данные «рекомендации» были составлены после того, как в начале 914 года (Энги, 14-2-15, 914 г.) был обнародован указ государя Дайго (897–930), адресованный всем придворным. Текст указа не сохранился. Кодай сэйдзи. Указ. соч., с. 75; Токоро Исао. Указ. соч., сс. 155–156.

¹⁰ Начиная с периода Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.) в китайской политической культуре получает распространение концепция правления «ста государей» (кит. *бай ван*). Согласно этой концепции, вступление на

бедности. И хотя установили барабаны для принятия жалоб¹¹ [по примеру] Тао-тана¹², и также ревностно наставляли чиновников как Лун-чжоу¹³, все равно не можем достичь красоты «добродетельного правления»¹⁴.

престол сотого по счету государя может стать губительным для всего государства. Такой государь может свергнуть государство в смуту (кит. *луань*) и в Поднебесной наступит полный хаос. Однако существовала и возможность избежать такого хаоса. Так, основателю династии Хань — Гао-цзу — удалось устранить смуту и вновь обустроить Поднебесную после воцарения сотого государя, коим считался первый император династии Цинь — Цинь Ши-хуанди. (Цы юань (Источник слов). Т. 3, Пекин: Шаньгу инь шугуань, 1983, с. 2168). Как видно из японских древних и средневековых источников, концепция «ста государей» была хорошо известна японской придворной элите. В этой связи восстановление единства императорской династии в 1392 году, после того как на протяжении нескольких десятилетий существовало два двора (Южный с центром в Ёсино и Северный с центром в Киото), было связано именно с правлением сотого по счету (начиная с первоимператора Дзимму) государя Гокомацу (прав. 1392–1412). По всей видимости, объединение двух враждующих дворов во время правления сотого государя, когда существовала реальная опасность свергнуть Японию в полнейший хаос, должно было символизировать не только высокую нравственную чистоту японской династии, но и ее «непрерывность» (в отличие, например, от китайской императорской династии). Об этом см., напр., *Грачев М. В.* (при участии Симоновой-Гудзенко Е. К.) *Идея преемственности императорской власти в древней и средневековой Японии // Синто — путь японских богов. Т. 1. Очерки по истории синто.* СПб.: Гиперион, 2002, сс. 148–165.

¹¹ Как явствует из древнекитайского трактата «Гуань-цзы» и танской энциклопедии «И взнь лэй цзюй», при императоре Яо во дворце были установлены специальные барабаны, под звуки которых император выслушивал «увещания» своих подданных. Цы юань. Указ. соч., Т. 4, с. 2908.

¹² Согласно китайской классической традиции, существовало представление о пяти божественных первоимператорах. Согласно историческому своду «Ши цзи», к пяти первоимператорам относились следующие: Хуан-ди, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо и Шунь. Для императора Яо существовали также другие имена, среди которых известны Тао (по владениям в Шаньдуне) и Тан (по владениям в Му). Отсюда существовали устойчивые сочетания для наименования императора Яо, такие как Тао-тан и Тан-юй. Подр. см.: *Хуань Куань.* Спор о соли и железе. Пер. с кит., коммент. и прилож. Ю. А. Кроля. Т. 1–2, М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

¹³ Более известен как Синь-цзя. Сановник последнего правителя династии Инь — Ди-синя. Он семьдесят пять раз безуспешно увеще-

Согласно древним записям, к которым с трепетом обратился [ваш] подданный, [видно, что] наш государь унаследовал священное [правление] от богов, открыв дальние пределы, сделав почвы плодородными, а народ многочисленным и богатым. Поэтому он смог на востоке усмирить [народ] *сюкусин*¹⁵, на севере

вал Ди-синя о возможной гибели государства Инь. Наконец, поняв тщетность своих попыток вразумить правителя Инь, он бежал во владение Чжоу, где встретился с Чжао-гуном. Чжао-гун, увидев, что Синь-цзя отличается прозорливостью, рассказал о нем чжоускому государю Взнь-вану. Взнь-ван лично вышел на встречу Синь-цзя и оказал ему высшие знаки внимания, а затем назначил Синь-цзя сановником государства Чжоу, пожаловав ему крупные земельные владения. Начиная с периода Хань, в китайской литературе имя Синь-цзя (Лунчжоу) стало нарицательным и обозначало подданного безуспешно пытающегося вразумить несправедливого правителя.

¹⁴ Китайская политическая традиция связывала наступление периода «добродетельного правления» с царствованием императора Яо. В «Ши цзи» о императоре Яо говорилось следующее «...в человеколюбии он был подобен Небу, а в знаниях подобен небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на [благодатное] облако. Будучи богатым, он не был заносчивым, будучи знатным, он не был надменным» [Цит. по: *Сьма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Вяткина. Т. 1. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001, с. 136]. Со временем период «добродетельного правления» превратился в своеобразный идеал, к которому был обязан стремиться каждый правитель. В «Лунь юй» по этому поводу сказано: «Осуществлять правление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест неё» [Цит. по: *Переломов А. С. Конфуций: «Лунь юй»*. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998, с. 306]. Еще в одном древнекитайском трактате «Цзо чжуань» о «добродетельном правлении» говорилось: «Когда нет «добродетельного правления», тогда не осуществляются законы и воцаряется зло». Мацуи Кандзи и Уэда Маннэн. Дайнихон кокуго дзитэн (Словарь японского национального языка). Токио: Фудзамбо:, 1952, с. 1538.

¹⁵ *Сюкусин* (кит. *су шэнь*) — народность, по всей видимости, тунгусского происхождения. Упоминается как в китайских (начиная с периода Суй), так и в японских источниках (более известна под названием *мисипасэ*). Согласно древнеяпонским источникам, *мисипасэ* — одно из племен *эмиси*. Первое упоминание о людях *мисипасэ* в японской хронике «Нихон сёки» относится к 544 году (Нихон сёки, Киммэй, 5-12-0, 544 г.). Кроме этого, упоминание о людях *мисипасэ* связывается с походами военачальника Абэ-но Оми Хирафу в Восточную Японию в 658 и 660 гг. (Нихон сёки, Саймэй 4-4-0, 658 г.; 6-3-0,

подчинить Ко[гу]рё¹⁶, на западе покорить Силла¹⁷, на юге обратиться в вассала [удельное царство] У-хуэй¹⁸. Три корейских [государства]¹⁹ [постоянно] присылают [посольства] в Японию, а [государство] Пэкче [даже] признало вассальную зависимость. Послы Великой Тан преподносят ценные дары, и даже буддийские монахи из Индии²⁰ обратились к [священной] культурно-

660 г.). См. также. Нихон сёки — Анналы Японии. Пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 2. СПб.: Гиперион, 1997, сс. 48, 176–177, 183–184.

¹⁶ Одно из трёх (Когурё, Пэкче и Силла) древних государств, расположенных на территории Корейского п-ова. В 668 году было разгромлено корейским государством Силла, заключившим союз с танским Китаем.

¹⁷ Первоначально государство Силла располагалось в северо-восточной части Корейского п-ова. Однако, после того, как в союзе с танским Китаем оно разгромило сначала государство Пэкче (663 г.), а затем Когурё (668 г.), его территория заметно увеличилась. Наконец, освободившись из-под опеки танского Китая, в 676 году государство Силла объединило все корейские владения. В 935 году государство Объединенная Силла пало под ударами государства Корё.

¹⁸ В китайских источниках удельное царство У известно ещё с периода Чжоу (согласно традиционной хронологии, с 585 по 473 гг. до н. э.). С периода Хань оно располагалось к югу от Ганьсу и к северу от Фукуэн (современная пров. Цзянсу). С падением династии Хань превратилось в самостоятельное государство (222–280), со столицей сперва в Учане, а затем в Нанкине. (*Киси Тосио*. Го и То: э вататта хитобито (О визитах японцев в У и Тан) // Уми-о коэтэ-но ко:рю: (Связи с иностранцами через море). Под ред. О:баяси Тарё:. Токио: Тю:о: ко:ронся, 1996, с. 178–182). По всей видимости, между государством Ямато и государством У существовали «дипломатические» отношения, что, в частности, подтверждается сведениями историко-мифологического свода «Нихон сёки», где сказано, что во время правления государя О:дзин в царство У были отправлены посланцы (Нихон сёки, О:дзин, 37-2-0, 306 г.). См. также. Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 1, с. 295.

¹⁹ Когурё, Пэкче и Силла.

²⁰ В исторической хронике «Сёку нихонги» в сообщении от 736 года рассказывается о возвращении японского посольства из Китая, отправленного к танскому двору в 732 году. С этим посольством прибыли три китайских монаха и один индийский (Бодай). (Сёку нихонги, Тэмплё:, 8-8-23; 8-10-2), который остался жить в Японии. О значении приезда буддийских монахов в Японию смотри, например, *Мещеряков А. Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм*. М.: Наука, 1987; *Мещеря-*

сти [нашего государя]²¹. Что же стало причиной этого? [Она заключена в том, что] обычаи [нашей] страны основывались на душевной чистоте, а нравы народа — на верноподданничестве. [Натуральные] налоги были снижены, а трудовая повинность — необременительна. Управители проявляли милосердие к подчиненным, а подчиненные искренне почитали своих управителей. Управление объединенной страной уподобилось управлению единым телом²². Поэтому историк Фань [Е] называл её «страной

ков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002, сс. 364–382.

²¹ Согласно нарским геополитическим представлениям государь, обладая «священной культурностью» (яп. *сэйка*), распространял её на всех своих подданных. По мере отдаления от столицы её действие ослабевало, поэтому считалось, что лица, отправляемые двором за пределы японского государства (в составе посольств или по частной инициативе), на время пребывания в соседнем государстве утрачивают связь со «священной культурностью» государя. А потому вернувшихся в Японию из других стран называли *кикадзин* — «человек, вернувшийся к культурности» (перевод термина принадлежит А. Н. Мещерякову). Об этом см.: *Хаякава Сё:хати*. Хигаси адзиа гайко: то нихон рицурё:сэй-но суйи (Становление японской системы «рицурё:» и внешние контакты с Восточной Азией) // *Кодай кокка то Нихон* (Древние государства и Япония). Под ред. Киси Тосио. Токио: Тю:о: ко: ронся, 1996, с. 78. Примечательно, что в период Хэйан представления о «священной культурности» государя становятся еще более подчеркнутыми. Так, например, считалось, что любой придворный чиновник, длительное время находившийся за пределами центрального региона Кинай, не может явиться во дворец сразу после своего прибытия в столицу, дабы не распространить на императора ритуальную «нечистоту» (яп. *кэгарэ*). По этой причине он должен некоторое время осуществлять «очистительные ритуалы» и только после их завершения такой чиновник мог попасть на территорию дворцового комплекса. Подр. об этом см.: *Ямамото Ко:дзи*. Кэгарэ то о:хараэ ([Ритуальная] нечистота и очистительный ритуалы — о:хараэ). Токио: Хэйбонся, 1992.

²² В данном случае Миёси-но Киёюки отдает дань традициям китайской политической науки, а именно концепции «тела династии», согласно которой все правители одной династии представляли некое единое тело, вырастающее из ее основателя. Подр. см.: *Кроль Ю. А.* Древнекитайское представление о «теле» династии // *Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока*. Т. XI, вып. 1, М.–Л.: Наука, 1975; *Сэо Тацухико*. Тэйкоку-но утю:рон (О вселенной имперского государства) // *О:кэн-но косумородзи* (Космология верховной власти). Под ред. Канэко Сю:ити. Токио: Ко:бундо:, 1998.

благородных мужей»²³, а китайский император выражал своё восхищение государыней Ямато²⁴.

Со временем, однако, нравы постепенно подтачивались, что привело к усложнению законов²⁵. С каждым годом налоги увеличивались, а трудовая повинность из поколения в поколение

²³ Имеется ввиду китайская историческая хроника «Хоу Хань шу» (История [династии] Поздняя Хань), составителем которой был сунский историограф Фань Е (398–446). В одном из разделов хроники «Хоу Хань шу», посвященном описанию «государства Ва» (т. е. Ямато), сказано, что это «страна, где обитают бессмертные благородные мужи (кит. *цзюнь-цзы*. — М. Г.)». (Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 373). Такое наименование Японии встречается и в хронике «Сёку нихонги». Так, из сообщения под 704 годом видно, что когда японский посол Авата-но Асоми Махито прибыл в танский Китай, китайцы стали расспрашивать его, откуда он прибыл. Во время таких расспросов один из китайцев сказал: «Мы часто слышали, что за морем на Востоке расположена великая страна Ямато, [которую еще] называют „страной благородных мужей“. Народ там богат и весел, а ритуалы соблюдаются с почитанием. Ныне [видим мы, что ты] и обликом хорош. [Думается, что все это] — чистая правда». Сёку нихонги, Кэйун, 1-7-1, 704 г. См. Сёку нихонги (Продолжение «Анналов Японии»). Т. 1. Токио: Иванами сётэн, 1989, с. 81.

²⁴ Хотя в оригинале сказано *то:тэй*, что дословно означает «император [династии] Тан», речь, видимо, идет о суйском государе Ян-ди (605–617). В «Нихон сёки» рассказывается, что в 608 году в государство Ямато из Китая прибыло посольство, которое привезло от китайского императора послание государыне Суйко (592–628). В этом послании, в частности, говорилось: «Император сообщает государыне Ямато. Твой посланец, посол Со: Инко:, ранг *дайрай*, подробно сообщил обо всем по прибытии. С радостью получил я драгоценный мандат [Неба] и стал управлять Поднебесной. Желание мое состоит в том, чтобы распространять нравственность, дабы она покрыла всех живущих. Мое сердце, взращивающее любовь, не делает различия между далеким и близким. Я узнал, что государыня [Ямато], пребывающая за морем, заботится о том, чтобы народ ее пребывал в мире, что границы ее замиренны, что обычаи в ее стране — мягки, что она с глубокими и истинными чувствами прислала нам дань издалека. Я восхищен этим прекрасным проявлением искренности» (пер. А. Н. Мещерякова). Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, сс. 100–101.

²⁵ Согласно представлениям китайской политической науки, соединенными с концепцией «недеяния» (кит. *уэй*), для осуществления «добродетельного правления» не нужны массивные законодательные своды. Скорее наоборот, появление все новых законов являет собой доказательство отхода правителя от «истинного пути» и приближения государства к состоянию «хаоса».

становилась все обременительнее, население же уменьшалось с каждым месяцем, а пахотные земли приходили в запустение день ото дня.

Уже во время правления государя Киммэя²⁶ буддийский закон впервые проник в нашу страну²⁷, а со времени государыни Суйко это учение обрело много последователей²⁸. [Все они], от высших, [как, например], придворные сановники и чиновники, до низших, [как] простой люд всех провинций, не считались за людей, если не строили храмы и пагоды. Поэтому [их] имущество растрчивались полностью, а строительство буддийских храмов процветало. [Они] наперебой отказывались от полей и садов, чтобы сделать [их] землями буддийских храмов. Покупали многих свободных людей и превращали их в храмовых рабов.

Позднее в [годы] Тэмпё:²⁹ буддийское учение почиталось еще больше. Поля и садовые участки запускаются, а [на пожертвованных землях] строится множество больших храмов. Высота храмовых зданий, огромные размеры [священных] статуй Буд-

²⁶ Государь Киммэй (539–571).

²⁷ Согласно историко-мифологическому своду «Нихон сёки», проникновение буддийского учения на территорию Японии произошло во время правления государя Киммэй (Нихон сёки, Киммэй, 13-10-0, 552 г.; См. также Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, сс. 53–54). Однако, по мнению современных исследователей, текст «предания» о принятии буддизма, помещенный в «Нихон сёки», является компиляцией из нескольких (в том числе и более поздних по времени создания, чем 552 год) буддийских и классических китайских произведений. То же относится и к не менее важной для изучения истории проникновения буддизма в Японию записи от 584 г. (Нихон сёки, Видацу, 13-9-0, 584 г., Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, с. 77). Подр. см. *Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. очерк ранней истории. М.: Наука, 1988, сс. 58–67; *Kamstra J. H.* Encounter or Syncretism. The Initial Growth of Japanese Buddhism. Leiden: E. J. Brill, 1967, pp. 250–255.

²⁸ В «Нихон сёки», в частности, сказано: «Государыня повелела престолонаследнику и *опоами* [Умако-но Сукунэ] споспешествовать процветанию трех сокровищ. В это время все *оми* и *мурадзи* (т. е. придворная знать — М. Г.), соревнуясь друг с другом, стали строить дома ради достижения благополучия своих господ и родителей. Эти [дома] назывались храмами». Нихон сёки, Суйко: 2-2-1, 594 г. [Цит по: Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, с. 91].

²⁹ Тэмпё: (729–748) — один из девизов правления государя Сёму (724–749).

ды, необычность мастерства и искусность украшений [заставляют задуматься]: не божества или демоны создали все это? Не может это быть творением рук человеческих. Помимо этого, было установлено, что мужские и женские монастыри должны быть построены в каждой провинции семи регионов³⁰, а расходы на их сооружение покрывали за счёт налогов поступлений данной провинции³¹. В результате была израсходована половина государственных запасов.

В то время, когда пришел к власти государь Камму³², был осуществлен перенос столицы в Нагаока³³, но как только её строительство завершилось³⁴, сразу же приступили к обустрой-

³⁰ В 741 году был провозглашен указ об образовании системы буддийских монастырей по всей стране, согласно которому в каждой провинции надлежало основать по два монастыря — мужской (*кокубундзи*) и женский (*кокубун нидзи*). В этом указе, в частности, отмечалось: «Повелеваем построить во всех провинциях по семиярусной пагоде, переписать сутры „Конкомё: сайсё:о:кё.“ и „Мё:хо:рэнгэкё:“. Сами же Мы станем переписывать золотыми знаками сутру „Конкомё: сайсё:о:кё.“ для того, чтобы поместить ее в каждой пагоде. Желаем процветания священного Закона, чтобы стоял он вечно, подобно Небу и Земле, чтобы были мы обласканы его защитой, чтобы покрывала она нас в настоящем и будущем, чтобы была она неизменна и крепка. Пагоды с храмами — это цветы страны. Для возведения их следует выбрать место приятное, нужно сохранять их надолго. Не следует строить их вблизи людей, чтобы запахи достигали их. Не следует возводить их в отдалении, дабы не создавать хлопот для людей, их посещающих. Управления провинций должны озаботиться их украшением и содержанием в чистоте. Молю о том, чтобы небесные божества-охранители услышали Нас, обеспечили защиту. Пусть будет возвещена Наша воля до самых окраин...» (пер. А. Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Тэмпё:, 13-3-24, 741 г.

³¹ В государевом рескрипте от 744 года по этому поводу говорится: «В четырех провинциях [столичного] региона Кинай и всех провинциях семи регионов надлежит выделять по 40 000 снопов [риса] из налоговых поступлений, дабы выделить по 20 000 снопов [риса] и мужским, и женским [провинциальным] храмам. [Что же касается] ежегодных рисовых суд, то доходы от них [также] должны идти на содержание и строительство [провинциальных мужских и женских] храмов». Сёку нихонги, Тэмпё:, 16-7-23, 744 г.

³² Государь Камму (781–806).

³³ Перенос столицы в Нагаока был осуществлен в 784 г.

³⁴ По мнению немецкой исследовательницы Инге Клюге, для обеспечения нужд строителей столицы Нагаока, которых насчитывалось более 300 тысяч человек, потребовалось приблизительно 680 тысяч

ству [новой] высокой столицы [Хэйанкё:]³⁵. Заново отстроили Дайгокудэн³⁶ и вновь создали Буракуин³⁷. Дворцовые палаты, здания государственных управ, усадьбы принцев и принцесс, покои [государевых] наложниц — всё являлось пределом искусности архитекторов. [Для этого] были собраны дополнительные налоги³⁸. На это было израсходовано три из пяти оставшихся частей доходов [нашего] государства.

снопов (102 тысячи коку, т. е. около 15,3 миллионов килограммов. — М. Г.) риса. *Kluge Inge-Lore. Op. cit., S. 43.*

³⁵ Хэйанкё: стал столичным градом в 794 году. Позднее он был переименован в Киото, но по-прежнему оставался местом пребывания государя и его двора, пока в 1868 году японский государь не переехал в Токио.

³⁶ Дайгокудэн — собственно государев Тронный Зал. В дворцовом комплексе Нара, а позднее и в Хэйан, являлся самым большим зданием. В Нара его размеры были: длина — 44 м, глубина — 19,5 м, высота — 21,4 м. Там находился императорский трон, и проводились основные государственные церемонии (восшествие императора на престол, празднование Нового года, прием иностранных послов, назначение высших чиновников и т. д.). Само название *дайгокудэн* может быть истолковано как «Зал Полярной звезды». В связи с особой важностью Дайгокудэн существует предположение, что с переносом столицы в Хэйан Дайгокудэн не отстраивался заново, а был перенесен из прежней временной столицы в Нагаока. Подтверждением этому японские исследователи считают то, что в своё время Дайгокудэн в столице Нара разбирался по крайней мере дважды, сперва в 740 г., что было связано с переездом государя Сёму в Куни, затем в 784 г. при переезде в Нагаока (в разобранном виде он доставлялся на новое место и там заново собирался). Подр. см.: *Сэнда Минору. Хэйдзё:кё: - но фу:кэй (Ландшафты Нара). Токио: Тэнри дзихо:ся, 1997.*

³⁷ Буракуин — комплекс зданий в столице Хэйан, где проводились императорские пиры.

³⁸ По сообщению государственной хроники, только в 797 году в строительстве дворцового комплекса принимало участие 20 040 трудомобилизованных из четырех провинций (То:томи, Суруга, Синано и Идзумо). В 805 году непосильность налогового бремени в связи с продолжающимся строительством столицы Хэйан стала настолько очевидна, что несколько высших сановников подали государю доклад, в котором предлагали меры по исправлению критической ситуации. Среди предложений были следующие: позволить рабочим трех или пятидневный отдых (в зависимости от степени сложности выполняемой работы); увеличить продуктовый рацион для трудомобилизованных, которые заняты на тяжелой физической работе; в двадцати одной провинции (Ига, Исэ, Овари, Оми, Мино, Вакаса, Этидзэн, Эттю:,

И тогда на престол взошел государь Ниммё³⁹, который выше всего любил роскошь. [Он отдавал предпочтение] редкой резьбе и мозаикам, а также изящно вышитым шелковым и бархатным тканям, что вредило сельскохозяйственным работам, а женщин отвлекало от ремесла. Его наряды, сшитые утром, менялись уже тем же вечером. Каждый день, каждый месяц мода менялась. Средства, затраченные на великолепие и блеск украшений спальных покоев, на роскошь веселых пиров и развлечения, не имела себе равных ни в прошлом, ни в настоящем. Из-за этого казна опустела, и пришлось увеличить налоги. На это была израсходована половина из оставшихся частей доходов [нашего] государства.

В годы Дзё:ган⁴⁰ ворота О:тэммон⁴¹ и дворец Дайкокудэн пострадали от сильного пожара⁴². К счастью, благодаря ис-

Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Харима, Мимасака, Бидзэн, Биттю:, Бинго, Кии, Ава [на о-ве Сикоку], Сануки и Иё), откуда были доставлены работники для окончания строительства столичного града, на этот год отменить заместительную натуроплату. Нихон ко:ки (Поздние анналы Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1982. Энряку, 16-3-17, 797 г. Руйдзю: кокуси (Систематизированная национальная история). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 2. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2003. Энряку, 24-12-7, 805 г.

³⁹ Государь Ниммё: (833–850).

⁴⁰ Дзё:ган (859–877) — девиз правления государя Сэйва (859–877).

⁴¹ О:тэммон (Врата небесных благопожеланий) — главные ворота внутриворцового комплекса Тё:до:ин, где располагались помещения восьми министерств. В 866 году произошел поджог О:тэммон, в чем обвинили старшего придворного советника Томо-но Ёсио. Это событие (после соответствующей консультации с Астрологическим управлением) посчитали за «дурное предзнаменование», которое могло отрицательно сказаться на состоянии государя Сэйва, а, следовательно, и на процветании всего государства. В результате Томо-но Ёсио осудили и отправили в ссылку в провинцию Идзу, где он через два года скончался. Вместе с ним в опалу попадают еще несколько придворных чиновников. Считается, что данный поджог был использован (либо был осуществлен по его непосредственному приказу) тогдашним Главным министром и регентом Фудзивара-но Ёсифуса (804–872) для устранения своих политических противников (в первую очередь Левого министра Минамото-но Макото, который в 866–867 годах лишился почти всех сторонников при дворе, и вплоть до смерти в 868 году так и не сумел восстановить своего положения). Нихон сандай дзицуроку (Истинные записи трех правлений). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1972. Дзё:ган, 8-3 доп.-10, 866 г.; 8-9-25, 866 г.; Кугё: бунин

кренности беззаветно преданного и служащего государю верой и правдой главного министра Фудзивара-но Мотоцунэ⁴³, и величию его авторитета [среди народа], люди стекались на строительство [в столицу], как спешат оленята на зов матери. [Все, что сгорело], удалось восстановить за один год⁴⁴. Однако на это ушла половина последней части доходов [нашей] страны. В итоге в настоящее время от прежних десяти частей [доходов нашей страны] и одной полностью не осталось.

[Ваш] подданный недавно в пятом году Кампё:⁴⁵ был назначен помощником управителя провинции Биттю:. В уезде Симодумити этой провинции есть деревня Нима. Из «Фудоки»⁴⁶ этой

([Официальный] реестр назначений на должности высших сановников). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1971, сс. 128-129. См. также: *Такинами Садако*. Хэйан кэнто: (Становление столицы Хэйан). Токио: Сю:эйся, 1991, сс. 181-184.

⁴² Согласно хронике «Нихон сандай дзицуруку», в 876 году ночью от молнии загорелся государев Тронный Зал (Дайгокудэн), а к утру огнем был объят не только весь Дайгокудэн, но и запылихал соседний Зал Малого Успокоения (Ко:андэн). К вечеру того же дня оказались полностью разрушенными Дайгокудэн, Ко:андэн и еще несколько небольших построек по соседству. Нихон сандай дзицуруку, Дзё:ган, 18-4-10, 876 г.

⁴³ На момент инцидента 866 года приёмный сын Главного министра Фудзивара-но Ёсифуса — Фудзивара-но Мотоцунэ (836-891) занимал должность придворного советника (*санги*), но сразу после отстранения Томо-но Ёсио он был назначен на пост среднего придворного советника (*тю:нагон*). Позднее Фудзивара-но Мотоцунэ сделал блестящую политическую карьеру. В 880 году он становится Главным министром, а в 888 году — канцлером-кампаку, и сохраняет за собой этот пост вплоть до своей смерти в 891 году. Кугё: бунин. Указ. соч., сс. 128, 138, 147-149. Биографию Фудзивара-но Мотоцунэ см. также О:кагами — Великое зеркало. Пер. с древнеяп., исследование и коммент. Е. М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000, сс. 57-59, 208-209.

⁴⁴ Заново отстроить помещение Дайгокудэн удалось уже в 877 году, а в начале 878 года там состоялась пышная церемония «почитания ста божеств», которые «оказали помощь» при восстановлении государева Тронного Зала. Нихон сандай дзицуруку. Гангё:, 1-4-8, 877 г.; 2-2-24, 878 г.

⁴⁵ Кампё: (889-898) — один из девизов правления государя Уда (887-897). Пятый год Кампё:, соответственно, 893 г.

⁴⁶ Как видно из исторической хроники «Сёку нихонги», с целью лучшего управления государством в 713 году был провозглашен указ о составлении «Описания земель и обычаев» (яп. Фудоки). Сёку нихонги, Вадо:, 6-5-2, 713 г. Считается, что в течении VIII столетия были со-

провинции следует, что в 6-й год правления государыни Ко:гёку⁴⁷ главнокомандующий из Великой Тан Су Дин-фан, возглавив армию [государства] Силла, напал на Пэкче. [Государь] Пэкче отправил послов [к нашему двору] с просьбой о помощи⁴⁸. Государыня соизволила проследовать на Цукуси, дабы отправить военную помощь [Пэкче]⁴⁹. В то время [будущий] государь Тэнти⁵⁰ [только] стал наследным принцем и принял [бразды] правления [страной, пока государыня находилась на Цукуси]. Следуя по дороге, [государыня] прибыла в уезд Симоцумити [провинции Биттю:] и изволила [там] остановиться. Осмотрела одну из деревню [этого уезда], и оказалось, что дворы там находятся в чрезвычайном изобилии. Государыня издала рескрипт, согласно которому в этой деревне набрали воинов

ставлены *фудоки* более 60 провинций, однако полностью сохранился только текст «Идзумо *фудоки*» («Описание земель и обычаев [провинции] Идзумо», 733 г.). Также сохранилась большая часть *фудоки* еще четырех провинций (Хитати, Харима, Бунго и Хидзэн). Помимо этого, стараниями японских исследователей удалось восстановить часть текста *фудоки* для 44 провинций. Подр. см.: Древние *фудоки* (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). Пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1969; Идзумо *фудоки*. Пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1966; *Фудоки* (Описание земель и обычаев). Сост. Акимото Китиро:. Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 2. Токио: Иванами сё-тэн, 1968.

⁴⁷ Поскольку государыня Амэ Тоётакара Икасики Тарасихимэ находилась на престоле дважды, сперва под именем Ко:гёку (прав. 642–645), а затем — Саймэй (прав. 655–668), то автор, следуя правилам китайской историографической традиции, называет государыню китайским именем, соответствующим ее первому периоду царствования, хотя события, которые описаны далее, приходится на правления государыни Саймэй.

⁴⁸ Нихон сёки, Саймэй, 6-7-16, 660 г.; 6-9-5, 660 г.; 6-10-0, 660 г.

⁴⁹ Нихон сёки, Саймэй, 6-12-24, 660 г.; 7-1-6, 661 г.

⁵⁰ Государь Тэнти (668–671). Следуя китайской историографической традиции, описания любых событий из жизни государей и высокопоставленных чиновников должно было сопровождаться упоминанием их высших титулов и постов, коих они удостоились при жизни или после смерти (благодаря посмертному повышению в должности). По этой причине Тэнти в тексте дословно назван «государь Тэнти», хотя на момент описываемых событий он был только наследником престола. По той же причине позднее Кими-но Макиби назван «Правый министр Киби-но Макиби», несмотря на то что речь идет о временах, когда он был только управителем уезда.

для похода. Всего отобрали двадцать тысяч превосходных воинов. Государыня очень обрадовалась и [повелела] назвать это поселение Ниманго:⁵¹. Впоследствии оно изменилось и [деревня] стала называться Нимаго:. Вскоре после выезда в Цукуси государыня скончалась⁵², и в конце концов войны никуда не были посланы, поэтому [число жителей деревни] увеличилось на двадцать тысяч [набранных для похода] воинов.

Однако в годы Тэмпё: дзинго⁵³, когда [будущий] правый министр Киби-но Асоми [Макиби]⁵⁴, назначенный управителем уезда [Симоцумити], подсчитал количество населения этой деревни, то набралось около 1900 человек, которые полностью платят налоги. В начале годов Дзё:ган [будущий] глава Министерства народных дел Фудзивара-но Асоми Ясунори⁵⁵ в быт-

⁵¹ Ниманго: — дословно «деревня двадцати тысяч».

⁵² Нихон сёки, 7-6-24, 661 г.

⁵³ Тэмпё: дзинго (765–766) — один из девизов правления государыни Сё:току (764–770).

⁵⁴ Киби-но Асоми Макиби (693–775) — знаменитый ученый и государственный деятель периода Нара. Происходил из аристократического рода Киби, восходящего к государю древности Ко:рэй (трад. 290–215 гг. до н.э.). Несколько раз отправлялся в составе официальных посольств в танский Китай, где прожил достаточно длительное время (716–735, 749–758 гг.), изучая государственное устройство, религиозную систему и обычаи населения. Несмотря на его достаточно быстрое продвижение по ступеням ранговой и должностной иерархии (в 766 году он становится Правым министром), блестящей его придворную карьеру назвать нельзя. В 771 году в результате придворных интриг Киби-но Макиби был удален от двора и лишился всех значимых должностей в государственном аппарате, но со временем за ним закрепился ореол «безвинно пострадавшего» человека. Жизнь и «деяния» Киби-но Асоми Макиби стали обрастать множеством легенд. Так, например, считается, что именно Киби-но Макиби привез из Китая и распространил в Японии лютию *бива*, искусство вышивки шелковых тканей, а также игру *го*. Помимо этого, ему приписывается изобретение фонетической азбуки *катакана* и введение в Японии церемонии почитания Конфуция. О Киби-но Макиби см., напр., *Мияда Тосихико*. Киби Макиби. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1967.

⁵⁵ Фудзивара-но Асоми Ясунори (825–895) — сын среднего придворного советника Фудзивара-но Асоми Садао и внук Правого министра Фудзивара-но Асоми Цугинава. Занимал несколько важных постов в центральном (глава полицейского управления — Кэбииситё:, старший помощник, а потом и глава министерства народных дел) и периферийном (в Дадзайфу, а также в провинциях Биттю:, Бидзэн и

ность свою помощником управителя этой провинции, просмотрел древние записи и обнаружил [в них] сообщение: «В деревне [набрано] двадцать тысяч воинов». Когда же сверили количество полностью налогооблагаемых жителей [данной деревни] с тем, что было подсчитано в налоговом реестре⁵⁶, то оказалось

Дэва) аппарате управления. Незадолго до смерти он был лишен столичных должностей и отправлен на о-в Кюсю в качестве заместителя главы управы Дадзайфу. Примечательно, что в 915 году с целью успокоения его «мятежного духа-онрё:» Фудзивара-но Ясунори был посмертно повышен до третьего младшего придворного ранга. Существует мнение, что судьба Фудзивара-но Ясунори напоминала Миёси Киёюки трагедию, случившуюся с Сугавара Митидзанэ. Это послужило поводом для написания Миёси Киёюки биографии Фудзивара-но Ясунори («Фудзивара-но Ясунори дэн», текст сохранился не полностью) в 907 году (считается, что в этой биографии проводилась аналогия с Сугавара Митидзанэ, ибо составление жизнеописания самого опального министра было весьма политически опасным делом). *Исао Токоро*. Указ. соч., с. 137-145; *Яцукуру Такэси*. Миёси Киёюки-но хо:хо: Фудзивара-но Ясунори дэн ко: (Программа Миёси Киёюки. Размышления о «Жизнеописании Фудзивара-но Ясунори»). // Кокубунгаку кэнкю: (Изучение национальной литературы). № 50, 1974. Текст биографии Фудзивара Ясунори см.: Кодай сэйдзи... Указ. соч., сс. 59-74.

⁵⁶ *Кэйтё:* — (досл. «счетные записи»). Помимо составления «подворных списков» (яп. *косэки*), в качестве подготовительной меры к введению в Японии системы наделного землепользования программой реформ Тайка было предусмотрено и составление «счетных записей» — *сэкитё:*. Такие записи, как явствует из кодекса «Тайхо:рё:» и более поздних комментариев к нему («Рё:-но гигэ», 833 г.), «составлялись хозяином двора» по «требованию» столичных и провинциальных властей. Это были «налоговые и податные списки», поскольку именно на данных этих списков основывались при определении норм налогообложения для конкретного двора. Кроме того, «счётные записи», как, собственно, и «подворные списки», являлись одним из способов контроля на уровне общины и двора, поскольку любые изменения сразу же фиксировались и о них докладывалось вышестоящим властям. Так, «если весь двор направлялся на новое место для выполнения трудовой повинности или весь двор ударился в бега», то он «не исключался из записей», а «переписывался из старого списка с одновременным изложением причин его отсутствия» (тем временем, как видно из более поздних хэйанских источников, в подобных случаях назначался специальный чиновник, который был обязан провести тщательное расследование и выяснить «куда подевался двор»). Обычно в «счетные записи» заносили число и возраст всех членов двора (если там проживали «чужаки» или лица «рабского сословия», то на них составлялись отдельные

только 70 человек. После назначения [в эту провинцию вашего подданного] Киёюки снова был произведен подсчет населения данной деревни, но [к тому моменту] оставались лишь два старика и старуха, четверо взрослых и трое юношей и девушек⁵⁷.

[Совсем] недавно в 11-м году Энги⁵⁸, по истечении срока службы [в должности] помощника управителя этой провинции, вернулся в столицу Фудзивара-но Кимитоси⁵⁹. [Ваш подданный] Киёюки спросил [его]: «Сколько сейчас жителей в деревне Нима?». Кимитоси в ответ сказал: «Ни одного». Тогда [я] подсчитал [сколько] прошло лет? С 6-го года *канэ-но сару* правления государыни Ко:гёку и до 11-го года *каното-но хицудзи* Энги миновало всего лишь 252 года. Насколько же стремительно все пришло в упадок! Взяв [за пример] только одну деревню, следует признать, что ущерб грозит вымиранием всей Поднебесной⁶⁰.

списки), а по завершении составления записей они подписывались «несколькими» представителями провинциального управления и отправлялись на проверку и дальнейшее утверждение в Дайдзё:кан. Сохранились «рекомендации» по составлению такого налогового реестра. См.: Энгисики. Указ соч., Т. 2, сс. 627–642.

⁵⁷ Согласно возрастной градации, существующей в древнем и средневековом праве Китая и Японии, каждый человек от рождения до трех лет включительно (в Китае до четырех) считался «ребенком» (яп. ки, кит. *хуан*), до 16 лет — «подростком» (яп. сё:, кит. сяо), до 20 лет — «юношей» или «девушкой» (яп. тью:, кит. *чжун*), до 60 лет — «взрослым» или «взрослой» (яп. тё:, кит. *дин*), до 65 лет — «стариком» и «старухой» (яп. ро:, кит. *лао*), а с 66 лет — «почтенным» или «почтенной» (яп. ки, кит. *ци*). Рицурё: (Уголовные и гражданские законы). Под ред. Иноуэ Мицусада и др. Сер. «Нихон сисо: тайкэй». Токио: Иванами сётэн, 1994, сс. 226, 551–552.

⁵⁸ Энги (901–923) — один из девизов правления государя Дайго (897–930). Одиннадцатый год Энги, соответственно, 911 г.

⁵⁹ Фудзивара-но Асоми Кимитоси — потомок Левого министра Фудзивара-но Уона и сын среднего придворного советника Фудзивара-но Ямакагэ. Известно, что, помимо должности помощника управителя провинции Биттю:, он занимал пост исполняющего обязанности управителя провинции Тадзима.

⁶⁰ Перифраз из китайской хроники «Хань шу», где сказано, что с воцарением императора У-ди (140–87 до н. э.) «чрезмерная роскошь» достигла угрожающих размеров, «богатства страны расточались, а население сократилось наполовину». Кодай сэйдзи... Указ соч., с. 78.

Именно сейчас Вашему величеству представилась счастливая возможность, что бывает один раз в тысячу лет⁶¹, осветить вечное чередование расцвета и упадка. Сочувствием [нашего государя] благодетельствован весь народ. [Его] милосердие и любовь распространяется во всех четырех направлениях. [Он] одевается на рассвете и только в сумерках принимает пищу. [Он] ночью строит планы, а утром претворяет [их в жизнь]. [Он] творит закон по всей стране⁶² и следит за мыслями молотильщика зерен и лесоруба⁶³. Старинные авторы [писали], что место, где жил Юй⁶⁴ Шунь, через три года [уже] стало столицей⁶⁵, а при жизни Конфуция всё естественным образом пришло в порядок за один год⁶⁶. Если народ будет обильно плодиться, то не следует ждать пока пройдет необходимое поколение⁶⁷, и [то-

⁶¹ Цитата из китайского философского трактата периода Хань «Синь лунь» («Новые суждения»), принадлежащего кисти Хуань Тяня (43 г. до н. э. — 28 г. н. э.). Помимо этого, мысль о том, что «истинный мудрец появляется только один раз в тысячу лет» встречается и в китайской хронике «Цзинь шу». *Икэда Сиро:дзиро*:. Кодзи дзюкуго дайджитэн (Большой словарь происхождения литературных оборотов). Токио, О:сака: То:кё: хо:бункан, О:сака хо:бункан, 1913, с. 898; Kluge *Inge-Lore*. Op. cit., S. 46.

⁶² Выражение встречается в трактате «Ли цзи» («Книга ритуалов»). Расширительное толкование этого выражения в одном из своих знаменитых докладов дал выдающийся литератор и политический деятель периода Тан Лю Цзун-юань (773–819). Цы юань. Указ. соч., Т. 3, с. 2445.

⁶³ В основе этого изречения — текст «Ши цзин» («Книга стихов»). В литературном переводе А. А. Штукина: «Древний народ говорил, что разумен лишь тот, кто и у сборщика сучьев советы берет!». Ши цзин. Книга песен и гимнов. Пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина. М.: «Художественная литература», 1987, с. 249. См. также Цы юань. Указ. соч., Т. 4, с. 2621.

⁶⁴ Юй — одно из имен мифического императора Шуня (трад. 2255–2208 гг. до н. э.). *Сьма Цянь*. Указ. соч., Т. 1, с. 148.

⁶⁵ *Сьма Цянь*. Указ. соч., Т. 1, с. 142.

⁶⁶ Пересказ слов из «Лунь юя» (XIII-10). См.: *Переломов Л. С.* Конфуций: «Лунь юя». Исслед., пер. с кит., коммент. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998, с. 389.

⁶⁷ Согласно китайской конфуцианской традиции во время царствования мудрого правителя мир и покой в стране устанавливаются в течение одного поколения. В «Лунь юя» (XIII-13) сказано: «Если окажется [в государстве] истинный правитель, то всего лишь через поколение воцарится человеколюбие» (*Переломов Л. С.* Указ. соч., с. 390).

гда] можно рассчитывать, что провинция возродится в короткие сроки⁶⁸.

[В то же время] пренебрежение служебными обязанностями ради развлечений осмелюсь назвать безумной глупостью. Это всё равно, что смотреть через тростниковую трубку на леопарда, и видеть только одно пятнышко [на его шерсти]⁶⁹, либо рассматривать небосвод со дна колодца и видеть всего лишь несколько сяку⁷⁰. То, что [я] осмелился здесь изложить, [свидетельствует], что знания [мои также] ограничены. Со смирением ожидаю воли его величества.

*1. Как избежать наводнений и засухи
и добиться обильных урожаев*

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Согласно комментариям к тексту «Лунь юя» Кун Ань-го (156–74 гг. до н. э.) и Чжу-си (1130–1200) одно поколение продолжалось 30 лет. [Сы шу чжан цзюй цзи чжу («Четверокнижие» с собранием комментариев). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1983, с. 144]. В пояснениях к японской литературной энциклопедии «Хонтё: мондзуй» (XI в.) сказано, что в танском Китае человеколюбие воцарилось с восшествием на престол второго императора этой династии — Тай-цзуна (627–649). Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 79.

⁶⁸ Используемый в тексте термин *сё:дзичу*, дословно означает «десять дней» (декада), однако по смыслу более подходит его расширительное толкование: «быстро», «короткий срок».

⁶⁹ Дословная цитата из китайского сборника историй о жизни выдающихся мыслителей с середины II в. по начало V в. «Ши шо синь юй» («Новом изложение рассказов, в свете ходящих»), составленном Лю И-цином (403–444). Литературный оборот «смотреть через тростниковую трубку на леопарда, и видеть только одно пятнышко [на его шерсти]» обозначает в образном смысле «иметь узкий взгляд» («ограниченный кругозор») и связывается с жизнью Ван Цзы-цзина — сына знаменитого каллиграфа Ван Си-чжи. *Икэда Сиро:дзиро*: Указ. соч., с. 405; Цы юань. Указ. соч., с. 2362.

⁷⁰ Выражение встречается в «Юань дао» («[Обращение] к истокам дао») — одном из самых известных сочинений танского философа, литератора и политического деятеля Хань Юя (768–824). Позднее расширительное толкование этого выражения было дано в литературной энциклопедии периода Тан «Гу ши чэн юй као» («Размышления о смысле выражений, используемых древними»). *Икэда Сиро:дзиро*: Указ. соч., с. 823; Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 375. Сяку — японская мера длины равная 30,3 см.

Для государства основой является народ, а для народа — пища⁷¹. Если не будет народа, на что тогда опираться, а если не будет еды, чем довольствоваться?⁷² Поэтому, чтобы народ пре-

⁷¹ Почти точная цитата из китайского историко-философского трактата «Шу цзин» («Книга документов»). Шан шу («Книга истории»). Хэнань: Хэнань чубань шэ, 1996, с. 310.

⁷² Согласно древнекитайским, а затем и древнеяпонским представлениям о государстве, народ являлся одним из его важнейших компонентов. В нарский период считалось, что государство включало три основных компонента: правитель — чиновники — народ. Все эти компоненты были взаимозависимы. Как явствует из древнеяпонских нарративных источников, отношения между тремя этими компонентами (в его идеальном варианте) должны были складываться следующим образом. Государь, опираясь на высшие силы, должен были осуществлять правление всей страной при помощи мудрых советников (чиновников). Задача чиновников состояла в том, чтобы оказывать помощь государю в деле правления. С одной стороны, они должны были следить за неукоснительным исполнением воли государя на местах, а с другой, не должны были притеснять простой народ и забывать о его чаяниях. Основой же государства являлся «народ»; с одной стороны, он должен был безоговорочно подчиняться велениям свыше, с другой, рассматривался как своеобразный гарант спокойствия в стране. В хронике «Сёку нихонги» по этому поводу говорилось: «Чтобы государство процветало, необходимо сделать народ богатым. Основой же богатства народа являются управление, деньги и пища. Когда мужчины занимаются земледелием, а женщины — ткачеством, в домах в изобилии появляются и одежда, и пища. Когда у народа зарождается чувство стыда, тогда исчезает необходимость в наказаниях. [В результате] в стране устанавливается мир» (Сёку нихонги, Рэйки, 1-10-7, 715 г.). При этом основным занятием простого народа считалось земледелие и шелководство. Определение «земледелия и шелководства» в качестве основных занятий простого народа было широко распространено в китайской политической науке. В «Хань шу», к примеру говорилось: «Земледелие — это важнейшая основа Поднебесной, это то, от чего зависит жизнь народа» [Pan Ku. The History of the Former Han Dynasty. Transl. with Annotations by Homer H. Dubs. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner, & Co., 1938, Vol. 1, p. 245; ср. также с. 242, 255, 331]. Забота о народе является одной из важных тем, рассматриваемых еще в «Наставлениях из 17 статей», где чиновников призывали «не облагать народ [излишними] налогами». В этом же документе устанавливался порядок привлечения населения к трудовой повинности, не нарушая ход сельскохозяйственного цикла (Нихон сёки, Суйко, 12-4-3, 604 г.). Позднее в период Нара бытовало представление, что «народ — это основа государства. Если основа прочна, то вся страна пребывает в

бывал в спокойствии и было достаточно пищи, нужно сделать так, чтобы не было наводнений и засухи, а урожай был обильным.

С этой целью каждый год 4-го числа 2-го лунного месяца, 11-го числа 6-го лунного месяца и 11-го числа 12-го лунного месяца при государевом дворе при помощи Палаты Земных и Небесных божеств⁷³ [должно] проводить ритуалы Тосигои⁷⁴ и Цукинами⁷⁵. Помимо того, необходимо строго соблюдать ритуалы очищения, возносить молитвы в Палате Земных и Небесных божеств с пожеланием обильного вызревания [посевов] и выражать благодарность за то, что мольбы будут услышаны [божествами]. Во время этого ритуала служащие ревизионной канцелярии⁷⁶ и [прочие] чиновники, возглавляемые высшими санов-

спокойствию. Что до основы жизни народа, то самое важное — это земледелие и шелководство» (Сёку нихонги, Энряку, 3-11-3, 784 г.).

⁷³ Палата Небесных и земных божеств (яп. Дзингикан) — одно из важнейших учреждений в системе государственного управления (начиная с конца VII столетия). Хотя формально Дзингикан возглавлялся только чиновником четвертого придворного ранга, фактически находился под руководством самого государя, являвшегося первосвященником синтоизма. Основными функциями Дзингикан были: осуществление служб в синтоистских святилищах, а также проведение религиозных празднеств и ритуалов общегосударственного значения.

⁷⁴ Тосигои — молебствие о ниспослании обильного урожая проводилось (согласно кодексу «Тайхо:рё:») в 4-й день 2-го лунного месяца. Поскольку Тосигои являлось первым из важнейших государственных обрядов сельскохозяйственного года, то его празднование происходило во всех храмах страны. Подр. см.: Рё:-но сю:гэ. Указ. соч., Т. 1, с. 195; Рицурё:. Указ. соч., сс. 530–531.

⁷⁵ Цукинами — молебствие о благоденствии страны. В «Энгисики» сказано, что этот обряд проводился в 11-й день 6-го и 12-го лунного месяца. Основное содержание, как явствует из хэйанских источников, сводилось к молитвам о спокойствии в стране, о хорошем произрастании риса и об обильном урожае. Кроме того из «Рё:-но гигэ» видно, что Цукинами-но мацури для простого народа являлось молебствием в честь божеств домашнего очага. См.: Рё:-но гигэ (Официальные комментарии к [кодексу Тайхо:]рё:). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1995, с. 77; Рицурё:. Указ. соч., с. 533.

⁷⁶ Для лучшего функционирования управленческого аппарата в кодексе «Тайхо:рё:» было предусмотрено два важных государственных учреждения — Левая и Правая ревизионные канцелярии (Садайбэн и Удайбэн, соответственно). Каждая из этих канцелярий «курировала» по четыре министерства, осуществляя своеобразный контроль за их дея-

никами, отправляются в Палату Земных и Небесных божеств. Там для каждого храма на [специальном] столике выставляют в ряд одну связку *хэйхаку*⁷⁷, один сосуд чистого *сакэ* и одно копье с железным наконечником. Если есть лошади, пожертвованные храмам (для Тосигои-но мацури — одна, а для Цукинами-но мацури — две), то служащие левой и правой конюшенных управ⁷⁸ выводят священных коней, выстраивая их в ряд. После того, как завершается чтение ритуальных текстов служащими Дзингикан, [вышеупомянутые] ритуальные предметы распределяются между священнослужителями всех храмов с тем, чтобы они поднесли их своей [священной] обители.

Люди, названные *хафурибэ*⁷⁹ должны, приняв подношения, с почтением передать [эти предметы] в свои святилища. Однако все они в присутствии влиятельных особ хватают шёлк из жертвоприношений и кладут себе за пазуху. Древки копий выбрасывают, оставляя лишь наконечники. Склоняются над сосудами [со священным напитком], разом выпивая их содержимое. Раньше не бывало такого, чтобы кто-нибудь выносил дары за ворота Дзингикан. Со священными конями и того хуже: торговцы за воротами Икухо:мон⁸⁰ тут же скупают их всех и уводят.

тельностью. Так, например, старшие служащие (глава и его помощник) ревизионной канцелярии имели право «вето» на любой исходящий из подчиненного им министерства документ. К тому же представителилевой и Правой ревизионных канцелярий получали доступ ко всей документации (как входящей, так и исходящей) подчиненных им ведомств. В итоге служба в ревизионной канцелярии стала весьма престижной и представляла собой один из важнейших этапов для получения должности в Высшем политическом Совете (Гисэйкан).

⁷⁷ *Хэйхаку* — полоски бумаги или шелковой ткани, помещенные в синтоистских святилищах в качестве подношений.

⁷⁸ Имеется ввиду Самэрэ: и Умэрэ:. О штате и функциях двух этих управ см.: Энгисики. Указ. соч., Т. 3, сс. 973–983.

⁷⁹ *Хафурибэ* — синтоистский жрец. При каждом синтоистском святилище в зависимости от его размера и влияния состояло известное число жрецов, которые носили название *хафурибэ*. Все синтоистские жрецы подразделялись на три группы: *канниси*, так называемые старшие жрецы (включала настоятелей и их ближайших помощников); *нэги* (те, кто вел храмовые службы) и *хафури* (мелкие служащий синтоистских святилищ).

⁸⁰ Икухо:мон — Врата Благоухающих ароматов. Находились в юго-восточной части Большого государева дворца (Дайдайри) и являлись ближайшими воротами Дайдайри по отношению к зданию Дзингикан.

Как же в таком случае почитаемые божества могут принять эти подношения? А коли они не получают подношений, разве мы можем ждать от них процветания и изобилия?

Почтительно прошу во всех провинциях повторно издать государев указ, согласно которому направить служащих [в должности] не ниже *сисё*:⁸¹, чтобы они, совместно с *хафурибэ*, получили подношения и правильно доставили их в [надлежащее] святилище. Только так ритуал сохранится в исконном виде.

Кроме того, в первую луну каждого года повсеместно, начиная с Дайгокудэн и вплоть до провинций семи регионов, проводят [ритуал] *Киссё*: *кэка*⁸². Мудрые правители ежегодно устраивали ритуал *Ниньо:э*⁸³, испрашивая обильный урожай для всего народа и избавления от болезней⁸⁴. Только тогда возра-

⁸¹ *Сисё*: — писец. Один из самых низших постов в должностной иерархии.

⁸² *Киссё*: *кэка* (моления во благо государева рода) — церемония, ежегодно проводимая в Дайгокудэн с 8-го по 14-й день 1-го лунного месяца. Впервые в японских источниках упоминается под 749 годом и первоначально осуществлялась в течении 49 дней (Сёку нихонги, Тэмплё: сёхо:, 1-1-1, 749 г.). Согласно «Энгисики», она проводилась также во всех провинциальных буддийских храмах. Считается, что сам ритуал заимствован из буддийской практики, а его упоминание встречается в сутре «Конкё: мё:сайсё: о:кё:» (Саварнапрабхаса-сутра). Подр. см.: Хэйан дзидай гисики нэнтю: гё:дзи дзитэн (Словари ежегодных церемоний периода Хэйан). Под ред. Абэ Такэси и др. Токио: То:кё:до: сюппан, 2003, сс. 38–39; Энгисики (Церемонии [годов] Энги, 927 г.). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, Ёсикава ко:бункан, 1998, Т. 2. сс. 534–535.

⁸³ *Ниньо:э* (Моление за добродетельного государя) — церемония, направленная на устранение ритуальной нечистоты (*кэгарэ*) и достижение благоденствия правящего рода, а, следовательно, и всего государства. Во время этого ритуала читалась сутра «Ниньо: го:коку-бампо:кё:» («Праздняя-сутра добродетельного государя, оберегающего страну»). Данная церемония была заимствована из китайской ритуальной практики, где впервые появляется при династии Чэнь (557–589), но достигает своего расцвета в период Тан. Первое упоминание в японских источниках приходится на 660 год. Нихон сёки, Саймэй, 6-5-8, 660 г.; Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, с. 184. Подр. см.: Хэйан дзидай гисики. Указ. соч., сс. 219–220.

⁸⁴ Согласно синтоистским верованиям, «смерть» и все с ней связанное (болезнь, кровь и т. д.) считалось источником «нечистоты» (яп. *кэгарэ*). В «Энгисики» перечисляются четыре основные причины «нечистоты», к которым относятся: «смерть» (любые контакты с умершим), беременность и роды, «смерть домашних животных» и «роды» у до-

дуются и небо и люди, а простой народ будет охвачен чувством благодарности. Причина, по которой ныне не прекращаются наводнения и засухи, заключается в следующем: многие монахи не достойны своего наименования.

[Ваш] подданный обратился к китайским историческим трудам и просмотрел записи нашей династии [и оказалось, что] среди последователей Чань лишь немногие владеют учением полностью и вряд ли есть те, кто удвоил свой разум и силу прозрения. Тем не менее одни твёрдо охраняют заповеди буддизма

машных животных (за исключением кур). По этой причине в древней Японии больных людей избегали, а эпидемий боялись. Считалось, что «нечистота», возникающая вследствие посещения больного человека, не позволяла посетителю в тот же день входить на территорию дворцового комплекса и требовала от него участия в специальной очистительной церемонии. Что же касается умерших во время эпидемий, то трупы не только были причиной «зловония», но и серьёзным источником ритуальной «нечистоты». Помимо этого, «дурные болезни», согласно кодексу «Тайхо:рё:», являлись одной из семи официальных причин развода со стороны мужа. Поскольку семья и род считались «основами государства», то болезни воспринимались как явление нежелательное и даже социально опасное. Выздоровление же больного (особенно, если речь шла о государе или его высокопоставленном подданном) понималось как дело необходимое для стабильности и процветания государства и для этого могли предприниматься различные действия: «отправка лекарств» (в хэйанский период государи зачастую отправляли больным высокопоставленным придворным аристократам лекарства со «специальными посланниками»); «объявление великих помилований»; «проведение молений» и «совершение приношений небесным и земным божествам» (в древней Японии бытовали представления, что ежели к «местным божествам относиться без почтительности», то они способны «наказывать» людей различными бедствиями, например, плохими урожаями, болезнями, пожарами или затяжными дождями); чтение буддийских сутр (например, «Конго: ханьякё:» («Сутра алмазной праджни»), «Мурё: дзю:кё:» («Сутра о неизмеримой [по продолжительности] жизни»), «Хокэкё:» («Сутра лотоса») и т. д.) в «больших» и «провинциальных» храмах; проведение обрядов очищения; осуществление «молений божествам дорог» (яп. *митиаэ-но мацури*, проводились в последнюю ночь 6-го и 12-го лунного месяца для защиты столицы и центрального района Киная от болезней и других несчастий, которые могут быть занесены туда прибывающими путниками) и т. д. Подр. см. Грачев М. В. Медицина в древней Японии // Япония. Путь кисти и меча. № 3, 2003; Симмура Таку. Си то ямаи то канго:-но сякайси (История общества с точки зрения «смерти», «болезней» и «ухода за больными»). Токио: Хэйбонся, 1995.

и не нарушают их до самой смерти, другие во всём следуют пути бодхисаттвы, забывают о себе и приносят пользу прочим людям. Поэтому чаньским монахам легко постичь искренность государя, а их сознание непременно достигает состояния Будды⁸⁵.

Однако сейчас среди всех, начиная с высших буддийских иерархов⁸⁶ и заканчивая простыми монахами, приглашаемыми для чтения заупокойной службы в небольших монастырях, строго соблюдающих заповеди — мало, а нарушающих обеты —

⁸⁵ В тексте *нэрай* (санскрит. *татхагата*) — «благая сущность» (*мэ:тай*), «природа Будды». Подр. см.: Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993.

⁸⁶ *Со:го* — «буддийские иерархи» (иначе *со:кан*). Первые упоминания о существовании неких должностей внутри буддийской общины относятся еще к 624 году, когда «для надзора за монахами и монахинями» были учреждены должности *со:дзэ:* и *со:дзу*. Более детальная разработка должностной иерархии, созданной внутри буддийской общины по инициативе центрального правительства, происходит в конце VII столетия. В 683 году были назначены *со:дзэ:*, *со:дзу* и *рисси*, которые должны были следить, чтобы «управление монахами и монахинями осуществлялось в соответствии с законом». Именно эти три должностные лица являлись высшими буддийскими иерархами — *сан:го:* (досл. «три иерарха»), отвечающими перед центральной властью за все правонарушения внутри буддийской общины. В дальнейшем внутриобщинная иерархия претерпевала изменения. В 702 году высших должностей в буддийской общине было уже четыре: *со:дзэ:*, *дайсо:дзу*, *сэ:со:дзу* и *рисси*, а с 745 года — пять: *дайсо:дзэ:*, *со:дзэ:*, *дайсо:дзу*, *сэ:со:дзу* и *рисси*. С увеличением количества внутриобщинных иерархов более четко определялся их статус и детализировались присущие им функции. В 760 году для буддийских монахов были учреждена отдельная шкала ранжирования, состоящая из 4 ранговых категорий, делившихся на 13 степеней, однако высшие должности внутри буддийской общины ввиду своей важности, по всей видимости, были выведены за пределы упомянутой ранговой системы и имели непосредственную привязку к шкале чиновничьих рангов. Так, согласно сообщению «Сёку нихонги» от 773 года, должность *со:дзэ:* соответствовала четвертому младшему придворному рангу, *дайсо:дзу* и *сэ:со:дзу* — пятому старшему рангу, а *рисси* — пятому младшему рангу. Согласно «Рудзю: сандайкяку», в 855 году была введена еще одна шкала ранжирования для буддийского монашества: для «наставников» (*ко:си*) — пяти степеней; для «чтецов сутр» (*докуси*) — три степени. Руй-дзю: сандайкяку (Систематизированные указы трех правителей). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1996, Т. 1, сс. 126–127; Сайко:, 2-8-23, 855 г.

много. Разве могут подобные благие деяния [монахов] соответствовать «трем истинам»⁸⁷?

Если впредь такого соответствия обнаружено не будет, [на нашу страну] обрушатся огромные бедствия. Смиренно надеюсь, что впредь все монахи, о чьём беспутном поведении ходят слухи, не будут допускаться до вознесения молитв.

Управители провинций чрезмерно заняты служебными обязанностями, решают множество вопросов и не имеют свободного времени. Поэтому все дела, касающиеся буддизма в провинции, должны быть возложены на *ко:докуси*⁸⁸. Однако многие из *ко:докуси* сами не соблюдают заповеди, к тому же встречаются и такие, кто получил должность в обход основного продвижения. Более того, из двадцати монахов государственных провинциальных монастырей [подвергнутых проверке] ни один в этом не раскаялся. [Они] обзаводятся женами и детьми, содержат семьи, работают в поле, занимаются торговлей и ростовщичеством. Но и сейчас управители провинций требуют [от этих монахов], чтобы [они] возносили молитвы. Однако ждать от них помощи всё равно что ловить рыбу, взобравшись на дерево⁸⁹ или собирать цветы, обернувшись к очагу⁹⁰. Вновь обращаюсь с просьбой о том, чтобы во всех провинциях не могли получить назначение на [должность] *ко:докуси* те, кто, хоть и занимаются делами, соответствующими их рангам⁹¹, но не

⁸⁷ Существуют различные объяснения термина *сандзон*. Согласно первой версии, *сандзон* — это три великие буддийские истины: Будда, *дхарма* (учение), *сангха* (община верующих). Согласно второй, *сандзо* — это наименование Будды Амиды и двух «сопровождающих» его бодхисаттв: Каннон (Гуаньинь-Авалокитешвара) и Сэйси (Пусьянь-Всеблагодь).

⁸⁸ *Ко:докуси* — монахи, ответственные за толкование буддийского учения. Специально направлялись в различные провинции для наблюдения за правильным осуществлением буддийских церемоний. В расширенном толковании: два разряда буддийских монахов — *ко:си* и *докуси*.

⁸⁹ Выражение из китайского трактата «Мэн-цзы»: «Но судя по тому, как вы действуете, как добываетесь своего желания, это походит на то, что лезть на дерево и искать там рыбу». Мэн-цзы. Пер. В. С. Колоколова, под ред. А. Н. Меньшикова, СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999, с. 25.

⁹⁰ Источник этой фразы обнаружить не удалось.

⁹¹ Поскольку буддийская церковь считалась одним из государственных институтов, то от каждого монаха власти настоятельно требовали выполнения своих обязанностей, установленных в законодательном порядке. Для монахов (в зависимости от их ранговой позиции

практикуют подвижничество. Если же монахи из государственных провинциальных монастырей чрезмерно предаются скверне, а ко:докуси их не призывает к порядку, такого наставника увольнять с должности. Если сделать так, то благодаря молитвам и деяниям мудрого правителя бедствия прекратятся, налоговые поступления уподобятся высоким холмам, дожди будут идти каждые десять дней и народ будет радостно славить [богов], собирая обильные урожаи⁹².

2. Нижайше прошу запретить роскошь

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Совершенномудрые государи древности, управляя миром, почитали бережливость, запрещали чрезмерную роскошь⁹³, носили поношенную одежду, питались зеленью и просом. Именно такое восхищение [стилем жизни] древних [правителей] считается эталоном «просвещённого правления». Однако сейчас всё больше ширится упадок нравов, «преобразующее [влияние] го-

внутри буддийской общины) был определен своеобразный «круг обязанностей». Руйдзю: сандай кяку, Указ. соч., Энряку, 17-6-14, 798 г.; 24-12-25, 805 г.; Ко:нин, 10-12-25, 819 г.; Дзё:ган, 6-2-16, 864 г.; Энги, 3-6-20, 903 г.

⁹² Сокращенная и искаженная цитата из «Ши цзина» (Книга песен). Полный текст в переводе А. А. Штукина таков: «Вижу, колосья, как в крыше солома, часты; // Точно ярмо, изогнулись они с высоты. // Кучи зерна, что на поле оставили мы, // Как острова на реке или в поле холмы. // Тысяча, верно, не меньше, амбаров нужна, // Тысяч десятков телег для отвозки зерна! // Если и просо, и сорго, и рис возрастут — // Счастье моих земледельцев проявлено тут. // Благо, наградою будь земледельцам моим, // Тысячи лет долголетия безмерного им! Ши цзин. Указ. соч., с. 194.

⁹³ В хэйанском обществе проблема излишней расточительности была остродискуссионной. Следуя примеру китайской конфуцианской традиции, чрезмерная роскошь объявлялась главнейшим «пороком» государства, приводившим к истощению народа и появления в стране бунтарей и смутьянов. По этой причине многие государственные деятели древней и средневековой Японии причисляли роскошь к самым опасным «изъянам» правления, способным ввергнуть страну в «хаос». Подр. см.: Грачёв М. В. Эрозия «государства *рицурё*» глазами хэйанских аристократов (к изучению мировосприятия древнеяпонской знати) / *Orientalistica Iuvenile*. Вып. IV. М.: ИВ РАН, 2004; *Кацуюма Минору*. Боку Со:дай-ни окэру сяси кинрэ-но ко:сацу (Изучение указов, запрещающих роскошь, в период Северная Сун). — То:хо:гаку, № 92, 1996.

сударя» больше не распространяется [на его подданных]⁹⁴. Высшие чиновники и мелкие служащие, государевы наложницы и придворные дамы, а также отпрыски влиятельных семейств и праздный люд бездеятельно живут в столице, изо дня в день предаются роскоши, проявляя неумеренность в одежде, питье и еде. Расточительность при проведении пышных пиров в честь именитых гостей⁹⁵ увеличивается с каждым днем. Будет ли этому конец? А потому обрисовав нынешнюю ситуацию в общих чертах, позволю изложить свои суждения [по этому поводу].

[Ваш] подданный, взглянув на [обычай] периодов Дзэ:ган и Гангё:⁹⁶, [увидел, что] принцы крови и придворная аристократия шили летние *кадзами* из хлопковой ткани из Цукуси, а верхние *хакама* — из серого шелка. Носки шили из «грубого шелка Адзума», а подкладку для обуви делали из крашеного шелка. А теперь [даже] низшие чиновники всех государственных управлений повсеместно *кадзами* шьют из белого *катори*, верхние *хакама* — из белого шелка, носки — из белой узорчатой ткани, а подкладку обуви делают из *токачи*⁹⁷.

⁹⁴ Неточная цитата из доклада чиновника и прославленного поэта Се Тяо (464–499) придворному сановнику династии Ци (479–502) Сяо Яню (464–549) — будущему основателю династии Лян (502–557). Цы юань. Указ. соч., Т. 3, с. 1881.

⁹⁵ Как видно из письменных источников, в период Хэйан придворная аристократия выработала своеобразный «стиль жизни», многие элементы которого были заимствованы из арсенала китайской придворной культуры. Одним из показателей принадлежности человека к аристократическому кругу являлась организация так называемых «званых пиров». Во время таких пиршеств любой участник должен был подчиняться достаточно строгим правилам. Например, в хэйанском собрании изящной словесности «Хонтё: мондзуй» (XI в.) упоминается особая церемония «дуновения на цветок», которую должен был пройти любой опоздавший на пиршество, а в трактате «Сайгу:ки» (X в.) помещен «перечень наказаний» для нарушителей правил проведения на пиру. Описание пира см., напр., Сайгу:ки (Записи из Западного дворца). Сер. «Кодзицу со:сё». Токио: Мэйдзи дзусё сьуппан, 1952, сс. 267–279; Хонтё: мондзуй. Указ. соч., сс. 314–315.

⁹⁶ Гангё: (877–885) — девиз правления государя Ё:дзэй (877–885).

⁹⁷ Согласно раннесредневековому японскому историко-географическому сочинению «Вамё: руйдзю: сё:» («Систематизированное собрание японских названий»), *токачи* — материал, сотканный с добавлением заячьей шерсти. Кодай сэйдзи... Указ. соч., сс. 82–83.

А их женщины от супруги и до последней служанки шлейф-мо, если он не из «белого шелка [княжества] Ци», ни за что его не наденут. Одежду, если [она] не из «узорного шелка княжества Юэ» — и кроить не будут. Они тратят огромные деньги на алую краску для одежд⁹⁸, хотя и хлопковой одежды будет достаточно, чтобы после первой стирки [она] порвалась в одно мгновение. Так расточительствуют не только в одежде.

В древности Цзи Лу⁹⁹, одевая халат на ватной подкладке, не стыдился роскошных одежд из меха лисицы и барсука. Юань

⁹⁸ Особой популярностью при хэйанском дворе пользовались ярко-красные и пурпурные одежды. При императоре Дайго, к примеру, увлечение ярко-красными одеяниями распространилось настолько, что Миёси-но Киёюки в 917 г. подал докладную записку, где посчитал придворную моду одним из пагубных проявления способных «уничтожить государство» и просил государя ввести строгий запрет на подобные одеяния при дворе. Свою просьбу Миёси-но Киёюки объяснял следующим образом. Во-первых, красный цвет — это «цвет огня», а потому обилие красных одежд при дворе создает дисбаланс «стихий огня», что может привести к многочисленным пожарам в столичном граде. Во-вторых, «цвет огня» может являть собой «дурное предзнаменование», что пагубно отразится на самочувствии государя и процветании всего государства. В-третьих, цена на красную краску имеет постоянную тенденцию к увеличению, а поскольку придворная мода требует от аристократов поддерживать изысканность стиля, то это может привести к обнищанию многих знатных семейств. В-четвертых, распространение пышных одеяний при дворе приводит к тому, что представители многих аристократических домов чрезмерно увлекаются роскошью и начинают «забывать о моральных устоях и принципах сыновней почтительности». Сэйдзи ё:ряку (Краткие сведения [об основных] вопросах политики). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1-3. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1995, Энга, 17-12-22, 917 г. Докладная получила высочайшее одобрение, однако, как видно из текстов более поздних указов, придворная мода на ярко-красные одежды сохранилась, а запреты реального действия не возымели. Нихон кираку (Краткие записи [по истории] Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1-2. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2000, Энтё:, 4-2-16, 926 г.; Сё:эй, 7-8-3, 937 г.; Тэнгё:, 5-4-23, 942 г.; Тэнряку, 1-3-12, 947 г.; Анва, 1-11-1, 968 г.; Тэнгэн, 3-3-3, 980 г.

⁹⁹ Цзи Лу (Чжун Ю) — один из учеников Конфуция. В «Лунь юе» о нем сказано: «В старом конопляном халате стоять рядом с теми, кто одет в меха барсуков и лисиц, и не испытывать чувства стыда — разве не Ю был способен на это?» Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 2. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001, сс. 268-269.

Сянь¹⁰⁰, довольствуясь лебедой, пренебрегал пышностью четверки лошадей¹⁰¹. Это — высшее правило мудрецов, идея не постижимая для заурядных людишек. Поэтому в проявлении чрезмерности [они], соперничая, подражают друг другу, а над бережливостью наперебой насмежаются. Богатые гордятся тем, что достигли выполнения своих желаний, а бедные стыдятся, что не могут их достичь. И в результате, пошив одно платье, они разрушают дело всей жизни; устроив одно застолье, расходует средства за несколько лет. Из-за этого не возделываются поля, возникают воровские шайки. Если не запретить подобное, будет нанесен ущерб священной культурности.

Почтительно прошу установить форму одежды в соответствии с социальным положением, а нарушителей наказывать. *Кэбииси*¹⁰² будут держать [проявления] расточительности под контролем, а пиршества станут проводить строго в соответствии с

¹⁰⁰ Юань Сянь (Юань Сы, Цзы Сы) — один из учеников Конфуция.

¹⁰¹ Вольное переложение одной истории из жизни учеников Конфуция, рассказанных в «Ши цзи». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 7, сс. 78–79.

¹⁰² Управление *кэбииси тэ*; по всей видимости, было учреждено в 20-е годы IX столетия. Создание этого учреждения было непосредственно связано с процессом деградации законодательной системы «государства *рицурё*». Первоначально чиновники *кэбииси тэ* должны были следить за порядком и исполнением законов в столице и ее ближайших окрестностях (регион Кинай). По этой причине в данное управление назначают только лиц, имеющих придворные ранги. Но с середины IX века «филиалы» управления *кэбииси тэ* стали появляться и в более отдаленных провинциях, а их служащими могли становиться «богатые крестьяне», что вызвало отрицательную реакцию двора (Руйдзю: сандай кяку, Кампё; 6-9-18, 894 г.). Сначала основные цели *кэбииси* в провинциях заключались в «искоренении» разбойников и пиратов, а также в поддержании местной системы судопроизводства в надлежащем виде. Со временем их «полномочия» значительно увеличились, а контроль центральной власти над провинциальными «филиалами» управления *кэбииси тэ*: резко сократился, и в некоторых регионах они превратились в самостоятельную политическую силу. В итоге к началу XII столетия провинциальные *кэбииси* стали практически независимы от двора, при этом многие столичные аристократы старались поддерживать с ними хорошие отношения. Подр. см.: *Маэда Ёсихико*. Кэбииси бэтто: то ситё: (Особое управление кэбииси и система судопроизводства) / Сирин (Исторический журнал). Т. 82, № 1, 1999, сс. 1–35; *Оцу Тоору*. Митинага то кю:тэй сякай ([Фудзивара] Митинага и придворное общество). Токио: Ко:данся, 2001, сс. 220–236.

[установленными] правилами. А поскольку высшие [подобные] правила обычно нарушают, а низшие им подражают, то настоятельно выражаю пожелание обязать *кэбииси* впредь действовать сообразно этому распоряжению.

Помимо этого, [известно, что] для всех — от аристократов до простолюдинов — в соответствии с их рангами существуют правила заупокойной службы и нормы затрат на погребение. Ныне же из года в год семьи, пребывающие в трауре, растрачивают все своё состояние, состязаясь в устройении пышных поминальных служб семь раз по семь дней¹⁰³. Столы, которые превышают квадратный *дзё*:¹⁰⁴, ломаются от яств. На приглашение одного монаха расходуется по тысяче золотых¹⁰⁵. Одни семьи берут займы у других, а те [вынуждены] продавать свои дома. После этого «почтительные дети» пускаются в бега по

¹⁰³ Согласно древнеяпонским представлениям, позаимствованным из китайской ритуальной практики, со дня смерти до «перерождения» души умершего проходило сорок девять дней. В течение этого времени родственники умершего должны были молиться о его перерождении в Чистой земле. Помимо этого, в ритуальной практике были предусмотрены поминальные обряды через сто дней после смерти, через год и через три года. В «Хонтё: мондзуй» содержится семнадцать «писем» знаменитых хэйанских литераторов и государственных деятелей (среди них Ёсисигэ-но Ясутанэ [?-1002], О:э-но Асацуна [886-957], О:э-но Масахира [952-1012], О:э-но Юкитоки [955-1010], Сугавара-но Сукэмаса [925-1009] и др.), где имеется подробное описание проведения поминальных церемоний «семь раз по семь дней». Хонтё: мондзуй. Указ. соч., сс. 112-114, 363-374; *Икэда Сиро:дзиро*. Указ. соч., с. 674.

¹⁰⁴ *Дзё*: — яп. мера длины, равная 3,03 м.

¹⁰⁵ Выражение содержится в трактате «Мэн-цзы». В переводе В. С. Колоколова данный пассаж выглядит следующим образом: «Когда убеждаешь большого человека, то смотри на него свысока, не гляди на то, что он напускает на себя величественный вид. Достигнув своих намерений, я не сделал бы себе палату вышиною в несколько „жэнь“, с резными решетинами под крышей, с надписью в несколько „чи“ над входом. Достигнув своих намерений, я не устроил бы себе пир, на котором яства занимали бы один „чжан“ (яп. *дзё*: — М. Г.) по сторонам столов, а прислуживающих наложниц было бы несколько сот человек. Достигнув своих намерений, я не сделал бы всеобщей гулянки с возлиянием вина, не поскакал бы на охоту в сопровождении тысячи колесниц. Все, что у тех больших людей делается, я не сделал бы. Все, что было бы у меня, — это отвечало бы установлениям древних. Чего же мне бояться их?» Мэн-цзы. Указ. соч., сс. 209-210.

причине неуплаты долгов, а их дети-сироты обречены на голодную смерть.

Конечно, среди тех, кого с любовью воспитывали родители, возможно, есть такие, кто не стремится почтить их память¹⁰⁶. И все же в совершенствовании добродетели должна быть умеренность. Разве должен переход отца в иную жизнь сопровождаться разорением потомков? Разве должны родственники приглашать людей на поминки, поить и развлекать их? Потчуют друг друга совсем как на пиру. Сначала ползают на коленях, предаваясь печали, и вдруг в пылу опьянения переходят к веселью¹⁰⁷. Когда Конфуций ел рядом с человеком, пребывающим в трауре, он никогда не наедался досыта¹⁰⁸. Когда же мы сможем достичь такой [чистоты нравов]? [Видимо], в столице и

¹⁰⁶ Данное высказывание — компиляция, составленная на основе цитат из «Ши цзина» и «Лунь юя». См.: *Переломов А. С.* Указ. соч., с. 302; Ши цзин. Указ. соч., с. 181.

¹⁰⁷ Согласно правилам установленным в трактате «Ли цзи», после смерти родителей «почтительные сыновья» (кит. сяо цзы) должны во время траурной церемонии передвигаться по дому только на коленях. В таком положении они должны совершать все возложенные на них обязанности (отдавать последнюю дань уважения усопшим родителям; обращаться с молениями к божествам; прислуживать гостям, пришедшим на траурную церемонию, и т. д.). Ли цзи чжэн и (Книга ритуалов с комментариями) / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай: Шицзе шуцзюй, 1935, Т. 2. с. 1656. Однако литературный оборот, используемый в «Рекомендациях из двенадцати статей», имеет скорее отрицательный, чем положительный, смысл. Автор использует здесь пассаж из жизнеописания одного из «семи мудрецов Бамбуковой рощи», знаменитого поэта и бражника — Лю Лина. «Стиль жизни» этого аристократа для добропорядочных «учёных мужей» со временем стал образцом безразличного и крайне нежелательного поведения. Например, согласно хронике «Цзинь шу», известно, что однажды Лю Лин сел в повозку, запряженную лосем, и поехал, обхватив руками кувшин с вином, а своим слугам приказал нести следом за ним чаны с винной закваской, приговаривая: «Когда умру, предайте меня земле». *Икэда Сиро:дзиро.* Указ. соч., с. 578. В данном случае Миёси Киёюки, опираясь на существующую в древнем Китае традицию, показывает насколько сильно пали нравы в среде хэйанского придворного общества.

¹⁰⁸ Неточная цитата из «Лунь юя». См.: *Переломов А. С.* Указ. соч., с. 348.

её окрестностях так много монастырей, что *кэбииси* просто не успевают следить за запретами.

Почтительно прошу о том, чтобы вновь издали государев указ для придворной аристократии, высшего чиновничества и служащих провинциальных управ, дабы каждый из них сдерживал свою расточительность, и эта воздержанность стала известна всему народу в Поднебесной.

Буддийские монахи и послушники {во время церемоний} Юима¹⁰⁹ и Сайсё:¹¹⁰ — все были собратьями в постижении пу-

¹⁰⁹ В «Сёку нихонги» сказано: «Служба Юимаэ, проводящаяся в храме Ямасинадэра, была учреждена внутренним министром [Каматари]. Однако в течении 30 лет после кончины основателя никто не продолжал его дела, службы были прекращены. Во времена двора Фудзивара сын [Каматари] главный министр [Фудзивара-но Фухито] печалился о том, что зал для проповедей разрушился, горевал о том, что обет не выполнен. Он принес новый обет и последовал по стопам отца. Зимой каждого года 10-го дня 10-й луны начинается проведение пышных служб, которые заканчиваются проповедью в день поминовения внутреннего министра. Эти службы поддерживают государей, способствуют распространению учения Будды, помогают душам усопших, воспитывают учеников. Распростершись, прошу о том, чтобы наградные поля [Каматари] были бы навечно переданы храму [Ямасинадэра] для того, чтобы облегчить проведение службы Юимаэ, чтобы становилась она пышнее, чтобы продолжалось дело внутреннего министра, чтобы длилось оно до скончания Неба и Земли, чтобы была прославлена супруга прежнего государя [Комё:], чтобы ярко сияла она вместе с солнцем и луной. Небесная милость простирается повсюду. В случае благоприятного для твоего подданного решения прошу дать указания нижестоящим ведомствам о немедленной передаче [храму земель]. Осмеливаюсь потревожить слух государыни своей мелкой просьбишкой. Трепещу, будто ступаю по тонкому льду над бездонной пучиной» (пер. А. Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Тэмпё: хо:дзи, 1-8 доп.-17, 757 г. В период Хэйан служба «Юимаэ» проводилась преимущественно в храме Ко:фукузди с 10-го по 16-й день 10-й луны каждого года, то есть в то самое время, когда, согласно летописи «Нихон сёки», внутренний министр Фудзивара-но Каматари находился при смерти (см. Нихон сёки, Тэнти, 8-10-10, 669 г.). Само название данного обряда заимствовано из текста буддийской сутры «Юимагё:» («Сутра о царевне Вималакирти»). Подр. см.: Хэйан дзидай гисики... Указ. соч., сс. 165-167.

¹¹⁰ Сайсё: — буддийская служба, упоминаемая в тексте сутры «Сайсё:гё:». Была учреждена в 829 году как сопроводительная во время посвящения претендентов в монашеский сан в храме Якусидзи. Руйдзю: сандай кьяку, Тэнтё:, 7-9-14, 829 г.

ти бедности. Помимо чаши для сбора подаяния они не имеют других средств к существованию. Однако от года к году все больше процветают буддийские иерархи, наживаясь за счет жертвоприношений от слушателей [их проповедей]¹¹¹. Стало обычаем приглашать монахов и иных достойных людей, выставляя горы пицци и проливая реки вина¹¹². Это противоречит буддийским уставам, и наносит вред священной культуре.

Смиренно высказываю пожелание, чтобы вновь дали наставления буддийским иерархам и немедленно установили на всё [вышеупомянутое] запрет. Позволю себе заметить, что когда высшие не являют собой примера благочестия, низы естественно впадают в заблуждение и отступают [от добра]¹¹³. Если аристократы и высшие чиновники встанут на стражу закона, а монахи будут следовать своим уставам, то источник прояснится, и поток сам по себе станет прозрачным¹¹⁴. Исправляя явное, непременно изменим к лучшему и сокрытое.

*3. Нижайше прошу издать государев указ
по всем провинциям, чтобы наделяли
подушными земельными участками
согласно реальному количеству жителей*

[Ваш] подданный почтительно обратился к налоговым реестрам всех провинций, и оказалось, что более половины [податно-

¹¹¹ В 885 году настоятели буддийских храмов Го:фукудзи и Якусидзи подали государю Ко:ко: (885–887) совместную докладную, из которой явствовало, что во владениях этих двух храмов появилось около сорока «лжемонахов», ведущих себя совершенно недостойным образом, в результате чего авторитетность представителей Го:фукудзи и Якусидзи оказалась под угрозой. В ответ на эту докладную был выпущен указ, обязывающий местные власти разобраться в случившемся и строго наказать виновных. Руйдзю: сандай кяку, Нинна, 1-9-5, 885 г.

¹¹² Неточная цитата из «У ду фу» (Ода о столице [царства] У). См.: Вэнь сюань (Литературный сборник). Сост. Сяо Тун. Т. 1–2. Шанхай, Шаньгу иньшу гуань, 1959, с. 111.

¹¹³ Устойчивое клише, встречающееся в нескольких китайских древних и средневековых сочинениях. *Икэда Сиро:дзиро*: Указ. соч., с. 730; Цы юань. Указ. соч., Т. 1, с. 65.

¹¹⁴ Неточная цитата из китайского трактата «Сюнь-цзы». Цы юань. Указ. соч., Т. 3, с. 1860.

го] населения уже скончалось. Тем не менее, наместники провинций выделяют подушные земельные наделы¹¹⁵ строго в соответствии со «счетными списками». Согласно им определяют количество установленный «рисовой ссуды»¹¹⁶ и размеры натуральных налогов. [В результате] живые обрабатывают свои поля и платят огромные налоги, тогда как поля умерших тайком продаются и, естественно, не возделываются¹¹⁷. [Получается, что] основная идея выделения наделов и определения [размеров] налоговых поступлений утрачена.

Когда досконально проверил эти сведения, стало ясно, что государственные подушные земельные наделы распределяли, чтобы собирать налоги. Однако сейчас с полями уже совершены фальсификации, и в итоге поступления [в казну] уменьшаются. Управители провинций опираются на несоответствующую

¹¹⁵ Согласно кодексу «Тайхо:рё:», свободному населению (мальчикам и девочкам, начиная с шестилетнего возраста) предоставлялись подушные наделы (яп. *кубундэн*): лицам мужского пола по «два тана пахотной земли» (ок. 0,24 га), лицам женского пола — две трети этого количества (ок. 0,16 га). Рицурё:. Указ. соч., с. 450.

¹¹⁶ «Рисовая ссуда» (яп. *суйко*) была известна в Японии еще с конца VII столетия. Существовало два вида «рисовой ссуды»: государственная, которая выдавалась по пятьдесят (в некоторые годы — тридцать) процентов годовых, и частная — под сто процентов. Механика получения «суйко» и последующего возврата ее с процентами была следующей: если ссуда выдавалась весной перед севом, то вернуть ее (с процентами) было необходимо осенью-зимой того же года. Подр. см.: Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. Указ. соч., сс. 268-270.

¹¹⁷ Проведенная в 893 году инспекторская проверка земельного фонда в провинции Кии показала наличие многих «изъянов» в системе государственного земельного пользования. Среди них были отмечены следующие: многие подушные наделы не возделываются, а сами государственные крестьяне бегут в частные владения; пустующие поля продаются представителями провинциального и уездных управлений; на умерших людей местные чиновники получают «рисовую ссуду», присваивая эти средства себе; рис из государственных амбаров тайком свозится в хранилища при усадьбах местных богачей и т. д. В итоге в 894 году было издано распоряжение о немедленном исправлении всех нарушений, допущенных в провинции Кии и осуществлении подобных «инспекций» в других местах. Однако подобные меры оказались неэффективны и уже в следующем 895 году было издано новое распоряжение аналогичного содержания. Руйдзю: сандай кяку, Кампё:; 6-2-23, 894 г.; 7-3-23, 895 г.

щие реалиям правила выделения земельных наделов, а богачи сосредотачивают в своих руках всё больше плодородных угодий. Это не только причиняет огромные убытки казне, но и приносит вред управлению провинциями. Во всех провинциях следует проверить реальное количество населения и [в соответствии с ним вновь] перераспределить подушные земельные наделы. Оставшиеся поля наместники провинций должны превратить в государственные и распределять по своему усмотрению с тем, чтобы при взимании поземельного налога¹¹⁸, доход был предназначен для [уплаты] налогов за несуществующий народ. Остальной рис хранить на [провинциальных] складах, сделав его собственностью [государства].

Если сейчас приблизительно подсчитать число полагающихся выплат, то окажется, что доходы от налогов с мест, где население возросло, возрастут в три раза. И государству выгода, и у народа не будет хлопот. Если всё это будут осуществлять управители провинций, то препятствий быть не должно. Однако это противоречит прежней практике и, возможно, вызовет у народа недоумение. Почтительно прошу во всех провинциях издать государев указ и начать приводить его в исполнение в порядке эксперимента.

4. Нижайше прошу увеличить довольствие для учащихся университета

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

«Путь управления государством зиждется на [отборе] мудрых и способных, а основой отбора мудрых является школа»¹¹⁹. Поэтому мудрые государи древности непременно создавали шко-

¹¹⁸ В общегосударственном своде X столетия «Энгисики» было установлено, что суммарное количество налогов должно составлять не более «одной пятой» (20 процентов) от урожая. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 654.

¹¹⁹ Дословная цитата из предисловия к придворной антологии изящной литературы «Кэйкокусю»: (Собрание, [управлению] государством помогающее), составленной по повелению государя Дзюнна (823–833) в 827 г. Сохранившаяся на сегодняшний день часть этой антологии (шесть свитков из двадцати) позволяет предположить, что в нее вошли тексты «посланий», преподнесенных «добродетельными мужами» различным государям, начиная с Тэнти и заканчивая Сага (809–823). Сер. «Ко:тю: Нихон бунгаку тайкэй». Токио: Кокумин тосё, 1936, с. 3.

лы¹²⁰, где воспитывали добродетель и чувство долга, изучали искусство канона и объясняли смысл общепринятой этики.

Согласно «Чжоу ли», [когда] достойнейшие из высших сановников преподносили государю послания, он почтительно принимал их, потому как почитал Дао и уважал благородных мужей¹²¹.

[Когда] почтительно ознакомился с древними записями, [то узнал, что] университет при государевом дворе впервые был основан в годы Тайхо:¹²² Вплоть до годов Тэмпё:¹²³ Правый министр Киби-но Асоми [Макиби] преподавая самолично, возвеличивал науки и искусства. Всего четыреста студентов обучались [в университете]¹²⁴ по шести направлениям: классический канон; исторические труды; законы; математика, разговорный язык и письмо.

¹²⁰ Используемый в тексте термин *сё:дзё* (кит. *сян сюй*) обозначает сельские школы, якобы появившиеся в Китае уже в период Инь. Цю юань. Указ. соч., Т. 2, сс. 1006–1007. В 124 г до н. э. при императоре У-ди (140–87 гг. до н. э.) был учрежден императорский университет (кит. Тайсюэ), где обучалось пятьдесят студентов. Поскольку овладение грамотой для ведения текущих государственных дел было совершенно необходимо, то в Японии столичная школа чиновников (яп. Дайгаку) появилась уже при государе Тэнти (668–671), предположительно в 670 году. В 701 году были открыты и провинциальные школы (яп. *кокугаку*). Уже в период Нара Дайгаку превратился в самый настоящий университет с четырьмя «отделениями»: китайской классической литературы; китайского языка; права и математики, а в начале IX появились еще два новых отделения (истории и древних текстов). В этих школах на основе уже сложившихся в Китае текстов, активно ввозимых в то время, изучались произведения конфуцианской классики, сочинения по истории, математике, медицине, астрономии и астрологии, а также законы (как японские, так и китайские). Подр. см.: *Хисаки Юкио*. Нихон кодай гакко:-но кэнкю: (Изучение школ в древней Японии). Токио: Тамагава дайгаку сьуппан, 1990.

¹²¹ Неточная цитата из трактата «Чжоу ли». Чжоу ли чжу шу (Чжоуские ритуалы с комментариями) // Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, Шичзе шуцзюй, 1935, Т. 1, с. 716.

¹²² Тайхо: (701–703) — один из девизов правления государя Момму (697–707).

¹²³ Тэмпё: (729–748) — один из девизов правления государя Сё:му (724–749).

¹²⁴ Количество студентов при университете не было постоянным и могло изменяться. Так, например, с 802 года в университете насчитывалось уже 470 студентов и 15 преподавателей.

Позднее были изданы указы, согласно которым более ста *тё*¹²⁵ земель из уезда Кага провинции Этидзэн¹²⁶, конфискованных у преступника [О:]томо-но Якамоти¹²⁷, а также более сорока *тё*: государственных полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро¹²⁸ и пятьдесят пять *тё*: [рисовых полей] в уездах Масуда и Сибугава провинции Кавати¹²⁹, были предназначены для содержания учащихся. Им дали название *кангакудэн* — «поля для поощрения учености». Кроме того, из О:ирё:¹³⁰ ежедневно выдавали на пропитание [учащимся] один *коку*¹³¹ пять *то* риса на пятьдесят человек (по три *сё*:¹³² на каждого)¹³³, вознаграждая истощение [студентов] от кропотливой учебы.

Помимо этого, согласно [соответствующему] государеву указу, [налоговые] поступления с девяносто четырех тысяч снопов риса ежегодных доходов провинции Хитати¹³⁴ были отведены

¹²⁵ *Тё*: — мера площади = 10 *тан*. В древности не имела строгой фиксации и приблизительно равнялась (0,99–1,2 га).

¹²⁶ Согласно распоряжению 794 года, налоговые поступления с этих земель должны были использоваться для обеспечения нужд студентов университета. Руйдзю: сандай кяку, Энряку, 13-11-7, 794 г.

¹²⁷ В 785 году средний государственный советник О:томо-но Якамоти был обвинен в заговоре против государя и разжалован (яп. *дзёмэй*), что привело к конфискации у него всех земельных наделов с последующий их передачей в ведение казны. Сёку нихонги, Энряку, 4-8-28, 785 г.

¹²⁸ Руйдзю: кокуси, Тэнтё:, 1-11-12, 824 г.

¹²⁹ Руйдзю: кокуси, Тэнтё:, 4-3-22, 827 г.

¹³⁰ О:ирё: — Управление продовольствия при Министерстве двора (яп. Кунайсё:).

¹³¹ *Коку* — мера объёма = 10 *то* = 100 *сё*:. В древности размер *коку* не был четко фиксированным и приблизительно равнялся 180 л (около 150 кг).

¹³² Т. е. приблизительно 5,4 л. (около 4,5 кг).

¹³³ Нормы выдачи продуктов в кормление содержатся в «Энгисики». К примеру, студенту, изучающему астрономию, в день должно было выдаваться 2 *сё*: риса, а студенту, изучающему китайский язык — 1 *сё*:; 2 *го*: риса. Энгисики. Указ. соч., Т. 3, сс. 801, 805.

¹³⁴ Согласно «Энгисики», упоминаемые 94 тысячи снопов риса предоставлялись совместными усилиями пяти провинций: Хитати (54 тысячи снопов), Оми, Эттю:, Бидзэн и Иё: (каждая по 10 тысяч снопов риса). Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 525.

на различные нужды Дайгакурё:¹³⁵, а [налоговые] поступления с восьмисот снопов риса, [доставляемых] из провинции Танго, были выделены для довольствия студентов¹³⁶.

Однако с течением лет все изменилось. В годы Дзё:ва¹³⁷, когда Томо-но Ёсио подал прошение и признания [О:томо-но] Якамоти невиновным¹³⁸, [последнему] были милостиво возвращены поля *кангакудэн* в уезде Кага.

Затем [последовал] государев указ о разделении на четыре части тридцати *тё*: рисовых полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро¹³⁹. Три из них были пожалованы управлениям: Тэнъякурё:¹⁴⁰ и Самэрё:¹⁴¹ и Умэрё:, а для обеспечения нужд студентов осталась только одна [четвертая] часть.

Земли же двух [вышеупомянутых] уездов провинции Кавати постоянно подвергались наводнениям, и превратились в [одну] большую реку.

А ещё в провинциях Хитати и Танго в результате постоянной смены чиновников весь рис, предназначенный для ссуды, пропал, и никакой прибыли получено не было.

Сейчас из О:ирё ученикам [в день] выдается на пропитание лишь шесть *то* риса [на пятьдесят человек] и сохранилось только семь *тё*: рисовых полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро¹⁴². Поскольку это мизерное довольствие предназначается для

¹³⁵ Дайгакурё: — Управление университета при Министерстве кадров (яп. Сикибусё:). Это ведомство осуществляло непосредственный контроль за деятельностью университета. Первоначально штат Дайгакурё: состоял из 28 человек (Рицурё:. Указ. соч., с. 167), но со временем несколько раз изменялся. В 1177 году здание управления полностью сгорело (пожары случались и ранее, например, в 960 г.) и больше не восстанавливалось.

¹³⁶ Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 525.

¹³⁷ Дзё:ва (834–848) — один из девизов правления государя Ниммё: (833–850).

¹³⁸ Известно, что уже через несколько дней после смерти государя Камму (781–806), при котором О:томо-но Якамоти лишился всех своих постов и владений, ему был возвращен прежний третий младший ранг. Нихон ко:ки, Дайдо:, 1-3-17, 806 г.

¹³⁹ Руйдзю: сандай кяку, Энряку, 17-9-8, 798 г.

¹⁴⁰ Тэнъякурё: — Аптекарьское управление при Министерстве двора.

¹⁴¹ Самэрё: и Умэрё: — Левое и Правое управление конюшен.

¹⁴² Согласно «Энгисики», во владении Дайгакурё: находилось более 18 *тё*: целинных земель в провинции Эттю:, около 17 *тё*: целинных

нескольких сотен студентов, то его не хватает даже чтобы сварить жидкую кашу.

При этом устремления, которым следуют студенты, настолько глубоки, что они забывают о своих страданиях от голода и холода. Каждый из них являет собой пример для восхищения и они сообща живут при частных школах¹⁴³. [Все ученики] различны как по характеру — [есть] шустрые и медлительные, — так и по способностям: [встречаются] одарённые и недалёкие. С одними трудно общаться из-за неуживчивости [натуры], другие же, душа нараспашку, пользуются всеобщим признанием.

Но если сосчитать всех, то не найдется даже трёх-четырёх человек из десяти со способностями «выше среднего». Поэтому талантливые благородные мужи, которые превосходят других,

земель в провинции Харима и 7 тё: полей в провинции Ямасиро. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, сс. 525-526.

¹⁴³ Используемый здесь термин *гаккан* обозначает частные школы. Помимо государственных школ чиновников (*Дайгаку* и *кокугаку*), в Японии, по примеру существовавших в Китае родовых школ-*шююань*, были созданы и «частные школы». Такие школы создавались представителями самых могущественных аристократических родов, а их кураторами являлись наиболее видные и занимавшие высокие придворные должности представители этого рода. Наиболее известными «частными школами» являлись: *Гаккан-ин* (школа рода Татибана, 850 г.); *Кангаку-ин* (школа рода Фудзивара, 821 г.); *Ко:бун-ин* (школа рода Вакэ, кон. VIII в.) и *Сё:гаку-ин* (школа родов Аривару и Минамото, 888 г.). Основная функция таких родовых школ заключалась в том, чтобы предоставить в дальнейшем представителям различных родов большие возможности в осуществлении успешной чиновничьей карьеры. «Частные школы», с одной стороны, готовили юных аристократов к поступлению (т. е. к вступительным экзаменам) в *Дайгаку*, и, с другой стороны, давали им дополнительное образование, вследствие чего их шансы на поступление в столичную школы чиновников (по сравнению с представителями других родов, не имевших «частных школ») резко возрастали. Помимо образования, юные представители соответствующих родов получали здесь и заповеди верности клановым интересам. Как явствуют источники периода Хэйан, на базе «частных школ» зачастую проходили как соревнования в «учености» с учащимися *Дайгаку* (известно, что одно из таких соревнований состоялось в 1113 г. в *Кангаку-ин*). Проводились в «частных школах» и другие «образовательные» мероприятия (так, в 888 г. профессор *Ёсимути-но Айсэй* сначала в *Дайгаку*, а затем в *Гаккан-ин*, прочитал в присутствии императора Уда и высших придворных несколько лекций о сущности китайской классической «Книги перемен» («Чжоу и» или «И цзин»).

вскоре получают назначение на службу, а бесталанные удручённо возвращаются домой без результата. Те же, кому некуда возвращаться, поскольку их селения пришли в упадок, укрыв голову белым снегом, голодают и теряют свои силы в окрестностях университета¹⁴⁴.

В результате люди, посмотрев на [эти] толпы [бесталанных], считают, что университет — это место нереализованных намерений и источник крайней нужды и лишений. Дошло [даже] до того, что родители в целях предосторожности перестали позволять своим отпрыскам поддерживать отношения с университетом. Из-за этого [учебные] аудитории с юга до севера зарастают густой травой¹⁴⁵, восточное и западное отделения тихи и безлюдны¹⁴⁶.

В результате профессора всякий раз, как подходит время проведения государственных экзаменов на чин, дают рекомендацию благородным мужам всего лишь на основании их поимённого списка, совершенно не обращая внимания ни на

¹⁴⁴ Используемый в тексте термин (яп. *хэкусуй*, кит. *би шуй*) требует некоторых пояснений. В Китае, начиная с периода Чжоу, сельская школа, учрежденная государем или владетельным князем называлась *би юн* («Нефритовый и яшмовый [кабинет]»), а окружающий ее полукруглый (в форме яшмового жезла верховной власти государя или князя) пруд именовался *би шуй* (досл. «яшмовые воды»). Поскольку наличие такого пруда рядом со школой считалось обязательным, то со временем его название стало использоваться и для обозначения самой школы. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 87.

¹⁴⁵ Аллегория, основанная на высказывании из «Ши цзина». Ши цзин. Указ. соч., с. 153.

¹⁴⁶ В одном из более ранних указов об этом сказано: «Древние государи считали обучение важнейшим делом. А потому из поколения в поколение передавали наставления, касающиеся просвещения [поданных] и все без исключения следовали этим положениям... Ныне путь постижения [китайской] канонической литературы не вызывает почтения, а ученики, питающиеся лишь пристрастием к знаниям, пребывают в безвестности. [Они] стелют себе тонкие бамбуковые циновки, в еде ограничивают [себя] самыми скромными потребностями (досл. «ковшом воды») и нигде не находят отдохновения. Барабаны, возвещающие о начале занятий в университете и коробки для книг уподобились хламу. С древних времен это считалось пороком, [а потому Мы испытываем] глубокое стремление возродить [университет]... и оказать поддержку учащимся. Повелеваем свершить это деяние». Руйдзю: сандай яку, Энряку, 13-11-7, 794 г.

уровень способностей, ни на степень усердия. В результате временами появляются прошения по протекции, из-за чего процветает несоответствие лиц занимаемым местам.

Люди из влиятельных домов, не прилагая никаких усилий, обретают поддержку, получая назначения на высокие посты, а те, кто ступал по останкам родной деревни Конфуция, декламируя [стихи] «О высоком вороте»¹⁴⁷, покидают школу.

Таким образом, всё пришло в упадок, и нет возможностей для возрождения. Школа прежних государей, в конце концов, превратилась в руины.

[Ваш] подданный почтительно полагает, что основой пути объединения людей является еда. Нижайше прошу выделить на содержание студентов поступления по рисовым ссудам из провинций Хитати и Танго в размере девяносто четырех тысяч восьмисот снопов риса, а также налоговые поступления из некоторых провинций (из которых половина — приморские провинции, а половина — провинции на восточных склонах) в размере двадцати восьми тысяч четырехсот сорока снопов риса.

Еще [прошу] рисовые поля в уезде Кага, которые сперва были милостиво возвращены преступнику Томо-но Ёсио¹⁴⁸, а затем снова конфискованы и переданы Кокусю:ин¹⁴⁹ для использования их [в качестве кормлений для рабочих на] строительст-

¹⁴⁷ Ши цзин. Указ. соч., с. 80. В предисловии к этому стихотворению сказано: «[Ныне] школы упразднены и пока продолжают смутные времена нет надежды на их возрождение». Мао ши чжэн и (Книга стихов с комментариями) / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай: Шицзе шуцзюй, 1935, Т. 1, с. 345. В Китае, начиная с периода Поздняя Хань (25–220), декламация этого стихотворения стало популярно в среде учёных мужей, осуждающих упадок образования.

¹⁴⁸ Имеется ввиду, что сперва Томо-но Ёсио как автор прошения о «посмертной реабилитации» своего дальнего родственника О:томо-но Якамоти получил земельные участки, конфискованные у последнего, но (после того как сам был обвинен в заговоре в 866 году) снова их лишился. Помимо этого, собственное имущество и земельные угодья Томо-но Ёсио также были конфискованы. Нихон сандай дзицуроку. Дзё:ган, 8-9-25, 866 г.

¹⁴⁹ Кокусю:ин — Ведомство зернохранилищ. Было создано в начале IX столетия. Располагалось по-соседству со зданием Университета. Занималось перераспределением конфискованных земель. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 377.

ве дорог и мостов, вернуть, чтобы превратить их в поля *канга-кюдэн*, как и в прежние времена.

Кроме того, в «Постановлениях»¹⁵⁰ сказано: «Ученики, которые не живут при [Дайгаку]рё:, не могут быть рекомендованы [для получения должности]»¹⁵¹. Сейчас это предписание не может выполняться, поскольку у студентов нет продовольствия. [Прошу] государевым указом обязать профессоров и служащих Дайгакурё: строго следить, чтобы студенты всех направлений, не проживающие в Управлении университета, даже если они талантливы, не могли быть допущены к государственному экзамену на чин. Если поступить таким образом, то те, кто выдержал экзамены, пополнят ряды истинных детей нашей страны, войдут в круг благородных мужей.

5. Нижайше прошу уменьшитъ число танцовщиц *госэти*

[Раньше], как смиренно полагает [ваш] подданный, среди танцовщиц *госэти*¹⁵² при государевом дворе все пять участниц

¹⁵⁰ Имеется в виду один из сводов внутриведомственных постановлений (яп. *сикю*), которые в 927 году были объединены в «Энгисики».

¹⁵¹ Полный текст этого «постановления» таков: «Количество студентов, [изучающих] изящную словесность ограничивается двадцатью. Дабы зачислить недостающее количество, следует [сперва] получить профессоров [университета], [которые после этого] совместно проводят проверку знаний. Если из пяти вопросов [по тексту одной из китайских] историй [студент] ответит на три или более, то [он] получает [назначение]. Ученики, которые не живут при [Дайгаку]рё:, не могут быть рекомендованы [для получения должности]». Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 524.

¹⁵² *Госэти* — (досл. «пять ритмов» или «пять мелодий»). Со временем наименование *госэти* закрепилось за танцовщицами, которые исполняли танцы под звуки «пяти мелодий» (медленной, быстрой, начальной, финальной и средней). Как видно из текста «Бокудзан сё:» (нач. XI в.), танцовщицы *госэти* принимали участие во многих придворных церемониях, например, тех, что ежегодно проводился в течении четырех дней в середине одиннадцатого лунного месяца. Так, в первый день этих празднеств (он назывался «день быка») предварительно отобранные танцовщицы доставлялись во дворец Дзё:кё:дэн и государь, находясь за пологом своей опочивальни (яп. *тё:дай*), самолично устроивал им смотрины. Такое действие получило название *госэти* *тё:дай-но кокороми* (досл. «смотрины [танцовщиц] *госэти* сквозь полог»). Во второй день (день тигра) *госэти* должны были в присутствии

[церемоний] Дайдзэ:э¹⁵³ удостоивались пожалования придворного ранга. В последующие же годы для четверых девушек, [исполняющих танцы] во время [церемонии] Синдзэ:э¹⁵⁴, прецеден-

государя показать «искусство танца». В третий день (день зайца) принимали участие в церемонии «вкушения нового урожая». Наконец, в четвертый день (день дракона) во время Празднества обильного света (То:ё:-но акари-но сэтиэ) танцовщицы услаждали взор гостей государя, которые были приглашены на «званный пир» во дворец Сисиндэн. Бокудзан сё: (Записи с северной горы). Сер. «Кодзицу со:сё». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1928, сс. 309–311. Подр. о *госэти* см.: Фукуто: Санаэ. Хэйантё: онна то отоко (Женщины и мужчины в период Хэйан). Токио: Тю:ко: синсё, 2001, сс. 103–128.

¹⁵³ Дайдзэ:э (иначе Дайдзэ:сай или О:ниинамэ-но мацури) — Празднество Великого Вкушения урожая. Наиболее древняя процедура интронизации государя в Японии называлась Дайдзэ:сай и была непосредственно связана с распространенным среди многих аграрных обществ ритуалом вкушения нового урожая (в Японии подобный ритуал отправлялся ежегодно в одиннадцатом лунном месяце). Однако по мере создания государства *рицурё* произошло совмещение местных культурных традиций и различных китайских инноваций, что, разумеется, отразилось и на процедуре интронизации в Японии, детальное оформление которой произошло в период Нара. В своем завершенном варианте процедура интронизации японского государя стала включать три важнейшие церемонии: *сэнсо:* («уведомление» о вступлении на престол нового государя); *сокуи* (аналог китайской дворцовой церемонии вступления на трон, когда правителю преподносились священные регалии — «зеркало» и «меч», а также государственная печать — символ верховной власти в стране) и Дайдзэ:сай. Однако, если *сэнсо:* и *сокуи* представляли собой церемонии, заимствованные из китайской ритуальной практики, то Дайдзэсай считается исконно японской церемонией, не имеющей аналогов в китайской культуре. Подр. см.: *Окада Сэйдзи*. Дайдзэ:-но мацури (Празднество Великого Вкушения). Токио, Гакусэйся, 1990.

¹⁵⁴ Синдзэ:э (иначе Синдзэ:сай или Ниинамэ-но мацури) — Празднество Нового Вкушения урожая. Эта синтоистская церемония также проводилась в середине одиннадцатого лунного месяца, но имела принципиальные отличия от Дайдзэ:сай. Обряд Дайдзэ:сай проводился только один раз во время правления того или иного государя и знаменовал собой вступление на престол нового правителя. Что же касается Синдзэ:сай, то этот ритуал проводился ежегодно и был непосредственно связан как с сельскохозяйственным циклом, так и с наступлением нового календарного года. Во время этой церемонии было необходимо обеспечить «богатство и процветание» в стране на весь следующий год. Подр. см.: Дайдзэ:сай то Синдзэ: (Празднество Великого

тов пожалования придворными рангами не было. В результате, когда приближается время Дайдзё:э, влиятельные дома наперебой выдвигают своих дочерей, чтобы определить их в танцовщицы *го-эти*. А в обычный год все люди уклоняются [от этого] под любым предлогом и пренебрегают богослужениями.

Согласно новому распоряжению, всем знатным дамам [было приказано] поочередно исполнять [роль танцовщиц]¹⁵⁵. Расходы, однако, настолько велики, что полученное назначение их не оправдывает.

Почтительно поразмыслив над обычаями старины, вспомнил, что в периоды Ко:нин¹⁵⁶ и Дзё:ва особым расположением [государя] пользовались фаворитки, поэтому все семьи повсеместно принуждали отбирать и представлять [ко двору] танцовщиц. Считалось, что так легче проводить их отбор для включения [в женскую половину дворца]. Все дома, которым была оказана высочайшая милость, соперничая, предлагали [своих дочерей], тратя свое состояние и разрушая свое благополучие.

При нынешнем священномудром государе навели порядок и установили [различные] ограничения. Теперь танцовщицы, завершив выступление, возвращаются в родовые усадьбы, не получая приглашения во внутренние покои¹⁵⁷.

Зачем же нужно использовать столько танцовщиц?

Обратившись к древним записям¹⁵⁸, выяснил, что в старину для исполнения танцев прибывали жрицы¹⁵⁹, и их установленное количество не всегда составляло четыре или пять человек¹⁶⁰.

Вкушения урожая и [празднество] Нового Вкушения урожая). Под ред. Окада Сэйдзи. Токио: Гакусэйся, 1979.

¹⁵⁵ См.: Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 113.

¹⁵⁶ Ко:нин (810–824) — девиз правления государя Сага (809–823).

¹⁵⁷ Это распоряжение содержится в своде придворных обыкновенный «Кимписё:», составленном при государе Дзюнтoku (1210–1221) и датируется 897 годом. Кимписё: (Записи о запрещенном и тайном). Сер. «Гунсё руйдзю:». Токио: Дзюку гунсё руйдзю: кансэй, 1932, Кампё:, 9-11-7, 897 г.

¹⁵⁸ Первое упоминание танцовщиц *гоэти* в древнеяпонских источниках относится к 742 году, когда они «исполняли танцы» во время пира, устроенного государем Сё:му (724–749) во дворце Дайандэн. Сёку нихонги, Тэмпё:, 14-1-16, 742 г. Однако исходя из текста государева указа от 743 года (Сёку нихонги, Тэмпё:, 15-5-5, 743 г.), японские исследователи

[Поэтому] смиренно прошу выбрать двух незамужних девушек из почтенных семейств и определить их в танцовщицы *госэти*. [Пусть им] дважды в год выделяют отрез ткани на сезонную одежду и [назначат] ежемесячное довольствие. [Пусть им] из государственных средств жалуют праздничную одежду и прочие вещи¹⁶¹. Если девушки непорочны, то замуж [их] не выдавать, а по прошествии десяти лет, возвести [их] в ранг и позволить выйти замуж¹⁶². Если [кто-нибудь из них] пожелает остаться на службе, то приравнять [таковых] к [должности] *куро:до*¹⁶³. Затем выбрать девушек [им] на смену и вновь повторить [все] как в предыдущие годы.

предполагают, что *госэти* появились уже при государе Тэмму (671–686). Сёку нихонги. Указ. соч., Т. 2, с. 603, примеч. 7. Полный перевод указа 745 года на русский язык см.: Норито. Сэммё. Пер. со старояпон., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991, сс. 148–149.

¹⁵⁹ Наиболее раннее упоминание: Сёку нихонги, Тэмпё: сё:хо:, 1-12-27, 749 г.

¹⁶⁰ Относительно количества *госэти*, в законодательном своде «Рё:но сю:гэ» сказано, что, помимо, исполнительниц других танцев (*кумэ-но э, та-но э, ямато-но э* и др.) предусмотрено «шестнадцать танцовщиц *госэти*» и одна преподавательница этого вида искусства. Рё:но сю:гэ. Указ. соч. Т. 1, сс. 88, 90.

¹⁶¹ Позднее нормы довольствия уменьшились и многие танцовщицы *госэти* стали влачить жалкое существование. Только в 969 году после коллективной докладной нескольких высших сановников был обнародован государев указ, согласно которому ежедневный «паек» танцовщиц *госэти* увеличился и стал составлять «два *го: риса*» (около трёхсот граммов). Кимписё:, Анва, 2-2-14, 969 г.

¹⁶² Зачастую танцовщицы *госэти* выходили замуж за высокопоставленных придворных чиновников. К примеру, известно, что одна из танцовщиц, участвовавших в празднестве Синдзё:сай 919 года, в 938 году стала женой Главного министра Фудзивара-но Тадахира (878–949). Хэйан дзидай гисики. Указ. соч., с. 173.

¹⁶³ *Куро:до* — общее наименование служащих Куро:до докоро («Государев архив»). В период Хэйан *куро:до* становились чиновники, начиная с пятого столичного ранга, а сама должность позволяла сделать успешную придворную карьеру.

6. *Нижайше прошу увеличить количество судей
в соответствии с [обычаями] прошлого*

[Раньше], как установил [ваш] подданный, смиренно ознакомившись с «Сикиинрё»: ¹⁶⁴, вынесением приговоров [провинившимся] людям занимались два старших, два средних и два младших судьи ¹⁶⁵. Однако с недавнего времени только одним из старших судей становится человек, знающий законы. А на места пяти оставшихся не всегда назначали [учёных] со степенью мё:бо: ¹⁶⁶. В результате недавно был издан государев рескрипт от 4-

¹⁶⁴ Сикиинрё: — закон о штатах различных государственных ведомств из кодекса «Тайхо:рё:». Текст см.: Рицурё:. Указ. соч., сс. 157–196. Перевод на рус. яз. см.: Свод законов «Тайхорё», 702–718 гг. Вступит. ст., пер. с древнеяпон. и коммент. К. А. Попова. Т. 1. I–XV законы, сс. 21–49.

¹⁶⁵ По всей видимости, в рассуждения Миёси-но Киёюки вкралась ошибка, поскольку, согласно кодексу «Тайхо:рё:», в штате Министерства наказаний числилось десять судей: два старших, четыре средних и четыре младших. Рицурё:. Указ. соч., с. 174.

¹⁶⁶ Мё:бо: (досл. «познавший законы») — учёное звание. Небольшое число выпускников Дайгаку могло продолжить специальное образование и сдать специализированный экзамен, подготовив особое «исследование» (так называемый «большой труд» — *тайсаку*), приблизительно соответствующий современной диссертации. По результатам этого «труда» (он оценивался «государственной экзаменационной комиссией», куда входили не только ученые, но и высшие чиновники, окончательно утверждался Дадзё:кан) присваивались «ученые звания»: для выпускников «отделения» китайской классики — Мё:кё: (кит. *минцзи*); литературного «отделения» — Сю:сай (кит. *сюцай*); «отделения» права — Мё:бо: (кит. *минфа*); и математического «отделения» — Синси (кит. *цзиньши*). В зависимости от оценок (выставлялись по девятибальной шкале), лица, удостоенные вышеперечисленных «ученых званий», получили и чиновничьи ранги (тем самым вводились в состав служилого сословия со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами). К примеру, Сю:сай (досл. «выдающийся талант»), получивший за свое «исследование» восемь баллов и выше, мог быть пожалован восьмым старшим рангом верхней ступени (что давало ему в дальнейшем неплохие шансы для успешной чиновничьей карьеры). Однако, несмотря на то, что система «ученых званий» создавалась по примеру китайской (танской), в японских законодательных источниках приоритеты при получении более высоких чиновничьих рангов были у «детей знатных отцов». В дальнейшем именно лица обладавшие вышеперечисленными «учеными званиями» становились «профессорами» (яп. *хакасэ*) университета, при этом их чиновничий ранг увеличивался до седьмого или шестого.

го года Кампё:¹⁶⁷, согласно которому упразднили одного старшего, двух средних и одного младшего судей и назначили только одного старшего и одного младшего судью. Из них лишь один старший судья сведущ в законодательстве, а младший нет.

Когда поразмышлял над сутью дела, то обязанности, возлагаемые этим рескриптом на судей, вызвали [у меня] недоумение, потому как во время правления священномудрого государя законы о наказаниях приобретают особую значимость.

В древности Гао Яо¹⁶⁸ назначал судебными исполнителями самых достойных. Император Шунь, наставляя, говорил: «Будьте осмотрительны! Будьте осмотрительны! Сострадайте, вынося приговор!»¹⁶⁹. Император Гуан У-[ди]¹⁷⁰ досконально вникал в суть дел и справедливо выносил приговоры. Хуань Тань¹⁷¹ в докладе императору говорил: «Если судья поддается влиянию чувств, то раскрывает двое врат для наказаний»¹⁷².

Иногда обладателям «учёных званий» удавалось достичь и высших государственных постов.

¹⁶⁷ Речь, по всей вероятности, идет о государевом указе 8-го года Кампё: (896 г.). В этом указе были установлены новые (сокращенные по сравнению с кодексом «Тайхо:рё:») штаты служащих Министерства наказаний: один старший и один младший судья. Руйдзю: сандай кяку, Кампё:, 8-9-7, 896 г.

¹⁶⁸ Гао Яо — легендарный судья, помогавший мифическому императору Шуню в управлении государством. Согласно традиции, Гао Яо был не только мудрым, но и неподкупным судьей. Ходили слухи, что Гао Яо разбирался в самых запутанных делах при помощи чудесного однорогого барана-сечжая, способного распознавать виновного по его внешнему виду. *Hulsewe A. F. P. Remnants of Han Law. Vol. 1. Leiden: Brill, 1955, p. 27, 64.* О Гао Яо также см.: *Сьма Цянь. Указ. соч., Т. 1, сс. 144-145, 158-162.*

¹⁶⁹ Дословная цитата из трактата «Шу цзин». Шу цзин. Указ. соч., с. 16.

¹⁷⁰ Гуан У-ди (25-58) — первый император династии Поздняя Хань (25-220).

¹⁷¹ Хуань Тань (43 г. до н. э. — 28 г. н. э.) — знаменитый китайский философ и государственный деятель периода Хань.

¹⁷² Высказывание из доклада государю Гуан У-ди, помещенного в жизнеописании Хуань Таня в хронике «Хоу Хань шу» («История [династии] Поздняя Хань»). Там, в частности, говорилось: «Вижу, что при решении судебных дел степень виновности определяется не беспристрастно. К одному [и тому же виду преступлений] могут применяться разные законы, а одно наказание [порой] может быть объяснено по-разному. Продажного чиновника [всегда можно] подкупить. Захочет

Таким образом, хотя принятие решения по спорным вопросам было затруднительно во все времена, но сейчас выбор между жизнью и смертью всего народа зависит от мнения [только] одного человека. [Он] единолично выносит приговор, определяющий одну из пяти степеней тяжести наказания¹⁷³, что уже противоречит принципам установления истины¹⁷⁴. Тем самым на него ложится вина за необдуманно вынесенный приговор.

Недавно управитель провинции Аки Такахаси-но Ёсинари¹⁷⁵ был приговорён к дальней ссылке¹⁷⁶ старшим судьёй Корэмунэ-но Ёсицунэ¹⁷⁷, из-за чего последний был вынужден защищаться

[такой] — отдаст предпочтение оправдательному закону, сохраняющему жизнь, а захочет — применит осуждающий закон и вынесет смертный приговор. Получается, что [при определении] наказаний открыто двое врат. [Отныне] следует, чтобы люди досконально разбирающиеся в содержании установлений [о наказаниях] и глубоко изучившие суть законодательства, сопоставили [действующие законы] и внесли исправления в [процедуру] определения мер наказаний. Следует [также] пресекать [любые] действия, подобные вышеописанным, и тогда Поднебесная узнает, что отныне в судебных решениях не будет несправедливости и зла». Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 377.

¹⁷³ В китайской правовой традиции считается, что пять видов наказаний были установлены мифическим императором Яо. Шу цзин. Указ. соч., сс. 18, 272–276. В период Хань в число «пяти наказаний» включались: клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрация и смертная казнь. *Икэда Сиро:дзиро*. Указ. соч., сс. 471–472. Согласно кодексу «Тайхо: рицурё:», существовало пять видов наказаний: легкие палки (яп. *тидзай*); тяжелые палки (*дзё:дзай*); каторжные работы (*дзудзай*); ссылка (*рудзай*) и смертная казнь (*сидзай*). Рицурё: Указ. соч., сс. 15–16.

¹⁷⁴ Согласно законодательному своду «Рё:но гигэ», хотя судья и определяет меру наказания для правонарушителя, но именно глава Министрства наказаний окончательно утверждает приговоры, а также имеет право на их пересмотр. Иными словами, обладает полной контролирующей функцией. Рё:но гигэ. Указ. соч., с. 45. О процедуре принятия судебных решений подр. см.: *Миябэ Каори*. Рицурё: сикэй фукудзо: сэйдо:-ни цуйтэ (О системе пересмотра судебных решений смертным приговорам в законах «рицурё:») / О:сака дайгаку бунгакубу ронсо:. Т. 42, 1999, сс. 81–96.

¹⁷⁵ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

¹⁷⁶ Места трёх видов ссылок были определены в 724 году: для дальней (провинции Идзу, Ава, Хитати, Садо, Оки и Тоса), для средней (Сува и Иё) и для ближней (Этидзэн и Аки). Сёку нихонги, Дзинги, 1-3-7, 724 г.

¹⁷⁷ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

от мстительного духа [умершего]¹⁷⁸. Только благодаря доказательствам старшего инспектора Кэйбусэ:¹⁷⁹ Авата-но Тоёкадо¹⁸⁰ было получено положительное решение [государя о помиловании] и отправлено распоряжение [Дайдзэ:]кана об отмене [приговора]. Ёсинари получил [посмертную] амнистию, [его] истлевшие кости вновь покрылись плотью¹⁸¹, а блуждающий дух опять вернулся. Поднебесная изо всех сил стремится к тому, чтобы все без исключения страшались закона. Однако при таких расхождении с законом завоевать доверие невозможно.

Смиренно прошу, как и в прежние времена назначать шесть судей, причем всех их выбирать из числа лиц, досконально разбирающихся в законодательстве. Назначенные таким образом, они должны установить [степень] наказания путем совещания, правильно определяя статьи законов. Объяснив смысл каждого из них, необходимо докладывать [об этом государю]. Если поступить так, то жалобы на несправедливые приговоры прекратятся навсегда, а преступники сами присмиреют, не дожидаясь крокодилов из Фунани¹⁸². Незачем [тогда] будет использовать оленя-единорога как во времена [императора] Яо¹⁸³.

¹⁷⁸ В тексте использован термин *timi* (кит. *чи мэй*). В средневековых пояснениях к «Ши цзи» сказано, что иероглиф *ти* в древности обозначал горного духа в облике тигра, а знак *ми* — духа болот в облике человека с головой вепря. В средневековом Китае считалось, что увидеть таких духов — к смерти. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 377; Цы юань. Указ. соч., Т. 4, с. 3501. В данном случае, представляется, что речь идет о разновидности *горё*: — разгневанного духа умершего, одержимого идеей мести за несправедливое наказание, осуществленное по отношению к нему при жизни. Одним из самых известных примеров такого духа по праву считается *горё*: Сугавара-но Митидзанэ, несправедливо обвиненного в заговоре против государя Дайго (897–930) и умершего в ссылке в 903 году. Подр. о *горё*: см., напр.: *Нисияма Рё:хэй*. *Горё*: синко: рон (О вере в *горё*:) / Нихон цу:си (Общая история Японии). Т. 5. Кодай 4 (Древность, ч. 4). Токио: Иванами сё-тэн, 1995, сс. 331–346.

¹⁷⁹ Кэйбусэ: — Министерство наказаний.

¹⁸⁰ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

¹⁸¹ Цитата из трактата «Чунь цю Цзо чжуань». Чунь цю Цзо чжунь чжэн и (Вёсны и осени с комментариями господина Цзо) / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай: Шицзе шуцзюй, 1935, Т. 2. с. 1975.

¹⁸² В китайском раннесредневековом сочинении «Соу шэнъ цзи» рассказывается следующая история: «Фань Сюнь, ван государства Фу-

7. Нижайше прошу выдавать чиновникам сезонное жалование всем в равной степени

Почтительно ознакомившись со статьями «Установлений»¹⁸⁴ [выяснил, что] двадцать второго числа второго и восьмого лунных месяцев О:курасё:¹⁸⁵ должно выдавать чиновникам сезонное жалование за весенне-летний и осенне-зимний периоды¹⁸⁶. Однако в последние годы из-за недостатка запасов в государственных хранилищах повсеместные выплаты стали невозможными. В результате высшим сановникам и всем учреждениям,

нань, держал в горах тигра. Если кто-то совершал преступление, его бросали тигру, и если тигр его не загрызал, он получал помилование. Поэтому гора называется Большое Чудище, но также и Великий Дух. Еще ван держал десять больших крокодилов, и если кто-то совершал преступление, его могли бросить крокодилам. Если крокодилы его не съедали, то он тоже получал помилование. Считалось, что невинных они не пожирают, и для определения вины есть Крокодилов Пруд». [Цит. по: Гань Бао. Записки о поисках духов (Суэ шэнь цзи). Предисл., пер. с древнекит. и примеч. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994, с. 70].

¹⁸³ Олень-единорог (кит. *сечжи*) — еще одно мифическое животное легендарного судьи Гао Яо. Его описание приводится в средневековом трактате «Суши яньи»: «У „сечжи“ зеленая шерсть, четыре ноги, [сам он] похож на медведя. Он очень предан. Когда видит ссору, то бодает виновного. Если слышит спор, то бодает неправого». Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 377. С периода Хань олень-единорог стал символом правосудия, а его изображение помещали на головных уборах судей. Цы юань. Указ. соч., Т. 3, с. 2014.

¹⁸⁴ Речь, по всей видимости, идет и своде внутриведомственных установлений «Дзё:гансики», составленном в 871 году.

¹⁸⁵ О:курасё: — Министерство Большой казны.

¹⁸⁶ Сезонное жалование (яп. *кироку*), согласно кодексу «Тайхо:рё:», выдавалось в первые десять дней второго лунного месяца и первые десять дней восьмого лунного месяца. Рицурё. Указ. соч., с. 305. В период Хэйан появляется еще и так называемое «особое жалование» (яп. *сэтироку*), которое выдавалось в день праздника «Великой пробы нового урожая» — Ниинамэ-но мацури — и предусматривалось не только для лиц, имеющих ранги, но и для чиновников, занимающих высшие государственные посты. К примеру, старший государственный советник (яп. *дайнагон*) в течение года в качестве *сэтироку* получал 60 отрезов грубого шелка и 710 тон ваты. О практике «особого жалования» подр. см.: Аиба Хироси, О:цу То:ру. Сэтироку-ни цуйтэ (О жаловании-сэтироку) / Сигаку дзасси. Т. 98, № 6, 1989, сс. 40–62.

[ведающим вопросами] расходов и доходов¹⁸⁷, [жалование] выплачивают ежегодно, а прочие рядовые чиновники даже за пять-шесть лет с трудом получают один сезонный паёк.

Когда смиренно поразмыслил над сутью происходящего, [решил, что] чиновники подразделяются на высшую и низшую категории, на этом основании различаются величина их жалования, а также степень занятости служебными делами, именно поэтому величина жалования [разных чиновников] неодинакова¹⁸⁸. Но при его распределении, различий делать не следует. Разве можно среди тех, кто занимается государственными делами в равной степени особо выделять чиновников-фаворитов? Как можно осыпать благодеяниями одних, когда другие уподобляются обычаям «страны нагих»!¹⁸⁹

Смиренно прошу о том, чтобы сезонное жалование выдавалось следующим образом: пусть сначала подсчитывают количество [государственных запасов], а затем, согласно соответствующим установлениям, повсеместно одинаково выплачивают [жалование] придворным аристократам и рядовым чиновникам. А если в государственных хранилищах запасов нет, то не выдавать [жалование] всем [чиновникам] в равной степени. Пусть не будет предпочтений. Так, кукушка, сидя на шелковице, вскармливает всех семерых птенцов одинаково¹⁹⁰, а, желая напоить целую армию, выливают в реку немного мутного вина¹⁹¹.

¹⁸⁷ Имеются ввиду Тю:мусё: (Министерство Центральных дел), О:курасё: (Министерство Большой казны), а также Сьюкэйрё: и Сюсайрё: (Счетное и Налоговое управления Министерства Народных дел).

¹⁸⁸ Для чиновников была предусмотрена особая система экономических привилегий. Подр. см.: Мещеряков А. Н., Грачев М. В. Указ. соч., сс. 248–250.

¹⁸⁹ Страна нагих (кит. Ло го). Согласно «Люйши чуньцю», там все жители круглый год ходили обнаженными. Подр. см.: Люйшу чуньцю (Весны и осени господина Люя). Пер. Г. А. Ткаченко. М.: Мысль, 2001, с. 237. По версии китайской хроники «Хоу Хань шу», «страна нагих» находилась на пути из Китая в государство Ямато. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 91.

¹⁹⁰ Неточная цитата из «Ши цзина». Ши цзин. Указ. соч., с. 116.

¹⁹¹ Данное выражение связано с одной историей из жизни ханьского государственного деятеля и знаменитого военачальника Чжан Ляна (?–186 г. до н. э.). Как видно из китайских источников, аристократ из бывшего царства Хань Чжан Лян, желая отомстить за захваченное

8. *Нижайше прошу прекратить
отpravку императорских инспекторов
на основе донесений и жалоб от мелких чиновников
и простолюдинов из различных провинций*

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Управители провинций, разделяя печали государя, получали в управление часть [государственных] земель, управляли и, руководствуясь шестью правилами¹⁹², возглавляли народ. Поэтому ханьский император Сюань-ди¹⁹³ говорил: «Пожалую две тысячи *даней* только тем, кто вместе со мной достойно управляет»¹⁹⁴. Непременно использовали талантливых.

царство, решил убить императора Цинь Ши-хуанди. После неудачного покушения Чжан Лян скрылся в горах и сменил имя на Хуан Ши-гун, но позднее стал одним из доверенных лиц Лю Бана — основателя династии Ранняя Хань (206 г. до н. э. — 6 г. н. э.). В китайском средневековом жизнеописании деяний Чжан Ляна «Хуан Ши-гун цзи» рассказывается следующая история: «В древние времена полководец [Чжан] Лян так обошелся с воинами. Один человек преподнес [ему] мутное вино, и [полководец] повелел вылить вино в реку, приказав армии двигаться против течения и пить [вино]. Поскольку [вкуса] вина из одного [бочонка] невозможно почувствовать в водах целой реки, то хотя три армии и пили [речную воду], но вкуса вина совершенно не почувствовали». Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 378. О Чжан Ляне см.: Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 6, сс. 210–223.

¹⁹² В трактате «Чжоу ли» сказано: «Соблюдая шесть правил, [древние государи] воспитывали народ. Во-первых, заботились о малолетних; во-вторых, содержали стариков; в-третьих, оказывали вспомоществование нищим; в-четвертых, поддерживали бедных; в-пятых, проявляли милосердие к больным; в-шестых, заботились о благосостоянии богатых». Чжоу ли. Указ. соч., Т. 1, с. 706.

¹⁹³ Сюань-ди (73–48 гг. н.э.) — император династии Ранняя Хань.

¹⁹⁴ В Китае уже в период Чжоу чиновники разделялись на ранги и в соответствии с местом на иерархической лестнице получали натуральную оплату в виде твердо фиксированного количества зерна и других продуктов, которые нередко поступали от пожалованного им «в кормление» податного населения. В период Хань один *дань* приблизительно равнялся 27–30 кг. Таким образом, чиновник с довольствием в две тысячи *даней* в год мог получать в месяц более пяти тонн зерна. Если иметь в виду, что один *дань* риса стоил до 1600 монет, а с одного *му* (384 м²) поля собирали 1,5–2 *даня* зерна, представить себе, какими значительными средствами обладал такой чиновник. Поскольку жалование в две тысячи *даней* зерна полагалось управителям крупных уездов, то выражение «две тысячи *даней*» стало

Их служба почиталась, а административные полномочия ценились. Они должны были заботиться о чувствах людей и, отбрасывая мелкие недостатки, нести ответственность за большие свершения.

В последнее время, однако, чиновники, получившие назначение на должность, возможно, на почве личных обид клеветают на свое начальство. Варианты донесений от подчиненных крайне разнообразны. Одни подают жалобы на наместников провинций, чтобы внести исправления в ведение государственных дел. Другие описывают случаи преступного использования казенного имущества, третьи жалуются на методы руководства, расходящиеся с законами управления.

Государь, получив такое донесение, отправляет инспекторов. Они прибывают в провинцию и, независимо от истинности или ложности дела, не принимая во внимание справедливы или несостоятельны доводы, досконально следуют формальностям инспекции. Согласно «установлениям для инспекторов»¹⁹⁵ они, из года в год, утверждая предложение нижестоящей инстанции, изымают символы власти¹⁹⁶ управителя провинции, отстраняя его от занимаемой должности. Таким образом, высокопоставленный чиновник знатного [происхождения] подвергается расследованию наравне с мелким служащим или простолюдином. [К тому же], если во время отстранения [от должности] он до-

служить определением для высокопоставленного сановника (кит. *гуань да фу*). Подр. об этом см.: Loewe M. The Orders of Aristocratic Rank of Han China / T'oung Pao. vol. 48, livr. 1-3, 1960; *Икэда Сиро: дзиро.* Указ. соч., с. 1218.

¹⁹⁵ Непонятно, что имеется ввиду. По всей видимости, автор ссылается на какой-то несохранившийся свод правил осуществления инспекций.

¹⁹⁶ В оригинале сказано *инъяку* (досл. «печать и ключи»). Дело в том, что символами власти местного чиновника (управитель провинции или уезда) являлись печать (применялась для визирования документов и придания им официального характера; имела форму квадрата с размерами шесть на шесть сантиметров) и ключи от амбаров, где хранился рис и другие вещи. Согласно кодексу «Тайхо: рицурё:», кража любой государственной печати считалась серьезным преступлением, которое влекло за собой суровое наказание (укравший печать провинциального управления, к примеру, наказывался ста ударами тяжелых палок). Рицурё:. Указ. соч., сс. 102, 392.

пустит хотя бы малейшее нарушение, [его] сразу же закуют в кандалы и бросят в тюрьму¹⁹⁷.

Даже если потом окажется, что содержание доноса совершенно не соответствует реальности, ущерб авторитету уже нанесён, и [он] не в силах будет управлять делами [далее]. И тогда народ, живущий по соседству, узнав об этом, начнет с презрением относиться к своим управителям, и перестанет [им] подчиняться. Нет ничего более ужасного, чем такой источник разрушения культуры.

Безусловно, эта должность чрезвычайно загружена служебными обязанностями и соприкасается со множеством рядовых служебных дел. Она предполагает нахождение на государственном посту с утра до вечера, так что нет времени на отдых.

Однако сейчас государевы инспектора во время расследования вынуждены приостанавливать дела по наведению порядка [в провинциях]. Проходят многие месяцы, а управление совершенно заброшено. А ведь даже если снимут обвинение в преступлении, чиновник, занимающий должность, уже обвинен в пренебрежении своими служебными обязанностями, хотя только в день истечения срока службы он наконец-то [официально] передаст свои полномочия¹⁹⁸. В результате мы несем огромные

¹⁹⁷ В основе этого высказывания лежит текст «Лунь юй». См.: *Переломов А. С.* Указ. соч., с. 333.

¹⁹⁸ Согласно существующим правилам, передача полномочий управителя провинции чиновником, у которого срок службы закончился, его преемнику заключался в составлении и передаче специального документа, фиксирующего состояние дел в провинции на данный момент. Визирование такого документа вновь назначенным управителем провинции свидетельствовало о том, что он удовлетворен работой своего предшественника и согласен принять должность и приступить к исполнению обязанностей. Однако, как видно из исторических источников, передача полномочий новому управителю не всегда проходила гладко. Подобная ситуация нередко становилось объектом пристального внимания государства. К примеру, в распоряжении Дадаэ:кан от 733 года говорилось: «Имеются случаи, когда при смене управителей провинций прежний управитель направляется в столицу, не дождавшись прибытия нового, или же не сдав дела надлежащим образом. В 3-м году Тэмпё: (731 г. — М. Г.) государевы посланники уже предупреджали о недопустимости этого, однако управления провинций все-таки своевольно не последовали указаниям. Вследствие этого прежние служащие управлений провинций не имеют возможности вступить в

убытки и понапрасну губим достойных чиновников, поддерживая доносчиков и поощряя их личную злобу.

В прежние годы наместник провинции Ава — Татибана-но Намики¹⁹⁹ строго контролировал подведомственных чиновников, пресекал несправедливость и воздерживался от принятия даров. В своё время он стал одним из лучших по своей преданности государю. Безусловно, он был особо выделяем, и потому, должно быть, [усердно] служил, ревностно соблюдая законы. Однако по ложному доносу мелких чиновников [подвергся проверке] и подчинился расследованию инспекторов государя. И хотя всё это оказалось клеветой, и доносчики скрылись, сам [Татибана-но]Намики уже изрядно пострадал.

Какой же благородный муж, познавший стыд, пожелает быть чиновником?

Как раз сейчас наступила эпоха вырождения нравов, и судебные дела стало трудно разрешать. Поэтому управитель провинции в делах правления не может во всем следовать букве закона. Поэтому одни, отступая на сяку²⁰⁰, исправляют на дзин²⁰¹, другие, потеряв исток, [все-таки] приходят к успешному завершению.

В древности Гун Суй, наместник [императора] в Бохай²⁰² в докладе говорил: «Прошу государевым указом разрешить ин-

новую должность. Не разрешается им и пребывание в резерве соответствующего отдела. Разве соответствует принципам проведение ими времени в праздности? Управлениям провинций следует принять это во внимание и непременно сдавать дела прибывшим им на смену, о чем [своевременно] уведомлять Дадзё:кан. Да будет так вечные времена». Сёку нихонги, Тэмпё:, 5-4-5, 733 г. Правила составления зёю: — документа о передаче полномочий новому управителю см: Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 484.

¹⁹⁹ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

²⁰⁰ Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

²⁰¹ Дзин — мера длины, равная 1,81 м.

²⁰² Бохай — в VII веке один из округов Китая, управляемый специальным наместником. В 698 году местный аристократ Да Цзочжун основал новое государство (с 712 года называлось Бохай), которое просуществовало до 926 года, когда было уничтожено племенами киданей. Подр. см.: Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, сс. 89–94. Гун Суй был назначен наместником округа Бохай в 73 г. до н. э. Kluge Inge-Lore. Op. cit., S. 62.

спекторам при решении дел исходить не из буквы закона, а вести дела по своему усмотрению»²⁰³. Кроме того, в «Хонтё:кяку»²⁰⁴ сказано: «Управитель провинции — это тот, кто руководит, хоть и отступая от непреложных законов, но не преследуя собственной выгоды, руководствуясь своим великодушием и не ограничиваясь [формальными] законами»²⁰⁵.

Смиренно выражаю пожелание, чтобы деятельность инспекторов в связи с подобными донесениями и жалобами, за исключением заговоров и измен, была в один миг прекращена. Пусть они занимаются только новыми управлениями.

Если управитель провинции на самом деле превысит полномочия и совершит преступление, следует это подробно изложить в заявлении о невыдаче документа, подтверждающего низложение полномочий в связи с окончанием срока службы, и

²⁰³ Дословная цитата из доклада ханьского государственного деятеля Гун Суя императору Сюань-ди. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 93.

²⁰⁴ Речь идет о «Руйдзю: сандай кяку».

²⁰⁵ В данном случае Миёси-но Киёюки апеллирует к докладу Правого министра Татибана-но Фуюцугу, представленному государю в 824 году. В указе, в частности, говорилось: «[Ваш] подданный смиренно полагает, что возвышение достойных и назначение их на должности — важнейшее проявление [священной] культурности. Быть требовательным к чиновникам и поощрять таланты — основное в управлении государством. Однако, если кто-нибудь из управителей провинций вознамерится возродить культурность и вернуть её на должный уровень, [то его действия будут подобны] шуму ветра в кроне деревьев, хотя он будет во всем следовать закону. Ведь нельзя мчаться галопом, когда вся страна пришла в упадок. Поэтому почтительно прошу тщательно отбирать благородных и справедливых мужей, наделенных талантами, и назначать их на должности управителей провинций и их помощников. Новоизбранных управителей и их помощников следует особо отмечать высочайшими аудиенциями, а также поощрять их глубокое владение искусством управления страной, для чего жаловать им награды. [Если поступить таким образом], то в скором времени достижения в деле государственного управления станут очевидны. Если усиленно выказывать благосклонность [достойным], жаловать им ранги и незамедлительно принимать на службу на высокие должности, тогда [нам удастся] вновь вернуться к соблюдению непреложных законов и действовать в соответствии с ними. [Такие чиновники] не будут руководствоваться собственной выгодой, а основываясь на своем великодушии, не станут ограничиваться [формальными] законами». Руйдзю: сандай кяку, Тэнтё:, 1-8-20, 824 г.

после его рассмотрения и соответствующего заключения передать *кажю:си*²⁰⁶ для вынесения приговора.

Кто-то в упрёк может сказать: «Если алчный чиновник присваивает государственное имущество, то следует приложить усилия для быстрого и результативного расследования хищений. А то, если ждать окончания срока службы, складов не останется. На это отвечаю: «Если бы в случае сообщения о воровстве чиновника Дадзё:кан отправил конного посланца и тот через день пресек бы нарушение [закона], [я] не желал бы ничего лучшего. Но донос нужно поверить троекратно²⁰⁷. Пока получают государево соизволение, пока выберут и утвердят инспекторов и те соберутся в дорогу и прибудут [на место], дело может растянуться на годы. В результате, если у преступников и была совесть, то за это время [от нее] не останется и следа».

Что же изменится, если отложить дело до назначения преемника?

Говоря об управителях провинций, [нужно отметить, что они] назначаются самим государем и стремятся воздать за его доброту. Они стремятся не только достичь успеха [при жизни], но и надеются, что их имена останутся в будущих поколениях. Поэтому те, кто в последнее время дошёл до совершения проступков, грубо нарушающих их служебные обязанности, все без исключения стремились к достижениям на благо общества, но внезапно стали жертвами доносов, ещё не добившись положительных результатов. Во все времена [среди них] не было ни одного человека, кто бы нарушал закон ради собственной выгоды. Если разобраться в сути происходящего, окажется, что на самом деле это государственное преступление.

²⁰⁶ *Кажю:си* — чиновники, отправляемые в провинцию для проверки состояния дел на местах, а также контролирующие процесс смены управителей. Впервые *кажю:си* появились при государе Камму в 796 году, но после его смерти в 806 году эти чиновники были упразднены. Только в 824 году во время правления государя Дзюнна (823–833) департамент *кажю:си* вновь был восстановлен. О статусе и полномочиях *кажю:си* см.: Энгисики. Указ. соч., Т. 3, сс. 945–952.

²⁰⁷ Согласно законодательному своду «Рё:-но гигэ», обвинения в любых правонарушениях, которые не относились к двум самым тяжким преступлениям (т. е. мятеж и государственная измена), следовало перепроверять силами трех независимых судей. Рё:-но гигэ. Указ. соч., с. 321.

Смиренно прошу на время обнажить драгоценные камни государственной короны и осветить правду и ложь.

9. Нижайше прошу для всех провинций
установить фиксированное
количество кандзякунин²⁰⁸

Почтительно проверив имеющуюся информацию, [обнаружил, что] число людей, занесённых в реестр сезонного освобождения от трудовой повинности установлениями Министерств Церемоний и Народных дел²⁰⁹ в течение четырех сезонов одного года значительно превышает три тысячи. [Среди них]: *тонэри*²¹⁰ трёх дворцов²¹¹; *сидзин*²¹² принцев и принцесс крови; *сидзин дайбу*²¹³, *мё:бу*²¹⁴ и придворных чиновников;

²⁰⁸ *Кандзякунин* — общее название лиц, получающих освобождение от налогов в процессе пересмотра подворных реестров (первоначально проводился один раз в шесть лет, но позднее стал осуществляться раз в двенадцать лет). Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 573.

²⁰⁹ Речь идет о соответствующих «установлениях» (яп. *сики*), позднее вошедших в текст «Энгисики». Энгисики. Указ. соч., Т. 2, сс. 483–484, 575.

²¹⁰ *Тонэри* — мелкие служащие, которые выполняли различные поручения государя и членов его семьи. В «Энгисики» в различных учреждениях (дворцы государя, государыни, наследника престола и принцессы, ставшей жрицей святилища в Исэ) общее количество *тонэри* было определено в 1020 человек. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 488.

²¹¹ Три дворца — общее название дворцов вдовствующей императрицы-матери (бабушка действующего государя), императрицы-матери и супруги государя.

²¹² *Сидзин* — общее название для слуг. Сам термин заимствован из текста трактата «Гуань-цзы». Согласно кодексу «Тайхо:рё:», *сидзин* могли быть только у придворных чиновников не ниже пятого ранга. Женщины, обладающие рангами, также могли иметь слуг-*сидзин*, но только меньшего количества, чем мужчины-чиновники в соответствующих случаях. О количестве *сидзин* у чиновников различных рангов и должностей, а также их функциях подр. см.: Рицурё:. Указ. соч., сс. 333–334, 627–628.

²¹³ *Дайбу* (досл. «великие мужи») — общее наименование чиновников четвертого и пятого рангов. Рицурё:. Указ. соч., сс. 400–401.

²¹⁴ *Мё:бу* — общее наименование придворных дам не ниже пятого ранга, а также жен чиновников первых пяти рангов. Рё:-но гигэ. Указ. соч., с. 32.

кандзякунин различных управ, а также *тонэри* всех гвардейских управ²¹⁵.

Если подсчитать число совершеннолетних налогоплательщиков, исключая пять [провинций] региона Кинай, двух провинций Муцу и Дэва и девяти провинций, [подчиненных] Дадзайфу²¹⁶, то [оно] не превысит четырехсот тысяч человек. К тому же, большую [его] часть составляют лица реально не существующие.

Таким образом, действительное число совершеннолетних составляет около ста тысяч человек. Сейчас из этих ста тысяч человек ежегодно освобождаются от [натуральных] налогов и [несения] трудовой повинности три тысячи человек. Рассмотрев всё [это] в совокупности, [получается, что] не пройдет и сорока лет, как всё население Поднебесной станет народом, необлагаемым налогами.

Поскольку управители провинций решают с кого следует взимать налоги, то в результате, действуя в соответствии со свидетельствами об освобождении от налогов, они снимают налоги и повинности с богачей и их наёмников, а в счётные записи включают несуществующих налогоплательщиков. Поэтому и не осталось дворов, с которых можно было бы взимать налоги

²¹⁵ Согласно колексу «Тайхо:рё:», существовало пять столичных гвардейских управ (яп. *эфу*), но к моменту составления «Рекомендаций» Миёси-но Киёюки функционировало уже шесть (яп. Рокуэфу). Количество *тонэри* гвардейских управ постоянно изменялось. Так, в 891 году было установлено, что при всех гвардейских управлениях должно быть не более тысячи *тонэри*. Руйдзю: сандай яку, Кампё:, 3-12-15, 891 г.

²¹⁶ Дадзайфу — управление наместника государя в регионе Сайкайдо:. Считается, что регион Сайкайдо: включал территорию всего острова Кюсю, но существует мнение, что власть Дадзайфу (по крайней мере, в период Нара) распространялась только на северную часть о-ва Кюсю. Что же касается периода Хэйан, то Дадзайфу, по всей видимости, контролировали большую часть острова (это, в частности, подтверждается и археологическими материалами). Подр. см.: *Накамура Акикура*. Хаято: то рицурё: кокка ([Племена] хаято: и «государство рицурё:»). Токио: Мэйтё сьоппан, 1993; *Ямасато Дзюнъити*. Кодай Нихон то нандзима-но ко:рю: (Древняя Япония и отношения с южными островами). Токио: Ёсикава ко:бункан, 1999. Согласно «Энгисики», служащие провинциальных управ Муцу и Дэва, а также наместничества Дадзайфу, не могли быть занесены в реестр *сидзин*. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 478.

при их очередном повышении. Следовательно, неспособность организовать сбор налогов не всегда вызвана пренебрежительным отношением наместников провинций к своим служебным обязанностям. Просто раздача свидетельств об освобождении от налогов дошла до неприкрытого цинизма. [В итоге] в настоящее время из-за таких представлений управители провинций не могут с честью уйти с поста. Разве это не печально?

Найдутся такие, кто скажет: «*Тонэри* трёх дворцов, *сидзин* принцев и принцесс крови, *сидзин* придворных чиновников и прочие издавна удостаивались пожалований. Из поколения в поколение [они] получали свидетельства, освобождающие [их] от налогов, и не встречали препятствий. А сейчас почему-то возникают споры относительно тех времен?».

В ответ скажу: «В соответствующих распоряжениях требовалось точно указывать размер доходов и расходов *кандзякунин* и [на основании этого] заносить [их] в свидетельство об освобождении [от налогов]²¹⁷. Но в настоящее время убытки получивших освобождения в последние годы таковы, что на сто человек не приходится и одного получающего прибыль.

В недавнем прошлом представитель любого рода, один раз получивший должность при дворе, повторно на неё не назначался. Однако в последние годы, после того, как удостаиваются назначения служить при дворе, вносят изменения в правила служебной аттестации в трёх дворцах и всех остальных управах²¹⁸, испрашивая разрешения на повторное назначение. В

²¹⁷ В «Энгисики» зафиксирована следующая процедура освобождения от налогов. Сперва составлялись специальные списки (яп. *фусон*), где фиксировался доход всех лиц, претендующих на уменьшение или полную отмену налогов. Затем на основании этих списков создавался реестр лиц, получивших налоговые привилегии. Те, кто недавно (менее года назад) переехал в регион Кинай от налогов и повинностей не освобождались. Всего было установлено три вида налоговых послаблений: полное освобождение от натуральных налогов и трудовой повинности; освобождение только от трудовой повинности и освобождение от трудовой повинности в половинном размере. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 623.

²¹⁸ Согласно кодексу «Тайхо:рё:», служебная аттестация при дворе проводилась каждые шесть лет. Позднее срок аттестации иногда сокращался до четырех лет, но в 835 году вновь вернулись к нормам «Тайхо:рё:». Руйдзю: сандай кяку, Дзё:ва, 2-7-3, 835 г. В 839 году было решено, что вопросами аттестации *тонэри* трех дворцов,

результате мелкие служащие трёх министерств²¹⁹, пользуясь случаем, совершают подлог и несмотря на то, что являются хозяевами владений, вне зависимости от докладов управителей провинций Дадзё:кан выдают себя за *кандзякунин* и самовольно заносят [себя] в реестры посезонного освобождения [от налогов]. Подобное попустительство [к нарушениям] изо дня в день возрастает вдвое. Нельзя допустить дальнейший рост государственных убытков.

Смиренно прошу установить фиксированное количество этих *кандзякунин* на каждый год согласно размерам провинции. Для больших²²⁰ определить десять человек в год, для крупных — семь, для средних — пять, а для малых — два и занести в реестр свидетельств об освобождении [от налогов]. Сверх этого не допускать увеличения [количества *кандзякунин*] ни на одного человека²²¹.

[Приведу] ещё пример из древности: в провинции Оми ежегодно освобождали [от налогов] сто человек, а в провинции

а также ряда других ведомств, должна заниматься дворцовая охрана. Для того, чтобы получить возможность представления к придворному рангу или должности было необходимо пройти испытательный срок, который становился основой для выяснения талантов и способностей претендента (для воинов дворцовой охраны, например, «опытность в обращении с луком и лошадью»). Если они оказывались достаточными для дальнейшей придворной службы, то все соответствующие документы направлялись в Военное министерство, а оно в свою очередь ходатайствовало перед Дадзё:кан о предоставлении кандидатам возможности получения рангов или должностей. Сёку Нихон ко:ки (Продолжение поздних анналов Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:бункан, 1980, Дзё:ва, 6-8-14, 839 г.

²¹⁹ Имеются ввиду три министерства, проводивших процедуру освобождения от налогов: Министерство Церемоний (для гражданских лиц); Военное Министерство (для военных) и Министерство Управления (для принявших монашество).

²²⁰ В зависимости от размеров провинций, они разделялись на четыре категории: большие, крупные, средние и малые. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, сс. 559–567.

²²¹ В «Энгисики» количество людей, освобожденных от налогов, строго фиксировано: для больших провинций — шестьдесят человек; для крупных — сорок; для средних — тридцать; и для малых — двадцать человек. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 574.

Тамба — пятьдесят²²². Именно это стало причиной упадка данных провинций. И сегодня, учитывая этот опыт, следует в провинции Оми уменьшить число *кандзякунин* до десяти человек, а в провинции Тамба — до семи. Помимо этого, пусть прошения об освобождении [от налогов] непременно подаётся в двух экземплярах. Один из них пусть остаётся в канцелярии [Дадзёкан], а другой дополняется титульным листом и отправляется в Министерство Церемоний.

В день представления министерством сезонного реестра освобождения [от налогов] следует, помимо проверки прошений из документов канцелярии [Дадзёкан], ещё и проставлять соответствующие печати²²³. Тех, кто согласно записям реестра свидетельств об освобождении несёт многочисленные убытки и имеет мало доходов, следует подвергнуть проверке повторно, и не проставлять им надлежащие печати. Только население столицы и пяти [провинций] региона Кинай, должно быть, не будут зависеть от этой системы.

Питаю надежду, что собирать налоги станет легче, и беспокойства управителей провинций прекратятся.

*10. Нижайше прошу повсеместно
прекратить назначение на должности
лучников и стражей порядка за плату*

Кэбииси выявляют преступные [замыслы] и беспорядки в пределах их провинции, а также наказывают смутьянов среди народа. Для управителей провинций [они] — когти и клы-

²²² В 867 году были введены новые ограничения количества людей, освобождаемых от налогов. Для провинции Оми — не более ста человек (семьдесят четыре из них по представлению Министерства Церемоний, шесть — Министерства Управления, и двадцать — Военного Министерства), а для провинции Тамба — не более пятидесяти человек (тридцать четыре от Министерства Церемоний, три — от Министерства Управления, и тринадцать — от Военного Министерства). В том же распоряжении содержались строгие инструкции по определению доходности (или убыточности) всех лиц, претендующих на налоговые льготы, а также прописана процедура предоставления им таких льгот. Руйдзю сандай кяку, Дзёган, 9-8-5, 867 г.

²²³ Имеются в виду печати государя, Дадзёкан и глав восьми министерств.

ки²²⁴, а для простого народа — удила и кнут²²⁵. Они непременно должны быть сведущи в законах и выносить решения по справедливости. Однако сейчас те, кто назначен на эту должность, — крестьяне провинций, купившие ее за деньги. Попусту проматывая казённое жалование, они не пригодны к исполнению обязанностей, понапрасну носят своё звание, совершенно не имея способностей к этому занятию. Точно так же невозможно съесть нарисованную лепёшку, а вырезанный из дерева чиновник не способен разговаривать.

Смиренно прошу подвергнуть испытаниям студентов, изучающих правовые тексты²²⁶ и назначить на должности тех, кто

²²⁴ «Когти и клыки» (кит. *чжуа я*) — в иносказательном смысле «верные воины». Данное выражение встречается во многих древнекитайских сочинениях. В «Го юй», к примеру, есть такие слова: «Хотя ему (правителю. — М. Г.) и не причиняют вреда окружающие его со всех сторон соседи, правитель должен заранее взращивать и выбирать чиновников, составляющих для него планы, и мужей, которые станут для него когтями и зубами. Этим лиц можно сравнивать с травяным плащом и бамбуковой шляпой, которыми непременно пользуются, когда наступают сезонные дожди». [Цит. по: Го юй (Речи царств). Пер. с кит., вступл. и примеч. В. С. Таскина. М.: Наука, 1987, с. 291]. Также см.: Ши цзин. Указ. соч., с. 152; Цы юань. Указ. соч., Т. 3, с. 1965.

²²⁵ «Удила и кнут» (кит. *сянь цзюэ*) — устойчивый литературный оборот, встречающийся во многих древних и средневековых китайских сочинениях («Хань Фэй-цзы», «Ши цзи», «Хань шу», «Вэй шу», «Суй шу» и т. д.). В образном значении: средство обуздания, принудительные меры. Цы юань. Указ. соч., Т. 4, с. 3189.

²²⁶ Во время экзамена на ученое звание *мё:бо* (досл. «знаток закона») претендента проверяли на знание различных текстов: во-первых, основного канона, куда входили «Сяо цзин» («Трактат о сыновней почтительности») и «Лунь юй» («Беседы и суждения») и, во-вторых, двух канонических произведений по выбору (из остальных семи трактатов «Девятикнижья»). При этом существовали строгие правила такого выбора, не позволяющие ловчить на экзаменах. К примеру, непозволительно было выбирать оба сочинения из разряда «малый канон» (яп. *сё:кё:*; кит. *сяо цзин*), либо использовались два трактата «среднего канона», либо по одному из «малого» и «большого канонов». В «Рё:но сю:гэ» также отмечалось, что если экзаменующийся сам выберет оба сочинения из разряда «большой канон», то при успешном завершении экзамена, «увенчает себя венцом лунного лавра» (позднее, в период Хэйан так называли тех, кто сдавал экзамены с лучшим результатом) и «уподобится благородным мужам древности». Всего во время экзамена было необходимо ответить на десять вопросов (четыре по «Сяо

соответствует этой службе. Пусть проверка умений [в области] законов проводится точно так же, как экзамен на знание правовых текстов в государственной школе²²⁷. Пусть розыск и наказание преступников по всей стране входят в обязанности *кэбииси*, точно также [как это делают] судьи и *кэбииси* в столице.

Кроме того, чтобы предотвратить нападения разбойников извне на границах каждой провинции должно расположить *доси*²²⁸. [Ваш] подданный, изучив вооружение нашей страны,

цзин» и «Лунь юй», и шесть по остальным текстам), но в случае необходимости можно было задать еще один (например, когда среди экзаменаторов были разногласия по поводу оценки). Высшая оценка давалась за десять правильных ответов. «Хорошая» — при восьми или девяти верных ответах. «Удовлетворительно» — за семь точных ответов. Однако если претендент не отвечал на три вопроса по тексту «Сяо цзин» и «Лунь юй», то экзамен считался несданным без учета остальных ответов. Затем по результатам экзамена принималось решение о пожаловании соответствующего ранга. Подр. об этом см: *Хаякава Сё:хати*. Нихон кодай канрё:сэй-но кэнкю: (Изучение древнеяпонского чиновничества). Токио: Иванами сётэн, 1986.

²²⁷ В тексте используется термин *кокугаку* (провинциальная школа), но поскольку там (согласно кодексу «Тайхо:рё:») не сдавали экзамен на ученые степени (это была привилегия только столичного Университета), то, видимо, здесь имеется ввиду *Дайгаку*.

²²⁸ Дословно *доси* означает «мастер до». Термин *до* встречается уже в древнекитайских произведениях периода Чжоу и, по мнению специалистов, обозначал как метательное орудие типа баллисты, предназначенное для метания крупных камней, так и станковый арбалет, использующий специальные стрелы до трех метров в длину. Радиус поражения таких метательных машин был достаточно большим (до 1,5 км). Согласно древнекитайским источникам, стрела выпускаемая из такого арбалета привязывалась к нему прочным тросом, что позволяло втягивать ее обратно к месту выстрела с помощью особого приспособления. Таким путем один и тот же метательный снаряд можно было использовать многократно. *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980, сс. 26–57. Существует предположение, что в Японию этот вид военной техники попал в период Кофун с одним из кочевых племен, захватившим такой механизм (или механизмы) у китайских воинов. Однако большинство специалистов придерживаются мнения, что *до* — это вариант длинного лука, используемого как пешими, так, при необходимости, и конными воинами. Что же касается метательных машин, то, по крайней мере, в хэйанской Японии они не использовались. Подр. см: *Кондо: Ёсикадзу*. Бугу-но тю:сэй-ка то бусино сэйрицу (Средневековое военное снаряжение и формирование самурайства) / Инсэй-но тэнкай то найран (Утверждение

смиренно полагает, что тугой лук²²⁹ подобен божеству. Он не очень пригоден при нападении, но нет ничего лучше него при обороне. В одном древнем трактате сказано, что [такие] его свойства привели к поразительному успеху хитроумного плана государыни Дзингу и [луки те] были изготовлены особым [способом]. И хотя в Великой Тан [тоже] есть [различные] луки²³⁰, но они уступают в совершенстве тем, что были раньше [у нас].

Когда [ваш] подданный смиренно обратил свой взор на провинции Муцу и Дэва, то оказалось, что там время от времени сеют смуту *эмиси*²³¹. В девяти провинциях, подведомственных Дадзайфу, постоянно присутствует угроза со стороны Силла. Также следует принять меры [по отражению] угрозы со стороны соседей и в остальных, прилегающих к морю, провинциях трёх регионов: «Хокуруку[до:]», «Санъин[до:]» и «Нанкай[до:]».

Однако сейчас всем лучникам дозволено пользоваться [правом] *нэнкю*²³². Обсуждаются только размеры платы, невзирая

[системы] инсэй и внутренние беспорядки). Под ред. Мотоки Ясуо. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2002, сс. 140–142, 173–184.

²²⁹ *Кё:до* (досл. «лук, обладающий силой») считался не только грозным оружием, но и обладал, по мнению японцев, некой сверхъестественной силой. В распоряжении «о применении лучников *доси*» по этому поводу сказано: «В пылу сражения варвары, скачущие верхом на конях и вооруженные луками, обладают такими преимуществами, что даже десять обычных людей не могут устоять против одного [такого воина]. Но если в ход пускают луки *до*, то даже мириады свирепых варваров не смогут продвинуться на расстояние пущенной стрелы. В этом преимущество и успех в подавлении [мятежных] варваров». Руйдзю: сандай кяку, Дзё:ва, 4-2-8, 837 г.

²³⁰ В танском законодательном своде «Тан лю дянь» упоминаются семь видов луков различных конструкций.

²³¹ *Эмиси* — общее название всех племен, обитающих в северо-восточной части о-ва Хонсю и на о-ве Хоккайдо.

²³² Имеется ввиду система ежегодных пожалований должностями и рангами (яп. *нэнкан нэнсяку*), существовавшая во взаимоотношениях крупных чиновников и местных управителей. Механика отношений придворных сановников и провинциальных властей заключалась в следующем. На должность управителя отдельной провинции номинально назначался один из представителей того аристократического дома (например, семья Сэкканкэ из рода Фудзивара), который хотел наладить отношения со знатью отдаленной провинции. Вновь назначенный управитель оставался в столице, а от его имени провинцией управлял его заместитель (яп. *дзурё:*), происходившей из местной про-

на способности протезе. В результате занявшие эту должность даже не ведают о таком оружии как лук. А уж об использовании тетивы лука со знанием дела и говорить не приходится. Даже если в стране царит мир и в четырех направлениях нет причин для беспокойства, не следует забывать об опасности, необходимо изо дня в день проявлять осмотрительность. Разве можно помыслить о том, что людям, идущим на смерть в случае нападения со стороны соседей, не следует обладать такими способностями и каждый на это сгодится?

Смиренно прошу, чтобы впредь ночные стражи шести гвардейских управ [постоянно] тренировались в стрельбе из лука, а их мастерство проверяли и [только] в соответствии с заслугами назначали *доси* в соответствующие провинции. [Только] тогда они будут достойны звания мастера, а охранять прибрежные поселения станет легче.

*11. Нижайше прошу повсеместно
прекратить бесчинства монахов
и жестокость ночных стражников*

[Ваш] подданный, смиренно обратившись к распоряжению [Дадзэ:]кан от первого года Энги²³³, [выяснил], что раньше уже вводили запрет на раздел влиятельными семьями горных массивов и рек, а также незаконный захват пахотных земель могущественными домами²³⁴. [Посредством этого распоряжения] в провинциях и уездах вырывали терновник и жужубу, изгоняли с полей всевозможных вредных насекомых²³⁵. [Так] чиновники могли с лёгкостью осуществ-

винциальной аристократии. Каждый год такой *дзурё*: был обязан отправлять щедрые подношения (*нэнкю*:) в виде риса, тканей, местных продуктов (рыба, *сакэ*, моллюски и т. д.) главе той аристократической семьи, откуда происходит номинальный управитель провинции. За это *дзурё*: мог надеяться на регулярное повышение в ранге и должности (*нэнкан нэнсяку*). Подр. см.: *Обороя Хисао*. О:тё: то кидзоку (Государев двор и аристократия). Токио, Сю:эйся, 1991, сс. 128-136.

²³³ Т. е. 901 г.

²³⁴ По всей видимости, имеется в виду распоряжение Дадзэ:кан от 902 г., где в очередной раз знати запрещалось захватывать государственные рисовые поля, а также иные земли. Руйдзю: сандай кяку, Энги, 2-3-13, 902 г.

лять управление, а народ — жил спокойно. Но есть еще люди, творящие зло и жестокость, — это беспутные монахи и ночные стражники.

Смиренно полагаю, что количество людей, принимающих духовный сан по ежегодным квотам и экстренно²³⁶, в течение одного года во всех храмах достигает двух-трех сотен человек. И большая часть из них уподобилась злобной толпе. Помимо этого, крестьяне, уклоняющиеся от налогов и избегающие трудовой повинности, зачастую обривают голову и самовольно облачаются в монашеские одежды.

Численность таковых с каждым годом увеличивается. [Ныне] уже две трети жителей нашей страны обрело головы. При этом все они, сохранив семьи, имеют жен и детей, едят кровавое мясо²³⁷. И хотя с виду [они] похожи на буддийских монахов, в душе подобны забойщикам скота²³⁸. Я не говорю уже о том, что самые ужасные из них, собираясь вместе, создают шайки и тайком чеканят монету²³⁹. [Они] не боятся небесной кары и не оглядываются на буддийский канон.

²³⁵ Данное иносказание заимствовано из текста китайской хроники «Хоу Хань шу». Некий Цэнь И был назначен управлять округом Вэй, где действовал в соответствии с принципом «недеяния» (кит. *у вэй*). За два года правления он сумел очистить округ от разбойников и продажных чиновников. В итоге в народе распространилась песня, в которой говорилось: «У нас росли терновник и жужуба, но правитель Цэнь их вырвал, у нас было [много] вредных насекомых, но правитель Цэнь их истребил». Под терновником и жужубой понимались разбойничьи шайки, а под вредными насекомыми — продажные чиновники. Кодай сэйдзи... Указ. соч., с. 380.

²³⁶ Согласно «Энгисики», по различным особым поводам в год в монахи могло постричься не более двадцати мужчин и десяти женщин. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, с. 545.

²³⁷ Есть рыбу и мясо было одним из важнейших запретов для монаха. Рё:-но гигэ. Указ. соч., с. 83; Рё:-но сю:гэ. Указ. соч., Т. 1, сс. 221–222.

²³⁸ В древней и средневековой Японии забойщики скота считались ритуально «нечистыми», поскольку имели дело с кровью. Даже общение с ними требовало осуществления очистительных ритуалов. По этой причине подобного рода занятия (забой скота и разделка мяса, выделка кож, захоронение умерших и т. д.) были уделом замкнутых социальных групп, находившихся на самых низших ступенях социальной иерархии.

²³⁹ Поскольку чеканка монеты являлась монополией государства, то ее подделка считалась одним из самых опасных преступлений.

Когда управитель провинции в соответствии с законом проводит расследование [их действий], они, подобно каплям, собираются в тучи и [в ответ] устраивают беспорядки. Нападение на управителя [провинции] Аки Фудзивара-но Токиёси и ограбление управителя [провинции] Кии Татибана-но Кимикадо²⁴⁰ в предыдущие годы — это всё дело рук бесчинствующих монахов и их предводителей. Если бы распоряжения [Дадзё:]кан распространялись с запозданием, а государевы инспектора передвигались медленно, то Токиёси и Кимикадо пали бы их жертвами. Если не будет системы запретов и взысканий, возможна измена и со стороны пограничной стражи.

Смиренно прошу о том, чтобы всех бесчинствующих монахов немедленно изловили и изъяли документы, дающие [им] право на принятие монашеского сана. Пусть облачаются в мирские одежды и возвращаются к занятию своими прежними делами. А послушников монахов, принявших сан тайком без разрешения, и всех причастных к этим шайкам негодяев немедленно заковать в кандалы и сослать на принудительные работы²⁴¹.

Кроме того, все служащие шести гвардейских управ обязаны ежемесячно нести караул²⁴², пребывая в боевой готовности и в сумерках, и на рассвете²⁴³. Назначенные в караул сопровождали знатных лиц, остальные — поддерживали мир и спокойствие в столице (они располагались в квартале Татэваки в восточной и западной частях столицы). В случае экстренной необходимости и те, и другие должны были совместно следить за обороной. Однако в настоящее время эти стражники разбрелись по всей стране и находятся в тысяче *ри*²⁴⁴ от столицы, куда не доберёшься и за сто дней.

²⁴⁰ Известно, что он был и управителем провинции Ямасиро.

²⁴¹ Согласно комментариям к кодексу «Тайхо:рё:», так как ажемонахи (те, кто тайно постригся) и монахи-расстриги официально не являлись монахами, то они подлежали наказанию по уголовному кодексу, а не по монашескому уставу. Рё:-но гигэ. Указ. соч., сс. 87–88; Рё:-но сю:гэ. Указ. соч., Т. 1, сс. 237–239.

²⁴² Энгисики. Указ. соч., Т. 3, с. 955.

²⁴³ Ридурё:. Указ. соч., с. 312; Энгисики. Указ. соч., Т. 3, с. 955.

²⁴⁴ *Ри* — мера длины равная 3927 м. В древности соответствовала приблизительно 442–462 м.

Как же можно распределять ночные дежурства, основываясь на [их] именных списках?²⁴⁵ Это ведь выходцы из влиятельных домов, где проявляют жестокость по отношению к простому народу. Если управители провинций согласно законам расследуют их преступления, они сразу же прибывают в столицу и, купив должность за деньги, становятся ночными стражами. А потом одни, возглавив банду, вторгаются в провинциальное управление и берут его в осаду, а другие, потрясая кулаками, наносят оскорбления главе управления. При этом причиняемый ими вред заключается не только в постоянной внешней угрозе.

По моему разумению, солдат набирают для того, чтобы быть готовыми к внезапной опасности. Однако сейчас они находятся в дальних пределах и не живут в столице и [ближайшей] округе. Если столице не грозит опасность, какой прок от таких [воинов]? А если они срочно понадобятся, то, даже отправившись бегом, не успеют добраться. В таком случае ни к чему разводить в провинциях волков, раньше чем в гвардии появятся огромные тигры²⁴⁶.

Почтительно прошу о том, чтобы служащие всех гвардейских управ после того, как получают назначение на должность, не могли возвращаться в родные провинции. А если будут такие, кто навещает родные края, чтобы узнать о самочувствии родителей, то каждому из них устанавливать определённое количество выходных дней. Пусть получают официальное направление в свою провинцию и отправляются туда, будучи приписанными к её управлению. Им не следует задерживаться более установленного срока. Если кто по своей нерасторопности не вернётся, пусть управитель провинции увольняет его с занимаемой должности, регистрирует данный инцидент и с официальным документом отправляет его на родину. [Только] тогда [в столице] на страже ворот будет много искусных вои-

²⁴⁵ Имеется ввиду два списка чиновников, находящиеся в ведении главлевой и Правой привратной охраны. Эти списки (яп. *мондзяку*) служили чем-то вроде пропускного листа при входе на территорию дворцового комплекса. Рё:-но гигэ. Указ. соч., сс. 175, 180.

²⁴⁶ Литературный оборот из древнекитайского трактата «Эр я». Kluge Inge-Lore. Op. cit., S. 68.

нов²⁴⁷ и в провинциях исчезнет страх перед дикими собаками²⁴⁸.

*12. Нижайше прошу восстановить
пристань Уодзума в провинции Харима*

Когда [ваш] подданный почтительно изучил прибрежные коммуникации трёх регионов — Саньё:[до:], Сайкай[до:] и Нанкай[до:], — то обнаружил, что раньше путь от пристани Му-роу²⁴⁹ до пристани Карасаки²⁵⁰ занимал [всего лишь] один день, точно так же, как от пристани Карасаки до пристани Уодзума²⁵¹, от пристани Уодзума до пристани Оовада²⁵² и от пристани Оовада до пристани Кавадзири²⁵³. Протяженность этих путей рассчитал и установил еще бодхисаттва Гё:ки²⁵⁴. Однако в настоящее время [центральные] власти содержат в порядке лишь пристани Карасаки и Оовада, а пристань Уодзума давно пришла в упадок. Из-за этого государственные и частные суда, преодолевая двойной отрезок пути, плывут по направлению к пристани Оовада в течение целых суток. А ведь с наступлением

²⁴⁷ Неточная цитата из «Ши цзи». *Сьма Цянь*. Указ. соч., Т. 8, с. 317.

²⁴⁸ Перифраз выражения, содержащегося в «Жизнеописании Хуай Инь-хоу» из «Исторических записок». В «Ши цзи» сказано: «Ведь собака [разбойника] Чжи лаяла бы и на Яо (мифический первоимператор. — М. Г.), но не потому, что Яо был плохим. Просто собака лает на всякого, кто не ее хозяин». *Сьма Цянь*. Указ. соч., Т. 8, с. 129. По мнению А. М. Карапетьянца и А. Р. Вяткина, смысл данного высказывания в том, что «ничтожное существо всегда стремится облить грязью лучших людей и их побуждения». Там же, с. 382, примеч. 56.

²⁴⁹ Находится в уезде Ибо префектуры Хё:го:.

²⁵⁰ Точное местонахождение не установлено. По всей видимости, речь идет о пристани Фукудомари в уезде Ибо префектуры Хё:го:.

²⁵¹ Находится в уезде Акаси префектуры Хё:го:.

²⁵² Находилась в уезде Убара провинции Сэццу.

²⁵³ Располагалась на территории нынешнего района Оёдо в г. Осака.

²⁵⁴ Гё:ки (668–749) — знаменитый подвижник. Известно, что он долгое время ездил по стране и совершал различные благие деяния (восстановление разрушенных храмов; ремонт дорог, мостов и пристаней; сооружение дамб; постройка ирригационных сооружений и т. д.). При государе Сё:му был пожалован именем «О:содацу» (Великий бодхисаттва). Подр. о Гё:ки см.: *Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Наука, 1988, сс. 145–147; *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М.: Наука, 1987, сс. 83–84, 143.

зимы ветер становится настолько резким, а звезды редкими, что невозможно ничего разобрать даже вблизи от корабля, и не понятно — далеко или близко берег. Поэтому корабли со спущенными парусами и не слушающиеся руля часто тонут. Количество судов, разбивающихся ежегодно, доходит до сотни, а число погибающих при этом людей превышает тысячу.

В древности Юй из Ся обладал таким человеколюбием, что проливал слезы даже когда наказывал преступника²⁵⁵. Стоит ли говорить, что все эти люди, [погибшие при кораблекрушении], направлялись по государственным делам.

Смиренно полагаю, что мудрый правитель должен снизойти до проявления сострадания [к этим людям].

[Ваш] подданный, почтительно изучив древние записи, выяснил, что эта пристань была построена еще в годы Тэмпё:, и вплоть до конца годов Энряку²⁵⁶ люди могли ею пользоваться. В период Ко:нин обрушилась волна, разбила каменную стену и засыпала все песком. В годы Тэнтё:²⁵⁷ Правый министр Киёвара-но Махито [Нацуно]²⁵⁸ в докладе государю пообещал, что восстановит пристань²⁵⁹, но к концу периода Дзё:ва она всё ещё была разрушена.

В начале годов Дзё:ган монах храма То:дайдзи [по имени] Кэнна, следуя путём бодхисаттвы, раскрыл своё бескорыстное

²⁵⁵ Цитата из древнекитайской литературной энциклопедии «Шо юань» (Сад речей). Кодай сэйди... Указ. соч., с. 101.

²⁵⁶ Энряку (782-806) — один из девизов правления государя Камму (781-806).

²⁵⁷ Тэнтё: (824-834) — один из девизов правления государя Дзюнна (823-833).

²⁵⁸ Киёвара-но Махито Нацуно (782-837) — крупный государственный деятель. Пик его придворной карьеры приходится на правление государей Сага (809-823), Дзюнна (823-833) и Ниммё: (833-850).

²⁵⁹ В данном докладе говорилось: «Местность Уодзума находится на морском берегу уезда Акаси. Это единственный путь, по которому корабли из различных [западных] провинций попадают в столицу, ибо на востоке и западе находятся [опасные] морские скалы, а на юге дуют неудобные ветры, приносящие шторма. Те, кто движется этим путем, может с легкостью погибнуть. По этой причине я самолично составил проект строительства пристани и подал его [в вышестоящее ведомство]... Прошу переложить это бремя на [плечи] государства... и обнародовать государев указ, который принесет пользу стране и облагодетельствует ее народ». Руйдзю: сандай кяку, Тэнтё:, 9-5-11, 832 г.

сердце. Он сам носил на спине камни и держал на плече заступ, отдавая все свои силы, и добился результата²⁶⁰. Это был искренний порыв одного человека, и хотя работа его осталась незавершенной, долгие годы все без исключения пользовались её благими плодами. Но вот уже более сорока лет прошло, как скончался Кэнна. И не счесть людей, погибших при кораблекрушениях. Убыток государству был нанесен огромный.

Смиренно прошу, чтобы чиновники всех ведомств отправили искусных мастеров, приказав им восстановить эту пристань. Средства на ремонт [надлежит] выделить из запасов провинций Харима и Бидзэн.

Надеюсь протянуть руку помощи [нашему] мудрому правителю²⁶¹, дабы народ нашей страны избежал горестной участи превращения в рыб.

Все выгоды я подробно изложил в докладе, который преподнёс в начальный год Энги. Нет необходимости увещевать ещё раз.

Подана [чиновником] четвертого младшего ранга нижней ступени, старшим помощником главы Министерства Церемоний Миёси-но Асоми Киёюки.

²⁶⁰ Об этом см.: Руйдзю: сандай кяку, Дзё:ган, 9-3-17, 867 г.

²⁶¹ Неточная цитата из трактата «Мэн-цзы». *Мэн-цзы*. Указ. соч., с. 112.

«Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара¹

Е. Б. Сахарова

Жизнеописание рода Фудзивара, о котором пойдет речь, озаглавлено термином *кадэн* (家伝)², что можно перевести как «родовое жизнеописание». Этот термин встречается в законодательном своде «Тайхо: рицурё:» (701–702 гг.) и в комментариях к нему — «Рё:-но гигэ» (833 г.) и «Рё:-но сюгэ» (начало X века). В «Тайхо: рицурё:» (II-13) в обязанность министру Кадрового министерства (Сикибусё:) вменяется, в частности, ведать жизнеописаниями заслуженных родов и наследственными полями этих родов. Из комментариев следует, что родовые жизнеописания составлялись родами, имеющими особые заслуги и представители которых обладали рангами от 5-го и выше, т.е. принадлежали к столичной аристократии. Родовые жизнеописания следовало подавать в Сикибусё:, где на их основании проверялись права на наследственные поля и кормовые дворы, дававшиеся за особые заслуги. В комментариях говорится также, что такие родовые жизнеописания должны составляться по образцу жизнеописаний (*ле чжуань*) из «Сань ши» (так называемые «Три истории» — «Хоу хань шу» («История династии Поздняя Хань, охватывает события с I века н. э по начало III века; авторство приписывается Фань Е (398–446); «Хань шу» («История Хань», автор Бань Гу (32–92 гг. н. э.); «Ши цзи» («Исторические записки» Сыма Цяня (ок. 145–86), охватывают время от мифических императоров до правления У-ди (141–87)³.

Термин, как и жанр, был позаимствован из Китая. И в Китае, и в Корее жизнеописания получили чрезвычайно широкое распространение и в исторических хрониках выделялись в от-

¹ Выражаю признательность «Фонду поддержки отечественной науки», благодаря финансовой помощи которого была выполнена данная работа.

² Обычно под *кадэн* подразумевают «Жизнеописание рода Фудзивара».

³ Рё:-но гигэ, Серия «Кокуси тайкэй», изд-во «Ёсикава кобункан», Токио, 1999, с. 38; Рё:-но сюгэ, Серия «Кокуси тайкэй», изд-во «Ёсикава кобункан», Токио, 1994–1996, Т. 1, с. 79–80.

дельную рубрику. В «Ши цзи» Сыма Цяня жизнеописания занимают 70 глав из 110, в них представлены портреты более 250 персонажей⁴. В «Самгук саги» («Исторические записи трех государств», 1145 г.) жизнеописания (кор. *ёльчон*) занимают 10 глав из 50, в них упомянуто 86 человек, о 69 из них содержатся персональные сведения⁵. В жизнеописаниях и «Ши цзи», и «Самгук саги»⁶ присутствует внутренняя рубрикация. Так, в «Ши цзи» 20 глав посвящено служилым чиновникам, 10 глав — военным, 5 — интеллектуалам⁷.

В Китае родовые жизнеописания подавались в Историографическое управление (Ши гуань), где аккумулировались материалы, использовавшиеся впоследствии при составлении династийной хроники, и служили одним из источников для составления биографического раздела хроники⁸.

В японских хрониках жизнеописания не выделяются в отдельную рубрику, иногда краткие или (реже) развернутые биографические сведения приводятся сразу после сообщения о смерти в такой-то день такого-то чиновника. Японские исследователи отмечают, что жизнеописания «Сёку нихонги» (хроника «Продолжение Анналов Японии», 797 г.) создавались по образцу жизнеописаний из «Хань шу» и «Хоу Хань шу»⁹. Однако они значительно меньше по объему и не столь подробны, как китайские прототипы.

Прежде чем обратиться к «Жизнеописанию рода Фудзивара», имеет смысл кратко остановиться на особенностях биографий «Сёку нихонги».

В «Сёку нихонги» помещено 51 более или менее подробное жизнеописание, еще в 73 случаях сообщение о смерти сопровождается краткими сведениями: это могут быть сведения о

⁴ Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с китайского и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, Т. 7, М., 2002, с. 17.

⁵ Соловьев А. В. Исследование «биографий» (Ёльчон) в «Самгук саги» Ким Бусика. Канд. дисс. М., 2000, с. 25.

⁶ Самгук Саги. Исторические записи трех государств. Под ред. М. Н. Пака и Л. Р. Концевича, Т. 1–3, М., 1995–2002.

⁷ Сыма Цянь, Т. 7, М., 2002, с. 18.

⁸ Twitchett D. G. Chinese Biographical Writing // *Historians of China and Japan*. London, 1961.

⁹ Сёку нихонги. Сер. «Син нихон котэн бунгаку тайкэй», изд-во «Иванами сётэн», Токио, 1989–1996, Т. 2, с. 468.

родителей, перечисление чиновников, ответственных за надлежащее проведение похорон. Из 51 жизнеописания 5 посвящены монахам, 2 — женам императоров, остальные — чиновникам (в двух случаях — чиновницам). Объектом жизнеописания в «Сёку нихонги» мог стать не любой чиновник, а лишь обладатель 1–4-го рангов¹⁰.

17 из 51 развернутых жизнеописаний (33%) посвящено представителям рода Фудзивара. Род Оотомо, занимающий второе после Фудзивара место, представлен лишь 3 развернутыми жизнеописаниями. Лишь одно жизнеописание посвящено представителю правящего рода — принцу Ямамура (721/22–767)¹¹. Однако, если принять во внимание не только развернутые до жизнеописаний сообщения о смерти, но и сообщения, содержащие краткие сведения о покойном, а также все сообщения, просто констатирующие смерть, то безусловным лидером станет правящий род. В «Сёку нихонги» содержатся сообщения о смерти 63 принцев и принцесс, на втором месте род Фудзивара — 37 сообщений о смерти представителей этого рода, на третьем месте роды Абэ, Исикава, Оотомо — по 12 сообщений соответственно. В «Сёку нихонги», таким образом, объектом жизнеописаний являются влиятельные аристократы, тогда как представители правящего рода фактически не становятся объектом описания этого жанра¹².

Лишь 6 из 51 жизнеописания относятся к первой половине VIII века. При этом 3 из 6 — жизнеописания монахов. Все остальные

¹⁰ За одним исключением, когда подробные сведения сообщаются о чиновнике 5-го ранга — Мити-но Кибидо Обитона (?–717). — Сёку нихонги, Ёро, 2-4-11, 718 г.

¹¹ Принц Ямамура сыграл важную роль в подавлении мятежа Накамаро (см. о мятеже ниже).

¹² Однако из 9 жизнеописаний, помещенных в «Кайфу:со:», 4 посвящены принцам (принц Оотомо (684–672), принц Кавасима (657–691), принц Ооцу (663–686), принц Кадоно (669–705), 4 — буддийским монахам, 1 — представителю влиятельного аристократического рода Исоноками-но Асоми Отомаро (?–750). Но, во-первых, «Кайфу:со:» — неофициальная антология, во-вторых, все 4 принца жили во второй половине VII века, т. е. не были современниками составителей антологии. В-третьих, трое из принцев были сыновьями Тэнти (662–671). Согласно предисловию к «Кайфу:со:», именно с его правления берет начало сложение китайских стихов в Японии. Т. е. эти авторы «Кайфу:со:» воспринимались как основоположники китайского стихосложения в Японии.

жизнеописания относятся к периоду 760–791 гг. Из 9 жизнеописаний, помещенных в другом источнике VIII века — китаеязычной поэтической антологии «Кайфу:со:» (751 г.)¹³, 4 также посвящены буддийским монахам конца VII — середины VIII вв. Кроме того, во второй половине VIII века было написано отдельное жизнеописание китайского монаха Гандзина (688–763)¹⁴.

Однако уже во второй половине VIII века жизнеописания монахов почти исчезают со страниц хроники. Развернутые сведения приводятся лишь о Докё: (?–772), антигерое VIII столетия¹⁵ и о знаменитом китайском монахе Гандзине. Главным персонажем жизнеописаний становятся чиновники.

Структура жизнеописания в «Сёку нихонги» обычно такова:

1. сведения о предках;
2. перечисление талантов, присущих герою жизнеописания с малых лет¹⁶;
3. основные карьерные вехи (непременная и самая значительная по объему часть жизнеописания);
4. возраст покойного.

И для китайских, и для корейских жизнеописаний характерно присутствие не только положительных, но и отрицательных героев. Жизнеописания «Сёку нихонги» и «Кайфу:со:» демонстрируют отсутствие отчетливо выраженной рубрики «злодеи». VIII столетие было чрезвычайно богато заговорами и мятежами. Но жизнеописания мятежников и заговорщиков, вполне обычные для китайских хроник, в Японии практически отсутствуют. Логика составителей, по-видимому, такова — самое действенное наказание это умолчание. Разумеется, есть исключения из правила. В хронике помещены развернутые жизнеописания двух главных возмутителей спокойствия VIII столетия — Фудзивара-но Накамаро (о нём речь еще впереди) и буддийского монаха Докё:. Во-первых, потому что оба они достиг-

¹³ Кайфусо. Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй», изд-во «Иванами сэтэн», Токио, 1969, Т. 69.

¹⁴ Его автор — О:ми-но Мифунэ (722–785). Сохранилось и еще одно жизнеописание Гандзина, составленное монахом по имени Ситаку (годы жизни неизвестны) по-видимому, в начале периода Хэйан (794–1185).

¹⁵ Подробнее о Докё: см.: *Мещеряков А. Н. Докё: ошибка японской истории. — Политическая интрига на Востоке. М.: «Восточная литература», 2000.*

¹⁶ Данный пункт может быть опущен.

ли максимально высокого положения, а социальный статус был, как уже говорилось, одним из важнейших критериев отбора для жизнеописаний. Во-вторых, они были центральными фигурами политических коллизий, воспринимавшихся современниками как ключевые¹⁷. Однако ни Накамаро, ни Докё: не описываются в исключительно черном цвете. О Накамаро сказано, что он был умен, начитан и достиг успехов в искусстве счета¹⁸. О Докё: же говорится, что он разбирался в санскрите и прославился успехами в буддийском самосовершенствовании¹⁹. Весьма показательно в этом смысле жизнеописание принца Ооцу (663–686), помещенное в «Кайфу:со:». Принц Ооцу был сыном императора Тэмму (673–686). После смерти отца он вступил в заговор и был казнен. В «Кайфу:с:о» помещено следующее его жизнеописание.

«Принц был старшим сыном государя Киёмихара [Тэмму]. Он был крупного телосложения, а также обладал выдающимися талантами. С малых лет любил учиться, был начитан и искусен в изящной словесности. Повзрослев, полюбил военное дело. Был очень силен и превосходно владел мечом. Нрава был непринужденного. Был скромнен и вежлив с людьми даже в нарушение предписанных [его высоким положением] норм поведения. Поэтому многие люди следовали за принцем.

В то время был монах из Силла по имени Гё:син, сведущий в астрономии и искусстве предсказания. [Когда] принц призвал [его], он сказал: „Внешностью вы, принц, отличаетесь от [обычных] подданных. Поэтому если вы долго будете занимать низкое положение, боюсь, не сможете полностью проявить себя“.

Из-за этого введенный в заблуждение [принц] вступил [на путь] заговора, замыслил беззаконие. Ах, какая жалость! Был наделен такими талантами и не вскормил в себе преданности и сыновней почтительности! Сблизился с этим подлым и ничтожным монахом и, в конце концов,

¹⁷ Подробнее о Фудзивара и, в частности, о Накамаро см.: Мещеряков А. Н. Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII–VIII вв.) — История и культура Японии. М., 2001.

¹⁸ Сёку нихонги. Тэмпё Ходзи, 8-9-18, 764 г. — Сёку нихонги. Сер. «Син нихон котэн бунгаку тайкэй», изд-во «Иванами сётэн», Токио, 1989–1996.

¹⁹ Сёку нихонги. Хоки, 3-4-7, 772 г.

закончил свою жизнь бесчестьем. В старину люди [говори-ли, что] завязывая дружбу, нужно быть осмотрительным. Узнав [историю принца], понимаешь, как глубок смысл этих слов! Ему было 24 года».²⁰

Следует добавить, что составители антологии ориентировались на династическую линию Тэнти, а Тэмму был основателем другой, явно не столь престижной в их глазах династической линии. Жизнеописание принца Ооцу единственное не вполне положительное в «Кайфу:со:», и вряд ли это случайно. Тем не менее, принцу дается мягкая и в целом скорее положительная оценка.

Сказанное не означает, что жизнеописания «Сёку нихонги» написаны исключительно в положительном ключе. Но отрицательные оценки крайне редки и практически никогда не являются единственной характеристикой персонажа жизнеописания.

Большинство жизнеописаний «Сёку нихонги» вполне стандартизированы и включают однообразный перечень должностей, а набор положительных качеств заимствован из китайских (ханьских) жизнеописаний. Но иногда среди формализованных жизнеописаний встречаются очень реалистичные: их персонажи сотканы как из достоинств, так и из недостатков. Так, об Исикава-но Асоми Натари (728–788) говорится: «...Натари обладал прекрасной памятью. Был также искусен в красноречии. Мог решить любое дело. Однако по натуре был очень пристрастен и вспыльчив, любил порицать людей за ошибки. Если в докладе нижестоящего чиновника о делах управления случались несоответствия, он немедленно принимался всячески бранить его. Поэтому все чиновники разных ведомств, служившие в Дадзё:кан, узнав, что дела выслушивает Натари, по нуро переминались с ноги на ногу и старались уклониться от [доклада]...»²¹. О Кудара-но Коникиси Кэйфуку (698–766) говорится: «...Очень любил выпить и поесть и не знал в этом меры. Государь Кандзин Сё:му обходился с ним с особой благосклонностью, жаловал его щедрыми милостями. Если к нему приходил служилый или простолюдин и рассказывал о своей честно-

²⁰ Кайфу:со:. Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй», изд-во «Иванами сэтэн», Токио, 1969, Т. 69, с. 73–75.

²¹ Сёку нихонги. Энряку, 7-6-10, 788 г.

сти и бедности, он неизменно давал ему в долг и одаривал [просителя] сверх ожидания. Поэтому, хотя часто назначался на должности в провинциях, добра не нажил. Однако был понятлив и способен к делам управления...»²²

В целом для жизнеописаний «Сёку нихонги» характерны следующие особенности.

1. Круг лиц, о которых в официальной хронике могли быть приведены биографические сведения, был ограничен почти исключительно потомственной родовой аристократией (исключение составляют лишь монахи). Идея жизнеописания отдельного человека независимо от его родовой принадлежности оказалась невосребованной — замечательный человек непременно должен принадлежать к знаменитому роду. Если в китайских жизнеописаниях сведения о родителях (в случае если они были неизвестны) могли быть опущены, а в «Самгук саги» о некоторых из персонажей жизнеописаний говорится, что родословная их была неизвестна, то для древнеяпонского летописания такая формулировка совершенно немыслима.
2. Отрицательные жизнеописания практически отсутствуют.
3. Представители правящего рода (не говоря уже об императорах) фактически не становятся объектом жизнеописаний.
4. Среди персонажей жизнеописаний «Сёку нихонги» абсолютным лидером являются представители рода Фудзивара.

Кадэн

Итак, данные «Сёку нихонги» свидетельствуют о том, что представители рода Фудзивара активно использовали жизнеописания в качестве средства по упрочению своих позиций (абсолютное количественное преобладание жизнеописаний Фудзивара в хронике). В этом контексте появление «Кадэн» выглядит закономерным.

Памятник был написан в начале 60-х гг. VIII века. Состоит из двух свитков, первый — содержит жизнеописание Накатоми-но Каматари (614–669) и его сына Дзё:э (?–665). Второй свиток — жизнеописание Фудзивара-но Мутимаро (680–737).

Первый свиток был составлен Фудзивара-но Накамаро (706–764), второй — монахом по имени Энкэй. Текст написан на китайском языке и насыщен цитатами из китайской классики («Хань шу», «Ши цзи», «Лунь Юй» и др.).

²² Сёку нихонги. Тэмпё: Дзинго, 2-6-8, 766 г.

Самые ранние из дошедших до нас списков датируются XIII веком. Самые полные списки являются копиями XVIII в. В некоторых списках жизнеописание Мутимаро отсутствует.

Авторы. Фудзивара-но Накамаро — важнейшая политическая фигура VIII столетия, человек, добившийся беспрецедентно высокого положения в бюрократической иерархии. Амбиции Накамаро были безмерны, а его падение оказалось столь же стремительным, как и его взлет. Начало возвышения Накамаро приходится на конец правления Сё:му (724–749). В 749 году Накамаро становится главой не предусмотренного законодательством Управления дворца государыни (Сиби тю:дай). Со временем важнейшие государственные дела все чаще стали решаться в этом управлении, а не в Дадзё:кан (Государственный Совет) — органе, формировавшемся из представителей наиболее влиятельных аристократических родов. В 757 году наследником престола был провозглашен принц Оои, к тому времени стараниями Накамаро женатый на вдове его сына и живший вместе со своей женой в личной усадьбе Накамаро. Именно в его правление (правил под именем императора Дзюннин, 758–764) могущество Накамаро достигло своего пика. В 758 году Накамаро становится Правым министром (3-я должность в бюрократической иерархии), а в 760 — Главным министром. Должность Главного министра была высшей должностью. Прежде на эту должность назначались лишь представители правящего рода. До Накамаро лишь один представитель неимператорского рода удостоился этой должности, но по-смертно — дед Накамаро Фудзивара-но Фухито (659–720), при жизни отказавшийся занять столь высокую должность. В 762 году Накамаро был пожалован высший чиновничий ранг, предусмотренный шкалой ранжирования того времени. Помимо этого, в 758 году Накамаро было пожаловано новое родовое имя — Фудзивара-но Эми-но Асоми Осикацу, право чеканки монеты, право пользоваться своей личной печатью как государственной, право сбора налогов от собственного имени.

Однако вскоре между Дзюннин-Накамаро, с одной стороны, и бывшей государыней Кокзэн (749–758) и ее приближенным буддийским монахом Докё: (?–772), с другой, возникает все больше разногласий.

Противостояние закончилось вооруженным столкновением, в котором Накамаро потерпел поражение. Он был достигнут правительственными войсками в уезде Такасима провинции О:ми, на берегу бухты Катино (западное побережье озера Бива), и казнен, а его отрубленная голова была доставлена в столицу. Были также казнены находившиеся с ним жены и сыновья — все, кроме одного по имени Ёсио, в 752 году ездившего в Китай в качестве студента, и помилованного за то, что он с малых лет занимался буддийским самосовершенствованием. Ёсио был послан на остров Оки.

О другом авторе — монахе Энкэй — известно немного. Энкэй — буддийский монах, прибыл в Японию в 753 году на одном из кораблей японского посольства, возвращавшегося из Тан. В это же время в Японию прибыл китайский монах Гандзин. Возможно, Гандзин и Энкэй прибыли на одном корабле. По прибытии Гандзина в столицу Энкэй стал служить при нем переводчиком²³. Энкэй упоминается также в документах сокровищницы Сё:со:ин (хранилище буддийского храма То:дай:дзи) в связи с перепиской сутр. Кроме того, упоминание об этом монахе есть и в «Сёку нихонги», где сообщается, что Энкэй подал прошение об отказе от ранга (нижняя степень 5-го внешнего младшего ранга). Прощение его было удовлетворено, причем за монахом были сохранены ранговое жалование и ранговый надел²⁴. Очевидно, Энкэй был близок к дому Накамаро и составил жизнеописание по его указанию. Это подтверждается тем, что в конце жизнеописания Мутимаро Энкэй восхваляет его сына Накамаро.

В тексте «Кадэн» есть упоминания о недошедших до нас частях. Это свиток с надгробной речью на смерть Фудзивара-но Каматари и свиток с жизнеописанием Фудзивара-но Фухито. С учетом этих недошедших частей структура «Кадэн» выглядела следующим образом. Текст состоял из 4 свитков: жизнеописание Каматари и Дзё:э — надгробная речь на смерть Каматари (не сохранилось) — жизнеописание Фухито (не сохранилось) — жизнеописание Мутимаро. «Кадэн» представляло собой жизне-

²³ Сведения об этом содержатся в двух сохранившихся жизнеописаниях Гандзина — *Киси Тосио*. Фудзивара-но Накамаро. «Ёсикава кобункан», Токио, 1969, с. 295.

²⁴ Сёку нихонги, Тэмплё: Ходзи, 2-8-2, 757 г.

описание не рода Фудзивара в целом, а только его южной ветви, к которой принадлежал Фудзивара-но Накамаро. Каматарри — прадед Накамаро и основатель рода Фудзивара, Фухито — его дед, а Мутимаро — основатель южной ветви рода²⁵ и отец Накамаро.

Однако сведений, подтверждающих существование свитков с надгробной речью на смерть Каматарри и с жизнеописанием Фухито, нет. Если они и существовали, то были, по-видимому, достаточно рано утеряны.

Структура каждого из жизнеописаний в целом такова.

1. Сведения о происхождении.
2. Перечисление выдающихся качеств.
3. Проявление выдающихся качеств (карьера).
4. Смерть. Надгробная речь или панегирик.
5. Сведения о потомках.

Персонажи «Кадэн». Основатель рода Фудзивара Каматарри принадлежал к аристократическому роду Накатоми, ведшему свое происхождение от синтоистского божества. Он был одним из основателей централизованного японского государства. Именно ему принадлежала ключевая роль в устранении Сога-но Ирука (?–645 г.) в 645 году и в проведении последовавших за этим реформ, направленных на создание централизованного государства по китайскому образцу²⁶. Неудивительно поэтому, что больше всего сохранилось списков с жизнеописанием Каматарри, при этом в некоторых случаях жизнеописание его сына Дзё:э опущено.

Старший сын Каматарри Дзё:э умер в 23 года в 665 году. Его короткое жизнеописание, по сути, — панегирик Каматарри. Важнейшим фактором, побудившим включить жизнеописание Дзё:э в «Кадэн», было стремление подчеркнуть причастность рода Фудзивара к буддизму и к китайской образованности. Дзё:э был буддийским монахом, получившим посвящение в Китае. В «Кадэн» о нем также говорится: «Досконально разобрался

²⁵ Четверо сыновей Фудзивара-но Фухито — Мутимаро, Фусасаки, Умаки и Маро основали соответственно южную, северную, церемониальную и столичную ветви рода.

²⁶ Подробнее об этом на русском языке см. Мещеряков А., Грачев М. История древней Японии. СПб., 2002, с. 143–168; Нихон сэки. Анналы Японии. Пер. и комм. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб., Т. 2, 1997, с. 125–207.

во внутреннем каноне (т. е. в буддийском каноне. — Е. С.), а также знал толк и во внешних установлениях (т. е. в конфуцианском каноне. — Е. С.), кроме того, приводится стихотворение, сложенное Дзэ:э по-китайски.

Короткая судьба Дзэ:э является косвенным отражением острого соперничества за контроль над буддизмом, долгое время находившимся в руках представителей рода Сога. Дзэ:э был отправлен в опасное по тем временам путешествие в возрасте всего лишь десяти лет. Автор «Кадэн» вынужден привести целый ряд аргументов, оправдывающих столь суровое решение отца, продиктованное необходимостью усиления контроля рода над буддийским вероучением.

Известно, что сам Накамаро также отправил одного из своих сыновей (уже упоминавшегося Ёсио) учиться в Тан и, по-видимому, намеревался сделать его монахом.

Включение в первый свиток двух жизнеописаний можно объяснить также подражанием китайской традиции: китайские жизнеописания нередко представляли собой парные или групповые, но объединяло героев чаще всего не родство, а сходство (или контраст) добродетелей или пороков, которыми были наделены персонажи жизнеописаний.

Мутимаро был старшим сыном Фудзивара-но Фухито. Он основал южную ветвь рода Фудзивара, названную так по местоположению усадьбы Мутимаро к югу от императорского дворца. Мутимаро сделал прекрасную карьеру, в 734 году в возрасте 55 лет он становится Правым министром. Однако в 737 году он, также как и три его брата, скончался во время эпидемии оспы. В его жизнеописании в основном содержатся сведения, отсутствующие в «Сёку нихонги». Карьера Мутимаро описана довольно подробно, а сам он описывается как образцовый чиновник.

Накамаро был чрезвычайно честолюбив и властолюбив, он стремился сосредоточить в своих руках всю власть. В условиях господства ценностей родовой аристократии укрепить свое личное влияние можно было лишь укрепив влияние своего рода. Это стремление шло вразрез с интересами крупнейших аристократических родов, и именно засилье родственников Накамаро на высших государственных должностях вызывало наибольшее неудовольствие аристократии. В жизнеописании Накамаро, помещенном в «Сёку нихонги», о Накамаро говорится:

«...Один стал решать важные дела управления...все ключевые посты занимали только его родственники. Единолично захватил власть, и день ото дня становился все подозрительнее...»²⁷.

Важнейшими мероприятиями по усилению позиций рода Фудзивара при Накамаро были:

1. введение в действие в 757 году законодательного свода «Ё:ро: рицурё:», составленного под непосредственным руководством деда Накамаро Фудзивара-но Фухито;
2. посмертное пожалование в 760 году Фудзивара-но Мутимаро (отец Накамаро), и Фудзивара-но Фусасаки (дядя Накамаро) высшей государственной должности Главного министра (*дайдзё: дайдзин*);
3. посмертное пожалование деду Накамаро Фухито 12-ти уездов провинции О:ми и титула князя О:ми.

Составление «Кадэн» также должно было способствовать укреплению позиций южной ветви рода Фудзивара и лично Накамаро. Важно отметить, что среди многочисленных мероприятий, проводившихся при Накамаро, было и составление генеалогических списков. Списки эти не сохранились, но о них упоминается в предисловии к «Синсэн сё:дзироку» («Вновь составленные списки родов», 815 г.)²⁸, где сказано, что работа по составлению генеалогий велась в период 757–765 гг., но не была доведена до конца. По всей видимости, недошедшие до нас генеалогические списки более строго следовали китайским образцам, чем сохранившиеся в «Синсэн сё:дзироку». Если учесть, что жизнеописания были важной частью китайских генеалогий²⁹, то вполне вероятно, что «Кадэн» должно было стать частью этих недошедших до нас генеалогий.

В пользу этого предположения свидетельствует также и то обстоятельство, что и «Кадэн», и недошедшие до нас генеалогические списки создавались приблизительно в одно время. В 1-м свитке «Кадэн» указано, что составил его Великий учитель (яп. *тайси*, другое название должности Главного министра). Эта должность была пожалована Накамаро в 4-й день 1-й луны 4-го года Тэмпё: Ходзи (760 г.). В 7-й день 8-й луны того же года Мутимаро была посмертно пожалована должность Главного ми-

²⁷ Сёку нихонги, Тэмпё: Ходзи, 8-9-18, 764 г.

²⁸ См. перевод и комментарии М. В. Грачева в: Синто. Путь японских богов. Т. 2, СПб.: «Гиперион», 2002.

²⁹ Грачев М. В. Ук. соч., с. 174.

нистра, но в «Кадэн» об этом не упоминается. Таким образом, составление «Кадэн» приходится на период с 4-й по 8-ю луны 760 года³⁰.

Главной целью составления «Кадэн» японские исследователи называют стремление упрочить положение рода Фудзивара, точнее его южной ветви и ветви, основанной самим Накамаро. В связи с этим «Жизнеописание рода Фудзивара» преследовало следующие цели.

1. Обоснование тесной связи между императорским родом и родом Фудзивара.
2. Обоснование и упрочение особых позиций рода Фудзивара в плодородной и стратегически важной провинции О:ми.
3. Стремление показать, что лучшие представители рода добились международного признания.
4. Продемонстрировать широкую китайскую образованность.
5. Продемонстрировать приверженность рода буддизму³¹.

Программным и идеологически наиболее значимым было жизнеописание основателя рода Каматари, написанное, как уже говорилось, самим Накамаро. Именно в жизнеописании Каматари содержится больше всего явных несоответствий.

Основной пафос жизнеописания Каматари заключается в прославлении совместного правления Тэнти (668–671) и Каматари. Идеальному правлению Тэнти — Каматари, по мысли Накамаро, соответствует правление Дзюннин-Накамаро³². Так, в одном из фрагментов жизнеописания Дзё:э двор Тэнти, в частности, обозначен термином *Сиби* (кит. *Цзывэй*, центр звездного неба, место пребывания небесного императора). Как уже говорилось, при Накамаро был создан непредусмотренный законом орган управления Сиби тю:дай, возглавлял его сам Накамаро. При этом Накамаро подчеркивает главенствующую роль Каматари. Так, Нака-но Оэ (будущий государь Тэнти) говорит Каматари: «Воистину я буду [служить Вам словно] Цзы Фан». Цзы Фан (Чжан Лян) ближайший сподвижник Гао-цзу (206–194 до н. э.), основателя династии Западная Хань (206 до н. э. — 8

³⁰ *Киси Тосио*. Ук. соч., с. 294.

³¹ *Сато Макото*. «Кадэн» то Фудзивара-но Накамаро («Кадэн» и Фудзивара-но Накамаро). — Фудзи(вара) си кадэн (Жизнеописание рода Фудзивара). Под редакцией Сато Макото. Токио: «Ёсикава кобункан», 1999.

³² *Сато Макото*. Ук. соч., с. 404–405.

н. э.). Таким образом, Каматари отождествляется с основателем династии Хань, а Тэнти — всего навсего с его помощником.

Кроме того, утверждается, что перед смертью Каматари была пожалована должность Главного министра. Однако в «Нихон сёки» об этом ничего не сообщается. Таким образом, Накамаро, сам дослужившийся до этой высшей в бюрократической иерархии должности, подкрепляет свое (и своих потомков) право на ее замещение. С той же целью, как уже говорилось, в 760 году Накамаро добился пожалования этой должности своему отцу Мутимаро и дяде Фусасаки.

Восхваление Каматари Накамаро вкладывает в уста монахов, императоров, престолонаследника, мудрецов и даже в уста вана корейского государства Когурё. Временами Накамаро, как это случалось с ним и в жизни, теряет чувство меры.

Например, в уста Тэнти Накамаро вкладывает такие слова:

«Говорят, что „в великой [стране] Тан есть Вэй Чжэн, в [стране] Когурё есть Кэгым, в [стране] Пэкче есть Сон Чун, в [стране] Силла есть Юсин“. Каждый [из них] охраняет [свою] страну, [их] слава приводит в трепет [земли] на десять тысяч ли. Все они — выдающиеся люди своей страны и мудростью превосходят других. Но если всех их сравнить с нашим внутренним министром, [им] придется пролезть под чужим задом. Разве могут [они] тягаться с [Каматари]?!».

Однако как бы ни была одиозна фигура самого Накамаро, и сколь бы преувеличенными ни были похвалы в адрес Каматари и Мутимаро, текст «Кадэн» работал не только на южную ветвь рода, но и на весь род в целом.

Например, у исследователей не вызывает сомнения то, что приводимая в «Кадэн» цифра в 15 тысяч кормовых дворов, якобы пожалованных Каматари, совершенно фантастична. Однако эти сведения, направленные на усиление экономического могущества рода, повторяются в «Нихон ко:ки» («Поздние анналы Японии», 840 г.)³³ и в «Руйдзю: сандай кяку» (сборник законодательных установлений, составлен в начале X века)³⁴.

³³ Нихон ко:ки, Ко:нин, 6-6, 815 г. // Нихон коки. Серия «Кокуси тайкэй», Токио: «Ёсикава кобункан», 1982.

³⁴ Руйдзю: сандай кяку, Ко:нин, 11-1-6, 820 г. // Руйдзю: сандай кяку. Серия «Кокуси тайкэй», Токио: «Ёсикава кобункан», 1996, Т. 2, с. 515-516.

Упоминания о «Кадэн» и цитаты из этого источника встречаются в довольно ранних текстах. Фудзивара-но Юкинари (972–1027)³⁵ в своем дневнике в записи под 1002 годом сообщает, что одолжил у Фудзивара-но Кинсуэ (957–1029)³⁶ «Записи о роде Фудзивара» и два свитка «Кадэн»³⁷. В «Фусо: рякки» (история Японии, составленная монахом Ко:эном, XI в.) цитируются фрагменты из двух свитков «Кадэн», посвященных соответственно Каматари и Мутимаро, в «То:дайдзи ёроку» (храмовая хроника То:дайдзи, сост. в 1134 г.) упоминается «Жизнеописание рода Фудзивара» и приводится цитата из жизнеописания Каматари. Цитаты из «Кадэн» встречаются также в «О:накатоми кэйдзу» («Родословная О:накатоми» (1205 г.).

Таким образом, текст «Кадэн» оказался востребованным, и вписывается как в традицию жизнеописаний VIII столетия, так и в последующую традицию — в эпоху Хэйан (794–1185), уже в русле японоязычной литературной традиции, жизнеописания видных представителей рода Фудзивара играли чрезвычайно важную роль³⁸.

Перевод и комментарии выполнены по изданию: Фудзи(вара) си кадэн (Жизнеописание рода Фудзивара). Под редакцией Сато Макото. Токио, «Ёсикава кобункан», 1999. Разбивка на фрагменты введена современными исследователями для удобства читателей и отсутствует в оригинале.

³⁵ Влиятельный сановник своего времени, прославившийся также литературным талантом. Дослужился до должности *дайнагона* (старший государственный советник) и старшего 2-го ранга.

³⁶ В 1021 году занял должность Главного министра, дослужился до старшего 1-го ранга.

³⁷ *Киси Тосио*. Ук. соч., с. 294.

³⁸ См., например, перевод на русский язык памятника конца XI, или по другой версии, XII вв. «Оокагами» — О:кагами. Великое зеркало. Перевод со старояпонского, исследование и комментарий Е. М. Дьяконовой. СПб.: «Гиперион», 2000.

Свиток I. Жизнеописание Каматари

Первый свиток *кадэн*.
[Составлено] Великим учителем¹

1. Появление на свет в усадьбе Фудзивара

Прижизненное имя² Внутреннего министра³ — Каматари, детское имя — Тё:ро:⁴. Родом из уезда Такэти провинции Ямато. Его предок — божество Амэ-но Коянэ-но микото⁵. Из поколения в поколение [его предки] ведали проведением празднеств в честь Небесных и Земных [божеств] и поддержанием согласия между людьми и богами. Поэтому роду было пожаловано имя Оонакатами⁶.

[Каматари] был старшим сыном министра [Накатами-но] Микэко⁷. Его мать звали Оотомо-но Оотодзи⁸.

Ооми⁹ родился на 34-м году правления государыни Тоёмикэ [Суйко]¹⁰ [626 г.] в год *киноэ-но ину*¹¹ в усадьбе Фудзивара.

Когда *ооми*¹² был еще в материнской утробе, снаружи доносился [его] плач. [Младенец] родился двенадцатимесячным. Его тетка по матери сказала отцу: «Ваш ребенок пробыл в лоне [матери] больше положенного. Это необычный ребенок, он несомненно наделен чудесными способностями». Отец же удивлялся тому, что роды прошли без затруднений, и мальчик неожиданно родился так легко.

2. Характер Каматари

Ооми обладал человечностью и сыновней почтительностью. Был одарен и мудр, прозревал [мир] глубоко и далеко. С малых лет он полюбил ученье и прочел много книг. Постоянно читал «Лю тао» Тай Гуна¹³ и мог декламировать [это сочинение] наизусть. Он был выдающимся и утонченным человеком. [Его] манеры и внешний облик были превосходны. Смотревшие на него спереди склонялись перед ним, смотревшие на него сзади — падали ниц. Люди говорили: «Господина неизменно сопровож-

дают двое мужественных и благородных мужей». Слыша такие речи, министр не заносился. Сердцем [он] следовал за сведущими людьми. Слава его росла день ото дня.

3. Человек выдающихся душевных качеств и познаний

Пользовавшийся благосклонностью [государыни] Сога-но Курацукури¹⁴ самолично распоряжался наградами и наказаниями и своим могуществом превосходил [саму] государыню. [Даже] когда он бранился, отдавая приказы, никто не смел послушаться.

Однако, встречаясь с *ооми*, [Сога] невольно бывал к нему почтителен, всякий раз признавая в душе [свою] никчемность. Однажды дети сановников, [собравшись] вместе у монаха Мин¹⁵, читали «И Цзин». Когда, запоздав, вошел *ооми*, Курацукури встал и поприветствовал его как равного. Сев, он подмигнул монаху Мин, чтобы тот закончил [занятие].

Тогда [Мин] сказал *ооми*: «Мне не сравниться с пришедшим ко мне старшим сыном Сога. Однако вы, господин, человек [столь] выдающихся душевных качеств и познаний, что и впрямь превосходите Сога. Очень прошу вас, берегите себя»¹⁶.

4. Упадок императорского дома

В начале правления государя Окамото [Дзёмэй]¹⁷, когда детям из благородных семей жаловали ранг *кин*, [Каматари] был назначен наследственно отправлять ритуалы [богам Неба и Земли]. Он твердо отказался и удалился по делам в Мисима¹⁸. В уединении он укреплял и совершенствовал свои природные свойства. Вскоре государь Окамото скончался. На престол возшла супруга государя [Ко:гёку]. Государыня не касалась дел управления, и императорский дом стал приходить в упадок. *Ооми* втайне негодовал.

5. Принц Кару¹⁹

В это время у принца Кару болела нога, и он не являлся ко двору. *Ооми* был издавна дружен с принцем. Поэтому он навестил принца в его дворце и прислуживал ему ночью. Они беседовали всю ночь напролет, позабыв об усталости. Принц Кару зная, что [Каматари] человек великих и далеко идущих замы-

слов, мудростью превосходящий всех, оказывал ему всевозможные почести. Он повелел своей любимой жене днем и ночью прислуживать ему. Комната, [отведенная Каматари], питье и еда — все было исключительным. *Ооми*, растроганный оказанными ему милостями, потихоньку сказал приближенному [к принцу] *тонэри*: «Столь сердечный приём, оказанный мне, превосходит мои ожидания. Разве не предназначено твоему господину стать государем?!». Благородный муж сказал правду, и вскоре этому суждено было осуществиться. *Тонэри* передал слова [Каматари] принцу. Принц же сильно обрадовался.

Однако для осуществления великих замыслов достоинств принца было недостаточно.

6. *Нака-но Оэ*

[Каматари] снова и снова радел о выборе государя среди принцев. Только Нака-но Оэ был выдающимся человеком и питал великие замыслы, ему под силу было усмирить смуту. Но [у Каматари] не было случая посетить [его]. [Однажды] они случайно встретились в саду, где играли в *мари*²⁰. Нака-но Оэ вместе с мячом уронил свою кожаную туфлю. *Ооми*, подняв туфлю, почтительно преподнес ее. Нака-но Оэ вежливо принял. С этого времени между ними возникли дружба и полное согласие.

7. *Истребление Ямасиро-но Ооэ*

В 10-й луне 2-го года правления государыни Ноти-но Окамото [Ко:гёку]²¹, в год *мидзунто-но у* [642 г.], Сога-но Ирука вместе с принцами²² замыслил погубить наследного принца Камидумия, Ямасиро-но Ооэ и иже с ними.

[Сога-но Ирука] сказал: «Ямасиро-но Ооэ родился в моем доме²³. Далеко разнеслась слава о его высоких добродетелях и благодетельной силе. Когда государь Окамото [Дзёмэй] передавал [высочайший] престол, все сановники сказали: «Между дядей и племянником существуют разногласия». Кроме того, его обида за убийство Сакаибэ-но Оми Марисэ²⁴ глубока. Ныне, когда скончался государь и престол передан государыне-супруге, сердце [его] наверняка беспокойно. Разве это не ведет к смуте? Ради блага государства не следует потакать родному племяннику»²⁵.

Все принцы согласились. Но согласились они, опасаясь несогласием навредить себе.

Некоторое время спустя Ямасиро-но Ооэ [и иже с ним] были истреблены в храме Икаруга. Те, кто знали об этом — сокрушались.

Отец [Сога-но Ирука] Тююра-но Оми²⁶ разгневался и сказал: «Какой же ты глупец, Курацукури! Что же ты натворил?! [Теперь] твой род неминуемо погибнет».

Печалются, когда не могут преодолеть самого себя. Курацукури же считал: «Удалив [застрявшую] рыбную кость, не испытывают сожаления».

Династия Хань была замирена и прославлена постепенно, в [нашей] стране уже свершились свирепства и распущенность Дун Чжо²⁷.

8. Заключение брака

Тогда Нака-но Ооэ сказал ооми: «Государь управляет при помощи высших сановников, треножник²⁸ Чжоу²⁹ перешел в руки рода Цзи³⁰. Как же быть, господин? Прошу Вас поведать о ваших великих замыслах».

Ооми подробно рассказал о [своих] замыслах по устранению смуты и восстановлению порядка. Нака-но Ооэ обрадовался и сказал: «Воистину я буду [служить вам словно] Цзы Фан³¹».

Ооми стремился заручиться поддержкой влиятельного дома. Тайно разыскивал [он] тех, у кого есть разногласия с Курацукури, и узнал, что Ямада-но Оми³² и Курацукури ненавидят друг друга. [Он] сказал Нака-но Ооэ: «Ямада-но Оми почитают твердым и храбрым, его могущество и слава велики. Если посвятим его в наши планы, непременно удастся осуществить задуманное. Но прежде прошу тебя заключить брачные отношения [с его домом]. После этого раскроем ему [наши] заветные планы». Нака-но Ооэ последовал этому. Затем просватали девушку из дома Ямада-но Оми. Ямада-но Оми дал свое согласие.

9. [Ямада-но Оми] предлагает младшую дочь

Когда наступила весна, и новые повозки направились [к дому невесты], младший брат [Ямада-но Оми по имени] Мусаси похитил девушку. Ямада-но Оми пребывал в растерян-

ности и горевал. [Он] не знал, как быть. Его младшая дочь, видя горе отца, спросила: «О чем ты так сокрушаешься?». Отец рассказал ей. Младшая дочь сказала: «Хотя обликом я не такова как Си Ши³³, но душою подобна Мому³⁴. Прошу тебя, предложи меня». Ее отец сильно обрадовался и предложил младшую дочь.

Нака-но Ооэ разгневался на непочтительность Мусаси и велел казнить его. *Ооми*, увещевая, сказал: «Коль скоро [вы] приводите в порядок большие дела Поднебесной, стоит ли гневаться из-за незначительного проступка в доме?». Тогда Нака-но Ооэ отменил [повеление]³⁵.

10. Выработка совместного плана³⁶

Ооми [Каматари] неспешно беседуя с Ямада-но Оми, говорил: «Старший сын [Сога]³⁷ своенравен, и люди и боги порицают [его]. Род того, кто пособничает злодею, непременно постигнут несчастья и гибель. Вам [следует] хорошенько обдумать это». Ямада-но Оми сказал: «Я уже обдумал. Почтительно присоединяюсь к принцу». Затем [они] стали вместе вырабатывать план [действий]. [Они] хотели поднять войска. Нака-но Ооэ сказал: «[Я] хотел бы откровенно доложить [обо всем государыне], но опасуюсь, удастся ли [тогда] осуществить замыслы. Если же не доложить и промолчать, боюсь напугать государыню. В чем же состоит истинный долг подданного? Вы, сановники³⁸, выскажите мне свое мнение».

Ооми ответил: «Дело подданного — преданность и сыновняя почтительность. Путь преданности и сыновней почтительности — сохранять страну в целостности и возвышать [свой] род. Когда подданные распущенны, государевы установления приходят в упадок, великая основа разрушается. Нет большей непочтительности и непреданности, чем [попустительство] этому».

Нака-но Ооэ сказал: «Мой успех и мое поражение зависят от тебя. Ты должен постараться».

Тогда *ооми* сказал Сазэки-но Мурадзи Комаро³⁹ и Вакаинукаи-но Мурадзи Ами⁴⁰: «[Вы] храбрые и сильные, [вам] по силам поднять треножник⁴¹. Только вам двоим можно поручить [осуществление] великих замыслов». Они присоединились к Нака-но Ооэ.

11. Замысел убить Ирука

В 4-й год правления государыни Ноти-но Окамото [Ко:гёку], в год *киното-но ми* [645 г.], летом, в 6-ю луну, Нака-но Ооэ притворился, что будет читать государыне [послание] от трех корейских государств. Тогдашние люди поверили этому. Тогда Ямада-но Оми сказал: «Предлагаю, воспользовавшись чтением [государыне] послания трех корейских государств, убить Ирука». Ямада-но Оми было дано разрешение на это. Тотчас же был намечен план.

12. Приглашение Ирука [к государыне]

В день *цутиноэ-но сару* государыня пребывала во дворце. [Ей] прислуживал Фурухито-но Ооэ. Вскоре *тонэри* пригласил Ирука. Ирука встал и принялся надевать туфли, но трижды ронял их и не мог надеть. Ирука испугало это, [он] был в замешательстве и хотел вернуться. *Тонэри* настойчиво приглашал его. Отказаться идти было невозможно.

Ооми издавна знал, что Ирука очень подозрителен и днем и ночью носит с собой меч, и заранее велел танцорам пойти на уловку и отцепить [свои мечи]. Ирука рассмеялся и [тоже] отцепил свой меч. Затем вошел и занял свое место.

13. Послание от трех корейских государств

Ямада-но Оми вышел вперед и начал читать послание от трех корейских государств. Тогда Нака-но Ооэ приказал страже у ворот одновременно затворить [все] двенадцать ворот. Затем Нака-но Ооэ сам взял длинное копье и спрятал его поблизости. [Люди] министра с луками и стрелами в руках охраняли [Нака-но Ооэ]. Сазки-но Мурадзи Комаро и Вакаинукаи-но Мурадзи Амита были пожалованы два меча из ларца и передано на словах: «Одним из этих мечей непременно зарубите [Ирука]».

[Комаро и Амита] давились съеденным рисом и [от страха их] стошнило. *Ооми* понуждал и ободрял их.

14. Окончание чтения послания

Ямада-но Оми боялся, что закончит читать послание раньше, чем придут Комаро и иже с ним. По его телу струился пот,

голос дрожал, руки тряслись. Курацукури счел это подозрительным и спросил: «Почему ты дрожишь?». Ямада-но Оми ответил: «Я нахожусь рядом с государыней, оттого пот сам собою струится». Нака-но Ооэ увидев, что Комаро и иже с ним, страхась могущества Ирука, медлят выступить, закричал «А-а!», и вместе с Комаро они неожиданно бросились с мечами на Ирука, поранив его в голову и плечо.

15. Убийство Ирука

Ирука испуганно вскочил. Комаро-но Мурадзи, взмахнув мечом, поразил его в ногу. Ирука встал, приблизился к государыне и попросил: «Твой слуга не знает, в чем его вина. Прошу Тебя разобраться [в этом]».

Государыня была сильно удивлена и сказала Нака-но Ооэ: «Ничего не понимаю. Что здесь происходит?». Нака-но Ооэ распростерся ниц и сказал: «Курацукури окончательно погубит правящий род, он покушается на престол. Разве должен Курацукури наследовать потомкам императоров?!».

Государыня встала и удалилась вглубь дворца. Затем Комаро и иже с ним зарубили Ирука.

В этот день шел дождь, потоки воды затопили сад. Мертвое тело Курацукури прикрыли циновками и перегородками-сёдзи.

16. Коварные мятежники еще не усмирены

Люди того времени считали: «Злодея покарала по воле Неба». Однако оставался еще Тоюра-но Ооми⁴². Коварные мятежники еще не были усмирены. [Нака-но Ооэ] отправился в храм Хо:ко:дзи⁴³, сделав его хорошо укрепленной крепостью. Вельможи и сановники все последовали за ним. Послали людей, чтобы отдать тело Курацукури Тоюра-но Ооми.

17. Бегство мятежников

Тогда Ая-но Атаи⁴⁴ и иже с ним собрали всех своих родичей, облачились в доспехи, взяли в руки оружие, и встали лагерем, придя на помощь министру. Нака-но Ооэ отправил Косэ-но Оми Токода⁴⁵ объявить: «Ты не принимаешь участия в делах [управления] нашей страны. Зачем же ты сам идешь против Неба и противишься его воле, навлекая гибель на свой род?!».

Сообщник мятежников Такамуку-но Оми Куниоси⁴⁶ отвечал Ая-но Атай: «Старший сын моего господина⁴⁷ уже убит. *Ооми*⁴⁸ тоже будет непременно понапрасну убит. Ради кого попусту будем сражаться и какой смысл в том, что будем казнены?». Сказав так, он бежал. [Остальные] мятежники тоже рассеялись.

18. Искоренение смуты и скверны

В день *цутиното-но тори* Тоюра-но Ооми Эмиси покончил с собой в своей усадьбе⁴⁹. Скверна и смута были искоренены, шакалы и волки попрятались. Люди прыгали от радости, все кричали «Ура!». Нака-но Оэ хвалил [Каматарии]: «Воистину благодаря твоим способностям разрушенная основа вновь приведена в порядок, начавшая клониться к упадку судьба [государства] снова набирает силу». *Ооми* [Каматарии] отвечал: «Это произошло благодаря [вашей] совершенной добродетели, здесь нет заслуги вашего слуги. Не я покори́л всех».

19. Нака-но Ооэ уступает трон

В день *коноэ-но ину* государыня Амэ Тоётакара Икасихи Тарасихимэ [Ко:гёку] пожелала передать трон Нака-но Оэ. Нака-но Оэ спросил совета у *ооми* [Каматарии], тот сказал: «Фурухито-но Ооэ приходится вам старшим братом. Принц Кару-но Мантоку приходится вам дядей. Если ныне займете престол небесных государей в обход Фурухито-но Ооэ, то [долг] послушания и служения младшего брата [старшему] будет нарушен. Не лучше ли поставить [государем] дядю, чтобы сбьлись чаяния людей?»

Нака-но Ооэ последовал [совету Каматарии] и тайно доложил об этом государыне.

20. Благородный муж сказал правду

Государыня издала повеление об отречении от трона [в пользу] принца Кару. Он стал государем Амэ Ёродзу Тоёхи [Ко:току⁵⁰].

В действительности же это свершилось по воле *ооми*. Знающие люди говорили: «Ныне видим, что благородный муж сказал правду».

Государыне Тоётакара Икасии был пожалован титул бабушки-государыни. Нака-но Ооэ был назначен наследником престола. Девиз правления был изменен на Тайка.

21. Пожалование шапки ранга дайкин

Был речен указ: «Умиротворить алтари земли и злаков⁵¹ удалось благодаря заслугам Нашего князя⁵². И то, что [ныне] унифицированы ширина хода повозок и письменность⁵³, произошло благодаря его деяниям. Посему [ему] даруется шапка ранга дайкин⁵⁴ и жалуются [должность] внутреннего министра, а также 2000 дворов. Князю поручено распоряжаться важными военными и государственными делами»⁵⁵.

Ооми разыскивал и выявлял [достойных] среди лесов и болот⁵⁶ и среди людей низкого звания. И привлекал их к управлению, [так что] на окраинах не осталось одаренных, [которых бы он не нашел]. Поэтому девять управлений⁵⁷ были упорядочены, а все пять постоянств⁵⁸ приведены в гармонию.

22. Пожалование внеочередного ранга

В 5-й год Хакухо [654 г.]⁵⁹, осенью, в 8-ю луну, был речен указ⁶⁰: «Неизменным принципом прежних государей было почитание дао и привлечение на службу мудрых. Изречение совершенномудрых [гласит] — [необходимо] поощрять заслуги и воздавать должное за добродетели. Люди полагают, что ранг внутреннего министра обладателя шапки ранга дайкин, Накатоми-но Мурадзи, по заслугам равного с Такэ-но Ути-но сукунэ⁶¹, не достаточно [высоки]⁶². [Ему] внеочередно жалуются шапка ранга сики⁶³ и еще 8000 дворов».

23. Пожалование шапки ранга дайсики

Вскоре государь Амэ-но Ёродзу Тоёхи [Ко:току] устав от многочисленных дел управления [государством], сокрылся в облаках⁶⁴. Мать-государыня вняв чаяньям людей, вторично взошла на престол⁶⁵. Все дела управления [она] передала наследному принцу. Наследный принц всякое дело решал, советуясь [с сановниками], и только после этого претворял [решения] в жизнь. В то время из-за моря и из-за [таких крутых] гор, [куда добраться можно только при помощи] лестницы, непрерывно по-

ступали подношения императорскому двору. [Появилось] очень много деревень, где [люди] играли на жан⁶⁶ и похлопывали себя по животу⁶⁷. Если бы не добродетель государыни и не мудрость подданного⁶⁸, разве удалось бы достичь такого блага?! Посему [Каматари] была пожалована шапка ранга *дайсики*, титул князя⁶⁹ и 5000 дворов. Всего вместе с пожалованными прежде — 15 000 дворов⁷⁰.

24. Внешние дела управления ⁷¹

В 12-й год [661 г.]⁷², зимой в 10-ю луну государыня проследовала во дворец Нанива. До этого в соответствии с просьбой Поксин⁷³ государыня, желая послать войска на помощь [Пэкче], проследовала на Цукуси для осуществления военных приготовлений. В 13-й год [662 г.]⁷⁴, летом, в 1-ю луну, корабль государыни был спущен на воду и отправился на запад. В 3-ю луну корабль государыни причалил в бухте Наноооцу, государыня пребывала в путевом дворце Ивасэ. Государыня переименовала его в Нагацу. Летом в 5-ю луну [государыня] переехала во дворец Асакура-но Татибана-но Хиронива и занималась внешними делами управления⁷⁵.

25. Отклик божеств ⁷⁶

До 7-й луны осени государыне нездоровилось. Тогда *ооми* в душе испугался. Вознес моления богам [Неба и Земли], горячо спрашивал у будд долголетия [для государыни]. Яшмовая статуя будды, [которой молился Каматари] протянула руку и погладила [его] по голове, во сне [Каматари] явилась Каннон на небесах. [Так] был явлен отклик божеств.

Поэтому монах До:кэн⁷⁷ сказал: «В древности государевы телохранители, заслышав скрип оси повозки, молили о смерти⁷⁸, мужи, обладавшие целомудрием и чувством долга, прорывали землю и жертвовали собой⁷⁹. [Когда] солнце было сокрыто облаками-птицами, Лин Инь молился, чтобы проклятие бога Хуанхэ перешло на него⁸⁰, мудрый муж желал принести себя в жертву.

Хотя слава не меркнет и молва о преданности и бескорыстии полнится, [эти деяния] сильно отличаются от случившегося ныне. Разве можно их равнять?!»

26. [Престолонаследник] облачается в белые одежды и приступает к управлению

Жизнь имеет предел, и срок жизни [государыни] уже подошел к концу. Государыня скончалась в путевом дворце Асакура⁸¹. Престолонаследник, облачившись в белые⁸² одежды, приступил к управлению.

В этой луне военачальник Су⁸³, тюркский принц Кэйхицукарики и иже с ними двумя путями — по суше и по морю — прибыли в крепость [страны] Когурё. Престолонаследник переехал во дворец Нагацу для управления военными делами за морем.

27. Выдающиеся мудрецы⁸⁴

Однажды [престолонаследник] сказал сановникам: «Говорят, что «в великой [стране] Тан есть Вэй Чжэн⁸⁵, в [стране] Когурё есть Кэгим⁸⁶, в [стране] Пэкче есть Сон Чун⁸⁷, в [стране] Силла есть Юсин⁸⁸». Каждый [из них] охраняет [свою] страну, [их] слава приводит в трепет [земли] на десять тысяч ли. Все они выдающиеся люди своей страны и мудростью превосходят других. Но если всех их сравнить с нашим внутренним министром, [им] придется пролезть под чужим задом⁸⁹. Разве могут [они] тягаться с [Каматари]?!»

Зимой, в 11-ю луну, останки государыни были перевезены из дворца Асакура и захоронены во временном погребении в Асука-но Кавара.

28. Престолонаследник приступает к делам управления⁹⁰

В 14-м году [663 г.] престолонаследник приступил к делам управления. В прежние трудные годы дружба [между престолонаследником и Каматари] была искренней. Хотя долгом были [отношения] правителя-поданного, ритуалом были [отношения] друга-наставника. Когда выезжают сидя рядом в одной повозке, подстилки смыкаются, а колени соприкасаются. В делах управления [престолонаследник и Каматари] чтили великодушные, в нравах придерживались человеколюбия и доброты. И тогда добродетель-току укрыла [собой] весь мир. За морем действовали устрашением и умиротворением. Поэтому три корей-

ских государства покорились и стали служить [Ямато], а десять тысяч родов пребывали в мире и спокойствии⁹¹.

29. Послание вана Когурё⁹²

Поэтому ван Когурё⁹³ преподнес внутреннему министру послание. Оно гласило: «Думаем [мы], воздействие человеколюбия *ооми*⁹⁴ достигает далеких [пределов]⁹⁵, [молва о Вашей] великой добродетели простирается далеко. [Вы] распространили благотворное влияние государя на десять тысяч лет, прославили восхитительные качества [государя] на десять тысяч ли. [Служите] опорой государству, понтонными мостами⁹⁶ — народу. [На Вас] почтительно взирает страна, и надеются сто родов. Радуетесь тому, что слух об этом разнесся далеко. Поистине [мы] глубоко обрадованы тем, что об этом стало известно».

30. Благоденственное правление

В 6-м году [667 г.] правления, летом, в 3-ю луну, столица была перенесена в провинцию Афуми⁹⁷. В 7-м году [668 г.] в 1-ю луну государь взошел на престол. Это государь Амэ Микото Пиракасу Вакэ⁹⁸. В [правление] государя не случилось происшествий, и [государь] любил объезжать-осматривать страну. Не было людей с землистым [от голода] цветом лица, появились дома с избытком запасов. Народ повсюду превозносил благоденственное правление.

31. *Ооми* увещевает государя⁹⁹

Государь призвал сановников и устроил пир в доме на побережье. В разгар пира очень веселились. Наследный принц-младший брат [государя], взяв длинное копье, проткнул настил пола. Государь испугался и сильно рассердился, думая, что принц хотел причинить [ему] вред. *Ооми* настойчиво увещевал [государя], и тогда государь отступился от принца. Наследный принц-младший брат [государя] поначалу невзлюбил *ооми* за высокомерное обращение. Но с этого времени [принц] стал особенно ценить близость с ним. Впоследствии во время смуты года *дзинсин*¹⁰⁰, когда [наследный принц-младший брат государя] направлялся из Ёсино в восточные земли, [он] молвил, сокру-

шаясь: «Если бы ооми был жив, разве пришлось бы мне терпеть такие лишения?!» Люди думали так же.

32. Исправление и утверждение законов

В 7-м году [668 г.], осенью, в 9-ю луну, Силла преподнесла дань. Тогда ооми передал послу Ким Тонъом один корабль для вручения главному министру Силла [по имени] Юсин¹⁰¹. Некоторые порицали это. Ооми же говорил в ответ: «Под Небесами нет земли, которая не принадлежала бы государю, на земле нет человека, который не был бы подданным государя».

Еще раньше государь повелел ооми записать ритуалы и правила поведения, исправить и привести в порядок уголовные и гражданские законы. [Ооми], превосходно разбиравшийся в природе Неба и Человека, составил наставления для государя. Ооми с мудрецами того времени сократили-дополнили старинные ритуалы, составили основные законоположения. [При составлении законов] всецело [руководствовались] возвеличиванием пути почитания и любви, пресечением пути коварства и криводушия. [При помощи] законов стремились избежать судебных процессов, в установлениях [стремились] соблюдать [принцип] любви ко всему живому. Даже три законоуложения [династии] Чжоу и девять разделов законов [династии] Хань¹⁰² ничего не могли бы прибавить [к этому]¹⁰³.

33. [Государь] справляется о болезни

На 2-й год после восшествия на престол [669 г.], зимой, в 10-ю луну, [Каматарии] понемногу завладела тяжелая болезнь. Затем болезнь обострилась¹⁰⁴. Государь посетил [Каматарии] в его усадьбе и осведомился о болезни. Молился верховному владыке Неба о продлении жизни, просил явить знак. Несмотря на молитвы, на следующий день знака не было явлено, и болезнь еще более усилилась¹⁰⁵. Тогда государь рёк: «Если у [тебя] есть просьба, Мы готовы выслушать». Ооми ответил: «Что осмелится сказать ваш никчемный слуга? Я желал бы только, чтобы похоронили меня скромно. При жизни я не принес пользы в военных [делах] страны¹⁰⁶, разве могу после смерти обременять народ?» [Ооми] сразу же слег и больше ничего не сказал. Государь

задыхался [от слез] и не мог совладать со своим горем. [Он] тотчас же вернулся во дворец.

34. Фудзивара-но Асоми

[Государь] послал своего младшего брата-престолонаследника [к Каматари], [престолонаследник] прибыл в его дом и огласил указ¹⁰⁷ государя: «Размышляя об отдаленных предшествующих эпохах, видишь, что иногда из поколения в поколение появлялись лишь один-два сановника, [способных] управлять государством. Но если оценить заслуги, сопоставить способности, [никто] не сможет сравниться с князем. Не только Мы почитаем тебя, но и последующие государи и потомки воистину благодетельствованы тобою. [Желаем] достойно и щедро вознаградить, дабы не было забвения и утраты. Ныне услышав, что болезнь [твоя] усилилась, Мы еще больше опечалились. Следует наградить тебя». Посему [Каматари] были пожалованы шапка ранга *сики*, назначение на должность главного министра, новое имя Фудзивара-но Асоми¹⁰⁸.

35. Скончался в усадьбе в Афуми

В 16-й день, в день *каното-но тори* [Каматари] скончался в усадьбе Афуми. В то время ему было 56 лет. Государь плакал и очень горевал. Он оставил дела управления на девять дней.

В день *киноэ-но нэ*¹⁰⁹ [государь] послал Сога-но Тонэри-но Оми [в дом Каматари] огласить волю государя¹¹⁰: «Внутренний министр, *ооми*, обладавший *кабанэ асоми*, скончался [так] безвременно и внезапно. Почему Небо погубило лучшего из наших людей?! Какая скорбь! Какая печаль! Покинул нас и ушел далеко. Как страшно! Какая жалость! Оставил нас и ушел навсегда! К чему прощальные слова? К чему речи, которыми не высказать [скорби]?! Это не пустые фразы, поистине так и есть. Днем и ночью [мы шли] рука об руку, [ты] был нашим приближенным. [Ты] успокаивал наше сердце. [Твои] слова и дела были безупречны. Мы вместе решали большие и малые дела государства. Во [всех] восьми пределах¹¹¹ наступило спокойствие, весь народ не ведал печали. Хотя и произносим эти прощальные слова, речь наша никчемна, неумела и недостойна [внимания]. Увы! Ах! Как быть?! Как быть?!

36. Судно и весла уже затонули

Если князь вносил свои предложения во дворец, они неизменно шли на пользу народу. Если рассуждал об управлении в [военной] ставке, [его мнение] непременно совпадало с Нашим. Воистину, такие как он появляются раз в десять тысяч лет.

Вэнь-ван¹¹² полагался на Шан Фу¹¹³, основатель Хань¹¹⁴ залучил Чжан Ляна¹¹⁵. [Но] разве можем мы сравнить [тебя с ними] обоими?! Поэтому утром и вечером [мы] держались за руки, были близки и не наскучивали [друг другу]. Выезжали в одной колеснице, во время выездов следовали ритуалу.

Еще не переправились через большую реку, а судно и весла уже затонули. Заложили фундамент большого дома, а конек крыши и стропила сломались¹¹⁶. С кем [нам] ведать страной? С кем управлять народом? Каждый раз как подумаем об этом, печаль [наша] становится еще глубже. Однако [мы] слышали, что „даже величайшие мудрецы не могут избежать [смерти]“. И потому боль и скорбь стихают, и понемногу успокаиваются.

37. Царство Тушита¹¹⁷

Если у умерших есть душа, и [душа Каматари] и впрямь сможет предстать перед прежними императором и императрицей¹¹⁸, то почтительно скажет: „Совсем как в былые дни, когда при прежних государях я наслаждался видами в Афуми и в Хира-но Ура-но мия¹¹⁹“.

Всякий раз, когда Мы видим это, неизменно вглядываемся изо всех сил и скорбим. Ни единого шага не ступим, не подумав [о наших родителях], ни единого слова не молвим, не вспомнив [о них]. С надеждой взираем на добродетель мудрецов [-государей], падаем ниц, глубоко связанные любовью.

[Тому, кто] уходит от мира и отправляется к Будде, непременно понадобится буддийский инвентарь. Поэтому жалуем курильницу из чистого золота¹²⁰. Взяв эту курильницу, ты, согласно данному обету, следуя за бодхисаттвой Каннон, достигнешь верха царства Тушита¹²¹. День за днем, ночь за ночью будешь внимать прекрасному учению Мироку¹²². Каждое утро и каждый вечер будешь вращать круг дхарм¹²³ истинных сущностей».

38. Похороны¹²⁴

Вскоре затем все сановники и чиновники отправились в сад, где [стоял] гроб с телом покойного, и оплакивали [его]. Потому были пожалованы компас, *хо:со*:¹²⁵, верх [погребального] экипажа из птичьих перьев, барабаны и флейты¹²⁶. В день похорон путь [похоронной процессии] проходил мимо дворцовых ворот, [государь] самолично облачился в белые одежды и изволил идти пешком. [Он] оставил дела управления, обратившись в сторону погребального экипажа, плакал навзрыд, захлебывался [слезами]. С древности не бывало еще столь щедрых государевых милостей и столь славного первого вельможи, как в нынешние дни. В похоронных приготовлениях следовали его [Каматари] предсмертным словам, что давним его желанием является, чтобы похоронили его скромно.

39. Сожжение в храме Ямасина-но дэра

И вот в год *каноз-но ума* [690 г.] в 6-й день 9-й вставной луны, [Каматари] был предан огню¹²⁷ в храме Ямасина-но дэра¹²⁸. Государь повелел всем сановникам собраться на месте погребения. Ки-но Уси-но Оми¹²⁹, младшая степень ранга *дайкин*, поручили произнести прощальную речь. Была оказана материальная помощь [на проведение] похоронного ритуала. Во время [похорон] на небе появились облака очертаниями похожие на фиолетовые¹³⁰ зонты¹³¹. Сверху из них доносились звуки струнных и духовых [инструментов]. Множество народа слышали и видели [это]. Никогда не бывало [такой] скорби.

40. Почитание трех сокровищ

Ооми почитал Три Сокровища. Чтил и распространял [учение Будды] в четырех [направлениях]. Каждый год в 10-ю луну украшал место для проповеди, почитал высокодобродетельные деяния Юима¹³², разъяснял единую сокровенную истину. Отринув родовое имущество, вступил в храм *Ганго:дзи*¹³³, стал собирать установления учений пяти школ¹³⁴. Вследствие этого не переводились мудрые монахи, святое учение все более процветало. И вот [был явлен] знак этого!

41. Изготовление надгробного камня

Сатхэк Сомён, младшая степень ранга *сики*¹³⁵, из Пэкче обладал выдающимся талантом и в изящной словесности не знал себе равных. Сокрушаясь о том, что если не передать доброй славы, добродетель истощится и погибнет, изготовил [надпись на] надгробном камне. Ныне этот камень находится в Котомаки¹³⁶.

[У Каматари] было двое детей — Дзё:э¹³⁷ и Фухито¹³⁸. О Фухито есть отдельное жизнеописание¹³⁹.

Жизнеописание Дзэ:э

1. Был одарен и любил учиться

От природы Дзэ:э был одарен и любил учиться.

Ооми¹⁴⁰ сомневался в нем, полагая: «Хотя и есть [меч] твердый, [как] железо, но если он не закален, разве станет острым, [словно] меч Тань Цзяна¹⁴¹?! Хотя и есть тугая стрела, но если не оперить ее, разве станет она прекрасной, [словно стрела, куаицзи]?»¹⁴²

Поэтому, отлучив от родительских благодеяний, [отправили его] искать сокровище вдали среди чужих людей.

2. Прибытие в Чанъань

Посему в 5-й год Хакухо¹⁴³, год киноэ-но тора [653 г.] в составе посольства в Тан¹⁴⁴ он прибыл в Чанъань и поселился в квартале Хуайдэ в монастыре Хуйжи. Монах Шэнь Тай¹⁴⁵ посвятил [его] в монахи. Как раз в 4-м году [девиза] Юн-хуй танского государя¹⁴⁶ ему исполнилось 11 лет. С самого начала он полностью углубился в путь подвижника. Ни днем, ни ночью не ведал небрежения. Десять с лишним лет странствовал, следуя за учителем и совершенствуясь в учении. Досконально разобрался во внутреннем каноне¹⁴⁷, а также знал толк и во внешних установлениях¹⁴⁸.

Чтобы разбираться в изящной словесности, стал изучать [каллиграфические стили] гао и ли.

3. Смерть в усадьбе Оохара

В 16-й год Хакухо, осенью в 9-ую луну года киното-но уси [665 г.]¹⁴⁹ [дорогой] через Пэкче [Дзэ:э] прибыл в столицу¹⁵⁰. Во время своего пребывания в Пэкче он сложил такие стихи с одной рифмой:

«Обитель государя за тысячу ли.

Пограничный город. Смотрю —

Со всех четырех сторон — осень».

Даже самые одаренные люди того времени [ничего] не смогли прибавить к этому превосходному стихотворению. Ученые мужи из Пэкче втайне завидовали его таланту и отравили его.

В 23-й день 12-й луны этого же года он скончался в усадьбе Оохара¹⁵¹. Ему было 23 года. Монахи и миряне смахивали слезы, придворные и простолюдины сокрушались.

4. Надгробное слово, сложенное До:кэн

Монах из Пэкче по имени До:кэн, сложил надгробное слово и сказал:

«Если обратиться к прежним судьбам, то окажется, что это неизменный закон государства. Он обнаруживается в древних книгах и ясно отражается в [делах] древности и современности.

Для того, кто сматывает нить [по велению из] Пурпурного дворца¹⁵², основой является выдвигание добродетельных. Для того, кто прославляет род государя, основой является пестование преданности. Поэтому Чжоу-гун¹⁵³ трижды самолично наказывал Цинь¹⁵⁴ [бамбуковыми палками], а Чжун-ни¹⁵⁵ требовал от Ли¹⁵⁶ применения двух учений¹⁵⁷.

Очевидно также — окончательное упорядочение государства не является частным делом. Если исходить из этого, непременно поймешь — герой всегда живет на свете, обретая славу и достигая почестей, продвигая достойное и устраняя ошибки. А также перемежает мягкость со строгостью, сочетает внешнюю красоту и внутренние качества. В этом заключается долг добродетельного [слуги].

Разве этот человек не из благородных мужей! На него, владеющего сияющей добродетелью, взирают, словно на высокую гору. Если есть хотя бы один такой [человек], установленный порядок непременно будет превосходным¹⁵⁸.

5. Образец в составлении докладов

И вот [отец] отдал [сына] в монахи и отправил учиться в Тан. Прилепившийся к обучению непременно освоит [науку].

В сердце хранил семь сводов¹⁵⁹, в душе таил множество [книг]. Распознавал [гексаграммы] «Пи» и «Тай»¹⁶⁰, глубоко различал, когда [лучше] отступить, а когда продвигаться вперед.

Вновь растроган до слез исключительным талантом. Страхится разлуки с людьми.

Если бы бамбуковые дощечки¹⁶¹ единожды рассыпались, [Дзэ:э] запечатлел бы [записанное на них] в керамике и литье. Поэтому, будучи кладезем высокой мудрости, был образцом в составлении докладов [о принципах управления страной]. Однако, неожиданно получив высочайшее повеление¹⁶², принял на себя роль посланца и приказал тронуться в путь. Ко Уцзуну, Лю Дэгао¹⁶³ и иже с ними был речен указ с повелением проводить [Дзэ:э] ко двору Ямато и опекать [его] утром и вечером.

6. Ранняя смерть

Посему морским путем прибыл в старую столицу¹⁶⁴. Получив повеление императора, сподобился счастливо вернуться домой. Не пробыв [дома] и немного, слег на одре болезни и вата едва-едва [шевелилась у его рта]¹⁶⁵. Ах, что тут поделаешь?! В 16-м году Хакухо, в год *киното-но уси* [665 г.], в 23-й день 12-й луны в столько-то лет¹⁶⁶ скончался во дворце Оохара. Ах, как печально!»

7. Тогда произнес надгробную речь

Тогда произнес надгробную речь:

«О, прекрасная великая основа¹⁶⁷, управляющая государством озаряя все вокруг!¹⁶⁸ О, как прекрасно! Опираясь на человеколюбие, способствовать улучшению установлений. [Был] знатен и славен, замышлял прославлять государевы планы. Был, [словно] горная вершина, был, [словно] море, подобен крепостной стене, подобен рву. Как и Си Бо, увещевал [смотревших на] рыб, порицал [неуместное использование] бронзовых сосудов¹⁶⁹.

Разузнав дорогу в западную Тан, [Дзэ:э] обучался наукам на побережье [реки] Сы¹⁷⁰. Почтительно внимал наставлениям учителя¹⁷¹, тщательно обдумывал [его слова], духом превосходил всех.

Доклад Бянь-ши¹⁷² о драгоценности, добытой на горе Цзин, был верен. Детеньш дракона отблагодарил [князя] Суй жемчужиной, сокрытой в [реке] Ханьшуй¹⁷³.

Почетный гость при дворе [Тан] прославил сиянием Вашу страну. И вот, получив государево повеление¹⁷⁴, водрузил жезл¹⁷⁵ и прибыл [в Тан]¹⁷⁶.

Как раз тогда [отношения между Тан и Ямато] обновились [и стали близкими как] губы и зубы, а [слава] отца-опоры стала еще ярче. В приближенных [к государю] учреждениях было множество достойных, резиденция государя¹⁷⁷ была исполнена величия. Школы у четырех ворот были обширны, три кончика — изысканно-блестящи¹⁷⁸. Государственные дела [велись] без небрежения, и вознаграждались сокровищами страны.

8. Следует беречь талант

Жизненный путь [подобен] банановому дереву¹⁷⁹, человеческая жизнь [подобна] крепостным воротам. Крысы легко перегрызают [стебель] глицинии¹⁸⁰, змеи в шкатулке не могут остановиться¹⁸¹. Орхидея и древесный гриб сохнут весной, сосна и бамбук осыпаются летом. И в феникса стреляют стрелой на шелковой нити, и жар-птице грозит попасться в силки¹⁸². Ах, как печально!

[Когда] Янь-Хуэй, к несчастью, [умер], [Конфуций] сказал: «Небо желает моей гибели!»¹⁸³. Когда Янь-Лин похоронил сына, [учитель] похвалил его [за надлежащую] величественность ритуала.

Хотя написанные книги еще сохраняются, где [пребывают] душа и тело?

Когда глядишь на вещь, [принадлежавшую] человеку, грустишь о нем. Не найти нужных слов. Ах, как печально! Колесница и жемчужина¹⁸⁴ покинули Вэй, регалия из яшмы [княжества] Чжао была отослана¹⁸⁵. Следует беречь талант, [ведь] даже солнце заходит. Ах, как печально!».

Свиток II. Жизнеописание Мутимаро

Второй свиток *кадэн*.
[Составлено] монахом Энкэй

1. Старший сын Фухито

Прижизненное имя Левого министра¹⁸⁶ Фудзивара было Мутимаро¹⁸⁷. Он проживал в левой части столицы. Был старшим сыном Главного министра¹⁸⁸. Его матерью была дочь Сога-но Кура-но Ооми¹⁸⁹. Родился на 9-м году правления государя Тэмму¹⁹⁰, в год *канэ-но тацу* [680 г.] в усадьбе Оохара. Преуспел в следовании долгу и потому прославился.

В младенчестве [Мутимаро] лишился матери. [Он] сокрушался, проливая горючие слезы, отказывался принимать даже рисовый отвар¹⁹¹ и едва-едва не умер¹⁹². С той поры стал хилым. И хотя быстро продвигался [по служебной лестнице], ему становилось все хуже.

2. Нрава был мягкого и доброго

Когда [он] вырос, не прилеплялся к незначительным делам¹⁹³. Манеры [его] были непринужденны. В разговоре был внимателен и неспешен. Нрава был мягкого и доброго, сердцем — прям и тверд. Не поступал неучтиво, не управлял несправедливо. Неизменно склонялся к бескорыстию и сторонился тревог.

Порой проводил дни за игрой в *сюдан*¹⁹⁴, порой всю ночь напролет читал [книги]. Не питал пристрастия к богатству и к женской красоте. Не выказывал радости и гнева. Во главу ставил преданность и искренность, действовал, сообразуясь с человеколюбием и долгом. Себя не хвалил, других не порицал. Был честным и чистым, прямым и негибачаемым. Досконально изучил суть [учений] ста школ. В совершенстве усвоил три сокровенных трактата¹⁹⁵. Особенно ценил учение Шакьямуни.

Также питал пристрастие к [поискам] эликсира бессмертия. Почитал следовавших Дао-путем, преклонялся перед обладав-

шими добродетельностью-току. Был милостив к бедным, жалел сирот и одиноких.

Каждый год в третью луну лета молился о десяти великих добродетелях, слушал разъяснения «Лотосовой сутры», заботливо взращивая-совершенствуя сердце. Увещевая господина, выравнивал полы [его одежды]¹⁹⁶.

[Его] усадьба находилась к югу от дворца¹⁹⁷. В миру его прозвали южным министром.

3. Обладание особыми талантами

Однажды, когда [Мутимаро] был еще мал, принц Ходзуми¹⁹⁸, встретившись [с ним] на пиру, обратил [на него] внимание. [Принц] говорил многим выдающимся [людям своего времени]:

«Повсюду видишь детей из рода Фудзивара¹⁹⁹, но этот ребенок исключительный и обладает особыми талантами. Я слышал: «Тигрята и детеныши леопарда, еще не повзрослев, хотят кормиться [мясом] овцы. Птенцы гусей и журавлей, еще не научившись летать, хотят [облететь] четыре моря». Этот ребенок непременно достигнет поста канцлера!».

4. Мутимаро становится утонэри

В первый год Тайхо: [701 г.] отобрали детей из хороших домов и назначили их *утонэри*²⁰⁰. Детям трех министров²⁰¹ особым указом государя был пожалован старший 6-й ранг верхней степени, они были призваны [служить] *утонэри*²⁰².

[Мутимаро] было 22 года.

В указе говорилось: «Твой род славно служил императорскому роду, его заслуги отражены в государевых повелениях. Пожалование ныне этого ранга — недостаточная честь. [Однако] ныне заново составив свод уголовных и гражданских законов²⁰³, упорядочили людей [нашей] страны. Согласно положениям законодательства, следует пожаловать именно этот ранг».

Управляющий дома²⁰⁴ министра [Фухито] Оварида-но Сиби, глубоко вздохнув, сказал: «Ах! Отчего же прямой потомок этого дома обладает таким рангом?». В глубине души [он] не испытывал радости, лицо его залила краска стыда. Некий человек доложил [об этом] министру. Министр повелел управляющему дома: «Ныне в [нашем] государстве заново составлено собрание

законов. Поэтому в соответствии с положениями [закона] пожалован [такой] ранг этому ребенку. Чего же стыдиться?! Прекратите пустые разговоры!»

Став *утонэри*, господин стал вхож в покои государя. Видевшие его, радовались его прекрасным замыслам, встречавшиеся с ним преклонялись перед его благожелательностью и изысканностью. Люди того времени единодушно говорили: «Людям следует равняться на старшего сына министра». Так превозносили его современники.

5. Перевод на должность среднего судьи

В 1-ю луну 2-го года²⁰⁵ был переведен [на должность] среднего судьи²⁰⁶.

Приступив к исполнению служебных обязанностей, господин решал дела справедливо и бескорыстно. [Он] прислушивался к речам, всматривался в выражение лица, и правда не ускользала от него. Разрешал сомнения и выносил справедливый приговор. Непременно проявлял всевозможную осмотрительность.

Хотя существовали [должности] старших и младших судей, правила поведения этих чиновников не были определены установлениями-*сики*. Документы и их формуляры были в беспорядке, решения не соответствовали [истинному положению дел].

Тогда [учтя] все обстоятельства судебного разбирательства, доложил [о них], и были определены положения установлений-*сики*. До первого года Тайхо: [701 г.] [уголовные установления] не были частью закона, они вошли в состав законодательства позже. С этого времени и впредь все судебные дела стали решать на местах, незачем стало [обращаться] в общественные места.

В 4-ю луну 3-го года уволился по болезни.

6. Помощник главы Высшей столичной школы

В 3-ю луну 4-го года был назначен на должность помощника главы Высшей столичной школы.

При прежнем покойном государе, [правившем из] Асука-Киёмихара²⁰⁷ [знатные] роды процветали, народ во множестве отбывал повинности.

Следуя за государыней, переехал в столицу Фудзивара. Все люди суетились и спешили, эпоха не благоприятствовала [процветанию] учености. Поэтому школой постепенно стали пренебрегать, а ученики рассеялись. Хотя [Мутимаро] и занимал эту должность, но ничего не мог поделать. Войдя в школу и увидев ее пустоту и безмолвие, господин подумал: «Эта школа — место, где собираются добродетельные и талантливые, место, где главным почитается благодетельное влияние государя. И управление государством, и управление родами опираются на учение мудреца²⁰⁸. Быть преданным до конца и исполнять сыновний долг — вот основа этого пути. Ныне студенты разбрелись-рассеялись, конфуцианские традиции не раздувает ветер. Негде стало восхвалять путь мудреца и содействовать [распространению] благодетельного влияния государя».

Тогда вместе с главой [Высшей школы] Рё:гу-но Коники-си²⁰⁹ доложили [о положении дел] и обратились с просьбой в связи с этим пригласить выдающихся ученых мужей, [дабы они] разъясняли канонические книги и исторические сочинения. Через двенадцать дней школа стала процветать, отовсюду, подобно облакам, стекались студенты и выстраивались подобно звездам. Множество декламирующих нараспев голосов улаждали слух.

7. Поклонение Конфуцию

Когда во 2-ю луну весны 2-го года Кэйун [705 г.] пришло время совершить ритуал поклонения Конфуцию²¹⁰, господин сказал знаменитому ученому Тори-но Ясудугу²¹¹: «Говорят: „Если ритуалы не проводить три года, они непременно придут в упадок. Если музыку не исполнять три года, она непременно будет утрачена“²¹². Ныне приблизился день совершения ритуала поклонения Конфуцию. Прошу вас написать сочинение, [дабы] почтить души древних наставников и передать потомкам правила [поклонения]»²¹³.

Тогда Ясудугу написал сочинение о ритуале поклонения Конфуцию. В нем говорилось: «Но вот в 4-й день этой луны этого года такие-то и иже с ними из управления Высшей столичной школы почтили дух Кун Сюань-Фу²¹⁴, сыкоу²¹⁵ из древнего [княжества] Лу, чистым вином и угощением из марсилии²¹⁶.

О появлении господина [Конфуция] на свет [возвестило] сияние, снизошедшее на гору Ни-шань²¹⁷. И тогда совершенномудрый²¹⁸ вскормил в себе выдающиеся качества, [проявляющиеся] раз в тысячу лет, повстречал судьбу, утраченную [прежними] государями. Когда правители непросвещенны, время ввергается в хаос, ритуалы приходят в упадок, музыка гибнет.

Найдя приют в Ци, покинул Лу²¹⁹. Таил в душе печаль об упадке Чжоу. Терпел бедствие в Чэнь, был окружен в Куане²²⁰, скрывал боль в Сяцай²²¹.

Учеников было три тысячи, понимания же достигли²²² семьдесят человек.

Распространял в Чжусы²²³ преданность и сыновнюю почтительность, искал добродетель и должную справедливость у правителей Тан и Юй²²⁴. Изучил оды и гимны²²⁵, в одежде следовал образцовым [нормам].

Разве не говорят, что рухнувшие горы трудно удержать? Рано распевать песни *лян*²²⁶. Уходящую воду не задержать. Повсюду учреждены подношения у столбов [перед домами].

Ах, как печально!

Нынешнее правление величественно, школы многочисленны. Превосходная добродетель прославляется, совершенный путь почитается и проникновение в него глубоко²²⁷.

Если у богов есть душа, пусть милостиво примут это!»

8. Мутимаро становится главой

Высшей столичной школы

В 12-ю луну этого [года Мутимаро] был пожалован младший пятый ранг нижней степени²²⁸. В то время ему было 26 лет. В 7-ю луну 3-го года [он] был назначен главой Высшей столичной школы.

Господин часто заходил в школу. [Там] собирались студенты, изучающие конфуцианство, [они] декламировали «Ши цзин» и «Шу цзин», неустанно читали «Ли цзи» и «И цзин» и до тонкостей разбирались [в них].

Школу восхваляли, студентов наставляли. Все ученики [отделения] изящной словесности старательно обучались своей специальности.

9. Назначение на должность начальника архивного управления

В 3-ю луну 1-го года Вадо [708 г.] был назначен на должность начальника архивного управления²²⁹, а по совместительству — *дзидзю*:²³⁰.

Когда на завтра господину [предстояло] прислуживать в Дайри, [он] почтительно ожидал высочайшего повеления. Тем временем изучал триграммы и письма и канонические книги²³¹. Прежде со времени смуты года *дзинсин*²³² архивы были запущены. Некоторые свитки были разрознены, части же книг не доставало.

И тогда господин испросил позволения разыскать-расспросить в народе, сделать копии и восполнить [недостающее]. Благодаря этому в основном удалось укомплектовать архивы.

Господин усердно исполнял свои служебные обязанности и не ведал небрежения и отдыха. Был проникнут человеколюбием и обладал нужными качествами, чтобы занимать место старшего. Был честен и тверд, был способен [заниматься] важными делами. Поэтому ему был пожалован младший пятый ранг нижней степени.

10. Мутимаро становится управителем провинции Ооми

В 6-ю луну 5-го года [713] был переведен на [должность] управителя [провинции] Ооми²³³.

Провинция Ооми — известное в Поднебесной место. Ее земли обширны, население многочисленно. Провинция богата, люди живут в достатке. На востоке граничит с [заставой] Фува²³⁴, на севере примыкает к [заставе] Цуруга²³⁵. В нынешнюю столицу²³⁶ прибывают через [провинцию] Ямасиро, с которой [Ооми] граничит на юге. [Воды тамошнего] озера²³⁷ чисты и обширны, деревья в горах — густые и высокие. Тамошняя земля черная-пречерная, тамошние поля самого высшего разряда²³⁸. Хотя и случаются [такие] бедствия, [как] наводнения и засухи, с давних пор не бывало неурожая.

Поэтому прежний совершенномудрый государь и [его] добродетельный подданный²³⁹ перенесли столицу сюда²⁴⁰. И стар и млад все, как один, восхваляли недеяние²⁴¹ [государя]. Взав-

шись за руки, обходили [страну], на больших дорогах веселились и распевали песни.

Все люди того времени называли правление благоденственным. Государственное и частное сообщение на востоке и на западе [провинции поддерживалось через] два ключевых сухопутных пункта²⁴².

Если управление осуществляется поспешно, лукавые и лживые ускользнут. Если управление осуществляется медлительно, нерадивые захватят [власть].

Господин управлял при помощи добродетели-току, выравнивал при помощи ритуалов-рэй. Прощал незначительные проступки и распространял благодетельное влияние. Осуществлял милосердное управление, был великодушен к народу. Был вхож в деревенские ворота²⁴³, почитал стариков и справлялся [о них]. Устранял тяготы простого народа, исправляя ошибки в управлении провинцией. Поощрял земледелие и шелководство, использовал [народ] в надлежащее время²⁴⁴.

При распределении налогов сначала [использовал] богатых и зажиточных, а также [те дворы, где] много трудообязанных, а затем бедных и нуждающихся, а также [дворы] с малым числом трудообязанных. Почитал стариков и покровительствовал малолетним, предоставляя [каждому] свое место.

Жители провинции радовались и говорили: «Там, где появляется благородный человек, народ воскресает». Тамошние люди высоко ценили и почитали [Мутимаро]. Важные замыслы подобны этому.

11. Почитал Три сокровища

В 1-ю луну 6-го года [713 г.] [Мутимаро] была пожалована нижняя степень младшего 4-го ранга²⁴⁵.

С малых лет господин почитал Три сокровища, жадно внимал чудесному учению. Стремился к достижению состояния Будды, даже во время трапезы [ему] не случалось забыть [об этом]²⁴⁶. Хотя господин и состоял на службе, неизменно поклонялся в буддийских храмах.

Однажды зашел в один буддийский храм. Храм был запущен, храмовые помещения обрушились, строения и галереи были пустынно и тихи.

Оглядевшись, спросил у жителей провинции [о причинах этого], жители ответили: «Храмовым имуществом и храмовыми полями-садами управляют пожертвовавшие на храм и иже с ними. Монахи не управляют делами и не могут свободно [распоряжаться храмовым имуществом]. Вот почему здесь [такое] запустение. Этот храм не единственный, с остальными храмами дела обстоят так же».

Господин подумал: «Будда пришел в мир распространять-разъяснять учение о дхарме, просвещать всех живых существ, основывать благое учение. Это учение — глубокое и сокровенное. Из страны Индии [оно] распространилось в Китай и достигло этой земли. Люди, принявшие учение, люди, отрешившиеся от [мирских] пут, люди, сбившиеся с этого пути, безостановочно возвращаются в круге перерождений. Почему же миряне, пожертвовавшие на храм, самоуправно распоряжаются собственностью монахов?! Когда монахов не обеспечивают, а храмы разрушаются, благие дела государства не приумножаются. Это дурное деяние, наносящее вред всем живым существам».

12. Разрушающиеся храмы

Поэтому доложил: «По счастью, Ваш слуга обласкан великими милостями, [ему] вверено управление провинцией. По служебным делам объезжал народ, и, воспользовавшись случаем, [зашел] поклониться в буддийский храм. Населению подведомственной территории не ведом [закон] о кармическом воздаянии. Потомки пожертвовавших на храм, не страшась неблагоприятной кармы, управляют монашеским имуществом, кормя с него лишь своих жен и детей. В списки монахов и монахинь вносятся подложные имена. В поисках пропитания [монахи] разбрелись по деревням и селам. Разрушающиеся храмы еще ни разу не ремонтировались. Дошло до того, что только коровы да лошади вытаптывают [храмовые поля]. Монахи и монахини принимают постриг и проповедуют буддийское учение, не получив санкции государства.

Боюсь, если не изобличить и не исправить [этого], истинное учение погибнет. Почтительно прошу разобраться и принять решение».

13. Еще большее процветание Закона Будды

Был обнародован указ²⁴⁷: «Главное в сохранении Закона Будды — это скромность, основное при содержании храмов — это чистота. Однако докладывают Нам: «Многие храмы во многих провинциях содержатся не по закону. Только построят хижину — и наперебой требуют зарегистрировать храм, только развешат стяги — и требуют выделения полей. Или же келий монашеских не построят — а уж пасутся у них лошади-коровы, двор заброшен, травой зарос. Статуи же драгоценные грязью-пылью покрылись, над сутрами мудрыми — дождь-ветер гуляет. Годы многие проходят, а ничего не меняется». По размышлении выходит, что сильно это расхочется с тем, как надо почтение выражать.

Следует несколько храмов вместе слить, сделав из них одно. При том желаем Мы еще большего процветания Закона Будды и соединения сил. Управления провинций должны ясно донести волю Нашу о слиянии храмов в уездах до досматривающих в провинциях за монахами, до монахов и смотрителей за храмами. Должны они совместно составить реестр о доходах и храмовом имуществе, передать его с посланцами для доклада Нам и ожидать дальнейших указаний».

Отныне и впредь да убоятся люди нашей страны наказания [за нарушение данного указа]. Да не покусятся на храмовое имущество.

Разве не это имел в виду Конфуций, говоря: «Добродетель благородного мужа подобна ветру»²⁴⁸?

14. Восхождение на гору Ибуки

Впоследствии инспектируя [подведомственную ему территорию] прибыл в уезд Саката²⁴⁹. Глядя на реку Ямакава, молвил: «Желаю я, взобравшись на пик горы Ибуки, осмотреть [провинцию]».

Местные жители сказали: «Если взойти на эту гору, поднимется яростный ветер, загремит гром, польет дождь, облака и туман скроют свет. Налетит рой пчел и примется жалить. В древности принц Ямато-такэру усмирял буйных божеств восточных провинций. На обратном пути он достиг этих пределов и сразу же стал взбираться [на гору]. На полпути он был убит

божеством [горы], превратился в белую птицу, поднялся в небо и улетел»²⁵⁰.

Господин ответил: «С детства и до дня нынешнего никогда я не пренебрегал богами. Если божеству [горы] это ведомо, разве станет оно убивать меня?! Если же не ведомо, как же сможет оно убить человека?!»

И тогда, совершив омовение и очищение, плотно обмотал [голову тканью]²⁵¹ и во главе пяти-шести человек поднялся [на гору]. Когда почти добрались до вершины, вдруг появились две пчелы; подлетели, намереваясь ужаить. Господин взмахнул рукавом и отогнал [их]. Послушные [его] руке, [пчелы] улетели прочь.

Все сопровождавшие его, сказали: «Добродетельное поведение тронуло божество. Несомненно, оно не причинит вреда».

Весь день было ясно. [Мутимаро и его спутники] гуляли и осматривали [окрестности]. И ветер, и дождь стихли, небо было чистым и безоблачным. Вот каково было могущество господина!

15. Чудесный меч

Впоследствии, когда выдалось свободное [от службы] время, [Мутимаро] посетил храм Сигасэндзи²⁵². Он поклонился лику Будды и принес обет. Запечатлел [его] душой и телом и принес покаяние. Принес обет и соблюдал длительный пост. Приказал выковать чудесный меч и отправил посланца преподнести его [государыне Гэнсё:].

Государыня сильно обрадовалась и рекла указ: «Слышали мы: «Меч — это оружие, которым благородный муж защищает себя». Не устроить нынче пир — все равно, что утратить душу.

С обретением этого чудесного меча [Мы] стали особенно спокойно спать по ночам. Воистину это свидетельство того, что чудесный меч, преподнесенный управителем провинции Ооми — Мутимаро, оберегает Нас!

Прежние мудрецы говорили: «Добродетель непременно вознаграждается, слова обязательно находят отклик». Следует пожаловать 10 *тё* полей, дабы вознаградить преданность [Мутимаро]»²⁵³.

16. Управлял справедливо

Господин управлял справедливо, добрая слава о нем множилась с каждым днем. Поэтому в 1-й луне 8-го года [715 г.] ему была пожалована верхняя степень младшего 4-го ранга. При нем провинция была избавлена от лишних забот, народ совершенно успокоился. Господин почитал путь недеяния, глубоко различал вкус тишины. Был спокоен и непринужден, сердце его не лежало к этому брэнному миру. В конце концов, взобрался на гору Хиэяма²⁵⁴, задержался надолго и проводил [там] день за днем. Там посадил корень ивы и сказал своим спутникам: «Ах, друзья! Пусть потомки знают, что я здесь отдыхал». ²⁵⁵

17. И тогда воздвиг храм

В этом году житель левой части столицы обнаружил чудесную черепаху. 8-й год Вадо [715 г.] был переименован в 1-й год Рэйки²⁵⁶.

Однажды во сне господин повстречался с удивительным человеком. Его облик был необычен. [Человек] сказал: «И люди, и боги знают, что ты почитаешь учение Будды. Окажи милость, построй для меня храм. Помоги исполнить мое желание. Из-за моей кармы я поистине давно являюсь божеством-ками. Ныне я вступил на путь Будды. Но хотя и стремлюсь к благоприятной карме, не в силах преодолеть предопределение. Поэтому и пришел просить [тебя] об этом».

Господин подумал, уж не божество ли это Кэхи-но ками²⁵⁷. Он хотел было ответить, но не смог и проснулся.

Тогда он стал молиться: «Пути людей и богов различны, явное и сокрытое не едины. Я не знаю, кто этот удивительный человек, [явившийся мне] во сне вчера ночью. Если боги дадут знак, непременно воздвигну для него храм».

И вот боги схватили упасаку²⁵⁸ Кумэ-но Кацутари и посадили его на верхушку высокого дерева. Так был получен знак [богов]. Тогда господин понял, что [сон был] истинным и воздвиг храм. Это нынешний храм Дзингу:дзи, что в провинции Этидзэн.

*18. Становится старшим помощником
министра Сикибусё:*

В 10-ю луну 2-го года Рэйки [716 г.] был назначен старшим помощником министра Кадрового министерства²⁵⁹. В 9-ю луну 2-го года Ёро [718 г.] был назначен на должность министра [Кадрового министерства]²⁶⁰.

Кадровое министерство ведало аттестациями и назначениями [чиновников] в Поднебесной, устанавливало правила поведения для сановников и чиновников ста управ. Господин решал дела о назначении, стараясь руководствоваться [принципом] справедливости. Разыскивал способных, в подробностях был осведомлен обо всех результатах [аттестаций]. В зависимости от того, соответствовал или нет [чиновник предъявляемым требованиям], определялись увольнения и продвижения по службе. Благодаря этому злоупотребления и беспорядок в аттестационной документации, [поступавшей] из провинций и уездов, были надолго пресечены.

19. Становится наставником престолонаследника

В 1-й луне 3-го года [719 г.] [Мутимаро] был пожалован старший 4-й ранг нижней степени.

Вслед за тем наследник²⁶¹ прошел [обряд] смены одежд²⁶², [его] кровь и жизненная энергия *ци* постепенно укреплялись²⁶³.

Важнейшая [обязанность] наставника — наставлять в добродетели. Поэтому в 7-ю луну того же года [Мутимаро] был назначен наставником престолонаследника²⁶⁴. Когда господин бывал во дворце престолонаследника, он помогал [ему] и оберегал его. Поощрял [занятия наследника] изящной словесностью, исправляя [его своим] простым нравом. И тогда наследник перестал предаваться охоте, всецело устремившись к благому делу [изучения] литературы и совершенствованию своего образования.

Поэтому и после восшествия на престол [государь Сё:му] неизменно осуществляла добродетельное управление. Был милосерден к народу, почитал и возвеличивал учение Будды.

20. Назначен средним государственным советником

В 1-ю луну 5-го года [721 г.] [Мутимаро] был пожалован младшим 3-м рангом и назначен средним государственным со-

ветником²⁶⁵. В 9-ую луну того же года он был по совместительству назначен главой управления по сооружению дворца²⁶⁶. В то время ему было 32 года.

Взяв мастеровых и иже с ними, господин обследовал внутренние помещения дворца и заново перестроил прежние [постройки]. Поэтому дворец [получился] величественным и прекрасным, а люди узнали о величии государя.

Во 2-ю луну 1-го года Дзинги [724 г.] [Мутимаро] был пожалован старший 3-й ранг. Как и прежде, он ведал строительством дворца. В 7-ю луну 5-го года был назначен управителем [провинции] Харима и по совместительству *ансэти*²⁶⁷.

21. Назначен старшим государственным советником

В шестом году [729 г.] был назначен старшим государственным советником. Господин был мягким человеком, сведущим во многих областях. Уже будучи советником²⁶⁸, воплощал и прославлял замыслы государя. Прислуживал во время высочайших выездов, ведал [решением] важнейших дел. На совещаниях при дворе проявлял беспристрастность и решал [дела] в согласии [со всеми]. Верхи и низы при дворе успокоились, в стране не стало злобы и клеветы.

22. Вместе помогали осуществлять управление

В это время принц Тонэри²⁶⁹ возглавлял Дадзэ:кан, принц Ниитабэ²⁷⁰ был управляющим [столичного района Кинай], второй сын [Фудзивара-но Фухито], министр из северной [усадьбы]²⁷¹ ведал важными делами²⁷². Советниками-*санги* в это время были средний государственный советник Тадзихи-но Агатамори²⁷³, третий сын [Фудзивара-но Фухито], министр Кадрового министерства Умакаи²⁷⁴, четвертый сын [Фудзивара-но Фухито], министр Военного министерства Маро²⁷⁵, министр министерства Казны принц Судзука²⁷⁶, левый главноуправляющий делами Государственного совета принц Кадзураги²⁷⁷. Высокоодаренных приближенных-*дзидзю*: было десять с лишним человек — принц Мутобэ²⁷⁸, принц Нагата²⁷⁹, принц Кадобэ²⁸⁰, принц Саи²⁸¹, принц Сакураи²⁸², Исикава-но Асоми Кимико²⁸³, Абэ-но Асоми Ясумаро²⁸⁴, Окисомэ-но Такуми²⁸⁵ и иже с ними. Знаменитыми учеными были Морибэ-но Мурадзи Оосуми²⁸⁶,

Оти-но Атаи Хироз²⁸⁷, Сё:на-но Ко:бун²⁸⁸, Ядзумэ-но Сукунэ Му-симаро²⁸⁹, Сиоя-но Мурадзи Эмаро²⁹⁰, Нарахара-но Мияцуко Адзумахито²⁹¹ и иже с ними. Выдающимися знатоками изящной словесности были Ки-но Асоми Киёхито²⁹², Яманака-но Фухито Миката²⁹³, Фудзии-но Мурадзи Хиронари²⁹⁴, Такаока-но Мурадзи Кавати²⁹⁵, Кудара-но Кими Ямамаро²⁹⁶, Ямато-но Имики Оадзумахито²⁹⁷ и иже с ними. Учеными-врачами были Кицута-но Мурадзи Ёроси²⁹⁸, Митати-но Мурадзи Гомё:²⁹⁹, Ки-ноэ-но Мурадзи Мататэ³⁰⁰, Тё:фукуси³⁰¹ и иже с ними. [Знатоками] *инь-ян* были Цумори-но Мурадзи Тору³⁰², Ё-но Махито³⁰³, Оо-но Тё:мон³⁰⁴, Ооцу-но Мурадзи Обито³⁰⁵, Кокуна-но Ко:дзю³⁰⁶ и иже с ними. Составлением календаря и математикой ведали Ямагути-но Имики Тануси³⁰⁷, Сики-но Мурадзи Оодзи³⁰⁸, Кисакибэ-но Ивамура³⁰⁹, Сии-но Мурадзи Митасуки³¹⁰. Заклинателями были Ё-но Нинкун³¹¹, Каракуни-но Мурадзи Хиротари³¹². Буддийскими патриархами — *со:го:* — были — *сё:со:дзу* Синъэй, *рисси* — До:дзи³¹³.

Следуя повелениям государя, [все] вместе помогали осуществлять управление того времени.

23. Усадьба Сугэ

Поэтому страна была богатой и процветающей, амбары были переполнены. Поднебесная пребывала в великом спокойствии, на улицах ярко сверкали красные и пурпурные [одежды]³¹⁴, беспрерывно проезжали верховые и экипажи. В тюрьмах царяла тишина, судные камни³¹⁵ поросли мхом. Столица и все почтовые станции были отстроены и отделаны, народу было позволено крыть крыши черепицей и разукрашивать ее красным и белым цветом³¹⁶.

С наступлением осени в усадьбе Сугэ³¹⁷ неизменно собирались ученые, одаренные люди и устраивались литературные собрания. Ученые того времени соперничали [друг с другом], стремясь принять участие [в этих собраниях]. [Не получивших приглашения] называли не прошедшими врата Дракона³¹⁸.

24. Становится правым министром

В 9-й луне 3-го года Тэмпё: [731 г.] [Мутимаро] по совместительству был назначен главой Дадзайфу на Цукуси³¹⁹. Цуку-

си — важнейший стратегический пункт страны. Это область, окруженная морем, [форпост] обороны от врагов.

Господин руководствовался этими общими принципами, [но] обыкновенно управлял милосердно. Хотя сам он пребывал [за] воротами императорского дворца³²⁰, чаяния людей словно воскресли.

И тогда император круглый год стал жить в великом изобилии, а в ведении дел не было небрежения. Сердцем [Мутимаро] был великодушен, стремился претворять добродетельное управление. [Кроме него] некого было назначить опорой престола. Поступки господина были тщательно продуманы и подготовлены, [он] скрывал свои достоинства и был честен.

Ему был пожалован младший 2-й ранг и назначение на должность Правого министра. Случилось это в 6-м году Тэмпе: [734 г.]. В то время [Мутимаро] было 55 лет.

25. Умиротворил страну

С утра до вечера господин неустанно занимался подбором [людей]. Умиротворил страну, благодетельствовал народу. И хотя [достиг] высокого положения, хранил верность убеждениям и стал еще скромнее.

Разделил родовое имущество и призрел бедных и сирот, раздавая [им] нитки, вату и прочее. Неизменно придерживался Трех сокровищ. Постоянно радел о делах управления, неизменно опасался упущений в управлении. Узнав, что дело послужит к общественной пользе, непременно воплощал его. Услышав государево повеление, непременно исполнял его. Поэтому небесные бедствия постепенно прекратились, а духи и боги не гневались. Народ жил в достатке. Государь, сложив руки, пребывал в недеянии.

26. Скончался в левой части столицы в своей личной усадьбе

В 7-й луне 9-го года [737 г.] занемог и долго болел. Государь скорбел об этом. В 24-й день государыня [Ко:мё:]³²¹ лично навестила [больного]³²². Она огласила указ и справилась о болезни. [Мутимаро] был пожалован старший 1-й ранг и назначение на должность Левого министра. На следующий день [он]

скончался в левой части столицы в своей личной усадьбе. Ему было 58 лет.

Услышав о кончине господина, государь долго скорбел всем сердцем. Три дня государь никого не принимал, затем были пожалованы верх погребального экипажа из птичьих перьев, барабаны и флейты. В 5-й день 8-й луны его останки были преданы огню на горе Сахо: в соответствии с ритуалом.

27. Сохранил благословение небес

Главной женой господина была внучка министра Абэ [по линии его дочери]³²³. Она родила двоих детей. Старшего по имени Тоёнари, и младшего — по имени Накамаро³²⁴. [Тоёнари и Накамаро] были отданы в обучение к [известному] ученому, часто подносили [ему] шелк, воздавая благодарность своему учителю. Поэтому оба мальчика были талантливы и образованы. Слава о них распространилась повсюду. На службе Тоёнари достиг [должности] Левого министра и старшего 2-го ранга. Впоследствии был вовлечен заговор³²⁵, и, зная [о нем], не доложил. За это был понижен в должности и назначен внештатным управителем Дадзайфу.

Имя Накамаро было изменено на Осикацу³²⁶. На службе [Накамаро] достиг [должности] Великого учителя³²⁷ и младшего 1-го ранга. Был опорой государя, успокоил-умиротворил Поднебесную.

В славословии говорится: «Приумножил добродетельные деяния, [сохранив дяд] потомков благословение небес и источаемое [небом] благоухание. Многие [представители рода] получали высокие ранги и должности, помогали государям. [Его] потомки всегда пребудут ушами и глазами [государя]. [Когда] верхи умиротворены, низы благоденствуют, а духи и боги успокоены и благосклонны. Тогда государство — [исправно] работает, а роды — объединяют силы. [Его] преданность и бескорыстность общеизвестны. Этот человек подобен драгоценности».

Примечания

¹ Великий учитель (яп. *тайси*) — в 758 году по предложению Фудзивара-но Накамаро были изменены названия должностей в государстве. Должность Главного министра (*дайдзэ: дайджин*), высшая в бюрократической иерархии, стала называться «великий учитель». Накамаро был назначен Великим учителем в 760 году.

² Прижизненное имя (*имина*) было табуировано и обнародовалось только после смерти.

³ Согласно «Нихон сёки», должность Внутреннего министра была пожалована Каматари в 669 году [Тэнти, 8-10-15, 669 г.].

⁴ Имя буквально означает «средний» сын. Далее, однако, Каматари назван старшим сыном.

⁵ Амэ-но Коянэ-но микото — мужское божество, упоминаемое в «Кодзики» и в «Нихон сёки». Активно фигурирует в мифе о сокрытии Аматэрасу, вознося молитвословия, долженствовавшие способствовать возвращению солнечной богини. О том, что род Накатоми происходит от этого божества, говорится и в «Синсэн сё:дзироку» («Вновь составленные списки родов», 815 г.). — Перевод на русский язык, вступительную статью и комментарий М. В. Грачева см.: Синто. Путь японских богов. СПб., 2002, Т. 1, с. 170–193.

⁶ Родовое имя Оонакатоми состоит из трех иероглифов: *оо* — большой, великий; *нака* — середина, центр, между; (*т*)*оми* — подданный, слуга, сановник, министр. По-видимому, в имени нашли отражение посреднические функции рода между миром богов и миром людей.

⁷ [Накатоми-но] Микэко — упоминается в «Нихон сёки» в правление Дзёмэй (629–641).

⁸ Род Оотомо был одним из наиболее влиятельных родов древней Японии.

⁹ *Ооми* — великий *оми*, наряду с *оомурадзи* (великий *мурадзи*) высшая должность в древнеяпонском государстве или, согласно другой точкой зрения, высший наследственный титул знатности (*кабанэ*). В любом случае, это маркер главенствующего положения в тогдашней государственной иерархии. Положение *ооми* занимал Сога-но Эмиси, а затем его сын Сога-но Ирука. Согласно «Нихон сёки», должность *ооми* была пожалована Каматари только в 669 году [Нихон сёки, Тэнти, 8-10-15, 669 г.].

¹⁰ Государыня Суйко (592–628). Тоёмикэ — сокращенное (от Тоёмикэ Касикияпимэ) японское посмертное имя Суйко.

¹¹ Год *киноэ-но ину* (по шестидесятилетнему циклу) приходится на 22-й год правления Суйко, соответствующий 614 году. Поскольку и в «Нихон сёки» и в «Кадэн» дата смерти (669 г.) и возраст, в котором умер Каматари (56 лет), совпадают, а в некоторых списках «Кадэн» говорится о рождении Каматари в «24-м» или «22-м» годах, комментаторы вполне обоснованно усматривают здесь ошибку переписчика.

¹² Каматари.

¹³ Военный трактат, составленный якобы по велению Тай-гуна, сподвижника чжоуских Вэнь-вана и У-вана.

¹⁴ Имеется в виду Сога-но Ирука (?–645), представитель самого влиятельного аристократического рода, контролировавшего правящий род с конца V до середины VII века. Сога были ревностными сторонниками распространения буддизма.

¹⁵ Монах Мин (?–653) упоминается в «Нихон сёки» [Нихон сёки, Дзёмэй, 4-8, 632 г.; 9-2-23, 637 г.; 11-1-26, 639 г.]. В 608 году в соста-

ве посольства в Суй (581–618) отправился учиться в Китай, где пробыл 24 года.

¹⁶ Как отмечают комментаторы, данное напутствие монаха Мин почти дословно повторяет напутствие Люй-гуна будущему основателю династии Хань Гао-цзу (206–194 гг. до н. э.), содержащееся как в «Ши цзи», так и в «Хань шу».

¹⁷ Государь Дзёмэй (629–641), Окамото — название его резиденции.

¹⁸ В данном случае текст «Кадэн» расходится с «Нихон сёки», где назначение Каматари главным жрецом датируется 644 годом в записях о правлении императрицы Ко:гёку (642–645) [Нихон сёки, Ко:гёку, 3-1-1, 644 г.]. Отказ Каматари от должности главного жреца, вероятно, был продиктован его желанием активно участвовать в делах управления, что было несовместимо с данной должностью. В дальнейшем род Фудзивара отмежевывается от жреческих функций, которые были сохранены за родом Накатоми. См. об этом: Такаси́ма Масато. Нара дзидай-но Фудзивара си то тёсэй. Токио, «Ёсикава кобункан», 1999, с. 13–19.

¹⁹ Дальнейшие события излагаются в «Нихон сёки», Ко:гёку, 3-1-1, 644 г. Данный эпизод совпадает с «Нихон сёки» почти полностью.

²⁰ Мари или кэмари — игра в мяч, смысла которой заключался в том, чтобы как можно дольше держать мяч в воздухе, подкидывая его ногами.

²¹ То есть в правление государыни Ко:гёку, в 642 году. Ноти-но Окамото — название дворца Ко:гёку.

²² В «Нихон сёки» вина за убийство Ямасиро-но Ооэ, одного из наиболее вероятных претендентов на престол, всецело возлагается на Сога-но Ирука [Ко:гёку, 2-10-12, 2-11-1, 643 г.].

²³ Матерью принца Ямасиро-но Ооэ была дочь Сога-но Умако, деда Ирука. Сога-но Эмиси, отец Ирука, был дядей Ямасиро-но Оэ, а сам Ирука приходился ему двоюродным братом.

²⁴ Сакаиба-но Оми Марисэ (?–628) — сын Сога-но Умако (?–626). После смерти государыни Суйко (592–628) поддерживал в качестве кандидата на престол принца Ямасиро-но Ооэ, за что и был убит по приказу Сога-но Эмиси (?–645). Данные события подробно излагаются в «Нихон сёки».

²⁵ В «Нихон сёки» мотивировка поступков Ирука не раскрывается.

²⁶ Тюра-но Оми — другое имя Сога-но Эмиси.

²⁷ Дун Чжо — военачальник конца эпохи Поздняя Хань (25–220 гг. до н. э.). После смерти императора Лин-ди (168–189) отстранил от власти императора Шао-ди (189–190), убил вдовствующую императрицу и возвел на престол императора Сянь-ди (190–220). Вскоре и сам Дун Чжо был убит, а империя Хань распалась.

²⁸ Треножник — бронзовый сосуд на трех ножках, один из символов власти в древнем Китае.

²⁹ Чжоу — древнекитайская династия, делится на Западное (XI в. — 771 г. до н. э.) и Восточное (771–256 гг. до н. э.) Чжоу.

³⁰ Цзи — род Цзи-Сунь в эпоху Чуньцю (770–476 или 722–481 гг.), влиятельнейший род в царстве Лу. Здесь под родом Цзи подразумевается род Сога.

³¹ Цзи Фан — детское имя Чжан Ляна, сподвижника Гао-цзю (206–194 до н. э.), основателя династии Западная Хань (206 до н. э. — 8 н. э.). В данном случае основатель рода Фудзивара уподобляется основателю династии Хань.

³² Ямада-но Оми, другое (детское) имя Сога-но Кура-но Ямада-но Маро. Внук Сога-но Умако, брат Сога-но Ирука.

³³ Си Ши — красавица из княжества Юэ эпохи Чуньцю.

³⁴ Мому — четвертая жена мифического императора Хуан-ди, прославилась своим уродством, а также выдающимися талантами и добродетелями.

³⁵ Общая канва изложения сватовства совпадает с «Нихон сёки». Однако сопоставление с китайскими Си Ши и Мому, а также сцена увещевания Нака-но Ооэ отсутствуют.

³⁶ Данный фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

³⁷ То есть Сога-но Ирука.

³⁸ Нака-но Оэ обращается к Накатоми-но Каматари и Ямада-но Оми.

³⁹ Сэзки-но Мурадзи Комаро упоминается в «Нихон сёки» [Тайка, 1-9-12, 645 г.; Тэнти, 5-3, 666 г.].

⁴⁰ В «Нихон сёки» упоминается Кацураги-но Вакаинукаи-но Мурадзи [Ко:гёку, 3-1-1, 644 г.]. В правление Тэмму (673–686) роду Вакаинукаи-но Мурадзи было пожаловано *кабанэ сукунэ* [Тэмму, 13-12-2, 684 г.].

⁴¹ Букв. «обладать силой, чтобы поднять треножник» — образное выражение о людях, обладающих недюженой физической силой.

⁴² Сога-но Эмиси, отец Ирука.

⁴³ Хо:ко:дзи — другие названия Асука-дэра, Ганго:дзи, первый буддийский храм в Японии, основанный Сога-но Умако. Его строительство было завершено в 596 году [Нихон сёки, Суйко, 4-11, 596 г.]. Напротив него располагалась усадьба Сога-но Эмиси (Тоюра-но Оми).

⁴⁴ Ая-но Атай — иммигрантский род китайского происхождения. Упоминается в «Нихон сёки» как род, ответственный за охрану рода Сога [Ко:гёку, 3-11, 644 г.], а затем перешедший на сторону Нака-но Ооэ и Каматари [Ко:гёку, 4-6-12, 645 г.].

⁴⁵ Косэ-но Оми Токода — упоминается в «Нихон сёки» [Ко:гёку, 1-12-13, 642 г., 2-11-1, 643 г., 4-6-12, 645 г.; Тайка, 1-7-10, 645 г., Котоку, 5-4-2, 649 г.].

⁴⁶ Такамуку-но Оми Куниоси — упоминается в «Нихон сёки», он отказывается выполнить приказ Сога-но Ирука и схватить принца Ямасиро-но Ооэ [Нихон сёки, Ко:гёку, 2-11-1, 643 г.]; а также в «Сёку ни-хонги» в сообщении о смерти его сына Такамуку-но Асоми Маро [Вадо, 1-8-8, 708 г.].

⁴⁷ Т. е. Сога-но Ирука.

⁴⁸ Здесь Сога-но Эмиси.

⁴⁹ В «Нихон сёки» говорится, что Сога-но Эмиси был казнен [Ко:гёку, 4-6-13, 644 г.].

⁵⁰ Ко:току (прав. 645–654).

⁵¹ Алтари земли и злаков — образное обозначение государства.

⁵² Князь — кит. *гун*.

⁵³ Выражение, встречающееся в 28-й главе «Чжун юн» («Срединное и обыкновенное») — тексте, входящего в «Тринадцатикнижие». Подразумевает централизацию государства.

⁵⁴ Ранг *дайкин* — 7-й по счету ранг в 13-ти ступенчатой шкале ранжирования чиновников, введенной в 647 году.

⁵⁵ В «Нихон сёки» данный указ отсутствует, а пожалование ранга *дайкин* и должности внутреннего министра зафиксировано в правлении Тэнти в 669 году [Тэнти, 8-10-15, 669 г.].

⁵⁶ Т. е. в глухих местах.

⁵⁷ Девять управлений. В переносном смысле — государственный аппарат управления.

⁵⁸ Конфуцианские пять постоянств (кит. *у чан*). Человечность (*жэнь*), справедливость (*и*), ритуал (*ли*), рассудительность-сознательность (*чи*), надежность (*синь*). «Девять управлений и пять постоянств были упорядочены» — имеется в виду, что управление осуществлялось в соответствии с конфуцианскими идеалами.

⁵⁹ Хакухо — букв. «белый феникс». В официальной хронике «Нихон сёки» такого девиза правления нет. Девиз Хакухо встречается также в «Маньё:сю:», «Когосю:и» (IX век) и «Фусо:рякки» (IX век). Предполагается, что Хакухо — другое написание девиза Хакути (белый фазан) — 650–654 гг.

⁶⁰ Данный указ отсутствует в «Нихон сёки».

⁶¹ Такэ-но Ути-но сукунэ — в «Кодзики» и «Нихон сёки» упоминается как правнук императора Когэн (град. 214–158), служивший при дворе пяти (согласно «Нихон сёки») или четырех (согласно «Кодзики») государей. Прославился как военачальник, отличившийся в войнах с эмиси и во время военного похода в Корею. Считался предком таких влиятельных родов, как Сога, Косэ, Хэгури.

Сравнение Каматари с Такэути-но Сукунэ встречается и в одном из указов «Сёку нихонги» [Ёро, 4-4-15, 707 г.], русский перевод см.: Норито. Сэммё. Пер., исслед. и коммент. А. М. Ермаковой. М., 1991, с. 138.

⁶² В «Сёку нихонги» встречается похожее высказывание о Фудзивара-но Фухито: «...Заслуги [Фухито] объемяют собою мир, люди полагают, что он вознагражден двором еще не в должной мере....» [Тэмпё: Хо:дзи, 4-8-7, 760 г.].

⁶³ Ранг *сики* — в 19-ступенчатой системе ранжирования, введенной в 649 году, ранг *сики* (существовали старшая и младшая степени этого ранга) занимал верхнюю ступень. В «Нихон сёки» также сообщается о пожаловании Каматари этого ранга и дворов (без указания их числа) в 654 [Хакути, 5-1-5, 654 г.].

⁶⁴ То есть скончался.

⁶⁵ Государыня Амэ Тоётакара Икасиби Тарасипимэ дважды восходила на престол. Посмертные имена китайского типа — Ко:гёку (642–645) и Саймэй (655–661).

⁶⁶ *Жан* — древнекитайский глиняный музыкальный инструмент. Слово сочетание «играть на жан» можно перевести и как «играть в чурбачки» (игра наподобие городков). И в том и в другом случае подразумевается праздное и благополучное существование.

⁶⁷ То есть жили сыто и праздно. См. предыдущее примечание.

⁶⁸ То есть Каматары.

⁶⁹ В «Нихон сёки» о пожаловании Каматары ранга *сики* говорится в записях правления Тэнти [Тэнти, 8-10-15, 669 г.]. О пожаловании титула князя (кит. *гун*) в «Нихон сёки» ничего не сказано. В «Сёку нихонги» есть указ о пожаловании титула князя Авадзи Фудзивара-но Фухито [Тэмпё: Ходзи, 4-8-7, 760 г.].

⁷⁰ В «Нихон сёки» точное число пожалованных Каматары дворов не приводится, но в записях правления Котоку дважды говорится о пожаловании Каматары нескольких тысяч дворов. Японские комментаторы считают невероятным пожалование такого количества дворов. Как бы то ни было, информация о пожаловании Каматары 15 тысяч дворов повторяется в более поздних источниках [Руйдзю: сандай яку, Ко:нин, 11-1-6, 820 г.].

⁷¹ Данный отрывок почти полностью совпадает с «Нихон сёки».

⁷² Согласно «Нихон сёки», это произошло в 660 году.

⁷³ Выходец из корейского государства Пэкче, принадлежал к знати. В 660 году Пэкче было захвачено объединенной коалицией другого корейского государства Силла и Танского Китая. Поксин обратился за помощью к Ямато (самоназвание древнеяпонского государства). В результате предпринятой военной экспедиции в 663 году войска Ямато потерпели сокрушительное поражение. «Кадэн» однако умалчивает об этой неудаче.

⁷⁴ Согласно «Нихон сёки», это произошло в 661 году.

⁷⁵ Внешние дела управления — букв. «дела управления за морем».

⁷⁶ Данный фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

⁷⁷ До:кэн (кор. Тохён) — выходец из Когурё, ему приписывается составление не дошедшего до нас памятника «Нихон сэйки». Неоднократно упоминается в «Нихон сёки» [Саймэй, 6-7-16, 660 г.; Саймэй, 7-4, 661 г.; Тэнти, 1-4, 662 г.].

⁷⁸ Имеется в виду следующие предания из «Шююань» («Сад рассуждений»). Во время охоты Циского Чэн-вана закрипела ось колеса его экипажа. Телохранитель, который должен был отвечать за экипаж, покончил с собой. Юн Мэнь-ди попросил у своего вана разрешения покончить с собой, когда армия царства Юэ подошла к границам Ци, так как был возмущен оскорблением, нанесенным его господину. Прося о разрешении покончить с собой, он привел в пример поступок телохранителя Чэн-вана. Похожие примеры преданности приводятся в жизнеописании Ли Гуана и Сы Цзяня в «Хань Шу». — Courter and

Commoner in Ancient China. Selections from the History of the Former Han by Pan Ku. Tr. by Burton Watson. New York-London, 1974, с. 38-39.

⁷⁹ Имеется в виду чуский военачальник Гунцзы Чжэнь (другое имя Цзы Нан). Гунцзы Чжэнь получил от чуского Кан-вана приказ завоевать царство У. Из-за того, что у него было мало солдат, был вынужден уклониться от боя, нарушив тем самым приказ вана. Вернувшись, испросил у вана позволения покончить с собой. По приказу вана был похоронен в тунговом гробу в 3 *цун* толщиной, к которому были приложены секира и плаха. Эта история приводится в «Шююань», «Ши цзи», и «Цзо-чжуань» («Толкования Цзо» к «Чуньцю», наиболее авторитетное толкование к «Чуньцю», автором считается Цзо Ци-мин, живший в конце V — начале VI в.).

⁸⁰ Когда чуский Чжао-ван (515–489) заболел, солнце закрыли облака, напоминающие очертаниями красных птиц. *Тайши* (начальник придворных летописцев) сказал, что это предзнаменование того, что вана постигнет болезнь, но болезнь может перейти на *сыма* (военачальник, начальник военного приказа) Лин Инь. Узнав об этом, Лин Инь прошел очищение и стал молиться богам прося, чтобы болезнь перешла на него.

⁸¹ Сокращенное название от Асакура-но Татибана-но Хиронива, упоминается также в 24 отрывке.

⁸² Белый цвет — цвет траура на Дальнем Востоке.

⁸³ Танский военачальник, выходец из Цзичжоу (совр. провинции Хэбэй и Шанси), прославившийся военными победами на Корейском полуострове.

⁸⁴ Данный фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

⁸⁵ Вэй Чжэн — знаменитый сановник начала эпохи Тан, служил при дворе Гао-цзу (618–627) и Тай-цзун (627–650).

⁸⁶ Кэгым — или Ён Кэсомун (?–665), государственный деятель и военачальник государства Когурё. В 642 году Кэсомун убил вана и стал фактическим главой Когурё. Его биография помещена в «Самгук саги» Ким Бусика [Ким Бусик. Самгук Саги, 2002, Т. 3, с. 191–192].

⁸⁷ Не установлено, кто здесь имеется в виду.

⁸⁸ Ким Юсин (595–673) — выдающийся государственный деятель и полководец эпохи объединения корейских государств. В разделе биографий «Самгук саги» ему посвящены 3 главы — Самгук Саги. Исторические записи..., М., 2002, Т. 3.

⁸⁹ То есть всем им далеко до Каматари. Выражение «пролезть под чужим задом» (или «пролезть между ног») встречается в «Ши цзи» и в «Хань шу» в жизнеописании Хуайинь-хоу (Хань Синь), одного из соратников основателя династии Хань Гао-цзу.

⁹⁰ Фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

⁹¹ В действительности же в этом году войска Ямато потерпели сокрушительное поражение на Корейском полуострове. См. прим. 73.

⁹² В других источниках об этом послании ничего не говорится. Со ссылкой на «Кадэн» текст послания приводится в «Фусо: рьяки».

⁹³ Возможно, имеется в виду ван Когурё Поджан (прав. 642–646).

⁹⁴ Т. е. Фудзивара-но Каматару. Как уже говорилось, Каматару был назначен *ооми* и внутренним министром только в 669 году.

⁹⁵ Похожее выражение есть в «Хоу хань шу» и «Вэнь сюань».

⁹⁶ Данное выражение может также быть понято как «лодки и мосты». Имеется в виду осуществление Каматару руководством народом.

⁹⁷ Афуми — позднее Ооми. В «Нихон сёки» сообщается о многочисленных протестах против переноса столицы [Тэнти, 6-3-19, 667 г.].

⁹⁸ Японское посмертное имя Тэнти (668–671).

⁹⁹ Фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

¹⁰⁰ Смута года *дзинсин* — такое название получила междоусобная война за трон между сыном Тэнти принцем Оотомо и его дядей О:ама (будущий император Тэмму), завершившаяся победой последнего. *Дзинсин* — название соответствующего года 60-летнего цикла (672 год).

¹⁰¹ Ким Юсин — см. примеч. 94. Об этом факте сообщается в «Нихон сёки» [Тэнти, 7-9-12, 668 г.].

¹⁰² Примеры идеального законодательства древности.

¹⁰³ О составлении законов в правление Тэнти говорится в данном фрагменте, в докладной записке Фудзивара-но Накамаро [Сёку нихонги, Тэмпё: Хо:дзи, 1-8 (вст.)-17, 757 г.], в предисловии к китайезычной поэтической антологии «Кайфу:со:» (751 г.), т. е. исключительно в источниках второй половины VIII века, к составлению которых непосредственное отношение имели представители рода Фудзивара.

¹⁰⁴ Болезнь «обострилась» — в «Нихон сёки» такое выражение употребляется по отношению к императору Ю:ряку (456–479) [Нихон сёки, Ю:ряку, 23-8, 479 г.].

¹⁰⁵ «Нихон сёки» ничего не сообщает об усердных мольбах Тэнти.

¹⁰⁶ Каматару имеет в виду поражение на Корейском полуострове в 663 году.

¹⁰⁷ Данный указ не приводится в «Нихон сёки».

¹⁰⁸ Согласно «Нихон сёки», Каматару были пожалованы ранг *дайсики*, должность *ооми*, родовое имя Фудзивара [Нихон сёки, Тэнти, 8-10-15, 669 г.]. Кабанэ Асоми было пожаловано роду Накатоми (от которого отделилась ветвь Фудзивара) в 684 году, при Тэмму [Нихон сёки, Тэмму, 13-11-1, 684 г.], непосредственно после проведения реформы титулов-кабанэ. Должность главного министра (*дайдзё: дайдзин*), высшая в бюрократической иерархии, была учреждена в 671 году, через 2 года после смерти Каматару. На эту должность назначались представители императорского рода. Дед Накамаро — Фудзивара-но Фухито — получил эту должность посмертно в 720 году. Сам Накамаро был назначен на эту должность в 760 году (в соответствии с переименованием должностей, инициированным Накамаро, должность стала называться *тайси* (великий учитель). Стараниями Накамаро в том же 760 году должность главного министра была также пожалована его отцу Мугимаро и дяде Фусасаки [Нихон сёки, Тэмпё: Хо:дзи, 4-1-4; 4-8-7, 760 г.]. Таким образом, в действительности ни должность главного министра, ни *кабанэ асоми* Каматару пожалованы не были.

¹⁰⁹ Приходится на 19 день 10-й луны.

¹¹⁰ Данный указ не приводится в «Нихон сёки».

¹¹¹ Восемь пределов — четыре стороны света плюс северо-западное, юго-западное, северо-восточное и юго-восточное направления, т. е. вся Поднебесная.

¹¹² Вэнь-ван — основатель династии Чжоу.

¹¹³ Шан Фу — прозвище Люй-шана (Тай-гун вана), отца Вэнь-вана и наставника его преемника У-вана.

¹¹⁴ Имеется в виду Гао-цзу (прав. 202–195 гг. до н. э.).

¹¹⁵ См. прим. 31.

¹¹⁶ «Судно и весла», «конек крыши и стропила» — в переносном смысле столп, основа государственного управления.

¹¹⁷ Фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

¹¹⁸ То есть, Киммэй (539–571) и Ко:гёку (642–645, 655–661).

¹¹⁹ Афуми и Хира-но Ура-но Мия — Афуми старое название провинции Ооми (совр. Сига). Дворец под названием Хира-но Ура в «Нихон сёки» не упоминается, но сообщается о выездах Дзёмэй и Ко:гёку (Саймэй) в место с таким названием [Саймэй, 5-3-3, 659 г.]. Это место на западном берегу озера Бива, на территории современной префектуры Сига.

¹²⁰ В «Нихон сёки» золотая курильница была пожалована Сога-но Акаэ-но Оми, по-видимому, в связи с похоронами Каматари [Тэнти, 8-10-19, 669 г.].

¹²¹ Четвертое небо мира страстей, царство удовлетворенности.

¹²² Мироку (Майтрейя) — бодхисаттва, пообещавший прийти в мир спустя 5 миллиардов 670 миллионов лет после смерти Шакьямуни, чтобы спасти людей. Возродился на небе Тушита, где проповедует буддийское учение и ждет момента сошествия на землю.

¹²³ Вращать круг дхарм — проповедовать учение Будды.

¹²⁴ Фрагмент отсутствует в «Нихон сёки».

¹²⁵ Хо:со: — человек, который шел впереди похоронного экипажа, и был призван отгонять злых духов. Во время погребального обряда он надевал шкуру медведя, поверх черной одежды надевал одежды цвета киновари, держал в руках копьё и щит.

¹²⁶ Согласно «Тайхо:рицурё:» (XXVI-8), погребальный экипаж и хо:со: полагались при погребении только принцев первого класса и главного министра (дайдзё: дайдзин).

¹²⁷ В «Нихон сёки» ничего не говорится о кремации Каматари, сообщается лишь о том, что Каматари был временно захоронен к югу от горы Ямасина [Тэнти, 8-10-16, 669 г.].

¹²⁸ Ямасина-дэра (Ко:фукудзи) — храм был основан вдовой Каматари в местечке Ямасина в провинции Ямасиро и стал родовым храмом (удзи-дэра) Фудзивара. В 710 году был перенесен в новую столицу. В «Сёку нихонги» сообщается, что в Ямасина был похоронен государь Тэнти [Тэмпё: Сё:хо:, 6-3-10, 753 г.].

¹²⁹ Ки-но Уси-но Оми — дважды упомянут в «Нихон сёки» в правление Тэнти, в первый раз сообщается о назначении его помощником

министра (не указывается какого), во второй — о его участии в прине- сении клятвы верности государю [Тэнти, 10-1-5; 10-1-1-23, 671 г.].

¹³⁰ Фиолетовый цвет ценился особенно высоко.

¹³¹ Шелковые зонты (*кинугаса*) — могли вывешивать над буддий- скими статуями, над гробом и т. д.

¹³² Юима — санскр. Вималакирти. Имеется в виду проповедь, разъ- ясняющая «Сутру Вималакирти».

¹³³ Ганго:дзи (Хо:ко:дзи) — буддийский храм, основанный в 596 го- ду Сога-но Умако, родовой храм Сога. После переноса столицы в Нара (Хэйдзё) был перенесен в новую столицу (в 718 году) и стал называться Ганго:дзи.

¹³⁴ Пять школ — буддийские секты Хоссо, Санрон, Дзёдзицу, Куся, Рицу. Существование этих школ во времена Каматари маловероятно, их оформление относят к VIII вв. — Буддизм в Японии, М., 1993, с. 46- 54.

¹³⁵ Сатхэк Сомён упоминается в записи «Нихон сёки» за 671 год, где говорится о пожаловании ему младшей ступени ранга *дайкин* [Тэнти, 10-1-13, 671 г.], что на три ранга (или пять ступеней) ниже ранга *сики*.

¹³⁶ Не сохранился.

¹³⁷ Дзё:э — старший сын Каматари, о нем речь пойдет ниже.

¹³⁸ Фухито (659-720) — отец Мутимаро, Фусаки, Умакаи, Маро, каждый из которых основал соответственно южную, северную, церемо- ниальную и столичную ветви рода Фудзивара. Дочь Фухито — Мия- ко — стала одной из жен императора Момму (697-707), другая — Ко- мё: — стала женой императора Сё:му (724-749) и императрицей. Сам Фухито к 708 году достиг должности Правого министра, поскольку две более высокие должности Левого и Главного министров были вакант- ны, Фухито фактически возглавлял бюрократическую иерархию.

¹³⁹ Не сохранилось.

¹⁴⁰ Фудзивара-но Каматари.

¹⁴¹ Меч Тань Цзяна — в переносном смысле «драгоценный меч». Тань Цзян — знаменитый оружейник эпохи Чунью.

¹⁴² Стрелы *куаицзи*. Превосходные стрелы, сделанные из бамбука, росшего на горе с одноименным названием (юго-восток современной провинции Чжэцзян), метафора выдающегося, широко образованного человека.

¹⁴³ Согласно «Нихон сёки», посольство в Тан было отправлено в 653 году. В китайской хронике «Сун шу» говорится о прибытии японского посольства в 654 году.

¹⁴⁴ Согласно «Нихон сёки», в 653 году Дзё:э в числе монахов-студен- тов был отправлен в Тан вместе с японским посольством [Хакути, 4-5- 12, 653 г.].

¹⁴⁵ Шэнь Тай — в 645 году принимал участие в работе по переводу сутр в чаньаньском храме Хунфу, в 657 году стал настоятелем храма Симин. Автор нескольких буддийских сочинений.

¹⁴⁶ Соответствует 653 году правления Гао-цзун (650-683).

¹⁴⁷ Внутренний канон — буддийские священные тексты.

¹⁴⁸ Под «внешними установлениями» подразумевается конфуцианский канон.

¹⁴⁹ Эта же дата возвращения Дзё:э указана и в «Нихон сёки» [Хакути, 5-2, 654 г.].

¹⁵⁰ Т. е. в Асука, тогдашнюю резиденцию Тэнти.

¹⁵¹ Оохара — родовая усадьба Фудзивара, здесь же родился Фудзивара-но Каматари. Оохара упоминается в «Манъё:сю:» (№ 103).

¹⁵² Пурпурный дворец — императорский дворец. «Сматывает нить», т. е. помогает государю осуществлять управление.

¹⁵³ Чжоу-гун — младший брат У-вана, считающегося основателем династии Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.). В конфуцианской традиции стал образцом праведного советника государя.

¹⁵⁴ Цинь — Бо Цинь, сын Чжоу-гуна.

¹⁵⁵ Чжун-ни — имя Конфуция (551–479 г. до н. э.).

¹⁵⁶ Ли — сын Конфуция.

¹⁵⁷ Два учения — стихи (*ши*) и ритуал (*ли*).

¹⁵⁸ Здесь До:кэн восхваляет Каматари.

¹⁵⁹ «Семь сводов» (кит. «Ци люэ») — первый библиотечный каталог, составителями которого считаются отец и сын Лю Сян (79–8 гг. до н. э.) и Лю Синь (около 53–23 гг. до н. э.).

¹⁶⁰ Гексаграммы упадка и расцвета, несчастного рока и счастливой судьбы.

¹⁶¹ Бамбуковые дощечки — использовались в древнем Китае приблизительно с III века до н. э. В отличие от Японии, где деревянные дощечки никогда не сшивались, и текст не переходил с одной дощечки на другую, в Китае дощечки сброшюровывались и на них записывались длинные тексты. Такое различие обусловлено, в частности, тем, что в Китае начало использования бамбуковых дощечек в качестве писчего материала предшествовало распространению бумаги (изобретена во II веке до н. э, широкое распространение получила с I в. н. э.). В Японии же бумага и деревянные дощечки (*моккан*) существовали параллельно.

¹⁶² Т. е. повеление от китайского императора Гао-цзун (650–683). Никаких точных сведений об этом эпизоде в отношениях между Тан и Ямато не сохранилось.

¹⁶³ Китайские чиновники, оба упоминаются в «Нихон сёки» в качестве прибывших из Тан посланцев [Тэнти, 3-5-17, 3-10-4, 3-12-12, 664 г.; Тэнти, 4-9-23, 665 г.; Тэнти, 10-11-10, 671 г.].

¹⁶⁴ Японские комментаторы предполагают, что имеется в виду Асука, противопоставляемая здесь новой резиденции государя Тэнти — Ооми-но Ооцу-но мия.

¹⁶⁵ Чтобы проверить, не прервалось ли дыхание, ко рту больного подносили кусочек ваты.

¹⁶⁶ Как говорилось ранее, в возрасте двадцати трех лет.

¹⁶⁷ Великая основа — образное обозначение императорского трона.

¹⁶⁸ Восхваляется добродетельное управление государя Тэнти.

¹⁶⁹ Т. е. порицал чрезмерное увлечение охотой и несвоевременные жертвоприношения.

¹⁷⁰ Река Сы — находится в провинции Шаньдун, именно здесь, согласно преданию, Конфуций наставлял своих учеников. Здесь, таким образом, подчеркивается конфуцианская образованность Дзэ:э.

¹⁷¹ Букв. «сидел на циновке, отстоявшей от циновки учителя на один чжан (чжан — около 3 метров)».

¹⁷² Бянь-ши — другое имя Хэ-ши. Человек из Чу, преподнесший правителю необработанную драгоценность. По обвинению во лжи был наказан ампутацией обеих ног. Впоследствии же выяснилось, что его дар — настоящая драгоценность. Эта история излагается в «Хань фэй-цзы» (трактат, авторство которого приписывают известному ученому-легисту Хань Фэй-цзы), а также упоминается в «Вэнь сюань».

¹⁷³ Ссылка на китайскую легенду о князе Суй. Однажды князь помог огромной змее, а та отблагодарила его, преподнесла жемчужину со дна реки, упоминаемую, в частности, в «Вэнь сюань».

¹⁷⁴ Т. е. повеление государя Тэнти.

¹⁷⁵ Жезл — символ посольских полномочий.

¹⁷⁶ «Прибыл» — записано двумя иероглифами, данным выражением обычно обозначали появление чудесной птицы феникс. Таким образом, прибытие Дзэ:э в Тан сопоставляется с появлением благой птицы феникс.

¹⁷⁷ Буквально — *сиби* (кит. Цзывэй), один из центров звездного неба, в переносном смысле — место пребывания государя. Восхваляется двор Тэнти.

¹⁷⁸ Три кончика — кисть, меч, язык. Т. е. процветали искусства каллиграфии, воинское и ораторское.

¹⁷⁹ Банан базью (*Musa basjoo Sieb.*), яп. *басё*.

¹⁸⁰ Ссылка на историю из «Фанъи минъи-цзи» («Собрание имен и толкований к измененным переводам») о двух крысах — белой и черной (символ солнца и луны, дня и ночи), грызущих стемель глицинии. Метафора краткости человеческой жизни.

¹⁸¹ История из «Фанъи минъи-цзи» о четырех змеях из одной шкатулки. Четыре змеи — символы четырех первоэлементов (земля, вода, огонь, ветер). Метафора быстротечности человеческой жизни.

¹⁸² И феникс, и жар-птица считались бессмертными, однако и их жизни грозит опасность.

¹⁸³ Янь-Хуэй (Янь Юань) — лучший ученик Конфуция, рано умерший. О реакции Конфуция на его смерть говорится в «Лунь юй» [XI-7, 8, 9, 10, 11]. — А. С. Переломов. Конфуций. Лунь юй. М., 2000.

¹⁸⁴ В «Ши цзи» в жизнеописании Чжан И, рассказывается о том, как Чжан И был заподозрен в краже регалии из яшмы у чуского сяна и несправедливо наказан. — Сыма Цянь. Исторические записки, 1996, М., Т. 7, с. 120.

¹⁸⁵ Эта история излагается в «Ши цзи» («Исторические записки»). В княжестве Чжао была драгоценная яшма. Циньский Чжао-ван предложил в обмен на эту яшму 15 городов. — Сыма Цянь. Исторические записки, 1996, М., Т. 7, с. 247-250.

¹⁸⁶ Назначение на эту должность Мутимаро получил на следующий день после смерти [Сёку нихонги, Тэмпё, 9-7-25, 737 г.]. В 760 году, стараниями стоявшего на вершине власти сына Мутимаро — Фудзивара-но Накамаро, Мутимаро посмертно была пожалована должность Главного министра (*дайдзё: дайдзин*) [Сёку нихонги, Тэмпё: Хо:дзи, 4-8-7, 760 г.]. В «Кадэн» об этом ничего не говорится, что позволяет предполагать, что составление «Кадэн» было завершено до 760 года.

¹⁸⁷ Мутимаро (680–737) — см. раздел «Персонажи „Кадэн“» во вступительной статье.

¹⁸⁸ Т. е. был старшим сыном Фудзивара-но Фухито (659–720), второго сына Фудзивара-но Каматари. Должность Главного министра и первый ранг были пожалованы Фухито посмертно [Сёку нихонги, Ё:ро:, 4-10-23, 720 г.].

¹⁸⁹ Сога-но Кура-но Оми — в первом свитке фигурирует под детским именем Ямада-но Оми Маро. Внук Сога-но Умако и сын Сога-но Исикава Маро. Примкнул к заговору принца Нака-но Оэ (будущий император Тэнти) и Каматари, направленному на свержение Сога-но Ирука. Согласно «Нихон сёки», умер в 664 году [Нихон сёки, 3-5-17, 664 г.]. Однако в «Фусо: рьякки» говорится, что он умер в 662 году в возрасте 54 лет.

¹⁹⁰ Тэмму (673–686). До сих пор имена японских правителей давались по-японски или по месту резиденции. Тэмму — китайское имя.

¹⁹¹ Имеется в виду, что младенец отказывался пить рисовый отвар взамен материнского молока.

¹⁹² В жизнеописании Ван-Янь в «Цзинь шу» (сост. в VII веке) говорится: «В возрасте девяти лет лишился матери, плакал горючими слезами три года и едва-едва не умер» (Цит. по: Фудзи(вара) си кадэн (Жизнеописание рода Фудзивара). Под редакцией Сато Макото. Токио: «Ёсикава кобункан», 1999, с. 195.

¹⁹³ Парафраз из жизнеописания Лу Чжун-яня «Ши цзи», где сказано: «Кроме того, я слышал, что тот, кто преследует малую выгоду, не в состоянии заслужить славное имя, а тот, кто пренебрегает мелочами, не в состоянии добиться больших заслуг». — *Сыма Цянь. Исторические записки*, М., Т. 7, 1996, с. 273.

¹⁹⁴ Сюдан, или го — игра, цель которой — завладеть фишками соперника, окружив их. Для нее использовались доска и камешки двух цветов.

¹⁹⁵ Три сокровенных трактата — «Чжуан-цзы», «Дао дэ цзин», «И цзин». «Чжуан-цзы» и «Дао дэ цзин» — важнейшие тексты китайского даосизма, создание которых приписывается соответственно Чжуан Чжоу (около 369–268 гг. до н. э.) из царства Чу и Лао-цзы.

¹⁹⁶ Т. е. увещевал господина, не прибегая к лести.

¹⁹⁷ По одной из версий, это усадьба Тамура, принадлежавшая впоследствии Фудзивара-но Накамаро, второму сыну Мутимаро.

¹⁹⁸ Принц Ходзуми — пятый сын государя Тэмму, его мать была из рода Сога. С 706 года — правый министр. С 715 года — принц крови первого класса, в том же году скончался.

¹⁹⁹ Четверо сыновей Фудзивара-но Фухито — Мутимаро (680–637), Фусасаки (681–737), Умакаи (694–737), Маро (695–737) — занимали высокие должности и входили в высший орган власти Дадзёкан.

²⁰⁰ Об этом сообщается в «Сёку нихонги» [Тайхо:, 1-6-2, 701 г.]. *Утонэри* — приближенные государя, находившиеся в его непосредственном подчинении. Несли караульную службу во дворце, сопровождали государя во время выездов и выполняли различные поручения. Входили в ведомство министерства центральных дел (Тю:мусё:). Согласно «Тайхо: рицурё:», штат *утонэри* насчитывал 90 человек [II-3].

²⁰¹ Буквально — три *гуна*. Три высших сановника в государстве. Подразумеваются должности главного, левого и правого министров.

²⁰² В «Сёку нихонги» такого указа не приводится. В это время действовало «право тени», согласно которому молодые аристократы, начиная служить, автоматически получали ранг, высота которого зависела от высоты ранга родителя. По закону о праве тени Мутимаро должен был получить младший 6-й ранг верхней степени, т. к. его отец Фухито обладал в это время старшим 3-м рангом. Комментаторы полагают, что в данном случае тень на Мутимаро «отбросил» его дед Каматари.

²⁰³ Фудзивара-но Фухито имел самое непосредственное отношение к составлению этого законодательного свода. По девизу правления свод называется «Тайхо: рицурё:», его составление было завершено в 700 году, а введен в действие свод был в 701 году.

²⁰⁴ Согласно «Тайхо: рицурё:», должность управляющего предусматривалась в штате принцев и сановников с первого по третий ранг [V].

²⁰⁵ Не указан девиз правления. В «Сёку нихонги» это назначение не зафиксировано. Скорее всего подразумевается второй год Тайхо: — 702 год.

²⁰⁶ Должность в составе министерства наказаний (Гё:бусё:).

²⁰⁷ Тэмму.

²⁰⁸ Конфуция.

²⁰⁹ Рё:гу-но Коникиси — Кудара-но Коникиси Рё:гу. Правнук вана Пэкчэ — Ёйджа. Упоминается в «Нихон сёки» и в «Сёку нихонги», однако сведения о его службе в качестве главы высшей школы в этих источниках отсутствуют. Кабанэ «Коникиси» (записывается тем же иероглифом, что и слово *ван*, т. е. правитель) на протяжении VIII века жаловалось трижды. Все три раза потомкам правящего рода корейских государств Пэкче и Когурё, что должно было символизировать зависимость территорий этих государств от Японии. Подробнее см.: Танака Фумио. «Коникиси» но кабанэ сиё то Нихон-но кодай кокка (Пожалование кабанэ коникиси и древнеяпонское государство). — Кокуси гаку, 1994, № 152.

²¹⁰ О проведении этого ритуала говорится в «Тайхо: рицурё:». Официальный ритуал, проводившийся в государственных школах чиновников в 4-й день второй луны и восьмой луны, т.е. соответственно весной и осенью [XI-3]. О первом случае проведения этого ритуала говорится в «Сёку нихонги» [Тайхо:, 1-2-14, 701 г.].

²¹¹ Упоминается в «Сёку нихонги» [Вадо:, 3-1-13, 710 г.], один из авторов китаеязычной антологии «Кайфу:со».

²¹² Парафраз из «Лунь юй».

²¹³ В жизнеописании Кибино Асоми Макиби (695–775) утверждается, что ритуал поклонения Конфуцию в Высшей школе чиновников был учрежден его стараниями в 766 году, когда Кибино Макиби был назначен Правым министром. Утверждается также, что до этого ритуал поклонения Конфуцию не проводился [Сёку нихонги, Хо:ки, 6-10-2, 775 г.].

²¹⁴ Сюань-Фу — посмертное имя Конфуция, означающее «Всеобщий отец».

²¹⁵ Сыкоу — название должности эпохи Чжоу. Один из шести министров, управлял судебными и сыскными делами.

²¹⁶ Марсилия четырехлистная (*Marsilia quadrifoli*) — редкое водное растение.

²¹⁷ Ни-шань — гора на юго-востоке провинции Шаньдун. На этой горе мать Конфуция молилась о рождении сына. См.: *Сьма Цянь. Исторические записки*, 1992, М., Т. 6, с. 126.

²¹⁸ Т. е. Конфуций.

²¹⁹ Согласно «Ши цзи», когда в княжестве Лу началась смута, Конфуций отправился в княжество Ци и стал служить правителю. — *Сьма Цянь. Исторические записки*, 1992, М., Т. 6, с. 126–151.

²²⁰ Куан — город Куанчэн, находился на территории нынешней провинции Хэнань. Жители Куана по ошибке продержали Конфуция в плену 5 дней. — *Сьма Цянь. Исторические записки*, 1992, М., Т. 6, сс. 126–151.

²²¹ Сядай — название местности на территории нынешней провинции Аньхуй.

²²² Примерно такие же цифры приводятся в «Ши цзи» и в «Люйши чуньцю». *Сьма Цянь. Исторические записки*, 1992, М., Т. 6, с. 146; Люйши чуньцю. Весны и осени господина Люя. Пер., предисл., примечания Г. А. Ткаченко, М., 2001, с. 211. «Достигшие понимания» — такой перевод предложен Г. А. Ткаченко в «Люйши чуньцю».

²²³ Чжусы — район двух рек — Чжушуй и Сышуй — в княжестве Лу, считающийся родиной Конфуция и местом возникновения конфуцианства.

²²⁴ Правители княжеств Тан и Юй эпохи Чжоу — мифические императоры Яо и Шунь.

²²⁵ Оды и гимны — разделы «Ши цзин» («Книга песен»).

²²⁶ «Песни лян» — кит. *лян гэ*, на горе Лянфу хоронили покойников, а у подножия горы возглашали плачи по ним. Отсюда появилось выражение «песни лян».

²²⁷ «Совершенный путь почитается и проникновение в него глубоко» — парафраз «Лунь юй». «Янь Юань со вздохом сказал:

— Чем больше [я] всматриваюсь в учение [Учителя], тем возвышеннее оно кажется; чем больше стараюсь проникнуть в него, тем тверже

оно оказывается». — Л. С. Переломов. Конфуций. Лунь юй. М., 2000, с. 365, IX-11.

²²⁸ Это повышение в ранге зафиксировано и в «Сёку нихонги» [Кэй-ун, 2-12-27, 705 г.].

²²⁹ Назначение не зафиксировано в «Сёку нихонги». Архивное управление входило в состав министерства центральных дел (Тю:мусё:, или Накадзукасасё:). Согласно «Тайхо: рицурё:», начальник архивного управления: «Ведает [хранением] китайских классических сочинений, рукописей и карт; сбором и приведением в порядок государственных хроник, переписыванием, исправлением, обновлением, переплетом священных [буддийских] писаний; [хранением] изображений Будды и ритуальных буддийских свитков; снабжением бумагой, кисточками для письма и тушью» (II-6). — Свод законов «Тайхо:рё:». 702–718 гг. Перевод и коммент. К. А. Попова, М., 1985, Т. 1, с. 26.

²³⁰ *Дзидзю:* — «всегда присутствуют [во дворце], наставляют и увещевают, исправляют упущения, восполняют недостатки». — Рё:-но ги-гэ, с. 33.

²³¹ «И цзин», «Ши цзин», «Шу цзин», «Лэ цзи», «Чуньцю», «Чжоу ли».

²³² Смута года *дзинсин* — смута 673 года, когда противостояние двух претендентов на трон — принца Оотомо (сына государя Тэнти) и его дяди Ооама (младший брат Тэнти, будущий государь Тэмму), вылилось в междоусобную войну, закончившуюся победой Ооама.

²³³ Назначение не зафиксировано в «Сёку нихонги».

²³⁴ Фува — одна из трех важнейших застав на пути из провинций в центральный район Кинай и столицу. Находилась в провинции Мино, вблизи границы с провинцией Ооми.

²³⁵ Цуруга — застава на границе провинции Этидзэн. Первые упоминания о ней встречаются в «Нихон сёки» и «Кодзики».

²³⁶ Т. е. в Хэйдзё:кё:, другое название — Нара.

²³⁷ Озеро Бива.

²³⁸ Плодородность земель оценивалась по девятибальной шкале — было три разряда (высший, средний и низший), в свою очередь делившиеся на три подразряда.

²³⁹ Т. е. государь Тэнти и Фудзивара-но Каматари.

²⁴⁰ В «Нихон сёки» об этом событии говорится следующее. «Столица была перенесена в Алуми [Ооми. — Е. С.]. В это время люди в Поднебесной не хотели переноса столицы. Многие предостерегали против того, многие распевали издевательские песни. Каждый день и каждую ночь случалось множество пожаров» [Тэнти, 6-3-19, 667 г.]. — Нихон сёки. Анналы Японии. Пер. и комм. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб., 1997.

²⁴¹ Даосская идея о «недеянии» (кит. *у вэй*), когда благодаря добродетели правителя государственная машина функционирует сама по себе.

²⁴² Японские комментаторы предполагают, что имеются в виду две заставы — Фува (провинция Мино, располагавшаяся восточнее Ооми)

и Арати (провинция Этидзэн, находившаяся севернее и северо-западнее провинции Ооми).

²⁴³ Т. е. был знаком с нуждами простого народа.

²⁴⁴ Использование народа в надлежащее время — один из основных принципов управления государством, зафиксированный в «Лунь юй» [I-5].

²⁴⁵ Назначение зафиксировано в «Сёку нихонги» [Вадо:, 6-1-23, 713 г.].

²⁴⁶ Ср. высказывание из «Лунь юй»: «Благородного мужа даже на время трапезы не покидает человеколюбие — оно постоянно с ним: когда он спешит и когда у него трудные времена». — Л. С. Переломов. Конфуций. Лунь юй. М., 2000, с. 327, IV-5.

²⁴⁷ Данный указ помещен в «Сёку нихонги» [Рэйки, 2-5-15, 716 г.]. Приводим его в переводе А. Н. Мещерякова.

²⁴⁸ В «Лунь Юй» говорится: «Добродетель благородных людей — ветер, добродетель маленьких людей — трава. Куда дует ветер, туда и склоняется трава». — Л. С. Переломов. Конфуций. Лунь юй. М., 2000, XII-19, с. 385.

²⁴⁹ Уезд Саката — уезд, входивший в состав провинции Ооми; располагался к востоку от озера Бива.

²⁵⁰ Встреча Ямато-такэру с божеством горы Ибуки описана и в «Нихон сёки» и в «Кодзики». Согласно «Нихон сёки», Ямато-такэру встретил бога горы Ибуки в образе белой змеи, остался жив, но с этого времени сила его пошла на убыль. — Нихон сёки., СПб., 1997, Т. 1, с. 250-251. Согласно «Кодзики», божество горы предстало перед Ямато-такэру в образе белого кабана. Некоторое время спустя после восхождения на гору Ямато-такэру умер. После смерти он обернулся птицей и улетел. — Кодзики. Записи о деяниях древности. Пер., предисл., коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова, 1994, т. 2, с. 73-77.

²⁵¹ Японские комментаторы отмечают, что смысл этого фрагмента не вполне ясен. Возможно, Мутимаро и его спутники обмотали головы тканью, защищаясь от пчел. Допускается также, что в данном фрагменте переписчик допустил ошибку.

²⁵² Сигасэндзи — храм, основанный государем Тэнти, после переноса резиденции в провинцию Ооми. Храм был очень влиятелен в эпохи Нара и Хэйан.

²⁵³ В «То:дайдзи кэнмоцу тё:» («Реестр даров храму То:дайдзи») упоминается меч, подаренный Фудзивара-но Фухито наследным принцем Кусакабэ (662-689). После смерти принца Фухито преподнес этот меч взшедшему на престол Момму (прав. 697-707). После смерти Момму меч вновь был пожалован Фухито. Когда же умер Фухито, меч был преподнесен будущему государю Сё:му (прав. 724-749). Наконец, после смерти Сё:му меч в числе прочих даров был подарен То:дайдзи вдовой Сё:му Ко:мё: (701-760). Дарение меча должно было символизировать прочную связь правящего рода и рода Фудзивара. — Такасима Масато. Нара дзидай-но Фудзивара си то тёсэй. Токио: «Ёсикава ко-бункан», 1999, с. 63.

²⁵⁴ Хиэяма — гора на стыке двух древних провинций — Ямасиро и Ооми. Божество этой горы Ооямакуи-но Kami упоминается в «Кодзики», а храм Хиёсидзиндзя, посвященный этому божеству, зафиксирован в храмовых списках «Энгисики». В период Хэйан на этой горе возникает монастырский комплекс Энрякудзи школы Тэндай.

²⁵⁵ В «Кайфу:со:» помещено стихотворение Мата-но Мурадзи Ясу, написанное в 749–751 гг., когда управителем провинции Ооми был Фудзивара-но Накамаро, содержащее аллюзию на данный эпизод биографии Мутимаро. — *Киси Тосио*. Фудзивара-но Накамаро. Токио: «Ёсикава кобункан», 1969, с. 24–26.

²⁵⁶ Рэйки — буквально «чудесная черепаха».

²⁵⁷ Кэхи-но Kami — это божество упоминается в «Кодзики» и в «Нихон сёки». Храм, посвященный этому божеству, зафиксирован в храмовых списках «Энгисики».

²⁵⁸ Санскр. *упасака* — «послушник».

²⁵⁹ Назначение не зафиксировано в «Сёку нихонги».

²⁶⁰ Назначение зафиксировано в «Сёку нихонги» [Ё:ро:, 2-9-19, 718 г.].

²⁶¹ Будущий государь Сёму.

²⁶² Так называемый обряд *гэмпуку*, во время которого на мальчика надевали церемониальный головной убор. Согласно «Сёку нихонги», Сё:му (тогда именовавшийся принцем Обито) прошел обряд совершеннолетия в 714 году [Вадо:, 7-6-25, 714 г.].

²⁶³ Т. е. он вырослел и мужал.

²⁶⁴ Назначение не зафиксировано в «Сёку нихонги».

²⁶⁵ Назначение зафиксировано в «Сёку нихонги» [Ё:ро:, 5-1-5, 721 г.].

²⁶⁶ Данных об этом назначении в «Сёку нихонги» нет. Под строительством дворца подразумевается строительство дворца Хэйдзё:.

²⁶⁷ Эта должность (кит. *аньчаши*) была введена в 719 году по китайскому образцу, в обязанности *ансэти* входило инспектирование провинциального и уездного чиновничества. Как и в Китае, чиновник, назначавшийся на эту должность, был также управителем одной из вверенных ему для инспектирования провинций. Однако в дальнейшем эта должность исчезла, сохранившись лишь на северо-восточных окраинах, где приобрела военные функции (*ансэти* провинций Муцу и Дэва). В «Сёку нихонги» назначение Мутимаро управителем Харима и *ансэти* не зафиксировано.

²⁶⁸ Советник, доверенное лицо правителя, буквально — «горло и язык».

²⁶⁹ Принц Тонэри (676–735) — третий сын государя Тэмму, отец будущего государя Дзюннин (758–764). Был одним из основных участников составления первой официальной японской хроники «Нихон сёки». С 720 года возглавлял высший орган государственного управления в древней Японии — Государственный Совет. Посмертно был пожалован должностью Главного министра. А в 759 году, в правление своего сына Дзюннин, Тонэри стал именоваться государем [Сёку нихонги, Тэмпё: Хо:дзи, 3-6-16, 759 г.].

²⁷⁰ Принц Ниитабэ (?–735) — был седьмым ребенком государя Тэмму, его матерью была дочь Фудзивара-но Каматари. В 719 году Ниитабэ возглавил пять столичных воинских частей и дворцовую охрану. В 724 году стал принцем 1-го разряда (всего было 4 разряда принцев и принцесс). В 731 году стал управляющим района Кинай.

²⁷¹ Фудзивара-но Фусасаки (681–737) — второй сын Фудзивара-но Фухито, основатель северной ветви рода Фудзивара. Усадьба Фусасаки была севернее усадьбы его старшего брата Мутимаро. В 717 году стал государственным советником, в 718 году — внутренним министром, в 732 году — военный губернатором округов То:сан и То:кай. Умер будущи государственным советником, министром Народных дел.

²⁷² Комментаторы предполагают, что под «ведением важных дел» подразумевается назначение Фусасаки в 721 году на пост министра внутренних дел.

²⁷³ Тадзики-но Агатамори (668–737) — в 716 году возглавил посольство в Тан, после возвращения в 718 году был назначен управителем провинции Мусаси и инспектором (*ансэти*) провинций Сагами, Кодзукэ, Симоцукэ. В том же 718 году стал министром Центральных дел. В 729 году стал старшим помощником управителя Дадзайфу и государственным советником, а в 732 году — военным губернатором Санъиндо: и средним государственным советником.

²⁷⁴ Фудзивара-но Умакай (694–737) — основатель церемониальной ветви рода Фудзивара. В 716 году был заместителем посла в Тан, в 719 году назначен управителем провинции Хитати и инспектором провинций Ава, Кадзуса, Симооса. В 724 году становится министром Кадрового министерства и главнокомандующим. В 729 году — государственный советник и заместитель управляющего Кинай. В 732 году назначен военным губернатором Сайкайдо:. В 737 году занимал должности государственного советника, министра Кадрового министерства, управителя Дадзайфу.

²⁷⁵ Фудзивара-но Асоми Маро (695–737) — четвертый сын Фудзивара-но Фухито, основатель столичной ветви рода. В 729 году — государственный советник и министр Военного министерства.

²⁷⁶ Принц Судзука (?–745) — внук Тэмму, младший брат принца Нагая (684–729). В 731 году назначен государственным советником и министром Министерства казны, в 737 году — возглавил Дадзёкан и стал министром Кадрового министерства.

²⁷⁷ Принц Кадзураги — в 736 году был отделен от императорского рода и получил имя Татибана-но Сукунэ Мороз (684–757). В 731 году становится государственным советником, в 737 году — старшим государственным советником, в 738 году — Правым министром, в 743 — Левым министром. В 745 году по совместительству становится главным наместником Дадзайфу.

²⁷⁸ Принц Мубоэ — не упоминается в «Сёку нихонги».

²⁷⁹ Принц Нагата (?–737) — в 716 году назначен управителем провинции Ооми, в 732 — управителем провинции Сэццу.

²⁸⁰ Принц Кадобэ (?–745; впоследствии также Оохара-но Махито Кадобэ) — правнук Тэмму, в 719 году назначен управителем провинции Исэ и инспектором провинций Ига и Сима. В 745 году становится министром Министерства казны.

²⁸¹ Принц Саи (Оохара-но Махито Саи) — в 736 году вместе с принцем Кадзураги, приходившимся ему старшим братом, принцу Саи было пожаловано родовое имя Татибана-но Сукунэ. К 737 году дослужился до должности начальника управления дворца государыни и командира правой гвардии.

²⁸² Принц Сакураи (или Оохара-но Махито Сакураи) — правнук императора Тэмму, в 744 году — министр Министерства казны.

²⁸³ Исикава-но Асоми Кимико — по данным «Манъё:сю:» известно, что в годы Дзинги (724–728) служил младшим помощником управителя Дадзайфу.

²⁸⁴ Абэ-но Асоми Ясумаро — в 715 году управитель провинции Тадзима, в 716 году был назначен послом в Тан, но в том же году вместо него послом был назначен Оотомо-но Сукунэ Ямамори.

²⁸⁵ Окисомэ-но Такуми (принц Такаи) — упоминается в «Манъё:сю:», где помещены два его стихотворения (св. XVI, № 3819–3820).

²⁸⁶ Морибэ-но Мурадзи Оосуми — в 720 году назначен младшим помощником управителя Министерства наказаний, одно его стихотворение помещено в китайязычную поэтическую антологию «Кайфу:со:».

²⁸⁷ Оти-но Атаи Хироз — в 720 году служил преподавателем отделения права в Высшей школе чиновников, в том же году был определен на службу во дворец престолонаследника. В 723 году — младший помощник управителя Министерства наказаний.

²⁸⁸ Сё:на-но Ко:бун — потомок иммигрантов из Когурё, в «Кайфу:со:» помещено 2 его стихотворения, в «Манъё:сю:» — одно. Служил преподавателем, а затем помощником начальника Высшей школы.

²⁸⁹ Ядзумэ-но Сукунэ Мусимаро — один из участников составления «Ё:ро: рицурё:». В 738 году стал главой Высшей столичной школы чиновников. В «Кайфу:со:» помещено два его стихотворения.

²⁹⁰ Сиоя-но Мурадзи Эмаро — в 721 году был определен на службу во дворец престолонаследника, участвовал в составлении «Ё:ро: рицурё:». В «Кайфу:со:» помещено одно его стихотворение, из которого известно, что он дослужился до должности главы Высшей столичной школы чиновников.

²⁹¹ Наракхара-но Мияцукко Адзумахито — в 738 году служил старшим инспектором провинции Ооми, в 747 году назначен управителем провинции Суруга, в 750 году за обнаружение золота в провинции Суруга ему было пожаловано новое родовое имя — Иссоси-но Оми.

²⁹² Ки-но Асоми Киёхито — согласно «Сёку нихонги», в 720 году был определен на службу во дворец престолонаследника, в 721 году в числе прочих знатоков законов ему были пожалованы шелк, полотно, нитки и мотыги. Одно его стихотворение помещено в «Манъё:сю:».

²⁹³ Яманака-но Фухито Миката — в правление Дзито ездил в Силла, где обучался в качестве монаха. В 710 году был назначен управителем

провинции Суо. В 720 году был определен на службу во дворец престолонаследника. В «Кайфу:со:» помещены три его стихотворения, согласно этому же источнику, он дослужился до должности главы Высшей столичной школы чиновников.

²⁹⁴ Фудзии-но Мурадзи Хиронари — в 719 году был назначен послом в Силла, в 734 году — управителем провинции Бинго, в 749 году — младшим помощником министра Центральных дел. Его стихи помещены в «Кайфу:со:» (2) и в «Манъё:сю:» (1).

²⁹⁵ Такаока-но Мурадзи Кавати — представитель иммигрантского рода, переселившийся в Ямато из Пэкче. В 721 году был определен на службу во дворец престолонаследника, в 731 — заместитель управляющего правой части столицы, в 746 — управитель провинции Хоки, из биографических сведений о сыне Такаока-но Кавати — Хирамаро (в «Сёку нихонги»), известно, что Кавати дослужился до должности главы Высшей столичной школы чиновников. В «Манъё:сю:» помещены два его стихотворения.

²⁹⁶ Кудара-но Кими Яамаро — потомок иммигрантов из Пэкче, в «Кайфу:со:» помещены три его стихотворения и говорится, что их автор служил управителем провинции Тадзима.

²⁹⁷ Ямато-но Имики Оадзумахито (689–769) — входил в состав посольства в Тан 716 года, участвовал в составлении «Ё:ро: рицурё:», в 737 году становится младшим помощником министра Министерства наказаний, а 749 — помощник управителя провинции Сэццу, в 754 — управитель провинции Микава, в 752 году — управитель Кавати, в 769 году назначен *куни-но мияцую* провинции Ямато.

²⁹⁸ Кицута-но Мурадзи Ёроси — потомок иммигрантов из Пэкче, первоначально был буддийским монахом (монашеское имя Эсюн), но в 700 году вернулся в мир по приказу государя. В 721 году был награжден за искусное врачевание. В 730 году ему и другим врачевателям было приказано взять себе учеников, дабы их искусство не прервалось. В 733 году был назначен начальником Архивного управления, в 737 — начальником лекарственного управления. В «Кайфу:со:» и в «Манъё:сю:» помещены по два его стихотворения.

²⁹⁹ Митати-но Мурадзи Гомё: (также Годзюку Комё:). В 721 году был награжден за искусное врачевание.

³⁰⁰ Киноэ-но Мурадзи Мататэ — в 730 году был старшим инспектором провинции Ямато, по совместительству придворным врачом.

³⁰¹ Тё:фукуси — предположительно автор одного из стихотворений «Манъё:сю:» (№ 829), согласно этому предположению в 730 году был врачом в Дадзайфу.

³⁰² Цумори-но Мурадзи Тору — в 714 году был назначен управителем провинции Мимасака. В 721 году награжден в числе искусных в своем деле. Упоминается в «Манъё:сю:» как гадатель.

³⁰³ Ё-но Махито — потомок иммигрантов из Пэкче.

³⁰⁴ Оо-но Тё:мон — потомок иммигрантов из Когурё, первоначально был монахом (То:ро:), в 701 году по повелению государя вернулся к мирской жизни. В 721 году награжден в числе знатоков *инь-ян*.

³⁰⁵ Ооцу-но Мурадзи Обито — в качестве монаха (монашеское имя Гихо:) обучался в Силла, вернулся в 707 году. В 714 году ему было приказано вернуться к мирской жизни в связи с тем, что он был гадалем. В 721 году награжден в числе искусных в своем деле. В «Кайфу:со:» упоминается в должности начальника Астрологического управления (Оммёрё:).

³⁰⁶ Кокуна-но Ко:дзю — согласно «Сёку нихонги», в 724 году ему было пожаловано родовое имя Нанива-но Мурадзи.

³⁰⁷ Ямагути-но Имики Тануси — в 721 году был назначен служить во дворец престолонаследника, в том же году награжден как знаток математики. В 730 году ему в числе прочих было приказано взять учеников, дабы передать своё искусство.

³⁰⁸ Сики-но Мурадзи Оодзи — в 721 году награжден как знаток математики. В 730 году ему в числе прочих было приказано взять учеников, дабы передать своё искусство.

³⁰⁹ Кисакибэ-но Ивамура — упоминается в «Сёку нихонги» в 721 году как знаток математики [Сёку нихонги, Ё:ро:, 5-1-27, 721 г.]. В 730 году ему в числе прочих было приказано взять учеников, дабы передать своё искусство.

³¹⁰ Сии-но Мурадзи Митасуки — в 721 году награжден как знаток математики. В 730 году ему в числе прочих было приказано взять учеников, дабы передать своё искусство.

³¹¹ Ё-но Нинкун — согласно «Сёку нихонги», в 723 году ему был пожалован младший 5-й ранг нижней степени.

³¹² Каракуни-но Мурадзи Хиротари — потомок иммигрантов, в 732 году был назначен главой Лекарственного управления.

³¹³ В «Сёку нихонги» эти два назначения зафиксированы в 729 году: «Монах Бэндзё: назначен *дайсо:дзу*. Монах Синъэй назначен *сё:со:дзу*. Монах До:дзи назначен *риси*» [Сёку нихонги, Тэмпё:, 1-10-7, 729 г.]. Оба монаха в 693 году были отправлены в Силла в качестве монахов-студентов.

³¹⁴ Цвет одежд знати, чиновников 5-го ранга и выше.

³¹⁵ *Касэки* — камень с нравоучительным текстом, ставился у места суда. Т. е. в стране не совершалось преступлений.

³¹⁶ Согласно «Сёку нихонги», в 724 году было предписано крыть черепицей красного и белого цвета дома чиновников 5-го ранга и выше, а также дома богатых людей [Дзинги, 1-11-8, 724 г.].

³¹⁷ Усадьба Мутимаро, располагавшаяся на западе столицы.

³¹⁸ Врата Дракона — легендарное место, где собирались карпы. Те из них, кому удавалось пройти через врата, превращались в драконов, остальные же возвращались обратно ни с чем. В переносном смысле «пройти врата Дракона» означает прославиться, стать знаменитым.

³¹⁹ Цукуси — старое название острова Кюсю. Назначение зафиксировано в «Сёку нихонги» [Тэмпё:, 3-9-27, 731 г.].

³²⁰ Имеется в виду тот факт, что Мутимаро не отправился на новое место службы, а остался в столице.

³²¹ Ко:мё: — супруга императора Сё:му (624–749), младшая сестра Мутимаро.

³²² Данный факт не зафиксирован в «Сёку нихонги».

³²³ Японские комментаторы предполагают, что под министром Абэ подразумевается Абэ-но Асоми Миуси (?–703), влиятельный сановник в правление Дзито: (690–697), дослужившийся до должности Правого министра.

³²⁴ От других жен у Мутимаро было еще два сына и одна дочь.

³²⁵ Имеется в виду участие в заговоре (757) Татибана-но Нарамаро (721–757), который якобы хотел убить Накамаро, вынудить наследного принца отречься от престола и возвести на трон другого кандидата.

³²⁶ Это произошло в 758 году [Сёку нихонги, Тэмпё: Хо:дзи, 2-8-25, 758 г.].

³²⁷ Тайси (или дайдзё: дайдзин) — Главный министр.

Японский тэнно и русский царь Элементная база

А. Н. Мещеряков

В настоящее время, когда сравнительным культуроведением уже накоплен изрядный запас сопоставительных исследований, в орбиту которых входят самые разнообразные культурные традиции, следует признать, что подобных штудий по сравнению японской и русской культур периода древности-средневековья практически не имеется.

Можно назвать несколько причин, по которым Россия и Япония редко становились объектом сопоставительного анализа.

1. Культурная зависимость от страны- (стран, региона) донора является, пожалуй, одним из наиболее важных общих свойств культурно-исторического процесса в Японии и в России. Обе страны являют собой пример запаздывающего (по сравнению с соответствующими культурными метрополиями — Китаем и Византией-Европой) и, в значительной степени, зависимого культурного развития¹. Поэтому основные усилия культурологов были направлены на сравнение культур Японии и Китая, России и Византии, России и Европы². То есть в качест-

¹ Эта зависимость породила и в Японии, и в России глубокий комплекс неполноценности, который не может считаться изжитым и по сегодняшний день.

² В силу экстранаучных причин гораздо меньше внимания уделялось исследованию влияния Кореи на древнюю Японию, «Степи» — на формирование российской государственности. Из недавних работ, посвященных реалиям российской государственной культуры, наибольшее внимание монгольскому фактору уделяется в работе А. Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры». М.: «МИРОС», 1998. См. его оценку удельно-вотчинной системы: «Развитие удельно-вотчинной системы в Северо-Восточной Руси показало генетическую близость ее как с древнерусской, так и с монгольской моделями власти и собственности. Но решающее значение в утверждении этой системы имела включенность северо-восточных земель в Монгольскую империю» (с. 162).

ве объекта сопоставления фигурируют те культурные традиции, которые послужили странам-реципиентам (Японии и России) в качестве модельных. Иными словами, главное внимание уделялось тем трансформациям (зачастую — чрезвычайно значительным), которые претерпевали на местной почве заимствованные культуроформы.

2. Так как при подготовке специалистов-страноведов изучению собственной традиции не уделяется почти никакого внимания, российские японисты недостаточно знакомы с собственной культурой, а японские русисты — с японской³. Коллективные исследования, в которых участвовали бы как японисты, так и русисты, также не получили распространения.

3. Общая тенденция развития современной науки приводит к сокращению «поля зрения» исследователя и сосредоточению на «точечном» анализе до такой степени, что сама попытка более общих подходов зачастую воспринимается как нечто экстравагантное.

Однако неизвинительные пробелы в истории изучения, методологии исследования и в образовании самих исследователей вовсе не означают, что кросс-культурные штудии в области сопоставления Японии и России не нужны. Наоборот — поскольку российская и японская культуры находятся во многих аспектах в суперконтрастных отношениях, задача по выявлению специфики обеих традиций могла бы быть разрешена более удовлетворительным образом при условии корректного сопоставительного анализа. Думается, что проведение такого анализа было бы небесполезно и при создании более общих моделей описания культурно-исторического развития.

Настоящая работа является попыткой хотя бы в минимальной степени восполнить отсутствие указанных сравнительно-культурных исследований и имеет своей целью сравнение монаршеской власти в Японии и России. Такое сопоставление по-

³ Упрек в недостаточной осведомленности в реалиях собственной культуры автор полностью относит и к себе. В связи с этим он пользовался собственными наработками относительно Японии и был вынужден в гораздо большей степени опираться на работы русистов в части российской. Последнее не исключает его собственных суждений, которые во многих случаях, несомненно, нуждаются в дополнительной аргументации.

зволюет, на наш взгляд, лучше выявить не только качественную разницу между самими институтами верховной власти, но и более четко определить специфику историко-культурного развития двух стран вообще, ибо парадигма верховной власти имеет свойство «клонироваться» в самых разнообразных культурно-социальных сферах. При этом мы понимаем, что многие высказанные нами идеи носят характер догадок и нуждаются в дополнительном обосновании теми специалистами, которые обладают большей компетенцией. Возможно, в результате окажется, что мы ставим больше вопросов, чем даем ответов на них, но и этот исследовательский этап представляется нам совершенно необходимым для продвижения вперед.

Основное внимание в работе уделяется Японии VIII-IX вв. и России XVI-XVII вв.⁴ Несмотря на значительный хронологический разрыв подвергаемых анализу периодов и вытекающие отсюда определенные несообразности, в которых мы полностью отдаем себе отчет⁵, мы все же настаиваем, что их сопоставление является вполне корректным с точки зрения стадияльного состояния государственности, ибо именно в это время и в Японии, и в России происходило становление централизованного государства с соответствующим оформлением (практическим и идеологическим) системы верховной власти, на вершине которой стояли русский царь и японский «император» (тэнно)⁶.

⁴ Разумеется, сопоставляемые периоды при сколько-нибудь подробном рассмотрении не являются внутренне однородными. Автор считал своей задачей сравнение только самых основных векторов эволюции верховной власти в это время. В связи с этим внутри обозначенного периода российской истории главное внимание уделяется эпохе Ивана Грозного, время правления которого сформировало (проявило с особой силой или даже гротескностью) очень многие особенности российской культурной ситуации. В Японии монаршеская личность такого «маштаба» (степени влияния на событийный ряд) отсутствовала, что также обусловлено спецификой местной культуры.

⁵ Главной из таких несообразностей является, возможно, не столько стадияльное несоответствие между собственно Японией и Россией, сколько стадияльная и культурная разница между теми традициями, которые использовались в качестве доноров.

⁶ Употребляя термин «император» применительно к Японии, мы следуем установившейся традиции, хотя, как будет показано ниже, статус тэнно и его функции имеют мало общего с «императором» в его европейско-российском понимании.

Именно в это время происходит формирование органов центрального управления (японских «министерств» и российских приказов), именно это время отмечено повышенной активностью по обоснованию легитимности верховной власти (написание соответствующим образом составленных летописей, появление теоретических сочинений) и разработке идеологических мер по ее поддержанию в работоспособном состоянии. Именно в это время оформляются (окончательно закрепляются) и многие парадигмы властных отношений, которые продолжают находиться в активированном состоянии вплоть до настоящего времени.

До указанного периода мы наблюдаем в России весьма аморфную в политическом и экономическом отношении конфедерацию (Киевская Русь), затем «удельный период» с фактическим отсутствием независимой государственности и сколько-нибудь полноценной центральной власти (в значительной степени ввиду зависимости от татаро-монголов). И только с правления Ивана III можно говорить о складывании независимого государства с полноценной центральной властью.

Японию до середины VII в. также вряд ли возможно назвать страной с развитой государственностью — подвластная правителю территория была невелика, кровно-родственная структура общества еще не позволяла выработать территориальных форм государственного устройства, не существовало сколько-нибудь отработанной системы административного управления⁷. На середину VII в. приходится начало широкомасштабных преобразований, моделью для которых становится танский Китай, но только в VIII в. этот процесс становится по-настоящему плановым.

После означенных периодов государственное развитие двух стран резко расходится: Россия вступает в имперский период, а Японию ждет эпоха «феодалной раздробленности», сосуществование военного режима сёгунов и теряющего распорядительные властные полномочия «императорского» двора, конфликты между многочисленными центрами власти, гражданские войны, что, в немалой степени, было связано с теми особенностями

⁷ Не имея возможности для сколько-нибудь подробного изложения событий этого времени в Японии, отсылаем к работе: А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. История древней Японии. СПб.: «Гиперион», 2002.

верховой власти, которые сформировались в предыдущий период.

Для решения поставленной компаративистской задачи мы попытались выделить набор важнейших характеристик, которые, в той или иной степени, свойственны для любой верховной власти. И в русистике, и в японистике за последнее время появилось немало работ, анализирующих различные аспекты происхождения и эволюции верховной власти в этих двух странах. Основное внимание в этих работах уделяется рассмотрению титулатуры правителя, ритуалу интронизации, проблеме легитимности, отношениям монарха с ближайшим окружением. Используя полученные другими исследователями результаты, мы постарались «экстрагировать» их, вводя при этом рассмотрение основных функций правителя, некоторые из которых, насколько нам известно, не становились до сих пор предметом специального анализа. В первую очередь это относится к таким функциям правителя как передвижение, зрение, слух, речь — тому, что мы назвали «телесными функциями» правителя. Иными словами, мы попытались в какой-то мере отказаться от суждений заведомо обобщающего типа и выделить список более конкретных функций и действий, которые приписываются источниками монарху, спустившись, таким образом, на «элементный» уровень анализа. При этом мы исходили из необходимости преодоления тех абстракций («сакральный», «набожный», «харизма» и т. п.), с помощью которых так часто характеризуется правитель без достаточного раскрытия содержания этих понятий. То есть мы попытались конкретизировать эти абстракции, «спустив» их на событийный уровень. В связи с этим нашими основными источниками были официальные летописи⁸, хотя нам приходилось обращаться и к другим источникам.

⁸ Из богатой русской летописной традиции мы остановили свой выбор на Никоновской летописи и Степенной книге, поскольку именно в них особенно ясно явлены те черты официальной доктрины формирования образа великого князя/царя, которые интересовали нас в первую очередь. Из японских источников наибольшее внимание мы уделяли мифологическо-летописному своду «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.) и «Сёку нихонги» («Продолжение «Анналов Японии», 797 г.).

Список нашей «элементной базы», безусловно, подлежит значительным уточнениям, но, как нам представляется, он вполне конечен и универсален. Последовательное сравнение по предлагаемым параметрам (почти каждый из них, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке и конкретизации) японского тэнно и русского царя приведет, как мы надеемся, к более ясному пониманию культурной специфики верховной власти и властных институтов (а значит и историко-культурного развития вообще) двух стран. Опыт такого сравнения может быть полезен и для описания верховной власти в других традициях.

Прежде чем непосредственно перейти к интересующей нас тематике, необходимо остановиться на тех факторах, которые оказывали на хозяйственное, культурно-историческое и государственное развитие двух стран чрезвычайно глубокое влияние. Это были две группы факторов: способы хозяйственной адаптации к вмещающему ландшафту и международная обстановка. Собственно говоря, позиционирование монаршеской власти является в значительной степени продуктом приспособления правящей элиты к этим факторам и осмысления их.

Природные условия Японии и России различаются радикальным образом. К главным из этих различий следует отнести следующие.

Япония является архипелагом и изначально имеет «естественные» границы в виде окружающего острова водного пространства, что, вкуче с другими факторами, в значительной степени способствовало ее общесторической тенденции к изоляционизму. Россия таких границ не имеет. Наиболее важным пограничным маркером являются крупные реки, преодоление которых, однако, не составляло принципиальных трудностей (ни для завоевателей, ни для населения/армии самой России). Отсюда — определенность, «незыблемость» границ Японии и неопределенность, «текучесть» границ Московского княжества и России. Японию, разумеется, не беспокоили поиски выхода к морю, страна скорее пыталась отгородиться от него, поскольку какое-то время опасалась иноземного вторжения со стороны Кореи и Китая. Для России обретение выхода к морям было одним из основных факторов внешней (а значит и внутренней) политики.

Окружающие архипелаг моря и Тихий океан обладают огромными и сравнительно легкодоступными рыбными запасами, которые стали основным ресурсом для получения животного белка. Горы составляют около 75 процентов территории Японии, т. е. площадь, подлежащая интенсивному хозяйственному освоению, сравнительно невелика. При господстве заливного рисосеяния, как основного вида сельскохозяйственной деятельности, обилии изолирующих ландшафтов это способствовало выработке установки на оседлость и интенсивные методы хозяйствования. Вкупе с возможностью обеспечения животным белком за счет рыбных запасов это привело к практически полному отказу от животноводства как хозяйственной отрасли. Не будет большим преувеличением сказать, что японская цивилизация построена на рыбьих костях. Скотоводство же, как известно, является в традиционном обществе тем фактором, который провоцирует комплекс агрессивности (в силу того, что требует огромных территорий). Обилие изолирующих ландшафтов (при высокой плотности населения), их труднодоступность для центральной власти способствовала выработке «мягких», договорных форм управления, когда значительная часть властных полномочий центра делегировалась на места.

Огромная площадь российских равнин (при редком населении и отсутствии изолирующих ландшафтов) создавала возможность для высокой мобильности населения и консервации архаических методов хозяйствования (в частности, мы имеем в виду подсечно-огневое земледелие и значительную роль присваивающего типа хозяйствования — охоты, рыбной ловли и собирательства). Одной из основных экономических (политических) проблем России был недостаток рабочих рук для обработки истощавшейся земли. Пути выхода из этой ситуации искались в значительной степени за счет экстенсивного развития — на военных путях⁹, что обеспечивало государству приток людей и прибавление в территории. Именно с помощью силовых методов (как во внешней, так и во внутренней, политике) правящая элита адаптировалась во вмещающий ландшафт.

Влажный и достаточно теплый климат Японии был благоприятен для заливного рисосеяния, которое, как известно, яв-

⁹ По данной проблематике см. в особенности Э. С. Кульпин. *Путь России*. М.: «Московский лицей», 1995.

ляется для традиционного общества наиболее продуктивным (способствующим росту населения) способом хозяйствования. Усвоение рисосеяния, начало которого датируется приблизительно III в. до н. э. (отдельные находки более раннего времени не меняют общей картины), давало возможности для постоянного агросовершенствования (развития ирригационных систем) и роста населения. Поскольку многочисленные японские реки — короткие (почти все из них текут в широтном направлении — с гор в приморские долины), сооружение ирригационных систем не требовало кардинального государственного вмешательства в хозяйственную жизнь на низовом уровне (что провоцирует установление тоталитарных режимов), но способствовало развитию кооперации на местах.

Климат России (холодная и долгая зима) вместе с бедными почвами и сравнительно малым количеством осадков оказался наиболее благоприятен для возделывания в центральном регионе малопродуктивной ржи. Отсюда происходят постоянные попытки прорыва (как стихийные, так и организованные государством) в южном направлении с более подходящими климатическими и почвенными условиями. В этих условиях контроль над высокоомобильным населением со стороны власти был чрезвычайно затруднен, что вносило свой вклад в способы закрепощения населения и развитие полицейских функций власти.

Для выработки теории и практики верховной власти колоссальное значение имела также международная обстановка. Традиционная Япония никогда (за исключением двух крайне авантюрных и неудачных экспедиций монголов 1274 и 1281 гг.) не знала иноземных нашествий, последней реальной военной акцией Японии на международной арене была отправка экспедиционных корпусов на Корейский полуостров (середина VII в.), который до этого времени она считала сферой своего влияния. Однако жестокое поражение от войск Танского Китая и королевства Силла, которые уничтожили королевства Пэкче (до этого времени — наиболее близкий внешний партнер Ямато) и Когурё в значительной степени умили международные амбиции Японии. И хотя в VIII в. Япония дважды собиралась «наказать» Силла за «непочтительность», на отправку войск за рубеж политическая элита так и не решилась. С IX в. Япония

фактически выпадает из системы международных отношений на Дальнем Востоке (отправка своих и прием иностранных посольств прекращаются), страна отказывается от всяких попыток повлиять на расклад сил на континенте, рассматривая его (прежде всего Китай) почти исключительно с точки зрения получения культуросодержащей и технологической информации, а не как дипломатического или же торгового партнера. Показательно, что государственное устройство Японии не предусматривало никакого органа высокого статуса, сходного с министерством иностранных дел или же Посольским приказом¹⁰. Когда в VIII — начале IX вв. корейцы из Силла, корабли которых прибывало к японским берегам, просили о переходе в подданство тэнно, то такое разрешение обычно им давалось (поскольку это считалось за признание Японии в качестве местного гегемона), но во второй половине IX в. местным властям на Кюсю было приказано снабжать потерпевших кораблекрушение продовольствием и отправлять обратно. Когда в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), покорившее Силла в 935 г. и объединившее, таким образом, Корейский полуостров под своей эгидой, оно пожелало восстановить официальные контакты с Японией и даже обязалось приносить дань, признавая себя, таким образом, вассальным по отношению к Японии государством. Однако Япония отвергла даже такое «престижное» для нее предложение. Осознав свою самодостаточность, не обменивалась Япония посольствами и с наследницей Тан — Сунской империей. Полуавтаркическое бытие страны обеспечивалось не только физической изолированностью от материка, но и незаинтересованностью и даже равнодушием Китая к проблематичным приобретениям заморских территорий.¹¹

¹⁰ Посольский приказ, как известно, был одним из главных в структуре российского управления и фактически возглавлялся царем. В Японии внешними делами ведал отдел Гэмбарё, подразделение Министерства Народа (Минбусё). Структура министерства включала в себя следующие подразделения: управление (*сикси*), отдел (*рё*) и подотдел (*си* или *цукаса*). В штат Гэмбарё, занимавшегося также делами буддийских храмов, входило всего-навсего 32 человека (статья II-18 законодательного кодекса). Перевод свода в исполнении К. А. Попова см. Свод законов «Тайхорё». М.: «Наука», 1985.

¹¹ Более подробно о внешнем факторе в истории Японии см. следующие наши работы: Внешний фактор в истории культуры Япо-

Что касается населения неосвоенных японским государством территорий на самом архипелаге, то к ним следует отнести прежде всего племена хаято на юге Кюсю и эмиси (предки айнов) на севере Хонсю. Хаято были сравнительно немногочисленны и их интегрирование в японское государство можно считать законченным к концу VIII в. Ситуация с эмиси, которые вели полукочевой образ жизни, была сложнее (их было больше, они обитали в лесах и были неплохо вооружены), попытки их покорения были оставлены в начале IX в. Однако эмиси не представляли собой никакой серьезной угрозы для существования и нормального функционирования японского государства (они не начинали войн с японцами, почти не совершали набегов). Поскольку земли эмиси в силу климатических условий были непригодны для рисосеяния, то, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, начиная с IX в. японцы надолго отказались от планов по их покорению.

Таким образом, японское государство не имело серьезных военных противников и инокультурных оппозиционных сил (как вне страны, так и внутри нее), которые могли бы представить угрозу для существовавшей системы власти. В связи с этим воинская повинность была фактически ликвидирована в конце VIII- начале IX вв., т. е. создалась редкая для мировой истории ситуация: достаточно развитая страна без сколько-нибудь дееспособной армии.

Международное положение России было, разумеется совсем иным. Находясь «на юру», Россия была открыта всем ветрам — как из Европы, так и из Азии (эти регионы были также потенциально открыты для российского проникновения). Защита страны от степняков (сначала печенегов и половцев, затем от татаро-монголов), непрекращавшаяся борьба за территорию и за выход к морю с Литвой, Польшей, Швецией были ежедневной нормой исторической жизни. Следует также помнить, что Рюриковичи были потомками и носителями военных привычек дружин варягов, а удельная система в ее русско-монгольском исполнении также играла большую роль в поддержании воен-

но-силового модуса власти. В связи с этим верховная власть (княжеская, великокняжеская и царская) была в колоссальной степени направлена на решение военных задач — междуусобных, оборонительных и наступательных.

Итак, совокупность природных и международных условий и способов приспособления к ним способствовали закрытости Японии и открытости России, что накладывало неизгладимый отпечаток на все стороны историко-культурной жизни, включая и верховную власть.

Перейдем теперь к непосредственно интересующей нас проблематике.

Титулатура. Первоначально правитель Японии (это название было принято в начале VIII в., до этого страна называлась Ямато) именовался оокими («великий господин»). Входящий в состав этого иероглифического бинома знак «господин» (кит. *ван*) обозначал такого правителя, который приходился китайскому императору («сыну Неба») вассалом. В конце VII столетия (вероятно, в правление Тэмму, 673–686) в Японии стал последовательно употребляться китайский астрологический термин *тяньхуан* (яп. *тэнно*), обозначавший небесного императора или же Полярную звезду¹². Впервые обозначение китайского императора как *тяньхуан* относится к 674 г. (правление Гао-цзуна, 650–683), однако в Китае этот термин распространения не получил (стандартным обозначением китайского императора остался бином «сын Неба»).

Согласно китайским представлениям, *тяньхуан*, являющийся верховным божеством даосского пантеона, пребывает в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый — цвет, маркирующий наибольшую сакральность), откуда он управляет даосскими мудрецами (*чжэньжэнь*, яп. *махито*) — наиболее приближенными к нему людьми (советниками). Актуализация связи *тэнно-Небо* хорошо видна в записях хроники «Нихон сёки», предваряющих описание правление Тэмму, где о нем, в частности, говорится: «Был осведомлен в астрологии и в том, как га-

¹² Первое датированное эпиграфическое сообщение на *моккан* (деревянные таблички) с употреблением термина «*тэнно*» относится к 677 г.

дать по звездам»¹³. Уподобление правителя Полярной звезде восходит к «Лунь юй» Конфуция: «Учитель сказал: «Осуществлять управление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест нее».¹⁴ То есть в этом уподоблении заключено одно из основных свойств «классического» дальневосточного правителя — неподвижность, свойство, которое, похоже, входит в «программу» по формированию образа принципиально «обездвиженного» монарха.

Получается, что земной император уподобляется небесному, точно так же, как и его наиболее приближенные придворные — небожителям, образуя нечто вроде земного пантеона.

Таким образом, при формировании японской модели верховной власти китайским представлениям принадлежала очень значительная роль: двор Ямато предстал как зеркальное отражение идеального «небесного» миропорядка. Вкупе с вошедшим в политическую практику обозначением подведомственной государю территории как «Поднебесная» (что считалось прерогативой китайского императора) терминологическая пара тэнно-Поднебесная должна была указывать на одинаковый или, по крайней мере, близкий статус правителей Ямато (Японии) и Китая, что, в частности, находит свое отражение в позиционировании Японии как страны, где осуществлены идеалы конфуцианства¹⁵. Показательно, что принятие японским правителем титула тэнно практически совпадает по времени с принятием законодательного кодекса «Тайхо рицурё» (701–

¹³ «Нихон сёки», т. 2, с. 208. Все ссылки на этот мифологическо-летописный свод приводятся по изданию: «Нихон сёки. Анналы Японии». Перевод А. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: «Гиперион», 1997.

¹⁴ Переломов А. С. Конфуций. Лунь юй. — М.: «Восточная литература», 1998, с. 306.

¹⁵ «Авата-но Асоми Махито, нижняя степень 4-го старшего ранга, вернулся из Китая. По прибытии в Китай один человек спросил его: „Послом какой страны ты являешься?“ Он ответил: „Я посол из страны Японии“. ... Китайцы сказали послу: „Нам часто доводилось слышать, что за восточным морем лежит великая страна Ямато. [Еще] ее называют страной Кун-цзы, люди там богаты и веселы, там хорошо соблюдается ритуал. Видим, что и ты обликом и одеждой хорош. [Так что услышанное нами] — чистая правда“. Сказав так, они удалились». («Сёку нихонги», Кэйун, 1-7-1, 704).

702 г.), введением собственных девизов правления¹⁶, переименованием страны из Ямато в Японию (Нихон — «Присолнечная страна»). Страна, «осмелившаяся» самоидентифицироваться с помощью указанного набора признаков, считалась по дальневосточным (китайским) меркам самостоятельной (независимой от Китая) и не должна была доставлять туда регулярную дань¹⁷.

Титул тэнно получает официальное закрепление в указанном законодательном своде. В этом своде обладателю верховной власти приписываются также и другие наименования (всего их было семь, каждый из них употреблялся ситуационно), однако наибольшее распространение получает именно титул тэнно, рекомендованный для употребления в государственных указах.

Титул царя всея Руси впервые официально принимается Иваном IV в 1547 г. при ритуале поставления на царство, хотя случаи такого наименования московского великого князя встречаются начиная с Василия II в сочинениях, посвященных Флорентийской унии. Достаточно обычным следует признать употребление этого термина во внешнеполитической практике. Царями именовались в княжеской Руси как татарские ханы, так и византийские василевсы. Наименование ханов царем (цесарем) имело прежде всего значение верховного и независимого правителя, обладавшего определенными практическими властными полномочиями на достаточно обширной территории (христианская подоплека фактически отсутствует — характерно, что некоторые татарские «ханы» продолжают именоваться

¹⁶ О происхождении и общей идее временной концепции, связанной с девизами правления, см. А. С. Мартынов. *Время и история в императорском Китае*. — «Мир Востока», СПб.—Уфа, 1998, выпуск 1, сс. 17–50.

¹⁷ Вопрос о том, приносила ли Япония дань китайскому двору, является дискуссионным. Китайские источники указывают на принесение дани Японией в VIII в., но в данном случае эти сообщения следует понимать, возможно, как попытку выдать желаемое за действительное. Японские источники о принесении дани не упоминают. В любом случае, даже если такая дань и приносилась, она не была регулярной. Китайский же двор всегда настаивал именно на регулярной (с определенной периодичностью) доставке дани, которая имела чисто символическое (изъявление покорности) значение (ответные дары «сына Неба» были намного богаче, чем приносимая дань).

царями и после принятия Грозным царского титула¹⁸), однако с венчанием на царство Ивана IV христианские коннотации титула имеют тенденцию к более четкому проявлению (недаром он непременно именуется в летописях и других сочинениях «благоверным и христоробивым», «боговенчанным», «благочестивым» и т. п.), т. е. наименование царем обретало и идеологический смысл: русский царь присваивает, в частности, значительные повсеместные полномочия в деле охраны «истинной» православной веры и ее носителей.

Отдавая должное значимости факта принятия царского титула, следует все же помнить, что он получал свое настоящее значение только вкупе с титулом великого князя всея Руси (входит в обиход при Иване III). Именно такой двусоставной титул и употребляется обычно в летописях. Кроме того, входит в практику и титул самодержца. Считается, что он впервые принимается «слабым» царем — Федором Ивановичем. Это свидетельствует о том, что после правления Ивана IV внутренняя логика оформления высшей власти зависела от властных качеств находившегося на троне правителя в ограниченной степени.

Традиционное сознание (как, впрочем, и современное массовое) не знает феномена необратимости времени. Поэтому после принятия царского титула Грозным его великокняжеские предшественники (начиная со святого Владимира) зачастую также именуется в источниках царями (в Японии мы наблюдаем то же самое: с VIII в. титул тэнно распространяется на всех прежних японских «императоров», начиная с мифического основателя династии Дзимму).

Введение титула тэнно в Японии не сопровождалось, похоже, никакими разрешениями или же консультациями с дальневосточным гегемоном — Китаем — и носило, скорее, уведомительный характер.

¹⁸ Сводка ранних употреблений термина «царь» содержится в *Vodoff. Remarques sur le valeur du terme 'tsar' appliqué aux princes russes avant du XV siècle* — «Oxford Slavonic Papers», vol. XI, 1978, pp. 1–41. См также А. А. Горский. Всего еси исполнена земля русская... — «Языки славянской культуры», 2001, сс. 143–149. Показательно, что первое известное упоминание («царь наш») — надпись на стене киевского Софийского собора (1054 г., правление Ярослава Мудрого) синхронна именованию этого князя «каганом» (так называл его митрополит Иларион).

тельный характер со стороны Японии, что, исходя из реального соотношения сил, фактически исключало ее из сложившегося на Дальнем Востоке миропорядка, в котором мог существовать только один центр, т. е. сам Китай. При этом соотношение авторитетов было настолько неравным, что Китай, отягощенный к тому же грузом собственных проблем, мог позволить себе не обращать особого внимания на появление на периферии ойкумены самостоятельного государства, хотя это и вызывало там определенное раздражение.

Вкупе с другими характеристиками верховной власти, принятие новой царской титулатуры было направлено прежде всего на включение (практическое и идеологическое) России в общемировой (общехристианский и общеевразийский) историческо-культурный контекст, а не на выключение из существовавшего миропорядка, как то было с Японией (титул тэнно не употреблялся больше нигде). При этом попытка вхождения царской Москвы в мировую геополитику сопрягалась с ее претензиями на доминирование, главным идеологическим обоснованием которого стала активно декларируемая незамутненность христианского вероучения, перенятого у Византии.

Титулатура царя и тэнно складывается под прямым влиянием соответствующих культурных гегемонов — Византии и Китая. Тем не менее, государственный организм Японии походил на китайский намного больше, чем российский — на Византию. Русских великих князей, а затем и царей, гораздо больше волновали вопросы, связанные с религией, чем проблемы византийского государственного устройства. Если японская правящая элита заимствует адаптированное к местным условиям китайское законодательство, в состав которого входило как уголовное, так и гражданско-административное право, где достаточно четко была «прописана» принятая к исполнению структура государственного организма, т. е. заимствования из Китая носили системный характер (при этом важно отметить, что Китай практически не прилагал никаких усилий для распространения своего культурного влияния на Японию, иными словами заимствования носили сугубо добровольный характер¹⁹), то

¹⁹ Системное влияние Китая на Японию может быть прослежено в различных областях. Может быть, наиболее показательно, что китайский язык был заимствован в качестве письменного — вся официаль-

Россия видела в Византии наставника преимущественно духовного, а не светского.

Мы хотим сказать, что собственно государственное строительство (законы, учреждение тех или иных институтов управления, должностей и т. п.) не считалось официальной российской идеологией первостепенно важным (показательно, что безусловно имевшая место в реальности активность в деле государственного строительства почти не находила отражения в летописании — отчасти и потому, что составление летописей и выработка официальной идеологии находились в руках церкви). Даже наиболее полный сборник законов — «Соборное Уложение» 1649 г. — есть по преимуществу собрание законов уголовного права, о чем свидетельствует и его полное название — «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении государя и великого князя Алексея Михайловича в лето от сотворения мира 7156».

В связи с вышеуказанным характером заимствований в начале сооружения конструкции управления высокоцентрализованным государством русский царь походил на цесаря меньше, чем тэнно — на «сына Неба».

Регалии. Регалиями тэнно являются зеркало, меч и *магатама* (магический предмет из драгоценного камня в форме запятой). Каждая из этих регалий связана с определенными мифологическими эпизодами. Зеркало выступает в качестве магического предмета в мифе вызволения прародительницы «императорского» рода богини солнца Аматэрасу из небесной пещеры. Поскольку ее сокрытие лишило мир солнечного света, боги предпринимают меры для ее возвращения: в частности, ей предъявляют зеркало, увидев которое, она покидает пещеру. Меч был добыт братом Аматэрасу — Сусаноо — из спины восьмиголового змея; этот меч он преподнес Аматэрасу. Магатама

ная документация велась именно на китайском языке, а сам тэнно безусловно владел китайским письменным языком — точно так же, как и все чиновничество. В России же знание греческого было уделом крошечной группы религиозных деятелей, все остальные (как духовные, так и светские лица) пользовались в случае нужды переводами. Русские князья и цари греческим языком также не владели. Подробнее см. раздел «Образовательно-воспитательная функция».

изначально принадлежала самой Амаэрасу. Она предъявила магатама Сусаноо в качестве доказательства своих чистых намерений во время принесения клятвы.

Эти три предмета носят название «трех божественных сокровищ». Когда пребывающая на небе Амаэрасу отправила своего внука Ниниги для покорения земли, которая находилась в ведении «земных божеств», т. е. в состоянии хаоса, она снабдила его этими магическими предметами, которые и считаются регалиями тэнно. Они передаются новому тэнно при интронизации (регалии должны были находиться возле тэнно и во время любого его передвижения; эта традиция сохранялась вплоть до окончания второй мировой войны²⁰). То, что все три предмета обладали сакральными смыслами в глубокой древности, подтверждается археологическими находками зеркал, мечей и магатама в погребениях, относящихся к периодам бронзы-раннего железа (так называемый период яёй, III в. до н. э. — III в. н. э.) и курганному (период кофун, IV–VI вв.).

Регалиями царя являются шапка Мономаха, бармы, держава и скипетр. Они имеют историческое («ближнеисторическое») происхождение в том смысле, что обретение всех регалий относится к сравнительно недавнему времени, ни одна из них не имеет местного происхождения. Наиболее почитаемые из регалий — шапка Мономаха и бармы — были якобы получены Владимиром Мономахом в качестве дара (или, что будет вернее, в качестве откупного) от византийского василевса Константина Мономаха при осаде русской дружиной Константинополя (вместе с крабицей — чашей — якобы принадлежавшей римскому императору Августу). Скипетр (первоначально — модель пастушеского посоха), имеющий общеевропейское употребление, впервые фигурирует при поставлении на царство Федора Ивановича. Держава («яблоко»), также бывшая общеевропейским символом власти (первоначально — шар со статуэткой богини победы, место которой позже занимает христианский крест), заимствуется, вероятно, из Польши, и входит в придворный

²⁰ Во время внутридинастического кризиса, когда власть оспаривалась между «южной» и «северной» поддинастиями (1336–1392), одним из наиболее сильных аргументом приверженцев южной династии было то, что регалии находятся в ее распоряжении. Тем не менее, победа осталась за северной династией.

оборот по крайней мере с правления того же Федора Ивановича (фигурирует при приеме иностранных послов). В этой связи необходимо также подчеркнуть, что герб великого князя и царя — двуглавый орел — также имеет не российское, а иностранное (Византия) происхождение (впервые встречается на печати Ивана III и монетах его времени²¹), что обычно связывают с женитьбой великого князя на Софье Палеолог.

Регалии тэнно осмысляются как имеющие автохтонное происхождение. Хотя само представление о зеркале и мече, как предметах, обладающих сверхъестественными свойствами, вряд ли может считаться целиком японским (их культовое предназначение фиксируется и в Китае, и в Корее, откуда, по всей вероятности, они и были заимствованы в этом значении), но крайне сильно выраженные тенденции изоляционизма диктовали потребность в поисках протоформ исключительно в своем прошлом (мифе, квазиистории и истории). Что касается регалий русского царя, то их происхождение имеет открыто признаваемые международные основания (именно их международно признанные сакрально-символические свойства сообщают им признание внутри страны), ибо основной непосредственной идеологической задачей русских царей, как уже указывалось, было вписывание в международный контекст на правах гегемона.²²

Интронизация. Процедура интронизации тэнно носит название *дайдзёсай*, что интерпретируется как «великий праздник вкушения новых плодов». Дайдзёсай — это разновидность ежегодно отправляемого в 11-й луне ритуала вкушения нового урожая (*синдзёсай*), практикуемого во всех аграрных общест-

²¹ Японские монеты, впервые отлитые в самом начале VIII в., в соответствии с китайской традицией, не имеют изображения, но несут на себе «девиз правления» действующего тэнно, т. е. их идеологический смысл объективно служит акцентированию отделенности Японии от Китая.

²² Следует, разумеется, иметь в виду, что понятия «открытость» и «закрытость» имеют относительный смысл. И двор тэнно, и царский двор приглашали иноземных специалистов в различных практических областях. Одновременно японский двор в VII–VIII вв. посылал в китайскую столицу людей для получения систематического образования, русские же цари явно предпочитали, чтобы их подданные всегда находились в пределах подведомственной им территории.

вах. То есть поставление тэнно изначально было связано с культом плодородия. Показательно, что если новый тэнно приступал к своим обязанностям непосредственно перед ежегодным праздником урожая, то ритуал его поставления проводился на следующий год, поскольку для правильного его осуществления тэнно был должен участвовать в полном цикле аграрной обрядности, начиная с весенних ритуалов²³. Впервые ритуал Дайдзёсай регистрируется при восхождении на престол Тэмму (последний по времени — в ноябре 1990 г., когда после смерти Сёва на престол взошел Хэйсэй).

Подготовка к церемонии начиналась в 8-й луне²⁴. Во всех основных синтоистских святилищах проводился ритуал «великого очищения», для проведения которого двором отправлялись приношения этим святилищам. Тогда же с помощью гадания определялись два поля за пределами центрального района Кинай (провинции, непосредственно примыкавшие к столице), откуда священный рис (*юки* и *суки*, этимология неизвестна) нового урожая доставлялся во дворец. Для его хранения строился специальный амбар, изготовлялось священное сакэ. За месяц до Дайдзёсай сам тэнно начинал подготовку к основному ритуалу. Сначала он совершал в одной из рек (определялась гаданием) вблизи столицы священное очищение-окропление — мисоги (в конце концов, начиная с Нинмё, 833–850, ритуал мисоги стал проводиться у реки Камогава, протекающей в Хэйан-Киото). При совершении ритуала присутствовало около полутора тысяч человек, включая высших чинов государства и приглашенных со всей страны управителей уездов. Процедура мисоги заключалась в зачерпывании императором ладонями воды из сосуда, в котором была налита вода, взятая, вероятно, с того места реки, где проводилась церемония. Зачерпнув воду, тэнно окроплял ею поднесенные ему жертвенные принадлежности (различные виды материи, мотыги, моллюски, тунец, вяленая рыба²⁵, лосось, соль, водоросли, сакэ, обрушенный

²³ Кодай тэнно 101 надзо. Под редакцией Мацуо Хикару. Токио: «Синдзинбуцу орайся», 1998, сс. 198–199.

²⁴ Последовательность основных ритуальных процедур, сопровождающих интронизацию, фиксируется памятником начала IX в. «Установления годов Энги» — «Энгисики» (см. Энгисики. Токио: «Сюэйся», 2000, сс. 390–442).

²⁵ Приводимый в «Энгисики» термин (*хитай*) может обозначать как вяленую рыбу, так и вяленое мясо. Однако, исходя из общего контекста

рис, колосья риса). Затем совершалось окропление всех присутствующих на церемонии. Таким образом, будущий тэнно не только сам совершал символическое омовение, но и выступал в качестве исполнителя ритуала по очищению своих подданных. После этого будущий тэнно должен был ради избежания ритуального загрязнения пребывать в специально построенном «дворце воздержания». Это воздержание включало в себя различные запреты, в том числе и отказ от пищи, употреблявшейся буддийскими монахами. Накладывались ограничения и на вербальное поведение — предписывалось говорить «выздоровление» вместо «смерть», «сон (отдых)» вместо «болезнь», «солить» вместо «оплакивать», «Гладить» вместо «бить», «пот» вместо «кровь», «гриб» вместо «мясо» (т.к. под мясом разумелась прежде всего плоть диких животных, обитавших в горах, заменой послужил «гриб» — тоже произрастает в горных лесах), «насыпь» вместо «могила».

Основной ритуал проводился в специально построенном комплексе (*дайдзэгу*), представлявшем собой три основных помещения — *юкидэн*, *сукидэн* и *кайрюдэн* (помещение для ритуального очищения будущего императора). Туда доставлялись сакэ, рис, модели гор (*симзэма*), украшенные ветками сосны и сливы (символы весны и долголетия), изображения солнца и луны. В вечерних сумерках тэнно, сопровождаемый высшими придворными, шествует в *кайрюдэн*, где совершает омовение. Затем он в одиночку направляется в *юкидэн*, где преподносит приношения божествам. Здесь же совершается некий тайный (и неизвестный нам) ритуал, который называется *онфусума* (это слово обозначает шелковое покрывало на троне), целью которого является установление коммуникации с богами и магической преемственности с прошлым правителем. Затем проводится омовение и процедура повторяется в *сукидэн*.

Во время проведения ритуала интронизации представитель жреческого рода Имибэ преподносил государю регалии, а глава жреческого рода Накатоми возглашал молитву-благопожелание. В ней, в частности, говорилось:

По изволению бога и богини,
прародителей могучих владетеля нашего,

ста (как самого памятника, так и японской культуры вообще), мы остановились на понимании *хитай* как «вяленой рыбы».

восемь мириадов божеств
божественным сбором собрались
и так назначили боги:
«Внук наш царственный, повелитель,
деянья начав на Равнине Высокого Неба,
мирно, спокойно правь
страной богатых равнин тростниковых
и тучного колоса,
на высоком престоле небесном восседая,
солнцу небесному наследуя.
И как небесную трапезу,
как долгую трапезу, вечную трапезу, —
тысячу осеней по пять сотен осеней
колосья драгоценные мирно, спокойно
на священном дворе вкушай»...
И питие великое, священное —
черное питие, белое питие
из подношений юки и суки —
государь наш, дитя Ямато,
как трапезу небесную, трапезу долгую, трапезу вечную
пусть вкушает и соком, и плодами,
пока не зарумянится, как красная глина,
с румянцем пышным до рассвета пребывая.
И боги царственные, коим хвалу возносят
добрословием богов небесных
в храмах неба, храмах земли,
тысячу осеней по пять сотен осеней
с государем вместе трапезу вкусят,
век ему как крепкая скала, как вечная скала даруют,
цветущим веком осчастливят».²⁶

Таким образом, в молитвословии излагаются мифологические основы права тэнно на наследование, провозглашается пожелание здоровья, долгого правления и обильного урожая. Кроме общего пожелания плодородия (что можно счесть за право/обязанность правителя обеспечивать плодородие), ни о каких других обязанностях или же правах тэнно не говорится. Один из основных моментов ритуала заключался в кормлении тэнно и поении его сакэ, изготовленного из риса нового урожая. Важно отметить, что рис доставлялся не из Центра (район Кинай — провинции, непосредственно примыкавшие к столи-

²⁶ Норито. Сэммё. Перевод Л. М. Ермаковой. М.: «Наука», 1991, сс. 132-133.

це), а с периферии, что должно было служить подтверждением ритуально-практических связей между тэнно и теми территориями, которыми «оброс» Кинай (сердцевина японской государственности). При этом считалось, что божества вкушают жертвенную пищу вместе с тэнно. Таким образом, тэнно приравнивался к божествам, на него переходила часть их мистических потенций. Одним из наименований тэнно было *акицуками* — «явленное (т. е. обретшее физическое, зримое обличье) божество», другим — *куниоси* («поедающий страну»). Совместная трапеза тэнно с божествами фиксируется и в других ритуалах.

Главная роль при проведении ритуала интронизации принадлежала, безусловно, самому тэнно; интронизация сопровождалась также указом, в котором, в частности, обычно содержалось и поучение всем подданным — призыв служить верно, с чистым сердцем, исполнять законы и т. п.

Обращает на себя внимание, что хотя сам титул тэнно был заимствован из Китая, ритуал интронизации проводится согласно правилам, выработанным синтоизмом, и он не является модификацией китайского ритуала восхождения на престол. Для целей нашего исследования также чрезвычайно важно, что при восхождении на трон фактически не требуется санкции духовной власти: представители буддийского духовенства не имеют никаких полномочий в части возведения тэнно на престол, а священство синтоистское исполняет чисто технические функции. То есть установление контакта с божествами является, в конечном итоге, прерогативой исключительно интронизируемого (мы не рассматриваем здесь хитросплетения придворной политики, в результате которых определялся следующий тэнно, но в любом случае не будет ошибкой утверждать, что основными участниками этой политической деятельности были все-таки высшие чиновники, а не духовенство).

В связи с вышесказанным становится понятным, почему тэнно не нуждался в международном признании своих прав — они были наследственными и обосновывались японским мифом, который не имел иноземных соответствий, не подлежал международной цензуре и не нуждался в иноземном одобрении.

Венчание на царство русского царя происходит при огромном стечении народа и специально приглашенных со всей страны духовных и светских лиц, т. е. ритуал носит принципи-

ально публичный характер. Основным моментом ритуала является возложение на интронизируемого шапки, одевание на него барм и миропомазание, осуществляемое московским митрополитом (впоследствии патриархом) независимой (по крайней мере формально) от государства церкви.²⁷ То есть для занятия трона требуется санкция церкви, поскольку будущий царь не выступает в качестве исполнителя ритуала.

Летопись приводит молитву митрополита Макария, которую он произнес во время интронизации Ивана IV²⁸. В этой молитве (которая имеет отчасти и характер поучения) актуализируются следующие положения: уподобление интронизируемого библейскому Давиду, избранного на царство пророком Самуилом; пожелание долгожительства («долгота дней»); пожелание быть правоверным христианином («соблуди того в непорочной вере»); наказ справедливо судить подданных; пожелание воинских побед («утверди его мышцу, покори ему вся варварския языки»). Таким образом, в этой молитве не только высказываются мифологические (ветхозаветные) обоснования легитимности (в отличие от тэнно, они имеют опосредованный характер — через уподобление) и обычные заклинания-благопожелания здоровья, но и обрисовывается некоторая программа тех будущих действий (фиксируются права/обязанности интронизируемого), которые связаны с функциями высшего судьи и военачальника, что имеет отношение к общим отличиям в концепции верховного правителя в России и Японии.

Легитимность. Согласно основному аспекту китайской концепции легитимности династии («мандат Неба»), старая династия неизбежно растрчивает имеющийся у нее запас энергетики-добродетельности (кит. *дэ*, яп. *току*) и лишается, таким образом, полученного ранее (мирным или насильственным путем) ее основателем мандата Неба, а основатель новой династии, обладающий этой сакральной энергетикой, получает приказ Неба занять трон. Таким образом, в Китае с его бурной и

²⁷ Первым при поставлении на царство был помазан царь Федор Иванович 31 мая 1584 г. Венчание на царство Ивана Грозного миропомазанием не сопровождалось. — Б. А. Успенский. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: «Языки русской культуры», 2000, с. 27

²⁸ ПСРА, т. XIII, с. 150-151.

длительной историей смена династии «вмонтирована» в политическую философию, культуру и практику. Несмотря на многочисленные заимствования из Китая, в Японии (после некоторого переходного периода) эта основная идея китайской политической мысли была отвергнута, т.к. это осознавалось как помеха в деле обеспечения внутривластной стабильности²⁹.

Легитимность японской правящей династии определяется прежде всего ее происхождением от богини солнца Аматэрасу, что нашло первичное письменное обоснование в мифологическо-летописных сводах «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки». Обоснованный там с помощью мифологического нарратива (уровень японской культуры этого времени еще не позволял появиться сочинениям теоретического плана) мифологическо-генеалогический довод обладал достаточной определенностью, «верифицируемостью» (с точки зрения представителя традиционной культуры) и мощной объяснительно-оправдательной силой. Японскому тэнно, как уже говорилось, не требовалось согласия никаких религиозных институтов, ибо тэнно сам по себе являлся обладателем высшего авторитета, не нуждающегося ни в каких оправданиях (в том числе и международных)³⁰. Этот авторитет оказался настолько непререкаемым, что несмотря на все исторические перипетии династия тэнно до сих пор занимает престол.

Практически все исследователи единодушны в том, что на формирование концепции верховной власти в России XV–XVI вв. основное влияние оказали два события. Оба они

²⁹ А. Н. Мещеряков. Рецепция теории «мандата Неба» в древней Японии (VII–VIII вв.). — «Япония. Путь кисти и меча», 2002, № 1, сс. 52–58.

³⁰ Это не мешает, однако, сопоставлять в летописных и иных текстах тэнно с «образцовыми» китайскими императорами глубокой древности (в первую очередь, с Яо и Шунем). Некоторые же тексты даже утверждают, что японский правитель превосходит их. «Благославенный воздух достигает четырех сторон света.// Многослынный свет государя заполняет весенний сад.// Человеколюбием и мудростью государя проводится этот пир,// На котором веселятся и радуются стихотворцы.// Их столько, сколько камней на горе Куэньлунь,// Они так же прекрасны, как водоросли в нефритовом пруду.// Возле сливы у лестницы порхают белые бабочки,// Ветер гонит благоуханные цветы под ивой у башни.// Добродетельность сына Неба превышает добродетельность Яо и Шуня в десять раз,// Весь народ орошаем милостями императора» (поэтическая антология 751 г. «Кайфусо», № 14).

в. основное влияние оказали два события. Оба они связаны с коренными изменениями в международной обстановке: падение Константинополя и постепенный выход из-под ордынского ига. Претензии на обеспечение преемственности по отношению к василевсам и ордынским ханам и определяют основное содержание строительства модели царской власти, что еще раз подтверждает гиперчувствительность России к внешнему фактору. Поскольку составляющие этого наследства имели чрезвычайно противоречивый и разностадиальный характер, то и все здание царской власти оказалось достаточно непрочным («царский» период Рюриковичей — это всего два поколения; «царский» период Романовых — всего столетие).

Легитимность московских великих князей, а впоследствии и царей, определялась двумя факторами: наследственным правом («стариной», «природностью» князя-царя) и «богоутвержденностью» («богоизбранностью»), под которой стала пониматься избранность Богом князя Владимира³¹, которая наглядно реактуализировалась в получении благословения (миропомазания) от митрополита (патриарха). Легитимность династий Калитичей, несмотря на внутрдинастические конфликты, фактически не подвергалась сомнению, поскольку право родства в системе ценностей политической элиты занимало весьма высокое место, о чем свидетельствует, в частности, пренебрежительное отношение Грозного к выборным монархам³².

Первоначально легитимность московских князей коренилась не в «дальней истории», а в «истории ближней» (историческое или же квазиисторическое предание), т. е. считаясь «богоутвержденными»³³, они не считались «божественными» — авторитет их коре-

³¹ «Степенная книга» ведет двойной счет родоначальников: от Владимира и от самого Рюрика, что выдает определенные затруднения составителей, поскольку Рюрик никак не мог считаться «богоизбранным», так как был язычником.

³² Иван IV называл польского короля Сигизмунда Августа братом, однако отказывался звать так его преемника Стефана Батория на том основании, что он был королем выбранным. Возможно, такое отношение к выборности монарха послужило одной из причин столь равнодушного отношения Москвы к государственным институтам Византии, где господствовал принцип выборности василевса.

³³ В первый раз такая формулировка встречается в послании Ивана III архиепископа ростовского Вассиана, который обращается к не-

нился все-таки в историческом (а не мифологическом) времени. Осознавая недостаточность «ближнеисторической аргументации», идеологами (главным образом, церковными) были предприняты дополнительные усилия по повышению авторитетности правителя. Разрабатываются идеи «Москва — третий Рим» (перенесенная на русскую почву широко распространенная концепция *translatio imperii*), в XVI в. появляется «Сказание о князьях Владимирских»³⁴, повествующее о родстве Рюриковичей с библейским патриархом Ноем и римским императором Августом (через его брата Пруса), при котором родился Христос («Почен от Августа кесаря» — так аттестовал себя в дипломатических документах Иван Грозный³⁵). Эта легенда (занимающая место отсутствующего в русской официальной традиции «настоящего» мифа) входит затем в чин венчания русских царей.

Следует признать весьма позднее конструирование легенды, для укоренения которой в общественном сознании требовалось определенное время. Мы хотим сказать, что власть русских царей носила изначально более шаткие, более «человеческие» основания, подлежащие к тому же международному утверждению, поскольку российская власть и церковь (а, скорее, сначала церковь, а затем уже власть) мыслили себя в терминах общехристианской историческо-духовной парадигмы и такого же международного порядка с центром в Константинополе (еще в XIV в. русского великого князя считали там «стольником» василевса)³⁶. Так, после своего царского венчания Иван IV обратился за утверждением к константинопольскому патриарху. Потребовалось России и утверждение московского патриаршества другими православными патриархами, прежде всего константинопольским. Однако несмотря на все усилия, царский титул не стал международно общепризнанным, о чем сообщал, в частности, уже во второй половине XVII в. Юрий Крижанич, утверждавший, что в Европе все называют Алексея Михайловича не царем, а «великим князем».

му: «Богом утвержденный царю». См. ПСРЛ, т. XXV, сс. 284–285; т. XXVI, сс. 266–273.

³⁴ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.–Л., 1955.

³⁵ Н. В. Синецкина. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: «Индрик», 1998, с. 126.

³⁶ Н. В. Синецкина, указ. соч., с. 62.

Некоторые исследователи полагают, что светская значимость династической легенды о родстве Калитичей с римскими императорами не шла ни в какое сравнение с религиозным смыслом, вкладываемым в понятие «царь» (т.к. это понятие ассоциировалось с библейскими царями)³⁷, однако нам такая оценка представляется несколько односторонней, поскольку чаемое родство с римскими императорами (попытка его обретения была обычной общеевропейской практикой того времени) создавало в перспективе возможность для вполне недвусмысленного отождествления российской власти (особенно начиная с эпохи Петра) и с языческим Римом. Кроме того, культурно-властные парадигмы российской жизни были таковы, что предотвращали самостоятельное бытие царя, как источника религиозной благодати — он до некоторой степени обладал ею только при сотрудничестве с церковью (см. ниже).

В любом случае не будет ошибкой сказать, что принятие и идеологическое наполнение титула царя в России было в значительной степени обеспечено византийско-римскими реминисценциями. В отличие от Японии, ориентированной на современный ей Китай, усилия Московской Руси были направлены не на обеспечение дипломатическо-ритуального равенства с синхронно существующей страной-донором, а на обеспечение преемственности по отношению к завоеванной турками Византии и давным-давно погибшему христианско-имперскому Риму (с вытекающим отсюда повышением международного статуса).

Для Японии принятие титула тэнно означало не только равенство (как минимум) с Китаем, но и превосходство над соседними странами (в первую очередь над Силла и Бохай). Однако реальная геополитическая ситуация была такова, что, как уже говорилось, уже с конца VIII в. Япония добровольно выходит из системы международных отношений на Дальнем Востоке, поскольку она не имела достаточных культурных, цивилизационных и военных аргументов для обоснования своего первенства.

Принятие царского титула было призвано обеспечить равенство (или же превосходство) по отношению к действующим неправославным правителям (татарские ханы, турецкий султан, Священная Римская империя, Литва, Польша и др.). Москва не

³⁷ Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1, сс. 196–197.

признавала никакого политического верховенства над собой, поскольку ее правители имели наследственное и божественное право, уравнивавшее их с другими западными и восточными монархами. При этом обосновывался тезис о том, что «царь является императором в своем царстве» (*rex est imperator in regno suo*), хорошо известный и на Западе³⁸. Идеологические доводы успешно подкреплялись военными успехами и неуклонным расширением контролируемой территории, что однозначно свидетельствовало: Бог находится на стороне православного русского царя.

Необходимо отметить, что наряду с хорошо известными ныне легендами христианского толка, призванными обосновать преемственность власти русского царя по отношению к василевсам и римским императорам, в 20–30-х гг. XVI в. разрабатывается и почти неизученный «восточный» вариант генеалогической легенды, который использовался для обоснования родства великих князей (царей) с чингизидами. Мы имеем в виду генеалогическую легенду Глинских, согласно которой этот род происходил от хана Золотой Орды Бердибека. Поскольку Василий III состоял в браке с Еленой Глинской, то получалось, что Иван IV также принадлежал к чингизидам. Судя по всему, эта легенда имела строго дипломатическое употребление (преимущественно в отношениях с Востоком) и не использовалась в качестве элемента официальной идеологии внутри страны³⁹. После смерти Ивана IV использование легенды, похоже, прекращается — конструирование официальной идеологии целиком попадает в руки православной церкви с ее ориентированностью на Византию. Однако представитель пришедшего в упадок русского боярского рода Б. Годунов также был вынужден обратиться к своим мнимым татарским корням. Согласно родословной сказке, Годуновы происходили из рода ордынских царей, а их предком якобы был некий мурза Чет⁴⁰. То есть в

³⁸ См. *Wojciech Peltz. Suverenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej rusi moskiewskiej (XIV–XVI w.)*. Zielona Góra, 1994, сс. 196–230.

³⁹ *И. В. Ерофеева. Русская имперская идея в истории (к проблеме западно-восточного культурно-идеологического синтеза)* — Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993, сс. 273–274.

⁴⁰ *Р. Г. Скрынников. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв.* — СПб.: «Искусство-СПБ», с. 330.

конце XVI в. татарская родословная еще оставалась достаточно действенным инструментом идеологического конструирования.

С пресечением династии (в связи с отсутствием у Федора Ивановича потомства) в России наступает период «междоцарствия», когда ни один из череды взошедших на трон царей (ни назначенный вначале опекуном Федора «работарь» Годунов, ни Лжедмитрий I, ни келейно избранный Шуйский) не был в состоянии основать новую династию, пока, наконец, Земский собор не выбирает Михаила Романова (его кандидатура не рассматривалась как единственно возможная). Неопределенность наполнения термина «богоизбранность»⁴¹, слабые генеалогические основания (Михаил Романов был внучатым племянником первой жены Ивана IV Анастасии Романовой, в связи с чем патриарх Филарет называл своего сына Михаила внуком Федора Ивановича), сама «демократическая» процедура избрания, надежды на выживание прямых наследников прежней династии являются основанием для длительных сомнений в подлинности выбора, зачастую приводят к политическому хаосу и многочисленным случаям самозванничества⁴². Как показал российский исторический опыт, понятие «богоизбранность» достаточно хорошо «работало» только в условиях устоявшихся властных отношений, когда был укоренен формальный принцип прямого наследования.

Порядок престолонаследования. Порядок престолонаследования не был определен в Японии вплоть до 1889 г. Только начиная с этого времени, согласно принятой тогда конституции, титул тэнно должен передаваться сыну действующего мо-

⁴¹ Несмотря на полную законность (все они прошли церемонию интронизации) поставления на царство Лжедмитрия, Бориса Годунова и Василия Шуйского, никто из них не признается Иваном Тимофеевым «правильным» царем по совершенно неверифицируемым основаниям. Лжедмитрий для него — «самоцарь», Годунов — «самохотящ нам поставитися», так же он относился и к Шуйскому. См. Б. А. Успенский. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. — Художественный язык средневековья. М.: «Наука», 1982, с.204. Эти рассуждения свидетельствуют также о слабой авторитетности в России любых правил, в том числе и ритуальных.

⁴² Существовавший обычай предьявлять «народу» царевичей и цариц только после достижения ими 15 лет служил одной из причин, почему внезапное появление потентата не вызывало чрезмерного удивления.

нарха. До этого времени фиксированного и закрепленного законом порядка преслонаследования не существовало. Новым тэнно мог стать фактически любой представитель правящего дома. В глубокой древности достаточно часто практиковался принцип минората (при котором наследником считается младший сын). Обычным был также переход престола от брата к брату. Хотя теоретически (под влиянием китайских представлений о престолонаследовании) по крайней мере с VIII в. стало приветствоваться наследование по прямой мужской линии, следует сказать, что в древности-средневековье никакой однозначности в правилах престонаследования не наблюдается. Такая неопределенность неоднократно приводила в внутридинастическим раздорам. При этом узаконенное многоженство тэнно (наследие той эпохи, когда браки с представителями местных элит служили важнейшим средством для обеспечения единства государства⁴³), призванное, в частности, гарантировать династию от пресечения, обеспечивало временами наличие весьма многочисленных кандидатов на престол, каждого из которых поддерживали соответствующие придворные группировки. Столкновения между ними нередко заканчивались кровопролитием.

В VII в. начинает вырабатываться механизм защиты от подобных потрясений. Мы имеем в виду институт отречений, когда находящийся на престоле тэнно отрекается в пользу нового. Этот институт получил особое развитие в VIII в. — из девяти правителей этого века умерли на троне только двое (Момму и

⁴³ Полигамия в среде элиты служила одним из средств социальной выделенности. Кроме того, могущество рода определялось, в частности, его численным составом. Непременным элементом описания того или иного правителя в «Кодзики» и «Нихон сёки» является перечисление его жен и детей. Достаточно обычны и описания «любовных приключений» ранних тэнно. К VIII в. механизмы контроля приобретают политический характер, позиции правящего рода были достаточно прочны, а количество членов рода — настолько велико, что теперь задача состояла в том, чтобы уменьшить их число (для уменьшения внутриродовой конкуренции). В связи с этим происходит постоянное отделение боковых ветвей, в хрониках перестает приводиться список детей правителя, уходят в прошлое и описания любовных походов тэнно. Однако в более поздней художественной литературе тема любовных походов тэнно актуализируется вновь, хотя теперь такое описание приобретает эстетическо-авантюрные коннотации.

Сётоку). Из тридцати трех императоров периода Хэйан (794–1192) отрекались от престола девятнадцать (при этом семнадцать раз престол передавался от отца сыну, девять раз — родному брату, два раза — двоюродному брату, три раза — племяннику, один раз дяде и один раз двоюродному деду). В связи с этим период пребывания на троне был, как правило, сравнительно недолог: средняя продолжительность правления составляла 12,1 года (с интронизации Момму в 697 г. и до окончания правления Кадзан в 986 г. на японском троне сменилось 24 тэнно). Часто (в особенности во вторую половину интересующего нас периода) отречение сопровождалось пострижением правителя в буддийские монахи, что отнюдь не всегда означало устранения их с политической арены⁴⁴. При этом на трон могли всходить и малолетние дети (так, Сэйва взошел на трон в девятилетнем возрасте), в связи с чем формируется институт регентства (пост регента неизменно занимали Фудзивара).

Другим механизмом, который был призван смягчить внутридинастическую борьбу, стала практика назначения престолонаследника (наследного принца) возможно раньше (наблюдаются случаи назначения престолонаследником почти сразу после рождения — скончавшийся в младенчестве сын Сёму, сын Монтоку — Корэхито, назначенный наследным принцем в возрасте 9 месяцев, сын Сэйва, поставленный престолонаследником через 3 месяца после рождения и т. д.), хотя следует признать, что придворные интриги могли приводить к отречению наследного принца и назначению нового.

⁴⁴ Так, Кокэн (749–758) вторично взошла на трон под именем Сётоку уже после принятия пострига. Впоследствии (в конце XI в.) даже сформировалась так называемая система *инсэй* («правление императора-монаха»), когда отрекшийся от трона тэнно принимал постриг и только после этого получал реальные распорядительные полномочия (поскольку после отречения он переставал соблюдать многие ритуальные ограничения, которые накладывал на его поведение титул тэнно). Эта система являлась развитием института *дайдзё тэнно* (букв. «большого-верхнего тэнно») — прежнего тэнно, который прошел ритуал интронизации, но затем отрекся от престола. Титул дайдзё тэнно впервые принимает Дзито (690–697). Согласно законодательству, знаки почтения, оказываемые дайдзё тэнно, почти уравнивали его с действующим тэнно, а летописные данные свидетельствуют о том, что многие дайдзё тэнно обладали весьма значительными распорядительными полномочиями.

VIII в. отмечен в Японии самыми фантастическими комбинациями, которые осуществлялись при определении нового правителя. Хронология правлений этого времени выглядит следующим образом. Дзито (супруга Тэмму) отреклась в пользу своего внука Момму (697 г.); после смерти Момму трон занимает его мать Гэммэй (707), которая отреклась в пользу Гэнсё, своей дочери (715); Гэнсё уступила трон Сёму, сыну Момму (724); Сёму отрекся в пользу своей дочери Кокэн (749); Кокэн — в пользу Дзюннин, сына принца крови Тонэри (758); Дзюннин был принужден оставить престол под давлением Кокэн, вторично занявшей трон под именем Сётоку (764); после ее смерти трон занял Конин (770), который отрекся в пользу своего сына Камму (781).

Как мы видим, женщины в древней Японии (в отличие от России рассматриваемого периода) обладали статусом достаточно высоким, чтобы занять трон. Однако следует заметить, что, как правило, они занимали его не в качестве самодостаточных кандидатов, а в силу родства с предыдущим государем, рассматриваясь как «промежуточные» правители. После смерти Сётоку порядок престолонаследования становится более определенным, и теперь трон занимают только мужчины (исключения составляют только две государыни периода Токугава).

В Киевской Руси господствовал «лествичный» принцип наследования великокняжеского престола, который включал в себя два противоречащих друг другу принципа: киевский стол передавался между братьями, причем, по крайней мере, теоретически, правом на его занятие обладал самый старший брат, но, с другой стороны, на него мог претендовать и старший по возрасту в роде. Это противоречие неоднократно приводило к конфликтным ситуациям, которые зачастую разрешались самым драматическим образом⁴⁵. Постоянное соперничество между братьями в значительной степени ощущалась еще и в Московской Руси (запрет на женитьбу братьев при Иване III и Василии III, убийство Иваном IV своего брата Владимира Старицкого). Колебания (борьба) по поводу того, кого из сводных братьев — Ивана или Петра — следует признать правопреемником, привела к немислимой до того времени комбинации,

⁴⁵ О природе этих внутридинастических конфликтов см. А. Л. Юрганов, цит. соч., сс. 165–171.

когда оба брата были провозглашены царями, причем в ход было пущено замечательное с точки зрения реалий русской культуры оправдание: когда один царь отправляется на войну, другой мог оставаться в Кремле.

Однако при любом раскладе ситуация складывалась так, что московский престол передавался только прямому наследнику по мужской линии.⁴⁶ Его выбор обычно осуществлялся самим великим князем (царем) с помощью завещания-духовной. Практика написания завещаний прекращается со смертью Федора Ивановича, после чего стал фактически осуществляться выбор из нескольких кандидатов, выбор, результаты которого зависели от расклада сил внутри правящей семьи и борьбы «партий». Таким образом, практика майората в московской России не сложилась.

Династия Романовых, опосредованно связанная узами родства с предыдущей династией (это родство было сильным аргументом при выборах Михаила), была избрана Земским собором (никаких аналогов этому учреждению в Японии не существовало). Русские великие князья и цари обычно постригались в монахи непосредственно перед смертью, ибо принятие монашества автоматически означало их исключение из политической жизни (сами они многократно практиковали насильственное пострижение в монахи своих реальных или же мнимых оппонентов). Страх быть исключенным из политической жизни привел к тому, что Василий III был, видимо, пострижен уже после наступления физической смерти.

Поскольку институт отречений от престола в России сформирован не был (оба «отречения» Ивана Грозного носят откровенно шутовской характер), российские цари занимают престол до конца жизни, в связи с чем средняя продолжительность правления в России существенно выше, чем в Японии: с 1462 г., т. е. с правления Ивана III и до смерти Федора Алексе-

⁴⁶ Подобная ориентация хорошо видна по материалам «Степенной книги», которая фокусируется на патрилинейных связях, причем понимаемых предельно узко: братья (не говоря уже о сестрах) великого князя упоминаются чрезвычайно редко. См. *Norman W. Ingham. Genealogy and Identity in the Rhetoric of Muscovite Rulership.* — Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М.: «ИЦ-Гарант», 1997, с. 177.

вича в 1682 г. на московском троне побывало 11 правителей, т. е. средняя продолжительность правления составляет 20 лет (даже при том, что правления «смутного времени» были сверхкороткими).

Брачные отношения. Важнейшей «минус-особенностью» брачных порядков в династии тэнно было полное отсутствие династических браков. Японские правители, в отличие от русских, никогда не искали себе невест за рубежом. Внутри страны они фактически также не обладали большими возможностями для выбора главной супруги, поскольку наиболее могущественный в данный исторический промежуток род обладал почти монопольным правом на поставку тех невест, которые становились главными женами государей (это не отменяло наличия младших жен) и, следовательно, очень часто — матерями будущих правителей. В конце VI — начале VII вв. это был род Сога, к середине IX в. в. эта роль была окончательно монополизирована родом Фудзивара (на протяжении ста семидесяти лет без перерыва матерями тэнно становились только дочери дома Фудзивара — начиная с Уда, 887–897, и до Горэйдзэй, 1045–1068).

В полном соответствии с обычаями того времени заключение брака не сопровождалось никакими пышными церемониями. Это считалось делом сугубо «семейным», исключая участие государственных или церковных институтов.

Сын тэнно воспитывался, как правило, в доме матери, в котором старшим считался его дед или дядя по материнской линии. Это способствовало возникновению особо доверительных отношений между ними, создавало возможности для контроля над тэнно (особенно если он вступал на трон юным) со стороны его дяди или деда, выступавших в качестве старших в семье.

Брак киевских князей был полигамным. В московский период православная церковь санкционировала не более трех браков в течение жизни, но об официально признанной полигамии (одновременном сосуществовании нескольких жен) не могло быть и речи, и только дети, рожденные в церковных браках, имели статус наследников (поэтому дети Ивана IV, рожденные в четырех его последних браках, не имели формальных возможностей для занятия престола). Отсутствие потомков у сына Ивана Грозного — Федора — привело к пресечению ветви Ка-

литичей и смуте — драматическим событиям, связанным с выбором новой династии.

Международная (европейская и евроазиатская) практика того времени в деле повышения степени легитимности монарха огромное значение придавала династическим бракам. В Киевской Руси династические браки великих князей были делом обыкновенным и великокняжеская династия была породнена с шведами, греками, англосаксонскими королями, с германскими императорами и с половецкими ханами. Международный характер московской власти подтверждался «династическим» браком между сестрой Василия II Анной и византийским царевичем Иоанном, в связи с чем Василий называл себя в послании 1451 г. Константину XI Палеологу «свать святого ти царства». Наиболее престижным в этом отношении считался брак Ивана III с Софьей Палеолог.

В более поздний период русской истории московского периода династических браков не наблюдается, хотя Иван IV, как известно, одно время вынашивал план женитьбы на английской принцессе, т. е., даже будучи неосуществленной, сама идея подобного брака была отнюдь не чужда тогдашнему сознанию. При этом династическим бракам царевен препятствовало неперемное условие, чтобы иностранный жених принял православие, из-за чего сорвались браки дочери Годунова Ксении и датского принца Ханса, дочери Михаила Романова и датского принца Вальдемара.

Царская семья не имела постоянного брачного партнера. Более того: сама идея о том, что царицей непременно должна стать представительница знатной русской фамилии была в значительной степени чужда тогдашнему сознанию. Известно, что выбор будущей царицы мог осуществляться из огромного количества (до двух тысяч) собранных со всей страны кандидатов, причем в расчет принимались прежде всего красота и здоровье (такая система выбора невесты имеет византийские прецеденты; в России получила распространение с Василия III). Брак царя освящался церковью и заключался, как правило, сразу после венчания на царство.

Общие основания брачных отношений и престолонаследования были таковы, что они безусловно гарантировали династию этно от пресечения, в то время как в России таких гарантий

быть не могло. Поэтому для японских хронистов рождение детей у тэнно обычно не является каким-то особенно выдающимся событием (хроника может вообще не фиксировать его), в то время как русский летописец может посвятить этому событию несколько страниц⁴⁷.

Ближайшее окружение и порядок принятия решений.

Ближайшее окружение тэнно было крайне немногочисленно. Оно ограничивалось чиновниками 5-го ранга и выше (их число составляло около 100 человек). Только они имели право на занятие руководящих должностей в центральном аппарате управления. Практически все из них принадлежали к аристократическим родам, происходившим из района Кинай. Согласно генеалогическим спискам «Синсэн сёдзироку» (815 г.), аристократия Кинай была расписана по четырем категориям в зависимости от типа прародителя рода: потомки тэнно (т. е., в конечном счете, Аматэрасу), потомки небесных божеств, потомки детей и внуков небесных божеств, потомки земных божеств, потомки переселенцев из Китая и Кореи (выделение последних в отдельную категорию было призвано отсечь их от высших должностей в государственном аппарате). Таким образом, подавляющая часть знати (за исключением переселенцев) возводила свое происхождение к синтоистским божествам и апеллировала к мифу (иммигранты, которые не были в состоянии адаптироваться в кровно-родственную структуру японского общества, также пытались возвести свое происхождение к синтоистским божествам, но составление «Синсэн сёдзироку» поставило этим попыткам заслон). То есть проникновение новых родов (семей) в аристократический круг практически не допускалось.

Как склонны утверждать некоторые японские историки, ситуация несколько изменилась к X в. (наиболее ходовым примером является назначение сравнительно малознатного Сугаварано Митидзанэ, 845–903, правым министром), однако следует помнить, что основными участниками борьбы за власть даже в XII в. (эта борьба закончилась установлением первого сёгуната) были роды Минамото и Тайра, родоначальниками которых яв-

⁴⁷ См., например, описание событий и обрядов, связанных с рождением у много лет бездетного Василия III сына (ПСРА, т. XIII, сс. 48–53), что воспринималось как чудо.

лялись выписанные из императорского дома сыновья императора от низкоранговых жен.

Высшими органами власти были: Дадзёкан (Палата высшего государственного совета, его численность в разное время составляла от 5 до 25 человек) и находившийся внутри него Гисэйкан (Высший политический совет, создан в 702 г.). Гисэйкан первоначально состоял из 5 (с 731 г. из 6) человек, во время правления Конин (809–823) состав Гисэйкан был определен в 8 человек. При этом число родов, делегировавших своих представителей в Дадзёкан и Гисэйкан, было также крайне ограничено: Гисэйкан фактически контролировался всего пятью фамилиями. В законодательстве этот орган управления отсутствовал. Поэтому административные распоряжения оформлялись как указы Дадзёкан (наиболее важные решения проводились прямыми указами тэнно).

Чрезвычайно показательно, что тэнно в работе высшего правительственного органа — Дадзёкан — не участвовал. В 703 г. была учреждена должность *тидайдзё кандзи* — наблюдателя за работой Дадзёкан. Эту должность могли занимать только принцы крови, выступавшие как представители тэнно. Однако в 745 г. должность тидайдзё кандзи была упразднена, что было связано, по всей вероятности, с ослаблением позиций (сокращением реальных распорядительных полномочий) тэнно. После обсуждения в Дадзёкан проекты решений поступали на утверждение к тэнно (хроники приводят крайне мало случаев, когда предложения Дадзёкан не были бы одобрены). В дальнейшем на троне бывали как «сильные», так и «слабые» императоры, однако именно тенденция к их ослаблению составляет основной вектор развития института верховной власти⁴⁸.

⁴⁸ Так, Монтоку (850–858) даже после интронизации ни разу не был в предназначавшихся императору покоях дворца, пребывая во дворце наследного принца или же в своей частной резиденции («Иванами кодза нихон цуси», 1995, т. 5, с. 25). Официальная хроника «Нихон сандай дзицуруку» свидетельствует, что до Монтоку тэнно ежедневно выслушивал во дворце доклады, начиная же с него эта практика прекратилась (Дзёган, 13-2-14, 870).

Законодательство до некоторой степени определяло взаимоотношения между тэнно и другими органами высшего управления, разграничивало (хотя и не всегда достаточно четко) границы их компетенции. Из высших государственных органов непосредственно подчинялась тэнно Палата небесных и земных божеств (Дзингикан), что служит свидетельством того, что главной функцией правителя в рассматриваемый период было управление ритуальным комплексом, связанным с синто. В отличие от самих тэнно, которые, как уже указывалось, достаточно часто отрекались от трона, высшие должностные лица, как правило, заканчивали свою жизнь, находясь на служебном посту. В этом, в частности, состоит одна из особенностей статуса тэнно, которая решительно выделяла его из среды остальной высшей знати.

Принципы меритократии не получили широкого распространения в японском обществе, и множество должностей были в той или иной степени наследственными. Это касается как самого верха иерархической социальной пирамиды (начиная с самого тэнно), так и мелких должностей (например, должности управителей уездов также в реальности передавались по наследству, несмотря на определенные попытки центральной власти делегировать на места своих представителей⁴⁹). Согласно законодательству, назначение чиновников 5-го ранга и выше осуществлялись непосредственно тэнно (требовало его утверждения), но в силу господства наследственных принципов управления число реальных кандидатов на ту или иную должность было сравнительно невелико. Свое законченное и, отчасти, абсурдное выражение аристократический принцип находит в том, что уже в конце VIII в. тэнно фактически не был волен назначать главного, левого и правого министров — ими, за редкими исключениями, почти автоматически становились

⁴⁹ О системе управления периферией в древней Японии см. работы М. В. Грачева. См. также *Е. Б. Сахарова*. К вопросу о степени контроля государством Ямато периферии (конец VII-VIII в.). — История и культура Японии. М.: ИВ РАН — Крафт+, 2001, сс. 93-102. Данные хроники «Сёку нихонги» проанализированные в данной статье, перекликаются с материалами, полученными на основе анализа поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII в.), опубликованными в этом же сборнике *Е. К. Симоновой-Гудзенко* («Особенности восприятия пространства в эпоху «Манъёсю», сс. 103-118).

представители северной ветви рода Фудзивара (в конце VI-первой половине VII вв. высшую должность — *ооми* — неизменно занимал род Сога).

Аристократические основы управления достаточно надежно предотвращали появление временщиков и фаворитов незнатного происхождения (пожалуй, единственным явным исключением был монах Докё — фаворит императрицы Сётоку).

Вместе с тем необходимо признать, что формально тэнно являлся высшей земной инстанцией, ответственной за приведение людского хаоса в упорядоченное (структурированное) состояние. Тэнно жаловал не только ранги и должности, но и фамилии, которые служили одним из индикаторов статуса. Хотя то или иное конкретное значение даруемой фамилии адекватно истолковывается далеко не всегда, сами полномочия тэнно в этой части заслуживают внимания.

Главным органом управления при царе была боярская дума (аналог Дадзёкан), решавшая важнейшие стратегические вопросы управления. Список вопросов, находившихся в компетенции думы (равно как и сам ее статус), законодательно определен не был (системное административное законодательство в России отсутствовало). Члены думы (за исключением немногочисленных думских дьяков) не знали, как правило, профессиональной специализации в делах управления и считались универсальными экспертами в любой области, но в реальности главным их занятием было обсуждение вопросов, связанных с военным делом и международными отношениями. Показательно, что летописи практически не приводят данных о назначении на постоянные должности в государственном аппарате (например, на должности руководителей приказов), но постоянно отмечают назначения на военные и дипломатические должности, которые имели временный характер, что характеризует ценностные установки политической элиты. Получается, что эта элита предстает как собрание порученцев великого князя или царя.

Количественный состав Думы не был постоянным (он зависел от текущей политической ситуации, а не от определенного законом штатного расписания), но не будет ошибкой сказать, что в думе обычно заседало несколько десятков человек⁵⁰. То

⁵⁰ Адам Олеарий, например, насчитывает в составе думы 29 бояр, 24 окольничьих, 6 думных дворян и 3 думных дьяка. При этом он от-

есть в России число людей, непосредственно причастных к высшей политике, было намного больше, чем в Японии. Однако в реальности, несмотря на обычную формулу указов («царь указал и бояре приговорили»), влияние царя на текущую политику и на кадровые вопросы было значительно большим, чем то наблюдается в Японии⁵¹, и многие вопросы решались с помощью «именных указов» без думского обсуждения⁵²). Особенно велики полномочия царя были при назначении на должности. Пожалуй, единственной областью, в которой права тэнно при назначении на соответствующую должность следует признать большими, чем у русского царя, были его прерогативы по назначению церковных иерархов (см. ниже). Поскольку отношения между царем и думой законодательно определены не были, это оставляло огромные возможности для произвола.

В отличие от Японии, на думских заседаниях председательствовал обычно сам царь. Кроме того, именно царь полностью определял состав небольшой по составу Ближней думы (аналог Гисэйкан), заседания которой начались по крайней мере с Василия III (несмотря на влияние Ближней думы, ее решения получали законодательную силу только после утверждения Боярской думой). В непосредственную компетенцию царя входили наиболее значимые для России Разрядный и Посольский приказы (ведавшие военно-кадровыми и дипломатическими вопросами⁵³). Эти приказы возглавлялись, как правило, не боярами, а дьяками, которыми руководил сам царь⁵⁴.

мечает, что в правление Василия Шуйского насчитывалось 70 бояр. — *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию. М.: «Российские семена», 1996, с. 272–273.

⁵¹ «...что касается до общественных и правительственных должностей в государстве, то здесь нет ни одного наследственного звания, как бы ни было оно высоко или низко, и напротив, определение к той или другой должности зависит непосредственно от самого царя, так что даже дьяки в каждом главном городе большей частью назначаются им самим». — *Дж. Флетчер*. О государстве русском. Сочинение Флетчера. М.: «Захаров», 2002, с. 41.

⁵² *С. О. Шмидт*. У истоков российского абсолютизма. М.: «Прогресс», 1996, с. 401.

⁵³ Поссевино отмечал, что ни дьяки, ни подьячие, ни сам «канцлер» «не могут ничего самостоятельно написать или ответить посланцам

Для решения стратегических вопросов управления с середины XVI в. достаточно регулярно стали собираться церковно-земские соборы, число участников которых могло быть крайне велико (считается, что в работе собора 1613 г., решившего, в частности, династический выбор в пользу Романовых, участвовало в совокупности около 5000 человек). Обычно полагают, что моделью, в соответствии с которой проводились земские соборы, были соборы церковные, однако нам представляется разумным в предшественники земских соборов записать и вече⁵⁵ — институт, никаких аналогов которому в Японии не найдется.

Хотя в истории Японии и фиксируются не слишком многочисленные случаи учета мнения подданных, все они имели характер не столько публичного «совета» с «народом», сколько строго бюрократической процедуры, когда соответствующим лицам предлагалось подать письменное мнение (предложение) по тому или иному вопросу, окончательное решение которого остается за высшим руководством. И уж совсем невыносимыми выглядят прямые апелляции к мнению «народа» — каковые были предприняты, например, после страшного московского пожара 1547 г., воспринятого Иваном IV как божье наказание за грехи (он каялся сначала на соборе, потом — при стечении народа — на Лобном месте), при казни «сообщников» новгородского архиепископа Пимена в 1570 г., когда царь «в доспехе, в шоломе и с копием» разъезжал по площади, увещая людей «подойти посмотреть поближе»⁵⁶, при выборах царями Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Романова и т. д.

Следует отметить также, что принятие на церковно-земских соборах судебныхников свидетельствует: хотя царь имел почти не-

чужеземных государей. Сам великий князь диктует им все...» (*Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983, с. 25*).

⁵⁴ С. О. Шмидт, цит. соч., с. 394.

⁵⁵ Показательно, что повторная актуализация веча происходит одновременно с частыми созывами соборов. См. С. О. Шмидт, цит. соч., сс. 215–216. В более недавние времена модель многолюдного собора, дающая богатейшие возможности по манипулированию, использовалась при созыве съездов советов (как ленинского-сталинского, так и ельцинского призывов).

⁵⁶ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, с. 46.

ограниченную власть над судьбой фактически любого человека и мог регулярно осуществлять «перебор людишек», его право на изменение законов выглядит отнюдь не безраздельным — кардинальный пересмотр законодательства требовал безусловной санкции со стороны его ближайшего боярского окружения, церковных иерархов и назначенных представителей «народа».

В этом смысле права тэнно были совсем иными. Его власть над судьбой отдельного человека была достаточно велика, но никогда не простиралась до тех пределов, когда сам правитель мог единолично и бесконтрольно решать судьбу своих подданных: объявлять опалу, сажать в темницу, отправлять в монастырь или же казнить без суда и следствия. В то же самое время полномочия (по крайней мере формальные) тэнно по пересмотру законодательства выглядят более широкими: для введения законодательных сводов («Тайхо рицурё» и «Ёро рицурё», 757 г.) не потребовалось созыва «съезда чиновников», церковных иерархов или же «народных представителей», а дополнения к законодательству, принимавшие форму указов тэнно (кяку), зачастую имели системообразующий характер.

Важно отметить, что маркеры занимаемого положения в России были более расплывчаты. Если в Японии каждому из чиновников присваивался один из 62 основных (регулярных или же «почетных») рангов⁵⁷, и его положение (включая форму одежды, материальное обеспечение и т. д.), таким образом, было детальнейшим образом определено законом⁵⁸, то чины-титулы московской знати были, во-первых, не столь многочисленны (князь, боярин, конюший, окольный, дети боярские или думные дворяне, стольники, стряпчие и некоторые другие), т. е. «цена социального деления» была в России значительно

⁵⁷ На присвоение регулярных рангов огромное влияние оказывал ранг родителя и его происхождение, поскольку в ходу была система «теневых рангов», в соответствии с которой сын высокорангового чиновника обладал с рождением таким теневым рангом, который по достижению совершеннолетия конвертировался в ранг «настоящий».

⁵⁸ О системе ранжирования японского чиновничества см. работы М. В. Грачева. Формирование древнеяпонского чиновничества в VII — начале VIII вв. (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1998; О составе древнеяпонского придворного чиновничества в первой половине VIII в. — История и культура Японии, М.: ИВ РАН—Крафт+, 2001, сс. 63–92.

больше⁵⁹, и, во-вторых, не отличались строгой и однозначной соподчиненностью (система местничества, в которой «место» индивида определялось на уровне прецедентов, в которых обычно были задействованы сразу несколько лиц), что приводило к многочисленным конфликтам, арбитром которых всегда выступал непосредственно царь (местничество было окончательно ликвидировано в 1682 г., когда были сожжены все относящиеся до него документы).

Состав российской элиты был достаточно текучим и, в отличие от Японии, вполне открытым для иноземных вливаний (таких людей признавали высокими «по иноземству»). Среди «высоких по иноземству» было много татар, и в «государевом родословце» потомки царей казанских, астраханских и крымских стоят сразу вслед за удельными князьями киевскими, владимирскими и московскими, опережая потомков князей литовских, черниговских, суздальских и др.⁶⁰ На соборе 1682 г. было предложено составить книги нескольких категорий в зависимости от срока начала службы родоначальников фамилий. При этом первая книга должна была включать те «честные и княжеские роды», которые были на службе при Иване IV⁶¹, т.е., если исходить из апеллирующих к мифу японских понятий⁶², глубина исторических оснований для ранжирования российской элиты этого времени была чрезвычайно мала (в России отсутст-

⁵⁹ При Федоре Алексеевиче был составлен неосуществленный проект устава о служебном старшинстве, который состоял из 34 степеней («Архив историко-юридических сведений», т. 1, СПб., 1850, отд. 2).

⁶⁰ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 374.

⁶¹ Шмидт С. О., указ. соч., с. 368.

⁶² Примеры того, как разрешались в Японии «местнические» конфликты, можно почерпнуть из текста «Когосюи» («Дополнения к древним историям», 807 г.). Это сочинение представляет собой обоснование (докладную записку) несправедливости сложившегося к этому времени положения, когда жреческий род Имибэ был оттеснен на второй план родом Накатоми (текст памятника в переводе Е. К. Симоновой-Гудзенко приводится в «Синто. Путь японских богов». СПб.: «Гиперион», 2002, сс. 71–100). Указ тэнно, основывавшийся на записях «Нихон сёки» о роли божества Футотама-но Микото (прародителя Имибэ) в мифологическом эпизоде, повествующем о сокрытии Аматэрасу в пещере, а также апеллировавший к действующему законодательству (где прописана роль Имибэ в отправлении ритуалов) подтвердил наследственные права Имибэ («Нихон коки», Дайдо, 1-8-10, 807 г.).

вовала строгая генеалогическая система, определявшая «тип родоначальника»). Вместе с конструированием царских династических легенд некоторые фамилии также стали апеллировать к своему мнимо татарскому или же «римскому» происхождению (например, Римские-Корсаковы), но это не смогло предотвратить положения, когда, по словам г. Котошихина, многие знатные роды уже к середине XVII в. «без остатку миновались».

Кроме того, важно иметь в виду, что наиболее общим принципом социального деления было чрезвычайно резкое противопоставление по линии царь — подданный. Считалось (и в этом можно углядеть монгольское влияние), что все в стране находится в полной собственности царя. Это касается как самой земли, так и всех «объектов», находящихся в пределах этого пространства. В эту же категорию попадали и люди: все подданные царя считались его «рабами» или же «холопами». ⁶³ Социальная иерархия даже высшей элиты была по отношению к царю иерархией холопов, а не аристократов.

В силу сравнительно слабого развития аристократического начала в России широкое распространение получили временщики, т. е. те лица, которые, согласно представлениям боярской аристократии, в силу своего незнатного (малознатного по сравнению с боярской аристократией) происхождения, не имели права на то влияние, которое они приобрели (М. Юрьев-

⁶³ О холопстве как культурной категории см. А. Л. Юрганов, цит. соч., глава 3. Именно такой ситуацией, когда в стране не было никого, кто хотя бы отдаленно приближался по своему статусу к царской семье, объяснял Г. Котошихин ситуацию, когда царевны оставались безбрачными — царь не желал выдавать их за своих холопов (Г. Котошихин. О России в царствование Алексей Михайловича. — История России и дома Романовых в мемуарах современников. М.: «Фонд Сергея Дубова», 2000, сс. 22–23). Идея безусловного обладания царем своими подданными была настолько укоренена, что даже части тела подданных считались принадлежностью царя. Один из доносов, поданный в 1626–1627 гг., содержал обвинение против тюремного сторожа Сеньки, который при возникшем конфликте сказал: «В меня де такова ж борода, что у государя». Сравнение показалось крамольным, но Сеньке был вынесен оправдательный приговор, поскольку он разъяснил, что имел в виду следующее: «Не дери де моей бороды, мужик де я государев и борода де у умения государева» (П. В. Лукин. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., «Наука», 2000, с. 20).

Захарин и Ю. Шигона-Поджогин при Василии III, Сильвестр, Адашев, Б. Бельский, А. Щелкалов, сын приказного чиновника А. С. Матвеев и др.). Возвышение Б. Годунова также следует воспринимать в этом же контексте. Словом, сделать «стремительную карьеру» в России (в особенности начиная с правления Ивана IV с его целенаправленным «перебором людишек») было намного проще, чем в Японии, где существовало множество ограничителей (происхождение, система регулярных аттестаций на должность, строго организованная ранговая система с ограниченной возможностью «перепрыгнуть» через ранг), которые не давали простора для быстрого возвышения ни талантам, ни проходимцам. Почти при всех царях такие временщики имелись (можно сказать, что они были неотъемлемой частью системы управления), а сам царь имел по существу неограниченное право приблизить любого человека в обход обычаев «старинны». Обычно такое приближение рано или поздно заканчивалось решительным отрешением от дел, что отличает временщиков от меритократов, т. е. угроза потерять свое положение была в России также значительно выше, чем в Японии.

Таким образом, в Японии принцип аристократизма был проведен в жизнь с гораздо большей последовательностью, чем это наблюдается в России. Несколько утрируя, можно сказать, что в Японии, как уже отмечалось, все должности, начиная с самого тэнно, были наследственными, а в России наследственной была только должность царя.

Судебная функция. Судебная функция правителя является, как известно, одной из его главнейших прерогатив. Видимо, не существует племенных или государственных образований, где бы вождь или монарх не считался верховным судьей, ибо одним из основных предназначений правителя является обеспечение (организация) коммуникации (в частности, разрешения конфликтов) между различными людьми, социальными группами, сословиями, классами, институтами, учреждениями и т. д.

Складывается впечатление, что начиная с VIII в. участие тэнно в судебных делах в «прокурорской» функции считалось нежелательным (законом ограничивается и время, когда можно было обращаться к тэнно за судебными санкциями в случае предполагаемого вынесения смертного приговора — исключается время различных праздников и ритуалов). Если относи-

тельно ранних правителей фиксируется довольно много сообщений, когда они сами вершат суд⁶⁴, то позднее эта функция редуцируется. Так, крайнее осуждение составителей «Нихон сёки» (исходивших прежде всего из мыслительных конструктов VIII в.) заслуживает Бурэцу, о котором в записях, предваряющих основное изложение событий его правления, сообщается: «Став взрослым, он увлекся наказаниями преступников и законами о наказаниях. Он хорошо разбирался в законах, до заката солнца занимался делами, выискивал преступления, чтобы никто не избежал наказания. Много сотворил он злого, среди дел его ни одного хорошего не было. Не было казни, на которой бы он с удовольствием не присутствовал. Люди в стране боялись и трепетали».

Согласно японскому законодательству, наказания преступников в провинции находились в компетенции местных органов власти. Жители столицы и чиновники центральных ведомств в случае совершения тяжких преступлений подлежали суду Министерства наказаний (Кэйбусё). При наказании смертной казнью было необходимо получить санкцию тэнно, если

⁶⁴ Так, Одзин, который сам не мог решить, виновен ли Такэути-но Сукунэ в покушении на трон, подвергает испытанию *кукатати* (ордали: опускание рук в кипяток) его самого и его брата, донесшего на него. Характерно, что когда выяснилась несправедливость обвинения, Такэути-но Сукунэ собирался убить жалобщика, но Одзин помиловал его («Нихон сёки», т. 1, с. 287–288). Ритю объявляет мятежнику, что он достоин смертной казни, но милует его, приказывая сделать ему на лице татуировку (там же, с. 323). Тот же Ритю наказывает за должностное преступление (самовольное проведение переписи и использование для этого синтоистских жрецов), предписывая совершить очищение и отбирая у преступника его подчиненных (там же, с. 325). Ингё также вынес решение испытывать подданных кипятком, поскольку происходили частые распри ввиду того, что многие подделывали свои генеалогии (там же, сс. 331–332). Юряку казнит корейскую принцессу Икэту, поскольку она вступила в любовную связь вопреки его воле (там же, с. 347; относительно этого правителя приводятся многочисленные примеры его несправедливого суда). К числу санкций тэнно, относятся: наложение «штрафа» (преподнесение даров, чтобы откупиться от наказания), перемена фамилии, перевод в другую социальную группу, лишение главы социальной (профессиональной) группы его подчиненных. В отличие от России, в Японии почти не встречается конфискации земельных владений (они находились в корпоративной собственности рода).

приговор выносился в столице, и санкцию Дадзёкан, если речь шла о преступлениях, совершенных в провинциях.

Наказания, выносимые непосредственно тэнно, наблюдаются чрезвычайно редко. В хронике «Сёку нихонги» почти не содержится приказаний тэнно о смертной казни применительно к конкретному лицу (к крайне немногочисленным исключениям относится повеление Сёму казнить поднявшего в 740 г. мятеж Фудзивара-но Хироцугу⁶⁵). Последний смертный приговор, вынесенный тэнно, фиксируется в 810 г.⁶⁶ После этого казней в столице не наблюдается в течении трех с половиной веков (вплоть до «мятежа годов Хогэн», 1156 г.). В значительной степени это было связано с верой в то, что вынесший наказание (в особенности если это была смертная казнь) может подвергнуться мщению со стороны «неуспокоенного» духа наказанного или казненного.⁶⁷ В связи с этим смерти физической власть в лице тэнно предпочитала смерть «гражданскую» — лишение должности, ранга, удаление из столицы (ссылку).

Мало прибегая к данному ему законом правом выносить наказания, тэнно весьма часто пользовался своей привилегией на объявление амнистий, что считалось, в соответствии с китайской политической философией, делом угодным Небу⁶⁸.

⁶⁵ «Сёку нихонги», Тэмпё, 12-11-3, 740 г.

⁶⁶ В правление Сага сложилось два параллельных двора. Один из них располагался в столице Хэйан, другой был основан в прежней столице Нара отрекшимся от престола Хэйдзэй. Из этих двух центров власти исходили противоречившие друг другу указы. Когда Хэйдзэй прислал к Сага Фудзивара-но Наканари с объявлением, что столица вновь переносится в Нара, Сага приказал казнить посланца.

⁶⁷ Так, считалось, что монаха Гэмбо убил дух его казненного врага Фудзивара-но Хироцугу («Сёку нихонги», Тэмпё, 18-6-18, 746). После ссылки и загадочной смерти признанного причастным к заговору наследного принца Савара в окружении Камму произошла «серия» смертей. В связи с этим принцу даже был посмертно пожалован титул «императора Судо». Наиболее известный случай мести неуспокоенного духа умершего — оклеветанный Сугавара-но Митидзанэ (845–903), который «погубил» сразу нескольких представителей рода Фудзивара.

⁶⁸ Русские цари также довольно часто объявляли амнистии (по поводу различных, по преимуществу радостных, событий в собственной жизни — интронизация, рождение детей, именины), однако эти сведения не находят, как правило, отражения в хрониках, поскольку «забота о народе», даже в тех случаях, когда она реально проявлялась, не

Основной судебной функцией тэнно является не наказание, а смягчение наказаний или полное освобождение от них⁶⁹, т. е. помилование, которое находилось в исключительной компетенции тэнно. Согласно нашим подсчетам, в «Сёку нихонги» встречается 124 указания на проведение амнистий, т. е. объявление амнистии было одним из наиболее частотных распоряжений тэнно⁷⁰. Амнистия считалась не столько выражением абстрактной душевной «доброты», сколько деянием всегосударственной значимости: объявлению амнистии обычно предшествовали какие-нибудь несчастья. Предполагалось, что в ответ на амнистию Небо смягчит те санкции, которое оно обрушивает на тэнно и его государство за несправедное управление, проявлением которого были политические неурядицы, природные бедствия, болезни, неурожай и т. п. В связи с этим амнистии объявлялись по случаю заговоров, землетрясений, засух, недорода, эпидемий, болезней членов правящей фамилии, голода. Кроме того, амнистия обычно объявлялась и при вступлении нового тэнно на престол.

Роль тэнно как высшего судьи выявляется не столько в его непосредственном праве на суд по конкретным делам, сколько в праве на пересмотр законодательства, в том числе и уголовного, что принимало форму указов. В соответствии с этими указами (т. е. в соответствии с законом) соответствующие ведомства должны были наказывать виновных. Так, например, в указе Гэммэй, осуждающем фальшивомонетчиков, говорилось:

считалась достойной фиксации. Исключение составляет, пожалуй, только подача милостыни и одаривание монахов.

⁶⁹ «Тадзихи-но Махито Миякэмаро, верхняя степень 4-го старшего ранга, распускал ложные слухи о заговоре против государыни [Гэнсё]. Ходзуми-но Асоми Ою поносил государыню. За эти преступления оба приговорены к усекновению головы. Благодаря заступничеству перед государыней наследного принца степень наказания была снижена на одну степень. Миякэмаро сослан на остров Идзу, а Ою — на остров Садо». («Сёку нихонги», Ёро, 6-1-20, 722). Освобождение от наказания могло выноситься тэнно даже в случае преднамеренного убийства (Тэмпё, 7-9-28, 735 г.), однако «заступничество» тэнно по отношению к конкретно поименованным лицам распространялось только на чиновников начиная от 5-го ранга и выше.

⁷⁰ Конкретное количество освобождаемых преступников указывается только один раз. В 722 г. во всей стране их было 41. («Сёку нихонги», Ёро, 6-4-21).

«Отныне и впредь с теми, кто чеканит серебряную монету, поступать так: самих их обращать в государственных рабов, имущество — отдавать донесшему на них. Тех, кто подделывает серебряные монеты, наказывать 200 ударами палками и отправлять на общественные работы. Знавший о преступлении, но не донесший о нем, наказывается наравне с преступником».⁷¹ Число аналогичных указов было бы легко умножить.⁷²

При достаточно развитой бюрократической системе чисто судебная функция тэнно (судебное разбирательство в случае совершения преступлений) вытесняется функцией вынесения служебных оценок. При этом наказание (удары палками, заключение под стражу, ссылка, казнь) обычно заменяется понижением в ранге или же отрешением от должности, т. е. понижением в статусе с соответствующим понижением материального обеспечения. По случаю череды природных бедствий, ответственность за которые обычно возлагалась на правителя, Сёму заявляет: «В последнее время небесные наказания не знают конца, природные бедствия случаются одно за другим. Слышим Мы: «Управление идет вразрез с годовым циклом, сердца людей полны печали. Небо и Земля посылают предостережения, появляются грозные предзнаменования». Разве Мы не распространяем добродетель? Разве есть в Нас небрежение?

⁷¹ «Сёку нихонги», Вадо, 2-1-25, 709 г.

⁷² См., например, один из наиболее жестких указов, обнародованных после заговора принца Нагая («Сёку нихонги», Тэмпё, 1-4-3, 729 г.): «Если среди чиновников гражданских или военных в Кинай или же за его пределами, а также среди народа Поднебесной обнаружатся люди, которые учатся пути неправедному, овладевают темными умениями, гадают и предсказывают, нанося тем самым вред живущим, такие люди подлежат усекновению головы в серьезных случаях, а в менее серьезных — приговариваются к ссылке. Те же, кто прячутся в горах и проповедают закон Будды ложным образом, сами собой овладевают Учением и распространяют его, записывают заклинания, составляют яды и показывают людям чудеса, этих людей считать нарушившими государев указ и наказывать их таким же образом. Эти ложные и вредные писания должны быть сданы в пятидневный срок после обнародования указа. В случае если по доносу будет обнаружено, что таковые писания не были сданы, нарушителей приговаривать к ссылке вне зависимости от тяжести проступка. Донесшему выдавать награду в размере 30 мер шелка, каковые изымать из дома, к которому принадлежит преступник».

Или же, может быть, чиновники не проявляют в делах рвенія? Мы живем за девятью воротами, многого не ведаем. Повелеваю главам ведомств составить списки подведомственных им чиновников..., которые сердцем своим делам преданны и служат чисто-беспорочно, а также списки тех, сердца которых наполнены грязной ложью, а списки эти подать Нам. Тот, кто хорош, будет в ранге повышен, тот, кто плох, будет, согласно его провинностям, в ранге понижен. Слушаться Нашего повеления, ничего не скрывая».⁷³ Вместе с тем необходимо отметить, что сам тэнно почти всегда выносит суждение (принимающее форму указа) о повышении в ранге и должности, а не о понижении⁷⁴. Компетенция правителя в отношении рангов и должностей была такова, что тэнно имел право и на повышение ранга (должности) уже умершего лица, чем он пользовался достаточно часто.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право тэнно на уголовное наказание постепенно заменяется правом на наказание административного характера.

Царь в значительной степени наследует судебные полномочия прежних князей, когда тот являлся верховным судьей для своей дружины и подданных. Судебная власть князя была ограничена правом (и обязанностью) духовенства «печалования» (заступничества) за опальных. Общий курс Ивана IV привел к тому, что он постарался ликвидировать и этот ограничитель своей власти. В послании к Курбскому он так вербализует свое понимание царского права на суд: «доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого, но вольны были подвластных своих жаловати и казнити»⁷⁵. Если в указах тэнно мы достаточно часто встречаемся с формулировкой «поступать (наказывать)

⁷³ «Сёку нихонги», Дзинги, 4-2-21, 727.

⁷⁴ Редчайшее исключение представляет собой снятие с должности Фудзивара-но Тоёнари, обвиненного в доносительстве о заговоре Та-тибана-но Нарамаро: «Зная об ужасном заговоре, не донес о нем. Даже когда заговор был раскрыт, не показал рвенія. Если бы дни его небрежения были продлены, небесный престол был бы опрокинут. Разве должно быть таковым министру? Снимаем его с занимаемой должности правого министра...» («Сёку нихонги», Тэмпё ходзи, 1-7-12, 757 г.). См. также указ Тэмпё ходзи, 1-8-2, согласно которому лишение должности-титула сопровождается изменением фамилии.

⁷⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 35.

согласно закону», то действия русских царей по наказанию тех или иных лиц в значительной степени определяются сиюминутным настроением. В связи с этим широчайшее распространение получает «опала» (царский гнев), т. е. не определяемое никаким законом наказание (рукоприкладство, таскание за бороду, удаление из двора, отставка, тюремное заключение, ссылка, смертная казнь), которое выносятся самим царем и только им самим и снимается («отдается»).

Особенно усиление судебной функции царя наблюдается при Иване IV. Когда в 1550 г. он собрал народ на Красной площади, он, в частности, досадовал на плохую работу ведомств в части судебных разбирательств. После этого Адашеву было приказано принимать челобитные от бедных на царское имя. Об этих челобитных докладывали царю, который принимал решения по ним. После удаления Адашева его функция была передана Челобитной избе (Челобитному приказу). Фактически ликвидировал (значительно ослабил) Иван IV и институт состязательности, когда дела рассматривались в присутствии обвиняемых (в частности, он не внял печалованию Макария о приглашении на соборный суд Адашева и Сильвестра).

В дальнейшем цари неоднократно декларировали, что не станут принимать челобитные, однако инерция концентрации властных полномочий в руках царя была такова, что челобитные рассматривал даже Алексей Михайлович, грозивший наказаниями за обращение к нему помимо законных инстанций⁷⁶. Реалии российской жизни, подкрепляемые концептом царя как самодержца (калька с греческого «автократор»), были таковы, что царь воспринимался единственной инстанцией, которая, стоя выше закона, была в состоянии обеспечить «справедливый» исход дела. Судебные прерогативы царя в определенной степени распространялись и на его семью — царица, царицы и царевичи принимали челобитные для передачи их самому царю.

⁷⁶ С этим обычаем не смог справиться даже Петр I, который в 1718 г. объявил, что юстиц-коллегия является последней судебной инстанцией, запретив под страхом строгих наказаний (лишение чина или имения) обращаться к нему с тяжбами. Однако в 1722 г. Челобитный приказ был фактически восстановлен под новым названием ведомства рекетмейстера (генерал-рекетмейстера), в которое подавались жалобы на действия различных государственных учреждений.

В Японии тэнно мыслится как источник закона, согласно которому и принимаются решения. Русский же царь выступает не столько как законодатель, сколько как источник решений по конкретным делам, решений, которые самим законом не регулируются.

Верховная власть и церковь. Тэнно отводится роль «координатора» государственных религиозных культов, что соотносится с китайскими представлениями о верховной власти.⁷⁷ Власть в лице тэнно имела полный контроль над синтоистскими и буддийскими институтами, которые считались частью государственных структур. Предполагалось, что они не имеют собственных специальных интересов⁷⁸. Даже разрешение на пострижение в монахи выдавалось соответствующими чиновниками. Высшие духовные лица (глава синтоистской Палаты небесных и земных божеств, подчиненной непосредственно тэнно, и буддийский «патриарх» — *дайсодзу*) назначались указом тэнно, они имели ранги (в Палате небесных и земных божеств это были обычные чиновничьи ранги, буддийские священнослужители ранжировались согласно особым рангам для буддийской церкви, которые имели соотношения со светской шкалой⁷⁹). При этом глава Палаты и дайсодзу имели нижнюю степень четвертого ранга, т. е. ни тот, ни другой не входили в состав высших сановников 1–3-го рангов (главы всех восьми министерств имели верхнюю степень четвертого ранга). Тэнно не слишком заботили догматические споры между представителями различных школ, но от них строго требовалось, чтобы они были лояльны по отношению к режиму и обеспечивали бы с помощью магических способов (молитв, приношений и ритуа-

⁷⁷ Согласно «Нихон сёки», в начале времен было установлено разделение функций между Аматэрасу и правящим родом: Аматэрасу управляет Небом и его божествами, а тэнно — сонмом божеств в Срединной стране тростниковых равнин (одно из древних наименований Японии). См. т. 1, с. 227.

⁷⁸ Показателен в этом отношении указ 744 г. (Тэмпё, 16-9-30), согласно которому высший орган по управлению национальной буддийской общиной (Сого) был обязан хранить свою печать в Дадзёкан, то есть принятие Сого любых решений напрямую контролировалось государством.

⁷⁹ Ранжирование буддийского духовенства было введено в 760 г. («Сёку нихонги», Тэмпё ходзи, 4-7-23).

лов) благополучие тэнно, двора и всего государства.⁸⁰ Полномочия тэнно в религиозной сфере были настолько велики, что он даже обладал правом присваивать ранги синтоистским богам.

В Японии фактически отсутствовало понятие о религиозной ортодоксии, ни за одним из религиозных учений не было закреплено статуса «единственно верного». Синто еще не успел выработать принципиально различных теологических течений, оформленных в школы. Та или иная буддийская школа могла пользоваться большей популярностью при дворе, но другие школы запрещению или же преследованию не подлежали.

В соответствии с указами тэнно могло осуществляться строительство (ремонт) как буддийских храмов, так и синтоистских святилищ, которые образовывали «ритуально-магический каркас» государства. При этом важно отметить, что строительство синтоистских святилищ никогда не становилось при дворе предметом полемики (отчасти потому, что возведение этих достаточно скромных сооружений не требует существенных затрат, отчасти — ввиду большей укорененности синто в японской культуре), но возведение буддийских храмов могло такие споры вызывать. Основанием для них был заимствованный из арсенала китайской политической мысли тезис о том,

⁸⁰ В жизнеописании монаха Додзи, помещенном в «Сёку нихонги», содержится указание на то, чего требовало государство от религии: «Скончался... монах Додзи... Он был сведущ в сутрах, особенно хорошо знал учение школы Санрон... В то время в учении Будды были сведущи только двое — он и монах Дзинъэй. [Додзи] написал „Записки глупца“ в одном свитке, где говорится о монахах и монахинях. Его суть заключается в следующем: „Если посмотреть, как в Японии поклоняются Будде миряне и монахи, обнаружится, что они во всем расходятся с теми правилами для монахов и мирян относительно священного учения, которые существуют в Китае. Если следовать установленным законом, никакой выгоды народ не получит. Так зачем же превращать поклонение страной и людьми Закону Будды в пустое? Следует быть осмотрительным“. Велико число учеников Додзи, следующих его делам. В недавнее время государь поручил Додзи перенести и отстроить в Нара храм Дайандзи. Додзи же был много искусен в делах строительных и при возведении храма точно последовал плану до таких мелочей, что никаких изъянов обнаружено не было. Он умер, когда ему было уже более 70 лет» (Тэмплё, 16-10-2, 744).

что такое строительство вызывает чрезмерные тяготы податного населения.⁸¹ Этот тезис нашел, в частности, применение в связи со строительством в середине VIII в. грандиозного храма Тодайдзи, возведенного в столице Нара по обету Сёму. Уже после его смерти различные придворные группировки стали обвинять друг друга в том, что строительные работы колоссального размаха принесли народу «страдания»⁸².

Несмотря на споры относительно того места, которое должен был занимать буддизм в структуре государственной идеологии и управления, эта полемика происходила по преимуществу между различными группировками образованной на конфуцианский манер аристократии, сами же представители буддийской церкви играли в этих дискуссиях однозначно подчиненную роль. Несмотря на то, что в VIII в. источниками фиксируются немногочисленные попытки буддийского духовенства повлиять на ход дел в стране (самая известная — попытка переворота, предпринятая уже упоминавшимся монахом Докё), слабая во-

⁸¹ Перед началом работ по выплавке гигантской статуи Вайрочаны Сёму, предвидя возможные возражения оппонентов, издал указ, в котором, в частности, говорилось: «Желаем Мы воздвигнуть золотую статую будды Вайрочана. Пусть будет выплавлена она из меди нашей страны, пусть будут скрыты горы высокие и построен храм, пусть всякий, кто живет в пределах границ, куда проникает Закон, станет членом Нашей общины. И пусть каждый получит чаемое, и пусть он станет бодхисаттвой. Мы владеем богатствами Поднебесной. Мы владеем силами Поднебесной. Этими богатствами и силами да будет воздвигнута досточтимая статуя. Делать — легко, просветляться сердцем — трудно. Опасаемся Мы, что обречем людей на труды напрасные, что не откликнутся люди на священное, что станут они злословить и впадать в грехи. А потому пусть соберутся в общину люди истинные, и пусть они каждодневно трижды поклоняются Вайрочане, призывая счастье. И пусть воздвигают они статую Вайрочаны с такими вот мυσьями. И если обнаружится такой человек, кто пожелает помочь хоть травинкой, хоть горсткой земли, в том ему не препятствовать. Но только управители провинций и уездов пусть не станут напрасно тревожить народ, пусть не станут неволить людей. Да пусть станет известна далеко и близко воля Наша» (Тэмпё, 15-10-15, 743 г.).

⁸² Так, заговорщик Татибана-но Нарамаро, спрошенный о причинах своих мятежных настроений, отвечал, что управление внутреннего министра Фудзивара-но Накамаро нехорошо. При этом он указал: «Строительство храма Тодайдзи вызвало страдания людей, люди многих родов горевали» («Сёку нихонги», Тэмпё ходзи, 1-7-4, 757 г.).

влеченность его в процесс принятия решений на государственном уровне не позволяла им играть сколько-нибудь серьезной роли в управлении страной.

Характер вовлеченности царя в дела церкви был не так однозначен, как в случае с тэнно, влияние церкви в деле формирования государственной идеологии было также намного больше (патриарх считался вторым после царя лицом в государстве). Это отражает общую ситуацию в тех странах, где христианство было государственной религией. В российском случае мы имеем дело как с прямым византийским влиянием, так и тем, что православие в условиях полиэтничности и поликультурности населения (и в условиях отсутствия системы светского образования) являлось чуть ли не основным идеологическим инструментом обеспечения культурной гомогенности, государственной самоидентификации и самоидентификации самого царя как повелителя (защитника) православных. То есть в отношениях между монархом и церковью аспект «защиты» религии со стороны светской власти был значительно более выраженным, чем это было в Японии.

Царь председательствовал на церковных соборах и выступал, таким образом, до определенной степени в качестве интерпретатора религиозной догматики и установлений церковной жизни (см., например, материалы Стоглавого собора 1551 г., где Иван IV задавал собору каверзные вопросы, имевшие по существу обвинительный характер). Известны случаи, когда между светской властью и церковью возникали споры относительно ритуала (Иван III и митрополит Геронтий спорили о том, как правильно совершать крестный ход — по солнцу или против солнца⁸³). Василий III пригласил Максима Грека для исправления церковных книг, а Иван IV даже вступал в прямую религиозную полемику с протестантским пастором из Ливонии, Рокитой («министр збора братьев чешских»), иезуитом Антонио Поссевино, обменивался посланиями относительно вопросов веры и с польским королем. Значительную часть его полемики с Курбским также составляет религиозная проблематика.

Одним из принципиально важных византийских приобретений в области государственного строительства представляет собой концепт взаимоотношений между верховным правителем

⁸³ Николай Борисов. Иван III. М.: «Молодая гвардия», с. 544.

и Церковью, согласно которому Церковь и царь находятся во взаимодополняющих, «симфонических» отношениях. Одной из основных функций российского царя была защита православия и православных от ересей и иноверцев, забота о материальном благополучии церкви. Церковь же была обязана молиться за православного царя (точно так же, как она раньше молилась за хана) и идеологически обеспечивать его начинаниям поддержку подданных, используя для этого созданную веками пропагандистскую и материальную инфраструктуру.

Тем не менее, реальная динамика взаимоотношений царя и церкви отнюдь не исчерпывается идеалом «симфонии» (гармонии), поскольку и царь, и церковь обладали своими специфическими интересами, зачастую интерпретировали те или иные события по-разному, что создавало конфликтные ситуации достаточно часто. Так, низложение светской властью новгородских архиепископов было делом вполне обычным. В 1539 г. боярами без ведома еще не вошедшего в силу Ивана IV был низложен московский митрополит Даниил (за то, что он был «во едином совете» с Иваном Бельским), был сослан его преемник Иоасаф. За сравнительно короткий период существования царской власти также фиксируется несколько серьезнейших кризисов в отношениях царя и высшей духовной власти: в 1566 г. удался в монастырь митрополит Афанасий, который, вероятно, добивался отмены опричных порядков; активное противодействие опричнине митрополита Филиппа (Колычева), который неоднократно отказывал Ивану IV в благословении, привело к его смерти — Малюта Скуратов задушил его; в 1586 г. митрополит Дионисий был лишен сана за противодействие Борису Годуну; в 1605 г. Лжедмитрий I низложил первого русского патриарха Иова (правда, при этом низложение было оформлено решением собора по всем правилам), патриарх Игнатий Грек был низложен сразу же после убийства своего покровителя Лжедмитрия I; патриарх Гермоген, несмотря на все старания «семибоярщины», низложен и осужден не был, но был сведен с патриаршеского двора и умер в заточении в 1612 г.; патриарх Никон, в служебнике 1655 г. именуя себя вместе с Алексеем Михайловичем «богоизбранною, благочестивою и богомудрою двоичею», обосновывал тезис о превосходстве духовной власти над

светской⁸⁴, что и привело к суду над ним и смещению с поста патриарха. После этого теократические идеи церковных иерархов больше не играли существенной роли в российской истории.

Хотя царь не имел формального единоличного права назначать и поставлять иерархов (эти вопросы находились в компетенции освященного собора⁸⁵), но в реальности он имел огромное влияние на решение кадровых вопросов в церковной иерархии. Тем не менее, достаточно часто возникавшие кон-

⁸⁴ «Царь здешним вверен есть, а аз небесным... священство болесть царства: священство от Бога есть, от священства же царства помазание... Священство всюду пречестнейшесть царства...» Цит. по: *Н. Ф. Кантрев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912, т. II, сс. 182–183. Это утверждение является, с одной стороны, отражением общеевропейской полемики того времени (см. *Тарнопольская И. О.* «Божественное право королей» и «контрактная теория»: монархическая идея на западе и востоке Европы в XVI–XVII веках. — Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999, сс. 49–58) , а с другой — развитием положения, сформулированного еще Макарием (видимо, еще до венчания Ивана IV на царство): «Аще же и сам царь, нося багряницу и царский венец, надеясь благородству и саном гордящися, негодовати начнут нашего повеления и святым правилом не покоряющися святых отец, дерзнет таковая сотворити, той с прежреченными осужден будет яко гласу господню противятся» (см. *Моисеева Г. Н.* Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРА, т. XVI, М.–Л., 1960, сс. 267–268). К идейным предшественникам Никона следует отнести и Геннадия, архиепископа Новгородского, который после первых конфискаций церковного имущества в Новгороде своей волей включил в службу на «обидающих святые церкви» — современники ясно понимали, что речь идет об Иване III. Сам Иосиф Волоцкий писал: «Аще и самии венец носящие тоя же вины последовать начнут... да будут прокляты в сие век и в будущий» (цит. по: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послание. Киев, 1901, с. 129). В русский обряд поставления на царство входит «поучение», которое произносит иерарх царю, чего не было в византийском чине.

⁸⁵ Исключение составляет «дело» митрополита Филиппа, отреченно-го не по решению собора, но по приговору затерроризированной Иваном IV думы (он сам вел ее заседания и отрешение состоялось по его указу), в связи с чем Курбский восклицал: «Кто слышал zde, епископа от мирских судима и испытуема?» (РИБ, т. 31, с. 311). Отступление царя от сложившихся правил отмечается и в «Житии» Филиппа: «Не убо ялся суда Божия, еже царем не подобает святительския вины испытывати, но епископы по правилом судят». (цит. по: *Р. Г. Скрынников*, цит. соч., с. 286).

фликты между царем (светской властью) и высшим иерархом говорят о том, что царь не был в состоянии преодолеть дихотомию светско-церковных отношений и превратить церковь в простой придаток государственной суперструктуры⁸⁶. Однако если посмотреть на российскую ситуацию с макроисторической точки зрения, тенденция к подчинению церковной власти светской в московский период вряд ли может вызвать сомнения⁸⁷. Это влияние светской власти на церковные дела приобретает формализованный характер со времени введения патриаршества (1589 г.), когда, в соответствии с византийским каноном, священный собор избирает трех кандидатов, после чего царь осуществляет окончательный выбор.

Влиятельность православной церкви в делах государственного управления вписывается в византийскую и общеевропейскую модель, когда христианство является «государственной» религией. Русская православная церковь дала государству немало деятелей, которые, в отличие от Японии, оказывали существенное влияние на ход мирских дел (Макарий, Сильвестр, Гермоген, Филарет, Никон и др.). Царь был вынужден считаться с мнением иерархов в намного большей степени, чем это наблюдается в Японии (Филарет и Никон даже носили титулы «великих государей»). Связанность царя и церкви была настолько велика, что повышение статуса правителя приводило к повышению статусу церкви и наоборот (недаром для международного признания титула «царь» столь большое значение имело получение московским митрополитом статуса патриарха, при этом основная инициатива по введению патриаршества принадле-

⁸⁶ Эта относительная самостоятельность церкви в значительной степени ликвидируется в 1721 г., когда вместе с принятием Петром I титула императора упраздняется и должность патриарха, что еще раз показывает, что понятия «царь» и «патриарх» находились в однозначно взаимообусловленных отношениях. И теперь при коронации не патриарх одевает на царя головной убор, а он сам надевает на себя корону.

⁸⁷ Взаимоотношения между светской и духовной властями в Новгороде (см. легенду о «белом клобуке» с ее акцентом на том, что этот клобук «честнее» царского венца) представляют собой предмет специального рассмотрения. Из восьми новгородских архиепископов, возглавивших кафедру после присоединения Новгорода в Москве, пятеро были лишены поста, подвергнувшись опале (Р. Г. Скрынников, цит. соч., с. 300).

жала светской власти]. Московский митрополит (патриарх) считался, как уже говорилось, вторым лицом в государственной иерархии. Вся государственная идеология вырабатывалась при прямом участии церковных деятелей, и не будет преувеличением сказать, что почти весь понятийный аппарат идеологии самодержавия был взят из христианского словаря.

Правитель и ритуал. Тэнно никогда не выступал в качестве истолкователя догматики⁸⁸, его роль заключалась в соблюдении различных табуаций и участии в религиозных церемониях, в некоторых из которых он выступал в качестве главного действующего лица. Эти церемонии могут быть подразделены по своему происхождению на синтоистские, буддийские и конфуцианские, но в реальности они имели явную тенденцию к слиянию в единый государственно-идеологический комплекс.

Хроники «Кодзики» и «Нихон сёки» фиксируют множество случаев, когда тэнно выступает оракулом⁸⁹, самостоятельно проводит гадание, тот или иной ритуал. Тэнно часто видит вещи сны, которые указывают на то, как следует ему поступить⁹⁰. Тэнно принимал участие и в синтоистских ритуалах, определенных законодательством (их список содержится в законе VI «Рицурё», некоторые правила проведения ритуалов определяются в «Энгисики»⁹¹).

⁸⁸ Речь идет, разумеется, о буддизме, поскольку уровень развития мыслительной культуры синто в это время еще не позволял вести религиозно-философскую полемику.

⁸⁹ «Вот в соответствии с божественным повелением государыня стала играть на *кото* (род цитры, шаманский инструмент, под воздействием звуков которого приходили в транс. — А. М.). Тогда божество, вселившись в государыню, дало такое наставление...» («Нихон сёки», т. 1, с. 270).

⁹⁰ См., например, запись «Нихон сёки» о Дзимму, относящаяся к тому времени, когда он покорял непокорных: «Во сне явилось ему Небесное божество, и такое наставление было речено: „Возьми глины близ святилища на горе Ама-но кагуяма, слепи восемь десятков плоских глиняных блюд, еще к тому изготвь священный кувшин, восслав богов Неба, богов Земли и священное заклинание скажи. Коли сделаешь так, то враги сами собой тебе покорятся“» (т. 1, с. 184). Дзимму поступает в соответствии с этим вещим сном и одерживает победу. Если же тэнно отказывается поступить согласно прорицанию, его ожидает смерть («Нихон сёки», т. 1, сс. 262–263).

⁹¹ Перевод молитвословий, возглашаемых во время ритуалов см. «Норито. Сэммё». Перевод Л. М. Ермаковой. М.: «Наука», 1991.

Способ личного участия тэнно в этих ритуалах не всегда ясен. Основной формой участия тэнно, которую фиксируют хроники в VIII–X вв., является отправка посольных в государственные святилища (их список приводится в «Энгисики») для совершения приношений и для «доклада» божествам о тех или иных событиях. Т. е. тэнно делегирует этим посланцам часть своих жреческих полномочий. В принципе такой способ поведения ничем не отличается от «обычной» модели государственного управления, когда между тэнно и непосредственным исполнителем его приказа находится соответствующая бюрократическая инстанция. Однако в данном случае тэнно выступает в качестве главного коммуникатора (жреца) между небесным и земным мирами, а не между составными частями подведомственных ему социума и территории. Интересно, что сам тэнно никогда не отправляется в свой родовой храм в Исэ, что было связано с какими-то не совсем понятными нам табуациями (вместо этого тэнно делегирует туда для совершения постоянных богослужений незамужнюю принцессу крови)⁹². Главным ритуалом, в котором тэнно является основным действующим лицом, является праздник урожая (и его разновидности — церемонии интронизации дайдзёсай).

Участие тэнно в буддийских ритуалах можно определить как пассивное, поскольку он выступает фактически как обычный верующий — молится и выслушивает проповеди, является объектом воздействия ритуала (например, в случаях его болезни заклинания и молитвы обычно возглашают монахи), т. е. в рамках буддийского ритуала его харизма как бы аннигилируется. Поскольку тэнно не является «хозяином» буддийских ритуалов, буддизм, несмотря на его колоссальное культурное влияние, был отвергнут в качестве основной модели для построения

⁹² В записях «Нихон сёки» относительно Судзин говорится: «А до этого двух богов столпов — Аматаэрасу-оомиками и Ямато-но оокуни-митама... почитали ритуалами в великом государевом дворце. Вот устрасился [Судзин] мощи этих богов, вместе с ними прожить было неспокойно. Тогда доверил он [принцессе] Тоё-суки-иримэ-но микото [почитание] Аматаэрасу-оомиками, с тем, чтобы впредь обряды [в честь этой богини] совершались в Касануи, в Ямато...» (т. 1, с. 207).

государственной идеологии, буддийские церемонии не были включены в список общегосударственных празднеств.⁹³

Кроме синтоистских и буддийских ритуалов, тэнно принимает участие и в некоторых ритуалах, имевших китайское происхождение. Главным из них является календарная обрядность, связанная с проведением нового года по лунному календарю. В этой обрядности тэнно выступает уже как объект поклонения, поскольку главным компонентом новогодних церемоний является принесение поздравлений (поклонение) тэнно со стороны ближайшего придворного окружения (показательно, что поклонения другим лицам во время проведения нового года были запрещены, т. е. единственным «хозяином» в праздновании нового года был сам тэнно).

Помимо личного участия в ритуале, тэнно наделен полномочиями по регулированию определенных сторон ритуального поведения; он также может отдавать распоряжения о проведении внеочередных ритуальных мероприятий. В соответствии с буддийскими запретами на убиение живого именно тэнно периодически вводит запреты на соколиную охоту, рыбную ловлю с помощью бакланов, запрещает употребление в пищу мяса и рыбы⁹⁴, для исправления нежелательной ситуации государственной значимости (болезнь члена правящего дома, эпидемии, стихийные бедствия, голод, политические неурядицы) повелевает проводить моления в храмах и святилищах, проводить массовые пострижения в монахи, объявляет амнистии. Крупнейшим буддийским проектом был выпуск в свет 1 миллиона (!)

⁹³ Тезис об ограниченном влиянии буддизма на официальную идеологию подробно обосновывается в нашей работе «Древняя Япония. Буддизм и синтоизм», М.: «Наука», 1987.

⁹⁴ Особенно интересен в этом отношении довольно абсурдный (и не приведший потому ни к каким серьезным последствиям) в условиях Японии указ 752 г.: «С 3-го дня 1-й луны и до последнего дня 12-й луны в Поднебесной запрещено убиение живых существ. Тем людям, которые проживают вблизи моря, занимаются рыболовством и не могут прожить [без убиения живого] выделяется на каждого человека по две меры неочищенного риса ежедневно» (Тэмпё сёхо, 4-1-3). Любопытно, однако, что самый удачливый охотник «Нихон сёки» — Юряку — одновременно признается и чрезвычайно кровожадным в отношении своих подданных. См., в особенности, эпизод, где небывало удачная охота сопровождается убийством ни в чем ни повинного человека и учреждением профессиональной корпорации мясников («Нихон сёки», т. 1, сс. 348-349).

буддийских молитв-заклинаний *дхарани* (отпечатаны ксилографическим способом). Каждый из листочков вложили в модель трёхъярусной пагоды. Эта акция была призвана избавить страну от «загрязнения», вызванного мятежом Фудзивара-но Накамаро⁹⁵. Все это в совокупности говорит о том, что тэнно (с некоторыми оговорками в отношении буддизма) можно рассматривать как первожреца государственного синкретического религиозного комплекса. Его право и обязанность — «держать связь» с божествами синто и конфуцианским Небом, т. е. посредничать между разными мирами — миром богов и миром людей. В этом смысле он принадлежит к обоим этим мирам сразу.

В образе русского царя, равно как и в его поведении, в отличие от тэнно и других правителей древности (в том числе и европейских — французских и английских⁹⁶), почти отсутствуют черты, позволяющие говорить о жреческой природе его власти: князь (великий князь) не являлся главным действующим лицом при проведении «языческих» ритуалов плодородия, народная традиция также не наделяет его такими чертами. Хотя царь и имеет определенные распорядительные полномочия по устройению православного ритуала⁹⁷, в целом он не регулирует повседневного обрядового поведения, которое определяется внутрицерковными установлениями (например, по соблюдению поста, проведению регулярных церковных праздников и служб). Царь не имеет права и на самостоятельное проведение христианского (православного) ритуала, в котором он выступает только в качестве одного из членов паствы, т. е. царь не яв-

⁹⁵ «Сёку нихонги», Хоки, 1-4-26, 770.

⁹⁶ Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.

⁹⁷ См., напр., рассказ Никоновской летописи о подготовке к штурму Казани: «Царь же благочестивый повеле во всех полцех уготовитися х приступу к неделе, и очистятца вси и у отцов духовных исповедуютца...» (ПСРА, т. XIII, с. 214). Взятие Казани также знаменуется организацией ритуальных мер по царскому указанию: «И повеле благочестивый царь и великий князь в своем полку под своим знаменем молебная пети о победе, благодарение Богу въздающе; и в той час повеле животворящий крест поставити, Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа, на том месте, где знамя царское стояло в время взятия градского». (там же, с. 219).

ляется коммуникатором между разными мирами, между людьми и богом, оставаясь по преимуществу «царем земным»⁹⁸. Поскольку царь фактически не имеет никаких полномочий в части регулирования отношений с природными силами, летописи также почти игнорируют природные процессы. Если же они и фиксируют природные аномалии, то царь в этих сообщениях обычно не упоминается.⁹⁹

Несмотря на свои огромные полномочия в области определения должностной иерархии, царь не обладал правом на пожалование имен и фамилий — эта область находилась в пределах компетенции церкви (крещение)¹⁰⁰.

⁹⁸ Исключение представляет собой только некоторый период жизни Ивана IV, назначившего себя во время опричнины игуменом, что вызывало возмущение многих современников.

⁹⁹ «И от того времени не бысть дождя до Сентября месяца, но засуха и мгла велиа, аки дым горка, лесы выгореша и болота водные высохша, и солнце в третьи час дни являешся красно, и луч сияше от него красен чрез весь день, и зрети на него не мочно, а захождаше за два часа невидимо бяше, мгла толь бе велика, якоже и птиц не видети по воздуху парящих, а человек человека вблизи узрити, а птицы на землю падаху» (ПСРА, т. XIII, сс. 69–70). Или: «Тоя же осени [1544], Ноября бысть дожди велии и вода велика, и лед проиде акы в весне, и людем убитки многие починилися» (там же, с. 145). На этом сообщении исчерпывается, об оказанной помощи пострадавшим или же о принятых мерах по приведению природы и социума в гармоничное состояние не сообщается. Рискую показать себя самонадеянными, все-таки предположим, что после такого красочного описания засухи или же наводнения японский летописец, вероятно, сообщил бы о мерах противодействия: приношения богам, амнистия, оказание помощи пострадавшим и т. п.

¹⁰⁰ Задача царя — победить «поганных» татар, но приобщение их к «истинной» культурности лежит на церкви, которая крестит их и присваивает адекватные этой культурности имена. «...крещен бысть Казаньская царь Утемишь-Гирей, Сафа-Гиреев сын царев, а наречено имя ему во святом крещении Александр царь; а крещен у Чюда в монастыре, а крестил его Макарей митрополит, а приемник был владыка Сава Крутицкой. И ел царь новопросвещенный у Макария митрополита, и, крестив его, митрополит привел благоверному царю и великому князю Ивану Василевичу всея Руси, и здравствовал государь, что сподобил Бог нечестивого царя просветить святым крещением» (ПСРА, т. XIII, с. 229). Вместе с тем необходимо отметить, что разрешение на крещение мусульманских царей дает сам царь, но по просьбе митрополита.

Необходимо отметить, что официальные летописи все-таки пытаются представить царя, как обладателя повышенных потенций по коммуникации с Богом. Так, Никоновская летопись сообщает: «Царю же благостивому приходяще к чудотворному образу Пречистыа и х чудотворным и целбоносным мощем святых Отец со слезами на мног час моления творяще, токмо единому Богу сведущу...»¹⁰¹. При этом летописец (а вслед за ним и остальные подданные) ожидают, что за его благочестивость царя ожидает божественное откровение (соглашаясь выступить в поход против татар, его воины отвечают ему: «Готови с государем, а он, государь, наш промысленник zde и там нами промыслит, как ему, государю, Бог известит»¹⁰². Тем не менее, содержание этой коммуникации с Богом остается неизвестным — по всей вероятности, по той причине, что ее изображение противоречило всей русской традиции портретирования государя.

Высказанный нами скепсис относительно жреческой роли царя подтверждается, в частности, тем, что царь оказался не в состоянии наследовать ту ограниченно активную роль в христианском ритуале, которую играл византийский василевс. Концепция власти василевса в значительной степени строилась на римском наследии, где император является, в частности, главным жрецом — *pontifex maximus*. Поэтому василевсы имеют право на кажденье, носят свечу перед святыми дарами, благославляют народ, произносят христианские поучения. Смысл же участия русского царя в ритуале направлен не столько на акцентирование его главенства или же сверхъестественных потенций, сколько на демонстрацию глубины благочестия.¹⁰³ В хронотопе ритуала царь занимает однозначно подчиненное место по отношению к митрополиту или патриарху. Поэтому-то иерарх и называет царя своим сыном,¹⁰⁴ а царь называет его отцом.

Функция по обеспечению плодородия. Обеспечение богатого урожая и, значит, благосостояния «народа» (подданных)

¹⁰¹ ПСРА, т. XIII, с. 180.

¹⁰² ПСРА, т. XIII, с. 191.

¹⁰³ В. Савва. Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков, 1901, сс. 58-104.

¹⁰⁴ ПСРА, т. XIII, с. 192.

является одной из основных функций (обязанностей) тэнно. Это выражается в том, что тэнно считал себя ответственным за нормализацию годового природного цикла, проводил сезонные моления, ставившие своей конечной целью получение богатого урожая, повелевал провести моления в случае засухи или же проливных дождей¹⁰⁵. Подобный менталитет свойствен для многих древних обществ и, вполне вероятно, имеет в Японии местное происхождение, но конкретное формулирование обязанностей (ответственности) правителя по обеспечению плодородия, минимизации последствий стихийных бедствий, наносящих ущерб урожаю, сформировалось под прямым китайским влиянием.

В китайской политической доктрине предельно ясно выражена идея социальной ориентированности управления. Она имеет свои первичные основания в том, что, наряду с природой и природными божествами, «народ» — это один из элементов мироздания, содержание которого в гармоничном (упорядоченном) состоянии является первейшим долгом правителя. Поэтому хорош только тот правитель, при котором «народ» благоденствует¹⁰⁶. Такой подход оказал серьезное влияние на управление тэнно своих ритуальных и практических функций.

¹⁰⁵ О личной власти тэнно над природными стихиями можно судить и по его персональному участию в молениях: «В эту ночь разразилась гроза, пошел ливень. Государь (Тэмму. — А. М.) сотворил молитву: „Если боги Неба и Земли хотят помочь мне, тогда пусть гроза и дождь прекратятся“. Только он сказал так, как гроза с дождем прекратились» («Нихон сёки», Тэмму, 1-6-27).

¹⁰⁶ В указе Гэнсё, в частности, говорилось: «За добродетели в работе управлений провинций и уездов почитаются: заботиться о народе и указывать ему, поощрять земледелие и разведение шелкопряда, иметь склонность к помощи народу в голоде и холоде. Вред же государству приносят такие люди, кто, находясь при должности, думают лишь о себе, земледелию не способствуют, выжимают из народа все соки. [Тех чиновников в управлениях провинций и уездов, которые] поощряют промысел и увеличивают богатство, следует причислить в верхнему разряду. Тех, кто поощряет промысел, но люди у них испытывают недостаток в одежде и еде, следует причислить к среднему разряду. Тех, у кого поля не обихожены, а люд мрет от голода и холода, следует причислить к нижнему разряду. Если таковых наберется более 10 человек, то такого чиновника от должности отстранять» («Сёку нихонги», Рэйки, 1-5-1, 715 г.).

Природные аномалии зачастую объяснялись недостатком запаса энергетики-добродетельности (яп. *току*, кит. *дэ*¹⁰⁷) у тэнно. В указах тэнно, посвященных различным бедствиям, он обычно принимает на себя ответственность за расстройство баланса природных сил.

Способы гармонизации и обуздания природной стихии, а также способы преодоления последствий природных бедствий¹⁰⁸ имели в Японии как практический, так и ритуальный характер. Основные ритуальные меры включают в себя моления (обычно божествам синто, реже — буддам), жертвоприношения в синтоистских святилищах белых и гнедых коней, амнистии. К практическим мероприятиям, способствующим повышению благосостояния и плодородия, следует отнести следующие: материальная помощь многодетным, старикам и сиротам, награждение (повышение в ранге) владельцев «образцовых» хозяйств, освобождение (частичное и полное) от налогов по случаю стихийных бедствий и сопутствующего им неурожая¹⁰⁹, предоставление

¹⁰⁷ См. об этой категории: От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре. М.: «Восточная литература», 1998. См. также А. Н. Мещеряков. Рецепция теории «мандата Неба» в древней Японии (VII–VIII вв.) — Япония. Путь кисти и меча, 2002, № 1, сс. 52–58.

¹⁰⁸ Как ни парадоксально, но главными природными бедствиями в древней Японии признавались не знаменитые японские тайфуны и землетрясения, но засухи. Это связано с различной степенью антропогенезации ландшафтов в древности и в настоящее время. В настоящее время значительная часть территории архипелага представляет собой сплошной мегалополис, в связи с чем как тайфуны, так и землетрясения несут в себе значительный разрушительный потенциал. В древности освоенность человеком прибрежной полосы была меньше, что минимизировало количество потенциальное число пострадавших от тайфунов. Что касается землетрясений, то в условиях слабой антропогенезации ландшафта и малой скученности населения, они не представляли серьезной угрозы (в более недавние времена основной ущерб от землетрясений вызывался прежде всего пожарами). Засуха же имеет тотальное влияние на ризоориентированное земледелие в условиях недостаточного развития ирригационных систем. Подр. см. А. Н. Мещеряков. Древнеяпонское государство VIII в. и стихийные бедствия: ритуальные и практические формы контроля. — Российское востоковедение в память о М. С. Капице. М.: «Муравей», 2001, сс. 84–103.

¹⁰⁹ Следует отметить, что освобождение от налогов практиковалось не только в случае неурожая, но и тогда, когда бывал получен хороший

ссад рисом (для пропитания и в качестве посевного материала), направление из центра лекарей и лекарьств в районы эпидемий, руководство в деле совершенствования агротехники (например, рекомендации сеять просо ввиду того, что, по сравнению с рисом, оно лучше хранится), поощрение строительства ирригационных систем. На случай неурожая в провинциях и уездах были учреждены склады с зерном, усовершенствованию работы которых придавалось очень большое внимание.¹¹⁰ Все эти мероприятия считались настолько важными, что неизменно находили отражение на страницах официальных хроник.

Русский царь, похоже, не считал обеспечение плодородия земли своей первоочередной задачей, а заботу о зажиточности подданных — своей обязанностью. Моления о дожде входили в компетенцию церкви, руководство по практическому совершенствованию земледелия также оставалось за пределами высочайшего внимания. В любом случае, даже если мероприятия такого рода и проводились (хотя, судя по всему, это весьма маловероятно), официальные летописи не считают нужным акцентировать внимание на этой стороне деятельности царя, поскольку обеспечение благосостояния «народа» не считалось той заслугой, которую следовало превозносить.¹¹¹ Царя намного больше беспо-

урожай. Эта мера носила как символический (тэнно разделял радость со своими подданными), так и, возможно, практический характер (отсутствие необходимости создавать переходящие запасы на следующий год). См., например, указ Тэмпё, 3-8-25 (731 г.): «Известно Нам: из всего, что даруют Небо и Земля, самым ценным является богатый урожай. Очень радуемся, ибо в этом году зерновые уродились. Разделяем эту радость с людьми Поднебесной. Повелеваем сократить наполовину полевой налог этого года. Кроме того, распоряжаемся отменить полевой налог в провинциях Авадзи, Ава, Сануки и Оки, а также простить в этих провинциях накопившиеся с 1-го года Тэмпё недоимки по платежам рисовых ссуд, как государственных, так и частных».

¹¹⁰ Все перечисленные меры имеют одновременно и ритуальный (небоугодный) подтекст, поскольку само процветание народа является делом, угодным Небу.

¹¹¹ Употребление лексики, связанной с плодородием, носило по преимуществу метафорический характер и переносилось на совсем иные, более важные для каталога царских добродетелей, области. В «Степенной книге», например, утверждается применительно ко взятию Казани Иваном IV: «Сиде Богом направляем царь богодарованный ему талант благоплодити начинает в земли мерзости запустенной во зло-

коило, чтобы земля «из службы не выходила», т. е. чтобы он мог раздавать ее в качестве платы за службу, прежде всего военную, с чем и были связаны меры по ограничению монастырского землевладения (как известно, с точки зрения экономического результата, извлекаемого из земли, монастырские хозяйства были более эффективными, чем хозяйства бояр и дворян). То есть земля рассматривалась царем не столько как экономический, сколько как политический (управленческий) ресурс.

Всякое нарушение «нормального» хода дел — стихийные бедствия, пожары и военные поражения попадали в одну и ту же категорию — наказания Бога за совокупные «наши» прегрешения, причем никакой особой (персональной) ответственности царя, похоже, не предусматривалось. В связи с этим фактически не возлагалось на царя и обязанности по преодолению последствий бедствий. Более того: при описании ужасного пожара в апреле 1547 г. летописец даже находит возможность похвалить Ивана IV за случившееся в его царствование умножение московского населения.¹¹²

честивом царствии Казанском благочестивыя веры семена насевает...» (ПСРА, т. XXI, с. 647).

¹¹² «Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от Бога послася, за умножение наших съгрешений не пощади Бог толико множество святых церквей и образов святых своих; Божиим гневом сие бысть огненное пламя. В един час многое множество народу згореша, 1.700 мужеска полу и женьска и младенец, множества гореша народа по Тферьской улицы, и по Дмитровке, и на Большем посаде, по Ильинской улицы, в садах. Сиа вся наведе на ны Бог грех ради наших, понеже множество съгрешихом и беззаконновахом. Бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо голодом, ово же убо ратным находждением, ово убо мором. Прежде убо сих времен памятная книги пишут: таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися, великими князьми славна и честна быти по государству их: прежде бо сего Москва не такова баше народна, якоже ныне народом умножися в лета благовернаго царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси». Далее царь предпринимает меры по преодолению последствий пожара, которые касаются только его самого: «А после пожару стоял князь великий в своем селе в Воробьеве и з своею царицею с великою княгинею Анастасиею и з братом своим с князем Юрьем и з бояры; а церкви и полаты на своем дворе велел поделывать, что от огня распалося, и хоромы деревянные ставити» (ПСРА, т. XIII, с. 154).

Как следует из вопросов Ивана IV Стоглавому собору, власти посылали в города «корм годовой» (хлеб, соль, деньги и одежду), предназначавшийся к распределению через «богадельные избы» (царь пенял, что средства расходуются не по назначению). В Пскове богадельни существовали издавна, однако в Москве они были устроены только при Борисе Годунове, т. е. через полвека после Стоглавого собора¹¹³. Помощь пострадавшим от неурожая временами оказывалась (например, во время ужасного голода начала XVII в., вызванного трехлетним неурожаем, Б. Годунов открыл собственные склады), но была событием экстраординарным; в отличие от Японии, в России отсутствовали специально учрежденные государственные страховочные фонды на случай стихийных бедствий, предназначением которых была бы помощь крестьянам (задачей таких фондов в Японии была не просто продовольственная помощь на случай недорода, но и помощь посевным материалом, что позволяло крестьянам продолжать свои хозяйственные занятия на прежнем месте). Показательно также, что государственная помощь оказывалась только в крупных городах, которые в случаях голода бывали буквально заполнены беженцами, т. е. спасение виделось не в том, чтобы остаться в месте проживания, а в том, чтобы добраться до нужного места (крупного города, монастыря). В любом случае в России помощь нуждающимся носила характер милостыни (раздача полушек, «хлеба и калачей») и обеспечивалась инфраструктурой, созданной церковью — прежде всего крупными монастырскими хозяйствами (Стоглавый собор рекомендовал царю жертвовать деньги на содержание больных и престарелых «по всем монастырям»).

Забота о совокупном увеличении плодородия земли и, следовательно, повышении жизненного уровня более всего заметна, пожалуй, в военной активности царя: расширение территории Российского государства обеспечивало знать и крестьян-переселенцев весьма плодородными землями (в особенности это касается экспансии в южном направлении), а непосредственным последствием военной победы был захват людей и «трофеев»¹¹⁴. Иными словами, в деле повышения плодородия царь

¹¹³ Р. Г. Скрынников, цит. соч., сс. 232–233.

¹¹⁴ «Царь же благоверный въздав хвалу Богу и приказал в град воеводам, велел огни гасити и многая сокровища Казаньская велел всему

брал на себя роль гаранта экстенсивного, а не интенсивного развития земледелия. Поскольку в качестве главного средства расплаты с подданными утвердились именно земельные владения (пользования), то и сами подданные подталкивали экспансионистские устремления царя. Так, Иван Пересветов советовал Ивану IV не медлить с покорением Казанского царства, обладавшего «подрайской» землицей: «...хотя бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ся не мочно терпеть за такое угодье»¹¹⁵. Этот аспект деятельности царя по снабжению подданных материальными ценностями можно определить как атаманство.

Контроль над временем. Эта функция правителя тесно связана с функцией по обеспечению урожая. Вслед за китайским «сыном Неба» тэнно считался ответственным за обеспечение «правильного» хода времени (чередования сезонов, дождей и ведра, холода и тепла и т. д.), что считалось одним из главных условий процветания государства¹¹⁶. В связи с этим составление календаря и обеспечение им учреждений (центральных и провинциальных) считалось одним из важнейших церемониальных дел правителя. 1-го числа 11-й луны Астрологический отдел (Оммёрё) представлял императору календарь на следующий год, который затем должен был быть доставлен во все цен-

своему воинству имати; на себя же государь не велел имати ни единыя медницы, ни плену, токмо единого царя Едигер-Магмета и знамена царские да пушки градские; вся же сокровища Казаньская и жены их и дети велел всему своему воинству имати» (ПСРА, т. XIII, с. 220).

¹¹⁵ Цит. по: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М.-Л., 1958, с. 378.

¹¹⁶ Относительно тэнно Судзин «Нихон сёки» сообщает: «Чтобы повести за собой народ, за основу надо взять его обучение. Теперь, когда совершаются ритуалы в честь богов Неба, богов Земли, бедствия уже прекратились. Однако в отдаленных местах люди еще не знают, когда наступает Новый год или день новолуния. Это лишь потому, что они еще не пользуются милостью правителя. Вот, ныне я выберу вельмож, разошлю их в четыре стороны света, чтобы они внушали [народу] мои законы» (т. 1, с. 211). Покорение непокорных приводит к желаемому результату, сформулированному с помощью китайской фразеологии: «И тогда среди богов Неба и богов Земли наступила гармония, ветры и дожди стали соответствовать времени, сто злаков стали плодоносить, в дома пришел достаток, к людям — довольство, в Поднебесной великий покой наступил» (там же, с. 215).

тральные ведомства, управления провинций, провинциальные буддийские храмы. Для получения календаря в столицу приезжали командированные от управлений провинциями. Там они переписывали календарь-образец, составленный в Оммёрё, и возвращались обратно. В управлении провинции его еще раз копировали для последующей передачи на места. В соответствии с этим календарем, т. е. в соответствии с единым общегосударственным временем, и должен был выстраиваться весь распорядок жизни в следующем году. Согласно «Энгисики», в X в. первичному распределению подлежали 166 экземпляров календарей.

По китайскому же образцу в начале VIII в. в Японии была введена система девизов правления, и начало правления каждого нового тэнно непременно сопровождалось введением нового девиза, который представляет собой род заклинательного благопожелания, фиксирует благоприятное знамение (так Небо дает знать о несравненных достоинствах правителя) или выдвигает некую «программу» правления, сформулированную в терминах морали или историософии. Одному правлению не обязательно соответствовал один девиз — в силу различных обстоятельств (как благоприятных, так и неблагоприятных) девиз правления мог меняться во время нахождения тэнно на троне. При этом, в отличие от Китая, названия японских девизов правления делают акцент не на неких грандиозных космическо-государственных изменениях (вроде перехода «мандата Неба» к новой династии), но уделяют намного больше внимания идее преемственности по отношению к прошлым правлениям (например, путем сохранения одного из иероглифов прошлого девиза) и сохранению существующего положения вещей¹¹⁷, что осмысливается как абсолютное благо.

Еще одной областью, в которой четко выявляется функция тэнно как «хозяина» времени является составление летописей — все они составляются специально образованной комиссией (состояла из высших придворных-чиновников) по высочайшему указу. Летописи составлялись на основе первичных данных, собиравшихся в Архивном отделе (Дзусёрё).

Находясь в семиотическом поле общехристианской традиции, русский царь не контролирует ход времени, не является

¹¹⁷ *Токоро Исао*. Нэнго-но рэкиси. Токио, 1992, с. 11.

его источником, не имеет влияния на эсхатологию — словом, не считается «хозяином» времени. Чередование сезонов также не входит в компетенцию царя. В связи с этим и составление календаря является прерогативой церкви, которая (следуя византийской традиции) вплоть до 1700 г. ведет счет времени от сотворения мира (летописи, естественно, придерживаются этого же счета годов), определяет время внутригодовых будней, постов и церковных праздников, которые, одновременно, являются и праздниками государственными, обязательными и для самого царя (первый календарь, инициированный светской властью, был составлен только при Петре I).

Составление летописей было также отдано Церкви. Даже когда летописи и летописные своды создавались по прямому указанию царя или же удельного князя, непосредственными исполнителями все равно оставались монахи и священники — именно потому, что контроль над христианским временем должен был осуществляться церковью.¹¹⁸

Царь полномочно распоряжался пространством, т. е. всеми объектами (включая своих подданных), которые имеют пространственно-земное измерение и могут быть локализованы, но на временное измерение жизни он влияния не имел или имел его намного меньше, чем тэнно.

Лечебная функция. У древнейших тэнно обнаружить личные целительские потенции, достаточно обьчные для древнего жреца, довольно затруднительно. То немногое, что содержится в хрониках, связано, по всей вероятности, с китайским влиянием. Так, во время эпидемии Судзин «рано вставая, ложился запоздно и просил у богов Неба, богов Земли простить его»¹¹⁹. Тем не менее, сам

¹¹⁸ Вплоть до второй половины XV в. великокняжеское влияние на составление общерусских сводов было минимальным. Оно увеличивается лишь во вторую половину столетия. Однако и после этого чисто великокняжеское летописание фактически отсутствует (см. Я. С. Лурье. Две истории Руси 15 века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи Московского государства. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994, с. 216–217).

¹¹⁹ Нихон сёки, т. 1, с. 207. Поскольку ранние хроники были составлены задним числом, трудно быть уверенным, насколько описанные там факты и суждения соответствуют синхронным реалиям. В данном случае мы также, возможно, имеем дело с китайской ремисценцией.

тэнно никого не лечит, и следов личных целительских потенций тэнно в VIII–X вв. обнаружить не удается, хотя в случае эпидемий от имени тэнно могут отправляться посланцы для совершения приношений. Тем не менее, опосредованно лечебная функция тэнно все-таки выявляется. Как уже отмечалось, в случае эпидемий в провинции достаточно часто отправлялись столичные лекари и доставлялись лекарства. Зарегистрировано и объявление амнистий по этому поводу. Фиксируется объявление амнистии и при заболевании ведущего царедворца: «Правый министр Фудзивара-но Асоми Фухито, 2-й старший ранг, занемог. 30 человек пострижены в монахи. Оглашен указ: «Правый министр Фудзивара-но Асоми Фухито, 2-й старший ранг, тяжело занемог, плохо спит, плохо ест. При виде его страданий, сердце Наше наполняется состраданием. От всей души желаем ему выздоровления. Молим о выздоровлении и объявляем великое помилование».¹²⁰ Амнистия была объявлена и при болезни ранее отрешившейся Гэммэй¹²¹. Амнистии обычно сопровождалась раздачей милостыни. В случае болезни по указу тэнно мог проводиться и буддийский ритуал отпущения на волю живых существ¹²².

Анализ сообщений «Сёку нихонги» позволяет выявить следующую закономерность. В случае массовых заболеваний отдаются распоряжения о молениях в синтоистских святилищах и объявляются амнистии (т. е. задействуется конфуцианский магический потенциал), в случае заболевания самого тэнно предпринимаются меры буддийского толка. В обращении именно к буддийским монахам можно видеть представление о том, что они «делаются» с тэнно своей чудодейственной целительской силой, а не он с ними.

Целебная функция царя почти не выявлена. В писцовых книгах Разрядного приказа зафиксирована посылка животворящего креста господня «в серебре золочен» в Курск по случаю «нападных болезней»¹²³. Никоновская летопись так передает слова жителей Свияжска: «И видя Бог твою государеву неот-

¹²⁰ «Сёку нихонги», Ёро, 4-8-1, 720 г.

¹²¹ «Сёку нихонги», Ёро, 5-5-3, 721.

¹²² «Сёку нихонги», Дзинги, 3-6-15, 726.

¹²³ Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М.: «Памятники исторической мысли», 2000, сс. 290–291.

ложную веру и отца твоего и богомолца архиерея Макария митрополита всея Руси и всего освященного собора молитвы и всех христиан прошение, подал милость свою, болезнь престала и скоронаходимыя смерти Бог унял и болныя вставают».¹²⁴ В этой записи обращает на себя внимание, что целительские потенции выявляются в Иване IV только в сотрудничестве с митрополитом. Это отражает общую ситуацию, когда моления о выздоровлении находятся целиком в компетенции церкви.

Образовательно-воспитательная функция. Несмотря на малое значение в японской модели управления меритократических принципов, необходимо отметить, что это не привело к господству невежества — важность образования для управления страной была прочно усвоена правящим слоем. При этом инициатором введения школьного образования, которое охватывало поголовно все чиновничество (в стране существовала столичная школа чиновников и более шестидесяти провинциальных — по числу провинций), считался сам тэнно. В предисловии к первой китаезычной поэтической антологии «Кайфусо» (751 г.) отмечалось, что поскольку государь Тэнти считал учение (имеется в виду образование китайского типа) наилучшим средством для улучшения нравов, он собрал молодых многообещающих людей и основал школу¹²⁵. В данном пассаже речь идет о столичной школе чиновников, провинциальные школы чиновников были учреждены в начале VIII в. согласно установлениям законодательных сводов.

Стремление к получению образования, содержание которого заключалось в изучении китайских книг по философии, праву, истории и литературе (говоря обобщенно — по теории и практике управления), становилось особенно актуально в условиях, когда влиятельная часть политической элиты (в частности, род Фудзивара) стремилась к самоидентификации прежде всего за счет китайской образованности (амальгамы из конфуцианства, даосизма и других учений), которой некоторые более традиционалистски ориентированные роды противопоставляли буддизм.¹²⁶ В резуль-

¹²⁴ ПСРА, т. XIII, с. 192.

¹²⁵ Кайфусо. Под редакцией Эгути Такао. «Коданся», 2000, с. 28.

¹²⁶ А. Н. Мецгеряков. Возвышение рода Фудзивара. Китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII–VIII вв. — «История и культура Японии», М.: «ИВ РАН—Крафт+», 2001, сс. 26–62.

тате этого противостояния победу одержала ориентация на конфуцианские принципы управления.

Немногочисленность непосредственных контактов с носителями китайской культуры способствовала в Японии установке на то, что знание приобретается прежде всего с помощью книг (одной из важнейших функций посольств в Китай было именно приобретение книг), откуда во многом и проистекает почтительное отношение японцев к письменной культуре: знание приобреталось не столько с помощью слова устного, сколько в результате изучения книжной премудрости. В связи с этим и власть пестовала школы чиновников, награждала людей за их знания («Ки-но Асоми Киёхито, нижняя степень 5-го младшего ранга, и иже с ним было пожаловано 100 коку неочищенного риса в награду за их ученость»¹²⁷), отправляла учиться в Китай (число таких студентов было, безусловно, не слишком велико, но после прохождения обучения за границей они обладали квалификацией достаточной для того, чтобы выполнять роль наставников уже в самой Японии). Уважение перед образованностью и ее носителями было настолько велико, что могло служить основанием даже для прощения преступления.¹²⁸ В похвалах чиновникам также отмечается стремление к получению знаний. Так, в похваль-

¹²⁷ «Сёку нихонги», Рэйки, 1-7-1, 715 г. См. также указ от 721 г.: «Страна нуждается в людях начитанных и умелых воинах. Искусства врачевания, предсказания, астрологии и другие пользовались почетом с давних времен и по день нынешний. А посему для воодушевления будущих поколений следует выделить и особо наградить тех служивых людей, которые преуспели в науках и могут послужить образцом для подражания» (Ёро, 5-1-27). Далее следует длинный список награжденных. Характерно, что военных чинов в нем не имеется.

¹²⁸ «Предьдущий управитель провинции Суо по имени Ямада-но Фухито Миката, верхняя степень 5-го младшего ранга, присвоил казенное имущество. По закону он подлежит лишению фамилии, должности и жилища. Он уже попал под действие предьдущего помилования и прощен. Однако закон требует, чтобы похищенное было возвращено. Но у него в доме не обнаружилось даже одной меры полотна. Полагаем Мы так: «В свое время Миката покинул родной дом и отправился в страну Силла для овладения науками. По возвращении же на родину делился своими знаниями с учениками, и его студенты в школе чиновников весьма преуспели в толковании книг. Если не миловать таких, как он, учение придет в упадок». В виде особой милости разрешаем ему не возвращать похищенное» («Сёку нихонги», Ёро, 6-4-10, 722).

ном слове на смерть крупного чиновника Исикава-но Тосинари после перечисления этапов его служебной карьеры отмечается: «В свободное от служебных обязанностей время предавался чтению. Во 2-м году Тэмпё Ходзи был пожалован 3-м старшим рангом и получил должность старшего советника. В это время государь [Дзюннин] повелел сановникам подать свои предложения [относительно управления страной]. Тоситари обобщил их в 20 свитках и подал государю, после чего каждое предложение было направлено им в соответствующее ведомство. Предложения еще не воплощены в жизнь, но [работа Тоситари] широко используется при подготовке соответствующих решений»¹²⁹.

Сам тэнно получал домашнее образование, к престолонаследнику прикреплялся какой-нибудь признанный знаток китайской традиции. В отличие от русского царя, тэнно писал и читал сам, среди императоров было немало стихотворцев (вслед за китайской историко-философской мыслью японская элита почитала стихи гармонизирующим общественным фактором), император Сага (809–823) получил признание как величайший каллиграф своего времени, Кадзан (984–986) славился как художник, летописи и поэтические антологии составлялись по императорскому указу, при дворе проводились поэтические и музыкальные турниры, придворные соревновались в живописи, сочинении прозы, составлении ароматов и многом другом. Зафиксированы и сообщения, когда тэнно собственноручно пишет указы¹³⁰. Вкупе с приведенным пассажем об учреждении школ, все это свидетельствует о том, что тэнно считался «культурным героем» (покровителем знания, наук, стихотворчества¹³¹) — роль, к которой

¹²⁹ «Сёку нихонги», Тэмпё Ходзи, 6-9-3, 762 г.

¹³⁰ «В связи с преклонным возрастом Ямато-но Сукунэ Нагаока подал в отставку и оставил службу. Во 2-м году Дзинго Кэйун во время новогоднего пира государыня [Сётоку] подозвала его к себе. Волосы его еще не поседели, движения согласовывались с правилами поведения. Государыня спросила: «Сколько тебе лет?» Нагаока покинул свое место и ответил: «Сегодня исполнилось ровно 80». Государыня тепло поздравила его и собственноручно начертала указ о присвоении ему нижней степени 4-го старшего ранга». («Сёку нихонги», Дзинго Кэйун, 3-10-29, 768 г.).

¹³¹ «Указав на сливовое дерево перед дворцом, государь рек перед одаренными в сочинительстве людьми во главе с... Симоцумити-но

он был, возможно, предрасположен в силу кровного родства с Аматаэрасу, и которая была оформлена в значительной степени с помощью китайских принципов управления, основания которой покоились на письменном слове.

В связи с этим и весь чиновничий аппарат был ориентирован, в частности, на практическое внедрение «передовых» методов агротехники и ремесла¹³², т. е. знание активно использовалось в качестве одной из составляющих хозяйственного (экономического) процесса. Государство поощряло и наиболее успешных в хозяйственном отношении крестьян.

Тэнно брал на себя также миссию по приобщению к «культурности» «варваров» (эмиси, хаято). При этом основным признаком культурности, в соответствии с китайскими представлениями, является овладение письменностью. Кроме того, тэнно считался главным «экспертом» в деле обучения «народа» моральному поведению (многочисленные указания, как следует

Асоми Макиби: «Люди думают о разном и любят разное. Весной прошлого года Мы желали полюбоваться этой сливой, но так и не смогли сделать этого. Цветы и листья неожиданно опали, о чем Мы и сожалели в сердце своем. Пусть каждый из вас сложит стихи о сливе, имея в сердце свою собственную весну». 30 сочинителей вняли повелению и сочинили стихи» (Тэмпё, 10-7-7, 738 г.).

¹³² Так, из столицы направляются в провинцию ткачи для обучения местных жителей производству парчи и узорчатого шелка («Сёку нихонги», Вадо, 3-6-14, 709 г.). Особенно красноречив следующий указ Гэнсё: «Для того, чтобы государство процветало и пребывало в спокойствии, следует сделать народ богатым. Богатым же делает народ управление, деньги и еда. А потому когда мужчины в поле, а женщины ткут, дома полны одеждой и едой; когда в народе зарождается стыд, наказания делаются не нужны. И тогда наступает процветание, и тогда устанавливается мир. Хорошо ли нашим чиновникам пребывать в бездействии? Крестьяне же во всех провинциях умения не знают, только и делают, что семена в мокрость бросают, а как землю сушить — не ведают. А потому когда случается наводнение или же засуха, то запасов зерна у них нет, а когда урожай не удался — голодают во множестве. Однако дело не только в лени народной — управления провинций никакой ему науки не преподают. А потому повелеваем народу сеять различное зерно... Просо же из всех злаков — наилучшее, не портится долго. А потому следует о том дать знать по всей Поднебесной и с усердием сеять его, времени не упуская. Что до других злаков, пусть каждый сообразуется со своими возможностями. Если же кто-то пожелает платить полевой налог просом, надежит разрешать». («Сёку нихонги», Рэйки, 1-10-7, 715 г.).

себя вести себя при дворе, как одеваться, поощрение родителей-любимых сыновей и дочерей, верных мужей и жен¹³³, призывы к скромности в быту, искоренение винопития и т. п.). Тэнно поощрял также и благотворительность¹³⁴, т. е. контролировал те области воспитания, которые в России находились в компетенции церкви.

В России планомерная система светского образования полностью отсутствовала вплоть до второй половины XVII в. Несмотря на постановление Стоглавого собора (1551г.) об устройении школ «в Москве и по всем градом» (гл.26), это решение не имело сколько-нибудь значимых практических последствий. Г. Котошихин отмечает, что даже многие бояре были неграмотными.¹³⁵ Определенные усилия по введению светского образования были предприняты после присоединения Украины. Первая школа, в которой осуществлялось образование чиновников, была основана в Заиконоспасском монастыре в 1664 г. Симеоном Полоцким (выпускник Киевской академии и Виленского иезуитского коллегияма). В этой школе готовились кадры подъячих Приказа тайных дел. В 1687 г. в том же Заиконоспасском монастыре открылась Славяно-греко-латинская академия. Од-

¹³³ Такое поощрение осуществлялось посредством освобождения от налогов, подарков, с помощью прикрепления соответствующей таблички (своего рода «почетной грамоты») на ворота дома.

¹³⁴ «Слова о необходимости помощи в трудное время находим у святых людей давних времен; добродетель, заключающаяся в помощи голодающим, ясно явлена нам древними мудрецами. Многие годы продолжаются наводнения и засухи, народ обеднел. На восточном и западном рынках появилось много людей, просящих подаяние. Думаем о страданиях и сердце Наше разрывается. Докладывают Нам: «Хадзи-но Сукунэ Симамура, верхняя степень 8-го старшего ранга, из своих собственных припасов накормил более десяти человек страждущих». Хотя дело это и невеликое, но заслуживает похвалы за свои добрые намерения. В связи с этим [Симамура] жалуется повышение в ранге на одну степень. Если отныне будут выявлены подобные случаи, ведомствам следует проверить истинность сведений, а после подать докладную записку. В случае оказания помощи в течении одного года более, чем 20 человекам, предоставлять повышение в ранге на одну степень; если таковая была оказана более, чем 50 человекам, предоставлять повышение в ранге на две степени. Обладатели рангов от 6-го и выше под это положение не подпадают» («Сёку нихонги», Тэмпё ходзи, 8-3-22, 764 г.).

¹³⁵ Г. Котошихин, цит. соч., с. 30.

нако после казни Сильвестра Медведева (1691) и изгнания братьев Лихудов (1694) академия пришла в упадок.

Сами цари владели грамотой, но круг их чтения ограничивался по преимуществу духовными книгами, а после восшествия на престол они никогда не писали сами, но только диктовали (в связи с этим и образцов их почерка не сохранилось) — так, скажем, знаменитые письма Грозного Курбскому были надиктованы царем, а затем подвергнуты некоторой литературной обработке. Деловые бумаги цари тоже, как правило, не читали, но выслушивали. В таком подходе следует, видимо, видеть рудимент сознания архаичного общества, которое за «правильный» и более «престижный» канал передачи информации считает канал устный, а не письменный¹³⁶.

Отсутствие (ослабленность) у царя функции «письменной речи», невовлеченность в дела образования и воспитания в значительной степени лишали его возможности выступать (и восприниматься «народом») в качестве культурного героя, источника культуры и образованности¹³⁷. В России функция культурного героя отправлялась, в основном, Церковью. Несмотря на частые упреки, адресованные русской православной Церкви

¹³⁶ Подр. см. А. Н. Мецераков. Вслед за кистью и пером. — 100 лет русской культуры в Японии. М.: «Наука», сс. 136–147. В культуре Японии устный канал передачи информации тоже сохранял важное значение (в особенности это касается синтоистской традиции) — см. А. Н. Мецераков. Древняя Япония: культура и текст, М.: «Наука», 1991, сс. 23–26. Однако государственный механизм целиком опирался на тексты письменные, в связи с чем бюрократический аппарат порождал в древности весьма значительный объем письменной информации. См. А. Н. Мецераков. Объем письменной информации в Японии VIII–X вв. — Ландшафт и этнос, М., 1999, сс. 89–110; А. Н. Мецераков. К вопросу об объеме письменной информации в Японии VIII–X вв. — С. Г. Елисеев и мировое японоведение, М.: Ассоциация японоведов, Институт востоковедения РАН, Японский фонд, 2000, сс. 123–143.

¹³⁷ Определенное исключение представлял собой Алексей Михайлович, которому не было чуждо даже изобретательство («Полковник нам показал тоже чертеж пушки, которую изобрел сам великий князь» — «Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде». — История России и дома Романовых в мемуарах современников. Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-принт, с. 25).

за недостаточное внимание, уделяемое образованию и воспитанию паствы, следует помнить, что в рассматриваемое время она оставалась основным институтом, в рамках которого происходила просветительско-образовательная и теоретическая деятельность. В то же время необходимо помнить, что русское православие с его упором на «чистоту» обряда обладала в этом отношении ограниченными потенциями. Достаточно сказать, что полный перевод Библии появился только в конце XV в. Исправленный перевод был напечатан в начале второй половины XIX в., а западные путешественники неизменно отмечали невежественность священников и монахов в самых элементарных догматических вопросах. Не случайно поэтому, что и задача по аккультурации инокультурных народов, племен и их отдельных представителей также формулировалась в православно-ритуальных терминах: «своим» можно было стать, только крестившись, т. е. задача выполнялась прежде всего с помощью ритуала, а не за счет приобщения к образовательному процессу¹³⁸. Что касается самого содержания понятия «образованность», то под ним разумелась, прежде всего, начитанность в церковной традиции (именно это знание считалось наиболее престижным), а не практические знания в теории управления или же какой-то другой отрасли знания. Русские летописи не склонны превозносить кого-либо из подданных царя за его образованность и знания, квалифицированных (образованных) кадров катастрофически не хватало, в связи с чем приглашение иностранных специалистов даже в наиболее важных с точки зрения государства областях — строительстве церквей и военной — было делом вполне обычным¹³⁹.

¹³⁸ Отметим одно из многочисленных исключений, которое, правда, не меняет общей картины: «И Сибок-князь бил челом царю и великому князю [Ивану IV], чтобы государь пожаловал, велел крестити сына его Кудадека; а Тутарык-князь о собе бил челом, чтобы его государь пожаловал, велел крестити. И царь и великий князь их пожаловал, велел крестити; и в крещении Тутарыку имя князь Иван, а Кудадеку князь Александр; и велел царь и великий князь князю Александру жити у себя во дворе и учити его велел грамоте со царем Александром Казаньским вместе» (ПСРЛ, т. XIII, с. 259).

¹³⁹ «Того же месяца Августа 31, в среду, призывает государь [Иван IV] к собе немчина, именуема Размысла, хитра, навична град-

Военная функция. Несмотря на то, что одной из священных регалий тэнно является меч, в рассматриваемый период он уже фактически лишается функций воина и военачальника. В сознании составителей хроник так было не всегда, хотя в любом случае воинские доблести и функции военачальника приписываются тэнно сравнительно редко¹⁴⁰. К числу тэнно, у которых особенно ясно выявлена воинская функция (которая, однако, актуализирована, как правило, до церемонии интронизации) относятся: первоимператор Дзимму (покорил непокорных до восшествия на престол), Суйдзэй (хроника утверждает, что он «ростом был исполин и всех превосходил в воинском искусстве»¹⁴¹, но о его конкретной военной деятельности ничего не известно), Кэйко (при котором совершались походы против западных и восточных «варваров» уже после восшествия на престол), не прошедшая интронизации Дзинго Когу (воевала Корею), Юряку («он превосходил людей силой и отвагой», собственноручно умертвлял своих врагов как до вступления на престол, так и после, за что люди считали его «очень дурным государем»¹⁴²; его армия напала на Силла¹⁴³), Тэмму (координировал управления войсками во время борьбы за престол до своей интронизации¹⁴⁴). Однако в любом случае наиболее знаменитыми военачальниками являются отнюдь не сами тэнно, а их родственники (принц Ямато-такэру — сын Кэйко), Такэути-но Сукунэ (потомок Когэн) и др.

скому разорению и приказывает ему подкоп под град [Казань] учинити». (ПСРА, т. XIII, с. 209).

¹⁴⁰ В записях «Нихон сёки», относящихся к правлению Суйнин, он предлагает своим сыновьям высказать свое заветное желание. Старший говорит, что желает получить лук и стрелы, а младший отвечает: «Я хочу наследовать государю» (т. 1, с. 229). В этом предании ясно видно дистанцирование будущего тэнно от военных дел.

¹⁴¹ «Нихон сёки», т. 1, с. 195.

¹⁴² «Нихон сёки», т. 1, сс. 343–349.

¹⁴³ В отличие от Дзинго Когу император Юряку не отправляется в поход сам, поскольку божество не советует ему отправляться туда («Нихон сёки», т. 1, с. 358).

¹⁴⁴ При этом типичным для Тэмму следует признать следующую запись: «Государь проследовал в Вадзами и отдал повеление принцу крови Такэти, а тот — войскам» («Нихон сёки», Тэмму, 1-6-29, 672 г., с. 214), т. е. тэнно не обращается к войскам непосредственно.

Согласно синтоистским представлениям, у божества (так же, как и у самого тэнно) имеются две души — «буйная» (или же, «грубая» — *арамитама*) и «мягкая» (*нигимитама*), которые проявляются в зависимости от ситуации. В самом общем виде их «специализацию» можно определить следующим образом: арамитама проявляется в час, требующий активных (в том числе и военных) действий, а нигимитама «ответственна» за поддержание стабильности¹⁴⁵. Можно утверждать, что с течением исторического времени все большая часть поведения тэнно начинает определяться его «мягкой душой». Святилища, в которых когда-то почитались как арамитама, так и нигимитама, теперь достаточно часто разделяются в пространстве. При этом всегда происходит «отселение» именно «буйной души» (ее близкое соседство может осознаваться как угрожающее и вредоносное для того, кто поклоняется данному божеству¹⁴⁶). Показательна похвала, которую возносит «Нихон сёки» Нинтоку, который предстает как идеальный правитель. Констатируя, что в его правление часто наблюдалось неповиновение правителю, хроника, ни словом ни обмолвившись о предпринятых мерах военного свойства, продолжает: «И государь вставал спозаранок, а спать ложился поздно, облегчил подати и повинности, как мог щадил народ страны, был добродетелен и милостив, желая помочь народу в его трудностях и горестях. Он соболезновал, когда люди умирали, справлялся о больных, поддерживал сирот и вдов. Благодаря этому государственные дела шли успешно, и Поднебесная пребывала в великом спокойствии. Двадцать с лишним лет прошли благополучно»¹⁴⁷. Именно такое представление об идеальном правителе следует признать типичным: культура акцентирует свое внимание не на воин-

¹⁴⁵ Во время военного похода Дзинго Когу божество так настает ее: «Мягкая душа будет следовать за телом владычицы, ее долгий век обергет, а грубая душа станет как копье, что несут впереди войска, и будет указывать воинам путь» («Нихон сёки», т. 1, с. 268).

¹⁴⁶ Когда корабль Дзинго Когу никак не мог добраться до нужного места, Аматаэрасу вразумляет ее: «Моя грубая душа не должна находиться близко от государыни. Пусть она пребывает в стране Хирота...» («Нихон сёки», т. 1, с. 272). Вскоре после этого Дзинго Когу принимает титул (вдовствующей) государыни-супруги и теряет свои воинские качества.

¹⁴⁷ «Нихон сёки», т. 1, с. 318.

ской доблести, а на мерах по приведению социума в гармоничное состояние.

Данные «Нихон сёки» показывают, что с течением времени происходит постепенная редукция военной функции тэнно. В VIII в. военная функция тэнно еще более ослабевает. Япония вела военные действия по покорению племен эмиси на северо-востоке Хонсю, но в модусе описания самого тэнно героический (воинский) элемент почти полностью отсутствует. Невозможно себе представить, чтобы тэнно предводительствовал войском. Вместе с отказом от покорения эмиси фигура тэнно окончательно теряет устрашающий налет. Постоянным эпитетом тэнно следует признать скорее *ясумисиси* («правлящий с миром»), а не *касикоси* («грозный», «устрашающий»). Процесс диверсификации (специализации) функций управления приводит к тому, что одна из основных линий разграничения властных полномочий в ранних государствах проходит по линии: коммуникация с богами — коммуникация с «чужими» (т. е. высшие «управленцы» являются ответственными за связи с «другими мирами») ¹⁴⁸. В терминах синто это находит выражение в разделении «буйной души» и «мягкой души» божеств и тэнно.

¹⁴⁸ Коммуникационные способности в догосударственный период являются одним из важнейших качеств, которое обеспечивает лидерство (см., например, институт бигменов). Относительно Нинтоку хроника сообщает, что во время первоначального его отказа от трона он аргументирует это так: «Ведь распоряжаться храмами страны и рисовыми складами — тяжелая ноша. Я же не красноречив и не справлюсь» («Нихон сёки», т. 1, с. 297). Разграничение духовной и военной (светской) власти носит, по всей вероятности, достаточно универсальный характер (некоторые примеры см. Т. Д. Скрынникова. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., «Восточная литература», 1997, сс. 125–126) и не может быть объяснена заимствованиями. Собственно говоря, организация средневековых европейских государств, включая Россию — сосуществование светской (военно-судебной) и духовной власти — попадает в ту же самую парадигму. Другое дело, что сочетание этих двух элементов, само их содержание может быть достаточно различным. Появление ответственных за жизнеобеспечение функционеров в этих областях (обеспечивается отъемом необходимого для их деятельности продукта) носит, возможно, вторичный характер (недаром поэтому в очень многих древних и средневековых государствах «гражданские» должности, связанные с фискальными функциями, стоят ниже, чем военные и священнические).

Ослабление военной функции тэнно связано, по всей вероятности, с несколькими обстоятельствами. 1. Род тэнно возводит свое происхождение к Аматэрасу, которая, являясь прежде всего разновидностью божества плодородия, обладает ограниченными военными функциями. 2. Китайская политическая доктрина считает силовые методы управления недостойными истинно праведного императора, главными средствами управления для которого являются церемонии и ритуал. Тэнно не только минимизировал собственную военную функцию, но и всячески стремился к демилитаризации общества¹⁴⁹, видя в военном элементе угрозу собственному положению. 3. Утрата с 663 г. позиций Ямато на Корейском полуострове также способствует редукции военного компонента в японском обществе ввиду отказа от попыток контролировать ситуацию за морем. 4. Вооруженная борьба за объединение страны была фактически завершена. К началу IX в. границы государства стабилизи-

¹⁴⁹ См. многочисленные указы «Сёку нихонги» о недопустимости скопления вооруженных людей. Опасность для внутренней стабильности виделась также и в лошадях. «Придерживаться умеренности и ограничивать роскошество — вот что самое важное в делах управления, вот по какой дороге шествовали сто государей. Принцы, сановники и богачи, соревнуясь с друг другом, откармливают лошадей. Однако это приводит не только к обеднению, но и к распрям с войнами. Следует составить закон об ограничении [выращивания лошадей]. Соответствующее ведомство представило проект закона: «Устанавливаются ограничения на откорм лошадей в соответствии с рангом хозяина: принцы крови и министры — не более 20 лошадей, принцы и сановники от 3-го ранга и выше — 8 лошадей, обладатели 4-го ранга — 6 лошадей, обладатели 5-го ранга — 4 лошади, от 6-го ранга и ниже вплоть до простого народа — не более 3 лошадей. После введения в силу этих ограничений разрешается приобретать лошадей только в количестве, недостающем [до означенных ограничений]. В случае, если лошадь стала уже непригодной для верховой езды и использования, следует составить заявление в соответствующее ведомство, которое после проверки списка лошадей решает вопрос о возможности приобретения новой. Нарушившие эти установления приравниваются к ослушавшимся государева указа, а то количество, что превышает определяемые рангом ограничения, подлежит изъятию» («Сёку нихонги», Ёро, 5-3-9, 721). Таким образом, налицо интенция усилить позиции тэнно (вместе с его ближайшим окружением) не столько за счет усиления центральных войсковых подразделений (их численность была достаточно невелика), сколько за счет демилитаризации общества.

руются: покорение хаято было завершено, в покорении эмиси настал длительный перерыв. 5. Внешняя военная угроза практически отсутствовала. 6. Значительное число тэнно VII–VIII вв. были женщинами (что, правда, само по себе не является отражением редукции военной функции правителя — военная политика российских императриц служит тому подтверждением).

Военная функция великих князей, а вслед за ними и всех русских царей является наиболее значимой в их деятельности. «В отличие от Запада, где духовное сословие сформировалось и получило автономию ранее других, в России своего рода „образцом“ для других сословий стало военнотрудовое дворянское, которое консолидировалось ранее других сословий»¹⁵⁰. Царь был выдвигателем именно из военного сословия, которое играло определяющую роль в формировании русской государственности. Эта повышенная роль воинского элемента в обществе связана по крайней мере с двумя принципиальными обстоятельствами: 1. изначально военный характер варяжских дружин¹⁵¹; 2. международная обстановка, в которой приходилось существовать российскому государству. Все это приводило к формированию такого образа царя, который предстает прежде всего как предводитель войска, который продолжает борьбу против «поганых», начатую (или якобы начатую) его греческими и русскими предшественниками (Константином, Феодосием, Владимиром, Александром Невским). Из личных же качеств царя на первое место выдвигается храбрость.¹⁵²

Бог русского царя — это бог-покровитель его военных инициатив. В качестве одного из символов русского государства в конце XV в. появляется изображение на печатях конного воина

¹⁵⁰ Р. Г. Скрынников, цит. соч., с. 236.

¹⁵¹ Г. Г. Литаврин и И. С. Чичуров находят, что воинский имидж русского князя складывался самостоятельно, без византийского влияния. См. Литаврин Г. Г. Идея верховной государственной власти в Византии и древней Руси домонгольского периода. — Славянские культуры и Балканы, М.: «Наука», 1978, с. 52; И. С. Чичуров. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М.: «Наука», 1990, с. 137.

¹⁵² В послании митрополита Макария Ивану IV, в частности, содержится такое поучение: «Да подтщися к сим, царю, съхранити сия святыя Евангельскыя четыре заповеди: храбрость, мудрость, правду, целомудрие, и потом суд праведный и милость к согрешающим...» (ПСРА, т. XIII, с. 197).

(«ездеца») поражающего змея (под всадником разумелся великий князь или царь, а под змеем — «неверные»). Признаком «правильного» монарха является его воинская доблесть. Показательно, что именно в немедленном военном успехе видел Годунов ключ к овладению тронem. Конрад Буссов передает слова Годунова, произнесенные им перед толпой народа, который явился в Новодевичий монастырь, чтобы «уговорить» его стать царем: «Так я вижу, что множество присутствующего здесь народа из всех сословий не перестает просить, то полагаю, что воля Господня такова, чтобы государем на Руси был я. Но для того, чтобы я еще вернее познал волю Божию, я прошу нескольких недель для похода против крымских татар».¹⁵³ При этом завоевание преподносится как ритуальное очищение завоеванной территории. После взятия Казани ближайшее окружение Ивана IV обращается к царю с поздравлениями, в которых, в которых, в частности, говорилось, что «тобою ныне бедные христиане освобождаются на веки и нечестивое место благодатию освящается».¹⁵⁴ Традиционное представление о том, что победа обеспечивается с помощью божественных сил и служит указанием на правоту победителя (ср. обычай «поля») оказывало огромное влияние на модус поведения царей и их подданных, приводя к господству силовых отношений на всех уровнях жизнедеятельности, обращению к силе, как основному средству разрешения конфликтов.

Вооруженные столкновения и войны (как оборонительного, так и наступательного свойства) сделали нормой существования русского государства, воинское дело было почетным правом и обязанностью привилегированных сословий (бояр и дворян), разрешение конфликтов (как внешних, так и внутренних) силовыми методами — ежедневной практикой¹⁵⁵. Неудивительно, что и сам царь ощущал себя прежде всего воином (предводителем воинства), а под строительством государства понимались, главным образом, укрепление армии, защита и расширение подведомственной царю территории.

¹⁵³ Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. М.–Л., 1961, с. 83.

¹⁵⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 219.

¹⁵⁵ Разработка в русском языке семантики, связанной с «битьем», поистине заслуживает удивления за свое богатство. При этом «битью» очень часто приписывается исключительно положительный смысл («Бьет — значит любит», «Бей русского — часы сделает» и т. д.).

Уделяя на своих страницах государственному (бюрократическому) строительству минимальное место (создание новых органов управления, назначение на гражданские должности, законодательная деятельность и т. п.), летописи никогда не оставляют своим вниманием войны и сражения, всегда отмечая как роспись по полкам, так и особо отличившихся в военных действиях. Военная функция царя была первичной и в отношении его к Церкви, поскольку царь брал на себя обязанность по физической обороне Церкви от язычников, иноверцев и вероотступников (мусульман, католиков, протестантов и всех видов ересей). Русское государство самоидентифицировалось за счет описания внешних по отношению к нему факторов (военная и дипломатическая деятельность; сюда же, с определенными оговорками, следует включить и отношения с церковью) в значительно большей мере, чем это наблюдается в Японии.

Чрезвычайно показательно, что по крайней мере с Ивана III в титул великого князя входит перечисление подведомственных ему территорий (такое определение полномочий монарха не было уникальным в политической практике европейских стран того времени). В правление Ивана III в этот список входит восемь единиц, в середине правления Ивана IV — уже тринадцать¹⁵⁶. Этот список был открытым и с течением времени имел тенденцию к почти неограниченному наращиванию. Таким образом, одной из главных характеристик русского царя сделалось его позиционирование через географический код.

Тэнно в соответствии с мифологической традицией, считавшей, что архипелаг состоит из «восьми больших островов» (Оясима; согласно мифу, именно восемь островов создали боги-демиурги Идзанаги и Идзанами), именовался правителем этих островов, но этот мифологический список был закрыт для по-

¹⁵⁶ «В лето 7069 (1561) августа повелением благочестивого и христоролюбивого царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, владимирского, московского, нюгородского, царя казанского и царя астраханского, гдря псковского и великого князя тверского, югорского, пермского, вяцкого, болгарского и иных гдря земли ливонские, града юрьева и иных...» (надпись по карнизу Средней Золотой палаты в Кремле. См. *И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. М.: «Книга», 1990, с. 134*). «Степенная книга» приводит еще более впечатляющий список из 27 единиц (ПСРА, т. XXI, с. 670).

полнения. Предметом гордости идеологов «тэнноизма» (с особой силой этот тезис зазвучал начиная с Китабатакэ Тикафуса, 1293–1354¹⁵⁷) считалась не обширность подведомственной территории, а непрерывность династии с незапамятных времен, т. е. определение правителя через временной код.

Дипломатическая функция. К военной функции правителя примыкает функция дипломатическая. И в Японии, и в России правитель считался верховным авторитетом, ответственным за проведение внешней политики: прием и отправка посольств, заключение договоров, позиционирование своей страны на международной арене. Однако колоссальная разница в международной обстановке привела к тому, что роль тэнно и царя в дипломатии оказалась совершенно различной.

Дипломатические усилия тэнно были направлены прежде всего не на обеспечение военного превосходства над окружающими странами, но на «правильное» позиционирование своей страны в принятой Японией китайской модели мира. Эта модель предполагала, что культурный и цивилизованный Китай находится в центре мира, а его со всех четырех сторон света окружают «варварские» страны и народы, полномочные представители которых обязаны регулярно являться ко двору и приносить дань.

Япония попыталась скопировать китайскую геополитическую модель и тоже поставить себя в центр окружающего ее не слишком обширного внешнего мира. При этом «южными варварами» считались обитатели мелких островов к югу от Кюсю, западными — Силла, северными — племена эмиси, жившие на территории северного-западного Хонсю, восточными — те же эмиси, обитавшие на северо-востоке Хонсю. Наиболее «безобидным» было южное направление, откуда регулярно являлись по-

¹⁵⁷ В своем трактате «Дзинно сётоки» («Записи о прямом наследовании божеств и тэнно») он отмечал, что и в Индии, и в Китае (страны, на которые была ориентирована культурная традиция Японии) многократно происходили смены династий (в Китае Китабатакэ Тикафуса насчитывал их 36), сопровождавшиеся ужасающими беспорядками и бунтами, богоизбранность же Японии заключается в непрерывности наследования — начиная от «эры богов» и до нынешних тэнно («Дзинно сётоки» в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй», 1965, т. 87, с. 48; русский перевод Е. К. Симоновой-Гудзенко см. «Синто. Путь японских богов. СПб.: «Гиперион», 2002, т. 2, с. 239).

сланцы с данью. Вписывание эмиси к эту картину мира происходило с большими издержками: часть племен была замирена, и их предводители приносили дань (за это японский двор жаловал им подарки и ранги), другая же часть не желала признавать суверенитета тэнно и подлежала военному покорению, которое, впрочем, не имело особых успехов, и попытки колонизации были надолго оставлены в начале IX в.

Отношения с Силла имели неровный характер. Япония требовала регулярного принесения дани, но не имела реальных сил для того, чтобы отстоять свои позиции, а потому предпочла, в конце концов, прервать с Силла любые официальные сношения. Следует при этом заметить, что «дань», которую требовала Япония, носила по преимуществу символический характер, была необременительна и в этом смысле не имела ничего общего с «выходом», которые выплачивали русские князья татарам. Для японской политической элиты именование доставленных даров данью, а не подарками («дарами своей земли») имело принципиальный характер. Так, по прибытии в 743 г. в Японию посольства Силла, посланный на Кюсю для его встречи Тадзихино Махито Хиницукури докладывал: «Посольство Силла больше не называет [привезенные им дары] данью, именуя их «дарами своей земли». [Сопроводительное письмо отсутствует], есть только список привезенного. Это является нарушением давно заведенного порядка и принятых правил вежливости». Палата Высшего Государственного Совета (Дадзёкан) распорядилась: «Вызвать [соответствующих случаю людей], включая гребцов, и отправить с ними послание [посольству Силла] о нарушении им правил вежливости с приказанием о немедленном возвращении [посольства на родину]»¹⁵⁸.

Отношения с самим Китаем ограничивались посылкой немногочисленных посольств, одной из основных задач которых было приобретение книг, т. е. получение информации культурного характера. В любом случае не будет ошибкой сказать, что дипломатическая практика тэнно не была ни слишком активной, ни чрезмерно настойчивой и предусматривала применение силы лишь в ограниченной степени (здесь, разумеется, следует помнить, что страна и не располагала в этом отношении адекватными возможностями).

¹⁵⁸ «Сёку нихонги», Тэмплё, 15-4-25, 743 г.

Что касается русского царя, то его функция «министра иностранных дел» мало отделима от его деятельности в качестве верховного главнокомандующего. Сообщения летописей о приеме и посылке посольств являются, наряду с чисто военными, наиболее частотными. При этом, естественно, наибольшее внимание уделялось вопросам, связанным с войной и заключением мира (перемирия). Кроме этого, могли обсуждаться и торговые проблемы.

Для того, чтобы показать, какое огромное значение имела дипломатическая деятельность царя, посмотрим, какие сообщения содержатся в записях «Никоновской летописи» за ничем особенно не примечательный и благополучный (никаких военных действий не велось) 7051 год (1542–1543): дипломатическая деятельность — 8, религиозная — 4, природные бедствия — 1. Этим списком и ограничивается круг тем, которые составитель летописи счел достойными для передачи потомкам.

Правитель и земля. Наряду с людьми, основным ресурсом доиндустриального государства является земля. Задачей власти является соединение этих двух ресурсов — каждый из них, взятый сам по себе, обладает ограниченной ценностью.

В Японии рассматриваемого периода господствует китайская по своему происхождению надельная система землепользования, когда корпоративным собственником земли выступает государство (двор). Каждый свободный подданный (чиновник или крестьянин) обладает правом/обязанностью на получение в пользование надела земли (в случае с высокоранговым чиновничеством — вместе с крестьянами) того размера, который соответствует его месту в социальной, половозрастной и служебной иерархии. Эта система являлась в реальности недостижимым идеалом, происходило отчуждение земли в частную собственность (оно могло быть самовольным, а могло быть и санкционировано государством — таковы были законы о получении в частную собственность освоенных своими силами целинных земель), однако верховный правитель не мог выступать в качестве бесконтрольного распорядителя земли, ибо он сам не считался ее владельцем. Тэнно мог пожаловать должность и ранг (с соответствующим земельным обеспечением), однако стандартным подарком (наградой) отличившемуся подданному обычно выступали ткани (одежда), а не земля, что имело, разу-

меется, не столько практический, сколько символический смысл. Тэнно не обладал сколько-нибудь значимой личной запашкой, а потому этот ресурс не играл никакой роли в перераспределении земли. Кроме того, земля как самого тэнно, так и других землевладельцев, также находилась в корпоративной собственности рода (семьи), что в значительной степени сужало возможности по ее отчуждению (дроблению) в любой мыслимой форме. В японской управленческой системе рассматриваемого времени доступ к земле обеспечивался прежде всего служебной карьерой (рангом), т. е. был опосредован определенными законом формальными основаниями (происхождением, сроком службы, регулярными аттестациями и т. п.). Кроме земли, должность и ранг давали доступ к жалованию, которое могло выплачиваться как деньгами (не получило широкого распространения в силу неразвитости товарно-денежных отношений), так и продуктами ремесла (ткани, мотыги).

Задача по прикреплению крестьян к земле решалась в Японии на нескольких стратегических направлениях: силовое ограничение бродяжничества — поимка беглых; фактическое закрепление наделов в наследственное пользование; поощрение заливного рисосеяния, которое, как известно, в силу необходимости создания ирригационных систем, способствует прикреплению крестьян к земле «естественным» образом.

В России царь выступал в качестве верховного собственника земли. Обладал царь и крупнейшей личной запашкой. В России земля выступает до определенной степени всеобщим эквивалентом (в Японии эту роль играла ткань). Царь жалует землю либо в качестве аванса за будущую службу (главным образом, военную), либо в качестве вознаграждения за заслуги (тоже, в основном, военные) в форме вотчин (частная собственность) или в форме поместий (условное владение). При этом размер пожалований никакими законодательными нормами не оговаривается. Право пожалования и дара соседствует с правом царя на экспроприацию даже вотчин (в случае невыполнения воинских обязанностей или опалы), что было одним из источников воспроизводства фонда подлежащих перераспределению государственных земель. Таким образом, царь осуществляет распределение первичного земельного ресурса, обеспечивая подданных не столько антропогенными ценностями, сколько

правом на их получение (извлечение из земельного ресурса натуральной ренты и прибавочной стоимости). На права царя по распоряжению церковными землями налагались серьезные ограничения. Борьба за секуляризацию церковных земель, выведенных за пределы государственного оборота (такая ситуация была создана еще монголами), составляет одну из главных составляющих российской истории (как социальной, так и аграрной) царского периода.

Способ соединения крестьянина с землей долгое время носит в России характер договора между владельцем (землепользователем) и крестьянином, который имеет значительные (как фактические, так и определенные законом) права в части смены хозяина. Такое положение до определенного времени вполне удовлетворяло всех агентов историко-аграрного процесса, т. е. число крестьян находилось в приблизительном соответствии с площадью обрабатываемой земли. Однако вместе с решительным расширением государственной территории людей, занятых обработкой земли, стало не хватать (отсюда — обезлюдевшие поместья, либо поместья, которые жаловались вообще без крестьян). Поскольку не было найдено никаких разумных экономических мер по прикреплению крестьян к земле, это послужило одной из основных причин развития крепостного права. Его особо жесткие формы объясняются, как нам представляется, тем, что владельцами (распорядителями) этой земли были люди, поведенческие реакции которых формировались военными порядками (характерно, что монастырские хозяйства использовали более совершенную агротехнику, предоставляли крестьянам лучшие бытовые и трудовые возможности, а потому служили основным накопителем для переменявших хозяина крестьян).

Функция движения. Идеалом японского правителя (в соответствии с китайской концепцией недеяния) является строительство такой политической системы, которая отлажена таким образом, что требует минимального вмешательства со стороны тэнно. Эта идея была выражена, в частности, в указе Гэммэй. Обращаясь к своим сановникам, она говорит: «В сердце у вас покой, вы ведете за собой народ. Слышим Мы это, и сердце Наше наполняется утешительной радостью. И вот полагаем Мы, что раз вы таковы, то при содействии всех чинов сумеете уста-

новить для народа Поднебесной мир, а Мы сами повесим одежду [и сложим руки], расстегнем воротник [и сможем благодушествовать]». ¹⁵⁹

Конфуцианская идея о соотношенности правителя с неподвижной Полярной звездой находит свое практическое выражение в том, что основной вектор развития японских представлений о передвижениях тэнно состоит в том, что с течением времени тэнно теряют функцию перемещения в пространстве, хотя ранее они ею, несомненно, обладали, о чем свидетельствуют ранние записи хроник. Однако после основания столиц в Фудзивара (694–710), Нара (710–784) и, в особенности, Хэйан (794–1867) этот период «кочующего» правителя закончился. Тэнно «классического периода» постоянно пребывает в сакральном центре — дворце, его перемещения сводятся к минимуму. Красноречивым подтверждением этому служат «высочайшие выезды» (*миюки*), совершаемые тэнно. Среднегодовое их количество, фиксируемое хроникой «Сёку нихонги», составляет всего 1,6 (152 сообщения за 95 лет). При этом под *миюки* понимается любой случай оставления правителем дворца, включая «прогулку» по столице. Передвижение тэнно осуществляется, как правило, в паланкине, пешее или же конное передвижение ему противопоказано ¹⁶⁰.

Основными целями *миюки* является установление контактов с региональными элитами и посещение буддийских храмов. Случаи *миюки* были настолько редки, что обычно сопровождались достаточно масштабными поощрительными мероприятиями по отношению к свите, местным элитам и населению: повышение в рангах, подарки, послабление в налогах. Описание подготовки *миюки* (назначение сопровождающих) напоминает подготовку русского царя к военному походу. Редукция функции движения тэнно заметна даже в его передвижениях по дворцу. Если в VIII в. он покидал

¹⁵⁹ «Сёку нихонги», Вадо, 1-7-15, 708 г.

¹⁶⁰ Средневековый исторический памятник «Окагами» рассказывает об императоре Кадзан, который любил лошадей и вознамерился однажды сесть в седло. Мало того, что сопровождавшие Кадзана люди не позволили ему сделать это, министр Минамото Тосиката отреагировал так: «Нельзя не признать, что монах-император (к этому времени Кадзан отрекся от трона и принял постриг) Кадзан болен душевно, его болезнь хуже, нежели у монаха-императора Рэйдзэй» («Окагами. Великое зеркало». Перевод Е. М. Дьяконовой. СПб.: «Гиперион», 2000, сс. 105–106).

пределы своих внутренних покоев (*дайри*) для участия в придворных церемониях, то в начале IX в. его встречи с высокопоставленными чиновниками происходят в его внутренних покоях (ранее вход им туда был запрещен), многие придворные церемонии (как и проводимое на буддийский лад отпевание) происходят там же¹⁶¹.

Перемещения в пространстве являются одной из основных функциональных характеристик царя (точно так же, как и его подданных¹⁶²). Недаром поэтому, согласно «Степенной книге», чудесным признаком рождения Ивана IV является его движение в утробе матери¹⁶³, что служит указанием на невероятную активность будущего царя на троне. Новгородская же летопись превозносит Ивана IV почти эпическим образом, не забывая отметить его «звериную» способность к передвижению: «И наречеса царь и великий князь всея Великие России, самодержец великий показался и страх его обдержажце вся языческия страны, и бысть вельми премудр и храбросерд, и крепкорук, и силен телом и легок ногами аки пардус...»¹⁶⁴. Эта функция является наследием более раннего времени¹⁶⁵ и не изживается окончательно в царский период¹⁶⁶.

Перемещения царя в его взрослой жизни связаны прежде всего с его функцией верховного главнокомандующего и верного

¹⁶¹ Иванами кодза нихон цуси, Токио: «Иванами», 1994, т. 5, сс. 34–35, 40.

¹⁶² Само понятие государственной службы ассоциируется прежде всего с движением: «...и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туды им ходити» (ПСРА, т. XIII, с. 284).

¹⁶³ ПСРА, т. XXI, с. 609. Эта характеристика Ивана IV переходит и в Никоновскую летопись: «...еще бо отрочия в чреве матерни движашеся, варваром же иноплеменником и супостатным ратником стремления на царство их низлагашеся...» (ПСРА, т. 13, с. 52).

¹⁶⁴ ПСРА, т. III, с. 250.

¹⁶⁵ Владимир Мономах в своем «Поучении» призывал молиться всюду и всегда: в церкви, дома перед сном и находясь на «кони», что свидетельствует не только о полукочевом образе жизни, но и о таком же строе мыслей.

¹⁶⁶ К концу московского периода безусловно заметно сокращение двигательной активности царя, но она вновь актуализируется в правление Петра I. «Всю жизнь в дороге, умер в Таганроге», — так аттестовали Александра I. Подобная характеристика тэнно представляется немислимой.

адепта православия. Все без исключения русские цари (включая слабоумного и слабосильного Федора Ивановича) время от времени прибывают на театр военных действий для руководства войском, причем вполне обычным является и царское восседание на коня¹⁶⁷. Непременность такого «вождества» наследуется от более ранних «дружинных» времен (сохраняется вплоть до падения монархического режима — см., например, посещения Николаем II театра военных действий во время первой мировой войны). Кроме военных походов, цари совершают частые выезды, временами весьма длительные (в правление Алексея Михайловича — до 12 дней, однако обычными были выезды на 1–3 дня¹⁶⁸) за пределы Кремля и столицы и с мирными целями. Эти выезды связаны, в основном, с богомольем, охотами, посещением подмосковных дворцовых сел, причем в источниках достаточно часто встречаются сообщения, конкретизирующие способ передвижения (пешком, верхами, в возке или же «водяным путем»)¹⁶⁹. «Записные книги» зачастую фиксируют несколько выходов царя за один день (в особенности это касается посещения Алексеем Михайловичем церковных служб, причем может отмечаться даже путь царя от жилых покоев до кремлевского же храма¹⁷⁰), хождение за иконами и крестом, поездки для участия в церемониях освящения церквей.

Традиционная для России значимость акта царского (княжеского) путешествия закрепляется и в происхождении таких

¹⁶⁷ «И вступает государь в бранное стремя и восходить на конь свой и поскорю поиде х полку своему к граду» (ПСРА, т. XIII, с. 217).

¹⁶⁸ О. В. Новохатко, указ. соч., сс. 190–191. Иван IV совершал и более длительные выезды на богомолье. «Степенная книга», например, фиксирует маршрут, проходивший через Троице-Сергиев монастырь, Колязин, Ферапонтов монастырь, Ярославль, Ростов (ПСРА, т. XXI, с. 651).

¹⁶⁹ «Того же месяца [июня 1549] 21, в четверток четвертыя недели Петрова поста, царь и великий князь Иван Василиевич всея Русии со многим желанием и с великою верою поиде пешь к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь помолитися...» (ПСРА, т. XIII, с. 156).

¹⁷⁰ О частоте отлучений царя из дворца свидетельствуют так называемые «дневальные записки», которые велись в царствование Алексея Михайловича. В этих записках отмечались, в частности, все царские выходы и загородные походы. См. И. Е. Забелин, указ. соч. сс. 258–261. Многочисленные примеры перемещения царя («выходов» и «походов») содержатся в: О. В. Новохатко, цит. соч., сс. 167–194.

важнейших чинов, как конюший и окольный (от «околичность двора» — должность предполагала обязанность по заботе за нуждами царя во время нахождения в пути¹⁷¹). Вместе с тем необходимо отметить, что царь не путешествует по стране с целями инспекций гражданских дел на местах или же для установления (поддержания) контактов с местными элитами (если не включать в ее состав служителей церкви) — это было ниже его достоинства: любой подданный был обязан являться ко двору по первому зову государя.¹⁷²

И царь, и тэнно осуществляют контроль за передвижением своих подданных. При этом, как это явствует из летописных источников, царь контролирует как передвижение в направлении к себе (приказ явиться — «указал быти»), так и от себя («отпустил» — приказ прибыть туда-то и туда-то с определенными целями). Что касается тэнно, то его приказания явиться к себе достаточно редки, а повеления о посылке подданных к определенному месту — более частотны. Эти повеления связаны с принесений приношений божествам, назначением чиновников и инспекторов в провинции.

Мы полагаем, что приведенные данные свидетельствуют о существенных различиях в теории и практике управления. Во-первых, управление в Японии обладало более организованным и регулярным характером, при котором явка к тэнно носит, по преимуществу, плановый характер и потому не регистрируется летописью. Во-вторых, количество лиц, которые могли быть допущены непосредственно к тэнно, было весьма ограниченным. В-третьих, в силу того, что тэнно обладал меньшими распорядительными полномочиями, чем царь, летописный имидж царя также отражал это положение. В то же самое время приказание явиться к себе, видимо, имело для царя принципиальный характер, ибо путешествие великого князя в Орду было одним из наиболее зримых и унижительных символов зависимости (власть над движением к себе является более сильной по срав-

¹⁷¹ О. В. Новохатко, указ. соч., сс. 184–185.

¹⁷² Характеристика верховного правителя через функцию движения сохраняет актуальность и на сегодняшний день. В. Путин позиционируется его имиджмейкерами в значительной мере именно таким образом (катание на истребителе, подводной лодке, горных лыжах и т. п.).

нению с приказом двигаться от себя). Русские цари особо ценили (во всяком случае, подсознательно) свою власть распоряжаться движением подданных по отношению к Центру — одним из самых ужасных преступлений они считали интенцию «отъехать» (в Японии, в силу ее географического положения и исторической ситуации, такая интенция была, как показывает реальная историческая практика, абсолютно невозможна — источники не фиксируют ни одного случая бегства высокопоставленного лица за пределы архипелага).

Функции зрения и слуха. Модус японского нарративного описания таков, что семе зрения уделяется в нем повышенное внимание (это касается как текстов официальных, так и художественных). Так, герой повествования постоянно «видит» происходящее (не «случилось то-то и то-то», а «герой увидел, что случилось то-то и то-то»). В ранних официальных источниках тэнно предстает вполне «зрячим» и в этом смысле ничем не отличается от обычного человека — его присутствие в месте действия является вполне обычным. Важнейшим обрядом, который совершает тэнно, является ритуал «осматривания страны» (*куними*), смысл которого заключается в «присвоении» взглядом взошедшего на священную гору правителя подведомственной ему территории. И в этом смысле тэнно предстает «сверхзрячим».

Право и обязанность тэнно — видеть все, что происходит в универсуме, но его (в пределе) не может видеть никто, кроме самых приближенных. Судя по всему, это очень давняя традиция. Так, китайская хроника «Вэй-чжи» (конец III в. н. э.) сообщает, что царица-шаманка из страны Ва (какое-то протогосударственное объединение на территории архипелага, вероятнее всего на Кюсю) по имени Химико не показывалась на глаза людям. Запрет (ограничение) смотреть на тэнно в значительной степени сохранялся и в более позднее время. Так, во время такого редкого для тэнно передвижения пешком его короткий путь ограждается занавесками¹⁷³. На одной из главных государственных церемоний — поздравлении тэнно с началом нового года (она называлась «лицезрение государя» — *микадо огами*) — могли присутствовать только чиновники 5-го ранга и выше, что составляет разительный контраст по сравнению с

¹⁷³ *Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. М.: «Восточная литература», 1993, книга 2, с. 252.*

Китаем, где на новогодней церемонии присутствовали «представители» со всей страны¹⁷⁴. Кроме того, изобразительный материал более позднего времени («Нэнтю гёдзи эмаки») позволяет говорить о том, что на самом-то деле никакого «лицезрения» не было, поскольку тэнно пребывал в помещении, а придворные выстраивались за его пределами (т. е. он мог видеть их, а они его — нет). Китайская хроника «Суй-шу» в записях за 600 г. приводит слова японского посла о том, что правитель страны Ва (Ямато) усаживается на трон ночью, а утром покидает его, что было сочтено за весьма странный обычай, который должен быть исправлен¹⁷⁵. Нам, однако, представляется, что речь идет прежде всего о запрете смотреть на правителя, а самому правителю — смотреть на солнце¹⁷⁶. В связи с этим запретом тэнно, похоже, должен был постоянно носить головной убор или же скрываться под его разновидностью — зонтом. Отсутствие традиции портретирования тэнно, по-видимому, также следует объяснить запретом на его видение (напомним, что в синто отсутствуют изображения божеств).

С течением времени в восприятии (описании) тэнно происходят значительные изменения. Они не касаются ограничений на лицезрение тэнно, но начиная приблизительно с VIII в. тэнно практически никогда ничего «не видит» сам. То есть взгляд тэнно перестает быть верификатором происходящего. В значительной степени это связано, вероятно, с тем, что он теряет функцию движения, и (в тенденции) всегда пребывает в сакральном центре — дворце. Кроме того, усложнившаяся система управления ставила между тэнно и социумом посредников в лице соответствующих должностных лиц, так что вся чиновни-

¹⁷⁴ *Ооцу Тоору*. Кодай тэнносэй рон. — Иванами кодза нихон цуси, Токио: «Иванами», 1994, т. 4, сс. 234–235.

¹⁷⁵ *Саикава Макото*. Тэнно га вакарэба нихон га вакару. Токио: «Тикума синсё», 1999, сс. 72–73.

¹⁷⁶ Согласно «Нихон сёки», первопривитель Дзимму так объясняет постигнувшее его временное поражение при покорении восточных земель: «Я — дитя Небесных богов, а сражаюсь с врагом, обратившись к солнцу. Это противоречит Пути Неба. Лучше я повернусь и отступлю, покажу, что я слаб, восславлю богов Неба, богов Земли, со спины мне божество Солнца силу придаст, буду нападать, на собственную тень ступая. Тогда, и не обагрят меч кровью, я непременно одержу победу над врагом» («Нихон сёки», т. 1, с. 179).

чья пирамида представляла собой скорее иерархию «слушающих», чем «видящих». И находившийся на вершине этой пирамиды тэнно видел меньше всех остальных. В связи с этим вместо «утраченного» зрения особое развитие получает у тэнно слух. Высочайшие указы очень часто начинаются таким образом: «Услышали Мы, что...». То есть указ, имеющий, на первый взгляд, форму монолога, является на самом деле формой диалога, в котором излагаются слова обоих его участников.

К царю мало применим глагол «слушания», во всяком случае официальные источники не акцентируют эту функцию его поведения, ибо такой модус поведения предполагает некоторую форму диалога, т. е. наличие обратной связи, идея которой, судя по всему, была чужда имиджу царя. Царь выслушивает церковную службу («литоргию», «понахиды»), т. е. это такое слушание, которое не предполагает собеседника. В крайнем случае он выслушивает советы иерархов, но другие его подданные предстают при нем как бы почти безгласными. Они задействованы в политической «массовке», их роль — оттенить единственно правильное мнение, исходящее от царя. Царь выслушивает не столько советы, сколько донесения (в основном, от гонцов с полей сражений и послов), на основе которых он принимает решение. Отсутствие (ослабленность) функции слушания как составной части диалога отражает более общую ситуацию российского способа управления, которая представляет собой систему с ослабленной обратной связью. Эта обратная связь проявляется, по преимуществу, в условиях жесточайших кризисов власти. В условиях малой разработанности такой связи в обычной жизни она принимает свою наиболее раннюю, «примитивную» форму — выслушивание царем мнения «народа» в случае прямой апелляции к нему.

Царь видит и видим, хотя это происходит и не каждый день. Подданные имеют возможность наблюдать царя в особых случаях, хотя особых запретов на его лицезрение, похоже, не существовало¹⁷⁷. Повествуя о победоносном возвращении Ива-

¹⁷⁷ Согласно сообщению Г. Котошихина, существовал запрет смотреть на царевичей и цариц, пока они не достигали возраста в 15 лет. До этого времени, даже когда они отправлялись в церковь, «около их по все стороны несут суконные полы» (Г. Котошихин, указ. соч., с. 24). Такой запрет был, вероятно, связан с опасностью сглаза. Это создава-

на IV после окончания казанской компании, составитель «Степенной книги» отмечает: «И все велико благодарение Богу воздаваху и царю, яко победителю, дары и благодарение приношаху; и вси паче солнечного сияния просвещахуся радостью, насыщахуся царского зренья».¹⁷⁸ Само лицезрение царя, считают составители летописи, способно поднять воинский дух его полков¹⁷⁹. Подданные имеют возможность видеть царя и во время наиболее значительных праздников. Более того, лицезрение царя, даже на значительном расстоянии, ассоциировалось с возможностью исполнения желаний¹⁸⁰. Лицезрение царя — большая честь (наложение опалы предполагало, что опальный не имеет права являться к царю и видеть его), которая подразумевает и обязанность служить ему.¹⁸¹

Речевая функция. При описании поведения правителя летописи наибольшее внимание уделяют его речевому поведению.

ло предпосылки для часто возникавших слухов о том, что «царевича скрyli».

¹⁷⁸ ПСРЛ, т. XXI, с. 649.

¹⁷⁹ «И се вторая прииде от града: великое время царю ехати, да укрепяцца воины, видев царя» (ПСРЛ, т. XIII, с. 217).

¹⁸⁰ Описывая празднование Нового года, происходившее на кремлевской площади, Адам Олеарий отмечал: «Тут же стояло бесчисленное количество русских, державших вверх свои прошения. Со многими криками бросали они эти прошения в сторону великого князя: потом прошения эти собирались и уносились в покои его царского величества» (Адам Олеарий, указ. соч., с. 65).

¹⁸¹ «И страх велик нападе на гражаны [осажденного в 1514 г. Василием Ивановичем Смоленска], и абие начяша из града вопити и клекати, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою престати повелел, а они хотят государю бить челом и град подати. И великий государь вскоре повелел бою престати, и владыка Смоленской Варсунофий, и князи и бояря Смоленския, и мещане и все гражане выслаша из града бити челом, чтобы великий государь свою отчину и днину пожаловал, опалу свою и гнев отдал им, а очи свои велел им видети и служити им себе велел. И великий государь свою отчину и днину пожаловал, владыке Смоленскому Варсунофию, и князем, и бояром, и мещаном, и всем людям градским свою опалу и гнев им отдал и очи свои велел им видети и служити им себе велел. И Июля в 31 день князи и бояря Смоленские град отвориша, а сами поидоша к шатром великому государю челом ударити и очи его видети, да туто и приказалися великому государю и крест целовали. И князь великий их пожаловал, слово свое им жалованное молвил и ести их звал». (ПСРЛ, т. XIII, с. 19).

Это связано с тем, что коммуникация является основным его свойством, обязанностью и «профессией». Это утверждение носит, по всей вероятности, универсальный характер. Вопрос состоит в том, с кем общается правитель и в каких формах протекает этот коммуникативный процесс.

Основной формой, в которой реализуется речевая деятельность тэнно, являются его указы. Эти указы бывают как устными, так и письменными, но количество письменных указов безусловно превалирует, что говорит об общей ориентированности японской политической культуры на управление с использованием письменного канала информации. При этом обычным для записей хроник является приведение текста указа полностью, т. е. цитирование. Многие указы тэнно являются юридическим документом, они не имеют строго ограниченного во времени и пространстве ситуативного характера, направлены на изменение базового законодательства, предназначаются для того, чтобы все чиновники руководствовались ими в своей повседневной деятельности, в связи с чем эти указы сводятся затем в особые сборники, дополняющие основной корпус законов.

Как это ни странно, но, согласно официальным источникам, функция прямой речи у царя выявлена слабо. Царь часто отдает различные распоряжения, но обычно они принимают в летописи форму косвенной речи, поскольку имеют сутуго ситуативный и ограниченный во времени характер (например, такому-то явиться туда-то, сделать то-то).

Царские указы фиксировались в указных книгах, которые составлялись в центральных и местных учреждениях. В связи с ситуативностью указов многие из них были обращены к совершенно конкретным адресатам и не имели общегосударственного значения, были предназначены в качестве справочного материала, в основном, применительно к деятельности конкретного лица или учреждения. В связи с этим они отсутствуют и в текстах летописей¹⁸². Передача распоряжений царя по пре-

¹⁸² Редчайшими исключениями приводимых летописью приказаний царя в области гражданского управления, которые имеют системный характер, являются «приговоры государевы» (имеется в виду Иван IV) относительно ограничения местничества и коррекции института кормлений. Показательно, что в «программной» части второго указа с наибольшей ясностью зафиксировано царское представление о себе

имуществу в форме косвенной речи свидетельствует, что для имиджа царя явно не слишком важна форма (стиль) его обращенной к подданным речи (летописца волнует по преимуществу только сам факт приказания), что еще раз подтверждает его ограниченные потенции культурного героя. Вместе с тем летописи охотно приводят переписку царя с высшими церковными иерархами и записи его молитв, что выдает идеального (в пределе — единственно возможного) контрагента царя по диалогу. Это мог быть или сам Бог, или же те профессионалы («богомольцы»), которые были ответственны за осуществление коммуникации с Ним. Остальные исторические агенты, за исключением, может быть, монархов других стран, считались мало достойными для вступления в диалог с царем¹⁸³.

Способы и методы сакрализации правителя. Вряд ли нужно еще раз повторять, что верховный правитель — фигура по определению сакральная. Японская и русская традиции не являются в этом смысле исключением (если таковые вообще возможны). Однако формы и методы сакрализации в разных культурах весьма отличаются друг от друга, что обусловлено реальным соотношением политических сил, которые используют в своих целях имеющиеся в культуре дефиниции (культурную «предрасположенность» к тем или иным дефинициям).

Самое непосредственное влияние на процесс сакрализации монарха оказывают господствующие в данной культуре пред-

как о ревностном христианине и военном лидере: «...услаждение и похоти некоторые в ум его царской не внидут, токмо об избеже христианом, просто рещи, **только закон Христов и ратные дела**» (выделено нами. — А. М.). См. ПСРА, т. XIII, сс. 267-268.

¹⁸³ Дипломатический протокол включал в себя строгие правила обмена письменными сообщениями, адресовавшихся от правителя к правителю. Что до устного диалога с послами, то результирующая его часть бывала явлена царем через посредника: «И государь [Иван IV] их [казанских послов] челобитиа выслушав да велел им ответ учинити боярину своему Ивану Василиевичю Шереметеву да Олексею Адашеву да диаку Ивану Михайлову, что государю Горние стороны х Казани ни одной денги не отдаывати; «а о правде говорили государю, ино дали казанцы правду, что весь полон христианской освободити и до единого человека, и ныне еще многой полон у себя дръжат; и как свободят царь и казанцы весь полон Руской, и государь им тогды правду учинит, а вы в то время zde побудте» (ПСРА, т. XIII, с. 172, 1552 г.).

ставления о божестве (божествах) и божественном, поскольку в любой культуре сакрализация правителя идет в значительной степени по пути уподобления его божеству («тленный бог», «живой бог», «явленный бог», «земной бог»).

В процессе сакрализации монарха японская культура практически отвергает буддийские представления о всемогущих (или по крайней мере очень много могущих) буддах и бодхисаттвах. Максимально возможная степень близости к ним была выражена Сёму, который объявил себя «рабом Будды». Сёму, по всей вероятности, мнил себя *чакравартином* — добродетельным правителем, который в своем управлении максимально опирается на учение Будды и поощряет его¹⁸⁴. Однако деятельность Сёму и его дочери Кокэн (Сётоку) оказалась в этом отношении не больше, чем эпизодом, и достижение «божественного» статуса японского правителя было обеспечено все-таки в большей степени с помощью даосско-конфуцианского и синтоистского инструментариев. При этом первоначальная легитимность обосновывается с помощью мифа синто (тэнно является прямым потомком богини Аматэрасу, основатель правящей династии Дзимму получает поручение небесных божеств основать на архипелаге страну), а технология поддержания легитимности обеспечивается прежде всего даосско-конфуцианским и синтоистским комплексами (при этом следует помнить, что в силу ориентации синто на кровно-родственные связи, его потенции по управлению территориальными единицами являются ограниченными).

Уместно заметить, что божество (ками) синто — это существо, которое по своим сверхъестественным потенциям отнюдь не равняется всемогущему богу монотеистического (христианского) типа. Это божество является локальным (т.е. его власть распространяется на строго ограниченную территорию); его почитают только члены кровнородственной (или псевдородст-

¹⁸⁴ Энергия Сёму в этом отношении поражает: он инициировал проект по возведению храма Тодайдзи — самого крупного деревянного сооружения в мире; в этом храме была установлена самая крупная в мире бронзовая статуя Вайрочана (космический будда Махавайрочана); в каждой из более чем шестидесяти провинций построили мужской и женский монастыри, которые представляли собой магическую инфраструктуру государства.

венной) общины, которая имеет потенциальную возможность расширяться только до размеров населения страны (в связи с этим в деятельности тэнно ослаблен такой присущий всем мировым религиям мотив, как императивное приобщение «неверных» к «истинной» религии¹⁸⁵). Кроме того, божество-ками не является всеблагим.

Сакрализация тэнно происходила в значительной степени за счет минимизации его публичных и физиологических функций (соответствовало концепции недеяния), что выводило его за пределы «зрения» подданных, за пределы шкалы этических оценок. Это была своего рода неподсудность, но она достигалась не столько за счет того, что никакое действие тэнно не подлежит суду, а за счет того, что он (в пределе) не производил никаких произвольных действий, которые могли бы быть оценены. Одной из основных характеристик тэнно было пребывание в сакральном центре (столице, дворце), т. е. его пространственный статус оставался неизменным. В этом центре он осуществлял по преимуществу речевую функцию. Тэнно участвовал в ритуалах, в некоторых из них он был основным исполнителем, но число соучастников ритуала в лучшем случае ограничивалось высшим чиновничеством.

Процесс выведения тэнно за пределы возможной критики хорошо виден на примере такой важнейшей категории, как «добродетельность» (яп. *току*, кит. *дэ*). Если в указах VIII в. (особенно первой его половины) сетования на недостаток добродетельности являются общим местом (т. е. сам тэнно ставит себя в поле возможных критических оценок), то с течением времени количество сообщений, в которых обсуждается *току* правителя,

¹⁸⁵ Безусловным исключением является экспансионистская деятельность японской политической элиты в конце XIX — первой половине XX вв., сопровождавшаяся, в частности, строительством синтоистских святилищ на завоеванных территориях. Такой способ поведения был прямой рецепцией европейской модели экспансии. Традиционный же способ культурного воздействия может быть назван «методом абсорбции», когда приветствуется переселение иноземцев в Японию (корейцы и китайцы, переселившиеся в силу разных обстоятельств в Японию в VII–VIII вв., назывались *кикадзин*, что может быть истолковано, как «люди, обратившиеся к культурности, которой обладает тэнно»), но никаких целенаправленных силовых усилий, продиктованных религиозными мотивами, в этом отношении не предпринималось.

сокращается. Это связано с тем, что тэнно стал выводиться из того этического поля, где была возможна его критика, поскольку стало ясно, что вся китайская политическо-историческая система «мандата Неба», основным содержанием которой является объяснение причин смены несправедливой (утерявшей току) династии, в корне противоречит местной установке на преемственность, провоцирует социальное напряжение.

Усекновение публичных функций тэнно было настолько радикальным, что мы не имеем практически никаких данных для реконструкции народных представлений о тэнно (в суждениях узкого слоя аристократов такие возможности, хотя и весьма ограниченные, обнаруживаются). «Нежелание» и невозможность культуры обсуждать личности тэнно и давать им оценки чувствуется и в настоящее время. «Дзинбуцу сосё» («Собрание рассказов о выдающихся людях») — аналог отечественной серии «Жизнь замечательных людей» — насчитывает в настоящее время более двухсот томов. И только два из них посвящены тэнно. Причем оба они повествуют о правителях глубокой древности — Дзито (690–697) и Камму (781–806). В таком подходе, безусловно, сказывается и редукция функций тэнно, делающего их принципиально мало подходящим объектом для жизнеописаний.

Что касается русского царя, то в его деятельности и ее осмыслении на первое место выступает активная, мироустроительная энергия всемогущего христианского единого Бога, который истолковывается властью как объект безоглядного повиновения, как полновластный верховный управитель всех земных дел¹⁸⁶, как сущность, неподотчетная своей пастве и подданным (при этом, несмотря на все ухищрения идеологов, царь не предстает в качестве чудотворца, поскольку он был изначально лишен жреческого начала; церковная канонизация князя или царя также не свойственна русской традиции). На такое понимание накладываются римско-византийские представления об абсолютной власти императора (цезаря, василевса), а также ранние русские представления о военном лидере — кня-

¹⁸⁶ См. высказывание Иосифа Волоцкого: царь лишь «естеством подобен всем человекам, а властью ж подобен есть вышнему Богу». Эта точка зрения, восходящая к Агапиту, сделалась чрезвычайно популярной в публицистике XVI в. (Р. Г. Скрынников, цит. соч., сс. 281–282).

зе, который лишен сколько-нибудь упорядоченного аппарата, в связи с чем он вынужден заниматься всеми делами сам. При этом главной функцией царя остается военная. Он — глава армии, завоеватель (собиратель) и защитник (земли русской, православной церкви и православной веры). Недостаточная дееспособность правителя (будь это «настоящий», «природный» монарх или же квазимонарх советского типа вождества) в военной области приводила к серьезнейшим политическим кризисам, служила предвестником внутренних реформ (польская интервенция начала XVI века, Крымская война, русско-японская война, первая мировая война, война в Афганистане), а победа откладывала реформы на срок, который разделяет победу от поражения.

Русский царь на страницах летописи выступает гораздо более деятельным, чем тэнно, что находит свое отражение в том списке действий, которые он сам выполняет. Мы уже говорили о функции движения. Кроме того, можно указать также на раздачу милостыни собственными руками¹⁸⁷, собственноручное водружение креста на месте будущей церкви¹⁸⁸, пожалование подарков¹⁸⁹, допускание «к руке», припадание к образам, скре-

¹⁸⁷ «И оттоле приидоша гсудари [Иван IV и его братья] к живоначальной Троицы на память чюдотворцаСергия и праздноваше тут, якоже обьяше его царской обычай, с великим благочестием и подвигом и братию учредив доволно и милостынею своих рук царьских всю братию; также царь сам царь и в болницах и в богаделнях даваше милостыню своими руками доволно». (ПСРА, т. XIII, с. 274).

¹⁸⁸ «Того же лета [1553], Октября 4, город Казаньской вычистили от множества трупия мертвых, и гсударь поехал в град и избрал место среди града и въдрузил на нем крест своима рукама царьскима и обложил на том месте храм во имя пречистыя Владычицы нашиа Богородицы честнаго Ея Благовещения» (ПСРА, т. XIII, с. 221).

¹⁸⁹ Ноября [1553], на Михайлов день, был стол у царя и великого князя всея Руси в болшей полате в Грановитой, что от Пречистой с площади; а ел у него митрополит Макарей с арихиепископы и епископы, архимариты и игумены, да ел у гсударя брат его князь Юрьи Василеевич да князь Владимир Андреевич и многие бояре и воеводы, которые с ним мужествовали в бранехх. И дарил царь и гсударь Макариа митрополита и владых всех, в то время приучышихся, что их святыми молитвами и всенародною молитвою даровал Бог неизреченную свою милость. И брата своего князя Владимира Андреевича жаловал гсударь шубами и великими фрязьскими кубкы и ковшы златыми; такоже жаловал гсударь бояр своих и воевод и дворян и всех де-

пление документов печатью, угощение из собственных рук, прием пищи, «вседание на конь» и т. д.

Что касается тэнно, то нам неизвестны действия, которые он осуществляет собственными руками. И потому в Японии немислим верховный правитель, подобный Петру I, который гордится своим умением работать руками и может быть рассматриваем как «мастер-золотые руки»¹⁹⁰.

Приобретение царем особой харизмы в результате интронизации¹⁹¹ может истолковываться (тем же самым Иваном Грозным) как полная неподотчетность и произвол¹⁹². При таком ти-

тей боярских и всех воинов по достоянию, шубами многоценными своих плечь, бархаты з золотом, на соболях, и купки, иным же шубы и ковши, иным шубы, иным кони и доспехы, иным же казны денги и платие. Сие же торжество у государя бысть по три дни в той полате, и в те три дни роздал государь казны своей, по смете казначеев за все денгами, платья и судов, доспеху и коней и денег, oprичь вотчин и поместей и кормленей, 48.000 рублей. А кормлении государь пожаловал всю землю». (ПСРА, т. XIII, сс. 228–229).

¹⁹⁰ Живучесть таких представлений о необходимости для правителя задействовать в процессе управления не только интеллект, но и руки, может быть проиллюстрирована апокрифами, связанными с В. И. Лениным — в том числе и его широко известными изображениями с бревном. Памятны также упражнения Б. Ельцина с деревянными ложками, на которых он играл в довольно неподходящий момент.

¹⁹¹ О ритуальном проявлении этого процесса (миропомазание, при котором в его российской интерпретации царь уподоблялся не царям Израиля, как это было в Византии и на Западе, а Христу) см. Б. А. Успенский. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: «Языки русской культуры», 1998, сс. 13–109.

¹⁹² «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казните вольны». При этом под «холопами» понимались все подданные. В связи с таким истолкованием природы верховной власти становится понятным то презрение, которое испытывал Иван IV к монархам, чья власть была ограничена. В 1570 г. он с обидой писал английской королеве Елизавете: «И мы чаяли того что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые и о наших о государевых головах и о чести и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков». Таких монархов с ограниченными полномочиями снисходительно называли на Руси «урядниками».

пе управления «народ», его реальное положение становится предметом объективации для верховной власти лишь в минимальной степени, поскольку самодержавная форма правления почти лишена обратной связи — внутренние, не сопровождаемые внешними, потрясения остаются, как правило, без особого внимания. Официальные летописи отражают это положение в полной мере — не существует (по крайней мере в тенденции) таких сюжетов, где бы ни фигурировал царь (в основном — в качестве главного действующего лица). То есть ни одному событию невозможно произойти (быть зафиксировану), если оно не имеет никакого непосредственного отношения к царю. Несмотря на то, что японские летописи также в значительной степени фокусируются на тэнно, все-таки имеется и достаточное количество сообщений, где тэнно не фигурирует. В этом смысле русская летопись изоморфна биографии царя, японская же — более отвечает требованию об истории страны.

Однако в такой ситуации, когда царь именуется богом («земной бог», «тленный бог»), а бог — царем («нетленный царь»), было заключено органическое противоречие. Поскольку царь производит определенные действия, мыслится как единственный источник порядка, поскольку он отдает бесчисленные распоряжения, они могут подвергаться критике, т. е. царь не воспринимается безгрешным¹⁹³ и выступает как объект этических оценок несмотря на все старания официальной идеологии¹⁹⁴, что говорит об ограниченных потенциях института царской власти¹⁹⁵. В России оппозиционные движения, имеющие своей

¹⁹³ Стандартный эпитет — «святый», бывший в употреблении в Византии, в России применялся окказионально и не вошел окончательно в царско-церковный обиход. См. *В. Савва*, цит. соч., сс. 153–154.

¹⁹⁴ О приемах сакрализации в поле христианской семантики см. в особенности *В. М. Живов*, *Б. А. Успенский*. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. — «Языки культуры и проблемы переводимости». М.: «Наука», 1987, сс. 47–153.

¹⁹⁵ Привычность этических оценок царской власти подтверждается многочисленными делами о «непригожих речах» (как имеющими под собой основаниями, так и наветными), заводимыми в связи с высказываниями самых простых людей относительно конкретного царя. См., в частности: *П. В. Лукин*, указ. соч. Несмотря на подчеркиваемое автором данной монографии отсутствие падения авторитета царской власти как института, нам все же представляется, что сама психоло-

целью поставление «правильного» царя (т. е. свержение царя «неправильного») — в порядке исторических вещей, в Японии же таких движений (как реальных, так и мыслительных) практически не наблюдается (даже в середине XX в. поражение в войне, начатой от имени императора Сёва, не вызвало общественно значимого движения по признанию его военным преступником или же по ликвидации института тэнно). То есть получается, что хотя царь обладал распорядительными полномочиями намного более обширными, чем тэнно, авторитетность последнего была, несомненно, выше¹⁹⁶.

Царско-императорский режим, несмотря на его огромные властные полномочия и кажущаяся незыблемость, все-таки рухнул — система без обратной связи либо существует, либо погибает, ибо обладает крайне малыми возможностями для самоподстройки. Рушились и наследственные режимы сёгунов (Минамото, Асикага, Токугава), активная военная и управленческая деятельность которых (при отсутствии религиозных, «жреческих» оснований) намного больше напоминает русского царя, чем японского тэнно. И, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в политическом устройстве Японии после «обновления Мэйдзи» и поражения во второй мировой войне, династия тэнно не прервалась, сам институт упразднен не был, а само положение тэнно фактически не претерпело принципиальных изменений по сравнению с древностью и средневековьем — он по-прежнему остается фигурой глубоко семиотически значимой, и нынешняя конституция страны определяет его в качестве символа страны и народа, сохраняя и реализуя «склеивающие» социальные потенции тэнно.

гическая возможность критики вела к расшатыванию и самого института, о чем и свидетельствует вся последующая история России.

¹⁹⁶ Поношение тэнно со стороны его подданных никогда не имело сколько-нибудь широкого распространения в Японии — за исключением того времени, когда (после обновления Мэйдзи и до окончания второй мировой войны) он стал играть активную роль в политике (именно такую критическую позицию занимали «левые» партии, не добившиеся, правда, особых успехов).

Содержание

Предисловие (А. Н. Мещеряков)	5
<i>А. Н. Мещеряков</i>	
Хроника «Сёку нихонги». Свиток I (Предисловие)	7
<i>Л. М. Ермакова</i>	
Императорские указы как жанр древнеяпонской культуры.	66
<i>М. Торопыгина</i>	
Ёсино в поэтической антологии «Кайфу:со:»	81
<i>М. В. Грачев</i>	
Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзю:ни кадзё:» — «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.)	108
<i>Е. Б. Сахарова</i>	
«Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара	182
<i>А. Н. Мещеряков</i>	
Японский тэнно и русский царь. Элементная база	256

Политическая культура древней Японии / под ред.
П50 А. Н. Мещерякова. Серия «Orientalia et Classica:
Труды Института Восточных культур и античности».
М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 367 с.
ISBN 5-7281-0572-6

Первый в отечественном и западном японоведении сборник, посвященный политической культуре древней Японии. Среди его материалов присутствуют как комментированные переводы памятников, так и исследования. Сборник охватывает самые разнообразные аспекты, связанные с теорией, практикой и культурой управления, что позволяет сформировать многомерное представление о природе японского государства и общества. Центральное место в тематике сборника занимает фигура японского императора.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Я)4-3

Political Culture of Ancient Japan / Ed. by A. Meshcherya-
П50 kov. Moscow: RSUH, 2005. 367 pp.
ISBN 5-7281-0572-6

This is the first in Western Japanology collection of articles on political culture of ancient Japan. It focuses on Nara and Heian periods and includes fully annotated translations and research papers which deals with various aspects of theory of government and its practical implementation. Particular stress is made on the image of emperor (*tenno*). The collection contributes greatly to our understanding of the nature of ancient Japanese state, society and culture. It helps to understand how Chinese political theory was adopted for the needs of Japanese state.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Я)4-3

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.2001
Подписано в печать 23.11.05
Формат 60 × 90/16
Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 23,2
Тираж 500 экз.
Заказ № 215

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
(095) 973-42-00